

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

**ОПЕРАЦИЯ
ПРИКРЫТИЯ**

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

**ОПЕРАЦИЯ
ПРИКРЫТИЯ**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

**ОПЕРАЦИЯ
ПРИКРЫТИЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **асТ** • СРМАК

МОСКВА 2003

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6
С38

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник В.Н. Ненов

Подписано в печать 23.07.2003. Формат 84x108^{1/2}
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 8 000 экз. Заказ № 3293

Синякин С.Н.

С38 Операция прикрытия: Роман / С.Н. Синякин. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 447, [1] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-019123-5 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-0429-6 (ЗАО НПП «Ермак»)

Над нашей страной потерпел катастрофу НЛО!

И произошло это — в конце 1930-х гг., вблизи базы военных летчиков.

Возможно, это было в действительности... по крайней мере так говорили и говорят. Но точно не известно ничего — ни то, что случилось с «чужим» звездолетом, ни то, что случилось с летчиками-свидетелями...

Сергей Синякин предлагает читателям СОБСТВЕННУЮ версию этих событий — **ОРИГИНАЛЬНЫЙ** и **УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ** роман «ОПЕРАЦИЯ ПРИКРЫТИЯ»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© С.Н. Синякин, 2003

© ООО «Издательство АСТ», 2003

*Одни его лениво ворошат,
Другие — неохотно вспоминают,
А третьи даже помнить не хотят, —
И прошлое лежит, как старый клад,
Который никогда не раскопают...*

В.С. Высоцкий

Бой с тенью — поединок, который боксер ведет на ринге, отлично зная, что в действительности противника нет. Зная это, он все-таки обливается потом, стараясь нанести воображаемому противнику максимальные повреждения.

Памяти моего отца, жившего в то странное, страшное и интересное время.

Пролог

К новым самолетам привыкали трудно.

Непривычно эти самолеты выглядели, если сравнивать их со стремительными «яками», на которых в войну была одержана не одна боевая победа. Короткие, едва скошенные крылья и бочкообразный корпус с полным отсутствием винта делали самолет на вид ненадежным, и только позже летчики оценили достоинство нового самолета — его огромную по сравнению с «яком» или «лавочкиным» скорость, позволяющую в считанные минуты набирать недосягаемую прежде высоту и вести бой с винтовыми самолетами, легко ставя их в неравные условия.

Полк базировался на неприметном аэродроме в отрогах Уральских гор. Прежний аэродром новым машинам не подходил, пришлось заливать бетоном почти двухкилометровую взлетно-посадочную полосу, но аэропланы этого стоили.

Это вам не сорок седьмой год, когда в воздушном параде над Тушино участвовали «МиГ-9» и «Як-15» с трофейными реактивными двигателями. Новые самолеты смотрелись солидно, это была не прежняя парадная бутафория, способная поразить лишь воображение обывателя. К новым «МиГам» нужно было еще привыкнуть, но овчинка стоила выделки, ясно же, что новые скорости не даются

легко. Вместе с тем возможности новых истребителей значительно отличались от возможностей винтовых машин.

Капитан Вережников совершал сегодняшний полет с лейтенантом Серовым, только что окончившим Качинское училище. Это училище в свое время оканчивали много славных летчиков, среди выпускников училища были даже такие знаменитости, как сын вождя Василий Сталин, который, впрочем, был не самым плохим летчиком. Он прошел войну, участвуя в боях, а плохие летчики, как известно, до конца войны не доживали, немцы их, к сожалению, сбивали.

Что сказать, инструктора у парня были неплохие, это Вережников почувствовал сразу. Взлет нельзя было назвать безупречным, но он был достаточно уверенным, как и последующее выстраивание за ведущим.

Два «МиГа», серебристо поблескивая, набирали высоту. Погода была облачной и посадка обещала сложности, но Вережникова это не особо беспокоило, зря, что ли, летчики округа осваивали ОСП-48*? Ни ночь, ни сложнейшие погодные условия не могли оказаться помехой в работе истребителей, освоивших систему слепой посадки. Волновало, как поведет себя в условиях облачности лейтенант Серов. Обычно молодняк допускал две ошибки — либо начинал жаться к ведущему, что было чревато столкновением в воздухе или при посадке, либо, опасаясь такого столкновения, молодые летчики старались разойтись с ведомым как можно дальше, а это в свою очередь грозило потерей ведомого и ошибками в ориентирах при подходе к аэродрому. Искусство пилотировать в любых погодных условиях не являлось самоцелью, этого требовал бой. Первый групповой пилотаж над Тушинским аэродромом в августе 1947 года продемонстрировали бывшие сослуживцы Вережникова Коля Храмов, Петр Соловьев и Виктор Ефремов, с их легкой руки групповой пилотаж начал прижи-

* Наставление по слепой посадке 1948 года.

ваться и в других полках, пока не стал обязательным элементом в подготовке не только истребителей, но и других летчиков.

— Триста второй, триста второй, — сказал Вережников, по привычке прижимая ларингофон к гортани. — Как самочувствие?

— Триста первый, я — триста второй, — хрипло прозвучало в наушниках. — Слышу вас хорошо. Самочувствие нормальное.

— Режем пленку*, триста второй, — сказал Вережников и ободрил напарника: — Держись, словно ты над Бекетовским аэродромом. Высота — пять тысяч метров. Поехали, триста второй!

Набрав высоту, Вережников огляделся, и невольная улыбка шевельнула его губы.

Лейтенант не посрамил честь своих инструкторов, держался рядом, но не настолько, чтобы опасаться столкновения. Толковый был парнишка, с таким можно было бы на «мессеров» поохотиться!

— Триста второй, — снова сказал Вережников. — Начинаем работать!

Задание было несложным, предстояло отстреляться по конусу, который тащил на шести тысячах «Ил-28». Основная сложность заключалась в том, чтобы своевременно обнаружить буксировщик. Приходилось поработать шеей.

Отличился Серов.

— Триста первый, триста первый, — зачастил лейтенант. — Вижу цель. Разворот — четыреста, идет на грани облачности.

В первый момент Вережников даже удивился, конус-мишень показался ему необычным, но когда истребители приблизились к нему, стало видно, что это не конус-мишень, а что-то совершенно необычное. Буксировщика рядом с целью видно не было, да и сама мишень была слиш-

* Резать пленку (*проф.*) — пробить облака.

ком большой, не было таких мишеней в округе, не было и не могло быть.

— Триста второй, — проверился Вережников. — Доложи, что наблюдаешь?

— Непонятно, — отозвался Серов растерянно, а оттого не по уставу. — Какой-то диск, товарищ капитан! Огромный какой!

— Триста первый, триста первый, — сухо вклинился в их разговор руководитель полетов. — Что там у вас? Триста первый, доложите!

— Второй, второй, — отозвался Вережников. — Высота шесть тысяч двести метров, над горами в трехстах пятидесяти метрах южнее аэродрома наблюдаем неизвестный объект, движущийся на границе облачности. Объект представляет собой диск с характерным металлическим блеском, диаметр диска ориентировочно достигает двухсот метров. Нахожусь в удобной для атаки позиции. Жду указаний.

Диск неторопливо двигался над меняющими форму белыми и похожими на снежные вершины облаками. Над облаками царила густая чистая синева дня, поэтому, наблюдая за объектом, Вережников видел даже частые огоньки, методично вспыхивающие и гаснущие по периметру объекта.

— Триста первый, — вновь подал голос руководитель полетов. — Прошу сообщить, наблюдается ли вами объект?

— Как на ладони, — проворчал Вережников, но тут же спохватился и официально добавил: — Второй, сопровождаю объект, вижу его хорошо, высота шесть тысяч триста. Жду указаний.

— Триста первый, триста второй, — приказал руководитель полетов. — Атакуйте нарушителя воздушного пространства СССР. Триста второй, триста второй, выполняйте приказы ведомого. Триста первый, атака!

— Вас понял, — сообщил Вережников, чувствуя, как в груди начинает раскручиваться тугая пружина напряжения. — Триста второй! Триста второй! Делай как я!

Спустя несколько секунд две серебристые машины уже рвали воздух, стремительно нагоняя диск, нарушивший государственную границу.

Вережников атаковал первым. Расстояние было небольшим, а по целям такого размера бывший фронтовой летчик Илья Вережников промахнуться просто не мог. Следом атаковал неизвестную машину Серов. Атаковал он грамотно, Вережников с удовлетворением отметил, что очередь трассирующих снарядов из авиационной пушки самолета ведомого пошла прямо в центр серебристого диска. Однако разрывов он не увидел. Вместо этого серебристый диск начал стремительно набирать скорость, уменьшаясь в размерах.

Скорость диска потрясала. Не мог самолет набрать такую скорость, просто не мог. Скорость неведомого летательного аппарата быстро превысила скорость звука, потом превысила 2М*, аппарат наращивал скорость, одновременно набирая высоту, теперь он уже казался маленьким белым облачком, небесное пространство и расстояние скрадывали его размеры.

— Он уходит, командир, — послышался в наушниках голос Серова. — Триста первый, триста первый, противник уходит! Прошу разрешить преследование!

Вережников усмехнулся.

— Второй, второй, — дисциплинированно сообщил он на базу. — Атака нарушителя воздушного пространства СССР оказалась безуспешной. Объект набрал высоту двадцать тысяч метров, что делает преследование невозможным. Уходит на скорости, превышающей 2М. Выполнить учебную задачу в сложившихся условиях также не представляется возможным. Прошу разрешить посадку. Как меня поняли, второй?

— Триста первый, триста первый, — сказал руководитель полета подполковник Гайзер, и по его сухому тону

* Скорость, в два раза превышающая скорость звука.

Вережников понял, что разнота не избежать. — Посадку разрешаю. Прошу сообщить, производилась ли фотосъемка в момент атаки?

Вережников удивился нетерпению отцов-командиров, задающих подобные вопросы еще до посадки.

— Картинки при атаке отснял, — сообщил он. — Прошу освободить посадочную полосу.

Истребители по очереди нырнули в белесые сугробы облаков, но прежде, чем они пробили нижний край низкой облачности, Вережников вдруг осознал, что они встретились с чем-то необычным. Раньше, занятый атакой и отчаянно мандражирующий от привычного охотничьего азарта, он просто не успевал задать себе вопросы и удивиться, но сейчас, возвращаясь на аэродром, где разбор полета обещал быть крайне неприятным — ведь и учебно-боевую задачу не выполнили, и нарушителя упустили! — он вдруг осознал, что встретился с чем-то крайне необычным и непривычным. Не было таких самолетов на Земле! У американцев не было, у русских не было, а у других их и быть не могло!

За этими лихорадочными размышлениями Вережников даже понервничать за Серова не успел, все-таки бывший курсант ОСП-48 совершал, а не опытный летчик, прошедший нелегкую фронттовую школу. И как оказалось, хорошо, что не успел, Серов посадочку совершил отменно, на три точки, даже лучше, чем в небо взлетел.

Что ж, братцы, если по совести, то этим можно было гордиться!

Часть первая

ВЗГЛЯД СВЕРХУ. АНГЕЛЫ

Узнать о будущем нельзя ни от богов, ни от демонов; нельзя этого сделать и копируя настоящее путем измерений и расчетов. О противнике же узнать можно с помощью человека.

Для этого используется пять категорий шпионов: шпионы из числа местных жителей; шпионы, находящиеся в стане противника; шпионы-маршрутники, засылаемые к противнику и возвращающиеся назад после выполнения задания; шпионы, идущие на смерть, и шпионы, приносящие жизнь.

Если будут задействованы все эти пять видов шпионов, никто не сможет узнать, каким путем получены сведения. И назовут это божественной тайной. И станет она самым ценным сокровищем властителя.

Правитель должен лично руководить работой шпионов. Возвращающиеся после выполнения задания шпионы дают ему возможность познать противника. Поэтому правитель должен быть с ними особенно щедр.

Трактат о военном искусстве Сунь-цзы

Глава первая

Рабочий день товарища Сталина начинался в десять часов утра и заканчивался около трех часов ночи. Этот порядок был заведен еще в напряженные предвоенные месяцы, когда Сталин почувствовал угрозу со стороны гитлеровской Германии и поставил страну на дыбы, пытаясь в кратчайшие сроки добиться ее технического перевооружения. С тех пор порядок не менялся. Под этот режим работы подстраивались и на местах — никому из областных и республиканских руководителей не хотелось, чтобы звонок из Москвы не застал их на рабочем месте. Два-три таких случая — и с руководящей должностью можно было смело прощаться. Соответственно под режим работы областных руководителей подстраивались и районные звенья.

Товарищ Сталин работал интенсивно.

Начиналась его работа со сводок по стране, которые ему приносил хмурый неразговорчивый Поскребышев. Глядя на него, Сталин не раз задумывался, не поменять ли ему заведующего особым сектором Центрального комитета партии, который после ареста жены компетентными органами все чаще и чаще отводил в сторону глаза. Но Поскребышев дело свое знал хорошо, а менять что-то в прекрасно отлаженном механизме Сталин не любил, поэтому Поскребышев оставался на месте. Товарищ Сталин любил повто-

рять, что сын за отца не ответчик, так с чего бы человеку отвечать за бабу? Сам товарищ Сталин женщин не любил, они всегда предавали его, поэтому он и посчитал, что в отношении жены Поскребышева органы не ошибаются. Возомнила баба о себе, что является женой ответработника, вот и повела себя неправильно. Конечно, думать, что она шпионка, глупо, в шпионов вербуют других, более умных и проницательных, например, как, скажем, Лазарь Каганович или Вячеслав... Сталин усмехнулся. Слишком Вячеслав в последнее время суетится, почувствовал, негодяй, старость товарища Сталина, задница у Молотова свербит о трон потереться. Значит, пришло время его приспустить немного с небес, подрезать крылышки.

Он придвинул к себе принесенные сводки и принялся внимательно читать их. Сводки были посвящены мало-мальски значительным событиям в стране за прошедшие сутки. Товарищ Сталин считал, что он просто обязан быть в курсе событий, из-за того и полетел царский режим, что не интересовался государь-император положением дел в стране, больше шарлатанам да министрам своим верил. А вот товарищ Сталин никому не доверял, все предпочитал делать сам. Потому он и Троцкого в свое время переиграл, разных любимцев партии в дураках оставил, войну выиграл, потому и Черчилля с Рузвельтом заставил стоять, держа руки по швам.

Сводки печатались на китайской рисовой бумаге так, как любил Сталин — крупным шрифтом, необходимым старческим глазам вождя, и с большими полями, на которых было так удобно ставить визы и замечания специальным красным карандашом, постоянно находящимся под рукой. Визы товарищ Сталин накладывал лаконичные, но ясные и не допускающие какого-либо неправильного толкования. Ведь если пишешь товарищу Абакумову «Разобраться и доложить в три дня, виновных строго наказать», то и товарищ Абакумов должен понимать, что разобраться

и доложить необходимо именно через три дня, а виновные к тому времени должны быть достойно наказаны. И не надо быть торопыгой, не надо приходить раньше, иначе товарищ Сталин подумает, что ты в вопросе разобрался поверхностно, невнимательность и бездушие проявил в работе по управлению государством. Стало быть, ты или не тот винтик, что необходим, либо вкручен не туда, куда надо. Винтик заменить нетрудно, гораздо труднее найти ему необходимое место, чтобы польза была работающему механизму.

Сталин читал сводки.

В стране кипело строительство. Война кончилась, пришло время зализывать раны, которые она нанесла могучему телу советского государства. Надо было торопиться подняться и укрепиться, потому что, если ты не будешь твердо стоять на ногах, тебя обязательно собьют и затопчут.

Поэтому вождь особенно внимательно следил за происходящим в Сибири. Россия будет произрастать Сибирью. Вождь помнил это гениальное предвидение Михайлы Ломоносова и делал все, чтобы страна этой Сибирью произрастала. Помнится, в свое время в Туруханском крае его охватывала дрожь, когда он видел могучую реку, спокойно несущую свои воды в Ледовитый океан, и бескрайние таежные просторы, которые тянулись на сотни и тысячи верст. Это была страна будущего. И именно ему, Иосифу Джугашвили, предстояло сделать ее такой страной.

В годы войны было сделано многое, теперь же предстояло сделать еще больше.

УЗТМ выпустил первый шагающий экскаватор. Замечательно! Не зря он в прошлом году наградил группу инженеров УЗТМ государственными премиями. Оправдали они доверие своего вождя, оправдали! Сталин вспомнил, как Ванников представлял ему награжденных. Помнится, тогда еще вождь обратил внимание, что среди награжденных почти не было старых пердунов, кичившихся своим

образованием, полученным еще при царском режиме. Ставка на молодых себя оправдывала. Оправдала она себя в предвоенные годы, как никогда оправдала в войну, оправдывала и сейчас.

Вождь оставил чтение сводок и подошел к окну.

Был великолепный день, в такой день неплохо было бы побродить в роще, запастись энергией у деревьев. Такие прогулки, особенно если их не портит своим нытьем Лаврентий, давали товарищу Сталину такой заряд бодрости, что его хватало на целую неделю.

Н-но! Сталин помрачнел, щелкнул задумчиво пальцами и вернулся к столу. Читать оставалось немного, в этом разделе помещалась забавная, а иногда и не проверенная до конца информация. Читать эти последние страницы было крайне интересно, но, как ни странно, именно этот раздел чаще других оставался без виз и пометок вождя. И не потому, что вождь не интересовался загадочными историями, таинственными случаями или просто дающими простор для обыкновенного человеческого любопытства. Но товарищ Сталин был вождем, он великолепно понимал, что все эти документы лягут в архивы с пометками «Хранить вечно» и будут изучаться потомками. Поэтому вождь должен быть достойным своего могучего государства. Сталин давно уже не удивлялся, что в газетах и статьях его личность наделяют такими эпитетами, как «гениальный», «мудрый» и «прозорливый». Человек, который принял государство с деревянной сохой и превратил это отсталое нищее государство в одну из великих держав мира, по его мнению, несомненно, был достоин этих эпитетов.

Он вернулся к столу и принялся дочитывать сводку, задумчиво посасывая трубку. Приятно было ощутить вкус табака. Последнее время он уже не курил, врачи категорически запрещали — здоровье вождя слишком важно для народа, поэтому вождь просто обязан поступиться своими вредными привычками в интересах страны. Лечащий врач

вождя — Виноградов, конечно же, льстил товарищу Сталину. Все вокруг льстили и заглядывали в рот вождю. Не дай бог умереть, эти льстецы станут так же яростно поносить вождя, как раньше славили его. Сталин поморщился. Мысль о смерти всегда некстати, а после того, как вчера вождь почувствовал сердечное недомогание, была вообще невыносимой. Раньше Сталин не задумывался о смерти, он не отделял себя от строительства вечной и бессмертной формации — коммунизма, в котором личное бессмертие вождя было естественным, как окружающий воздух или звезды на небе. Он все время ждал, что ученые откроют способ продлить жизнь вождя. Может быть, именно поэтому он так верил академику Александру Александровичу Богомольцу, который утверждал, что человек может и должен жить до ста пятидесяти лет. Вождь очень внимательно следил за его работой, не отказывал Богомольцу в средствах, дал ему звезду Героя Социалистического Труда, в 1941 году, таком трудном для всего народа, наградил Сталинской премией. И что же? Богомолец умер в сорок шестом, едва самому ему исполнилось шестьдесят пять лет. Узнав об этом, Сталин сокрушенно сказал: «Вот жулик. Всех обманул!» С тех пор его вера различным медицинским светилам была сильно поколеблена, но все-таки надежда продолжала жить в нем, и товарищ Сталин продолжал выделять средства институтам и лабораториям, которые работали над проблемами долголетия, разве что оделять их работников премиями и наградами стал реже.

Взгляд его рассеянно бежал по тексту, но что-то заставило вождя остановиться. Сталин еще раз глазами пробежал текст. Он читал быстро, но внимательно. Это было искусство, которым вождь гордился. Сейчас он пытался понять, что же заинтересовало его.

«В последние дни многие жители Свердловской области наблюдают в небе странные объекты, напоминающие диски. По свидетельству очевидцев эти диски обладают не-

мыслимой скоростью, легко меняют направление в воздухе, приземляются на участки земли, не пригодные для посадки обычных летательных аппаратов.

24 ноября 1949 года летчик 322-го авиационного полка капитан Локтионов Г.П., выполняя тренировочный полет и учебные стрельбы на истребителе «Ла-7», в районе полигона встретился со странным летательным аппаратом, по форме напоминающим диск. В момент встречи с объектом связь с землей прервалась. Капитан Локтионов Г.П., не имея связи с землей, попытался самостоятельно прижать неизвестный летательный аппарат к земле и принудить его к посадке, однако неизвестный аппарат на это не прореагировал. Капитан Локтионов Г.П. провел две воздушные атаки на летательный аппарат, обстреляв его из авиационных пушек и пулеметов своего истребителя. Видимых результатов обстрел не дал. После неудачных атак летчика летательный аппарат набрал скорость и стремительно ушел на северо-запад, не предпринимая каких-либо агрессивных действий в отношении истребителя. Капитану Локтионову Г.П. удалось благополучно вернуться на аэродром, где он доложил о случившемся командованию полка.

В настоящее время армейская контрразведка и территориальные органы государственной безопасности ведут активное расследование данного инцидента».

Сталин, задумчиво постукивая трубкой по столу, еще раз перечитал текст.

«Странно, — подумал он. — Ранее подобные сообщения ко мне не поступали. Что это может значить? Американцы? Вряд ли они вели себя так открыто и нагло. В конце концов, четырнадцатая десантная дивизия все еще безвылазно сидит на Чукотке, да и на Дальнем Востоке наши позиции слишком крепки. Тогда что это может быть? Немецкая секретная база на одном из островов северного океана? С окончания войны прошло почти четыре года, вероятно, что они могли обеспечить ее автономность на та-

кой длительный срок. Какие-то природные феномены? Может быть, это вполне вероятно, но что именно? Может это явиться угрозой нашим планам освоения Сибири?»

Он встал и бесшумно прошелся по кабинету, вновь пососал трубку.

Вернувшись за стол, нажал кнопку.

На пороге возник сумрачный понурый Поскребышев.

— Абакумова ко мне, — приказал вождь. — И пошлите кого-нибудь за Капицей. Если его нет дома, выясните в Академии наук, где он.

Поскребышев исчез.

Собственно, так и должно быть, подчиненные не должны задавать лишних вопросов, они обязаны выполнять указания. Все-таки Поскребышев прекрасный секретарь, жаль будет его терять, хотя Лаврентий уже не раз намекал, что обиженных людей нельзя приближать к столу, они — как прирученные хищники, никогда не знаешь, что у них на уме. А Берия чаще всего оказывался прав, особенно в случаях, прямо касавшихся безопасности товарища Сталина. Он был до такой степени прав, что порой товарищ Сталин побаивался своего энергичного земляка и подумывал о том, чтобы найти Лаврентию достойную замену.

Жаль только, что никому верить нельзя.

Абакумов пришел почти сразу же.

Высокий и плечистый, с открытым волевым лицом, министр государственной безопасности нравился вождю и одновременно вызывал у него раздражение. Уж больно не вязалось открытое выражение лица министра с теми хитрыми операциями, которые он в последние годы проворачивал. Последовавшие за окончанием войны дела на генералов-мародеров, тащивших из Германии трофеи железнодорожными вагонами, борьба с безродными космополитами, которая велась с явным антисемитским душком, да мало ли каких дел не было за плечами министра, который сей-

час с простецкой улыбкой стоял перед товарищем Сталиным, верноподданнически ловя каждое его слово.

— Абакумов, — глухо сказал Сталин. — Я зачем тебя в министрах держу?

Абакумов промолчал, прекрасно понимая, что сейчас перед ним разыгрывается сцена из театра одного актера, может быть, даже гениального актера. Он только переступил с ноги на ногу, внимательно разглядывая зеркальный блеск своих хромовых сапог. Кремль силу дал, но с таким же успехом он мог ее забрать обратно. Какие-либо прежние заслуги, как бы велики они ни были, здесь ничего не значили.

— Что ты молчишь, Абакумов? — сипловатым голосом заядлого курильщика спросил Сталин. — По какому вопросу я тебя вызвал, знаешь?

Вопросов, по которым вождь мог вызвать своего министра государственной безопасности, было великое множество, поэтому Абакумов поднял глаза от пола и открыто глянул в глаза вождю:

— Никак нет, товарищ Сталин.

Как все приближенные люди, министр знал, что вождь очень не любит, когда его называют по имени и отчеству. Исключение делалось лишь для Молотова и Берии, которые по привычке называли вождя старой партийной кличкой Коба, может, подспудно понимая, что этим именем возвращают вождю молодость или хотя бы воспоминания о том возрасте, когда он был молод.

— Вот, — удовлетворенно сказал Сталин. — Не знаешь. А ты, между прочим, у меня государственной безопасностью занимаешься, ты должен, как Вольф Мессинг, мои мысли читать.

Абакумов сам присутствовал на удивительных экспериментах, в которых проверялись фантастические способности бежавшего в Союз польского еврея, и после этих экспериментов Абакумов ни на день не терял этого странного

и удивительного человека из виду. Министр Мессинга не понимал и боялся. Даже пишущий пьесы для театров интеллигент Всеволод Меркулов, который являлся наркомом внутренних дел до него, министру был в целом понятен — заигрывает человек с богемой, себя считает незаурядной личностью и талантливым писателем, да и пьесы, что шли в театрах, давали Меркулову неплохие деньги. Это Абакумов понимал. Но Мессинга, который еще в сороковом году предсказал войну с немцами, ее течение, а главное — дату, когда эта война будет победоносно завершена, он не понимал. Но, слава богу, речь шла все-таки не о Мессинге.

— Что у нас происходит на Урале? — спросил Сталин, отходя к окну. Отходил он боком, чтобы не терять собеседника из виду: сразу чувствовался подпольный до-революционный опыт вождя — такие и слежку за собой вовремя заметят, а если того потребует революция, то и с соглядатаем разделяются без лишней суеты и угрызений совести. — Не знаешь? Это плохо, что ты, Абакумов, не знаешь. — Вождь ткнул в сторону министра трубкой, Абакумов почувствовал толчок в груди, словно трубка и в самом деле уткнулась ему в ребра. На тщательно подбритых висках министра появились маленькие капельки пота. — Шпионы на Урале чувствуют себя как дома, а министр об этом даже не подозревает. Чем ты занимаешься, Абакумов? Пьесы своего предшественника в театрах смотришь, с актрисами развлекаешься?

— Никак нет, товарищ Сталин! — бледнея, сказал министр. Актрисы и в самом деле у него в любовницах были, но Абакумов полагал, что вождю об этом знать не обязательно. Теперь надо было потратить немало усилий, чтобы высчитать человека, сдающего его ЦК. Скорее всего это был человек всеильного Берии, бороться с Лаврентием Павловичем министр, разумеется, не мог, но изолировать его человека, чтобы тот не представлял особой опасности, Абакумову было вполне под силу.

— Что МГБ известно о неизвестных летательных аппаратах в Свердловской области? — спросил Сталин от окна. Он говорил с легким придыханием, делая между словами большие паузы, которые заставляли собеседника внимательно следить за разговором и вместе с тем придавали необыкновенную взвешенность каждому произнесенному слову. — Представляют ли они какую-нибудь угрозу людям? Где они базируются? Имели ли место акты агрессии со стороны этих аппаратов? Поддерживает ли МГБ конструктивные контакты с базирующимися на территории Свердловской области армейскими подразделениями? И наконец, располагает ли МГБ образцами такой техники? Несомненно, что ее изучение будет крайне полезно для советской науки.

Министр собрался.

— Непростой вопрос, товарищ Сталин, — сказал он. — Конечно же, министерство занимается этим вопросом. Но делать какие-то выводы пока преждевременно. Мы полагаем, что к этому вопросу нужно подключить специалистов из Академии наук и конструкторских бюро. Разрешите, через день мы обобщим имеющуюся информацию и доложим вам ее отдельной справкой.

— Вы считаете, что через день во всем разберетесь? — с вежливым любопытством спросил Сталин, внимательно глядя в неподвижное лицо министра. Сталин помнил, как в сорок четвертом году на вопрос, сколько времени потребуется контрразведке, чтобы поймать группу диверсантов, ведущих разведку в тылу и путающих карты в большой стратегической игре, именно начальник СМЕРШ Абакумов браво сказал: «Сутки, товарищ Главком!», практически подписав этими словами свой приговор, если бы не его невероятное, фантастическое везение. В течение суток группа армейской контрразведки СМЕРШ взяла диверсантов, и, вместо того чтобы отстранить Абакумова от должности, Сталин с удовольствием подписал наградные

листы на участников операции, куда был включен и будущий министр. Именно тогда он понравился Сталину своей решимостью и умением рисковать. Тогда вождю это нравилось, но сейчас, когда войны не было, то же самое качество Сталина раздражало.

— Вы думаете, что суток вам хватит, чтобы раздобыть образец летательного аппарата, разобраться в происходящем и доложить ЦК? — Сталин перешел на «вы», и это был недобрый признак. — В таком случае вы или большой оптимист, либо его неисправимый синоним.

Не хотел бы с вами спорить, но... Сейчас у меня будет Капица. Дождитесь окончания беседы, обсудите с ним все аспекты проблемы, а потом еще раз примите решение о приемлемых сроках. Или эти сроки для вас будут установлены другими, — закончил вождь, с любопытством наблюдая, как лицо, шея и уши министра становятся багровыми. — Вы меня поняли?

— Так точно, — с усилием сказал министр. — Задачи, поставленные ЦК перед госбезопасностью, будут ею выполнены. Разрешите идти?

— Вы свободны, — сказал вождь, возвращаясь за стол. — И еще...

Он явно намеревался задать какой-то вопрос, потом махнул рукой и опустил глаза в бумаги.

Абакумов тихо вышел из кабинета, стараясь, чтобы его сапоги не скрипели, и благодаря себя за то, что надел сегодня мундир. В противном случае вождь не преминул бы ехидно спросить у него: «Вам что, не нравится форма, товарищ министр? Вы предпочитаете гражданскую должность?» После этих слов трудно понять, что тебя ждет в дальнейшем — останется все сказанное просто дежурной шуткой вождя или все закончится неожиданным освобождением от должности.

А Сталин остался в кабинете, ожидая приезда Капицы. Не нравился ему министр государственной безопасности.

Но работать приходилось и с сырым человеческим материалом, что же делать, если другого пока не было.

Человек, которого вождь ждал, был необычным. Такой судьбы Сталин желал бы себе, если бы не был Сталиным. Ученый с мировым именем, Капица жил в Англии, работал с Резерфордом и был одним из многообещающих его учеников. По возвращении в Россию Капица затосковал о привычной ему Англии, попытался вернуться назад к Резерфорду, но Сталин сказал: «Перелетная птица. Дайте ему институт, дайте ему, что он требует, и пусть Капица занимается наукой. Талантливые люди нужны и СССР. Что ему делать в Англии? Пусть делает свои открытия здесь!» И Капица остался в России. Вел он себя довольно независимо, Берия его не переваривал и не раз приходил к вождю с агентурными данными на ученого, добиваясь ареста физика. Но стукачей в стране много, гениев, подобных Капице, не хватало. «Забудь о нем, — сказал Сталин раздосадованному Берии. — Я понимаю, тебе не нравится, что он о тебе нелестно отзывается, генацвале. Но это же лебедь, который парит в небесах, а ты всего-навсего ястреб, который гоняется за пичугами. Что тебе, врагов не хватает?»

Капица был в строгом английском костюме тонкой шерсти и в накрахмаленной сорочке. Обувь у него была под стать костюму — прекрасные туфли на широкой подошве. И держался он с достоинством, но уважительно. Это вождю понравилось.

— Садитесь, — сказал Сталин, стараясь держаться просто и обыденно. — Надеюсь, я не оторвал вас от важных научных занятий?

Капица улыбнулся.

— Почитайте, — сказал Сталин, пододвигая Капице сводку, и карандашом отчеркнул нужное место. Некоторое время он смотрел, как Капица читает.

— Что вы обо всем этом думаете? — с легким акцентом поинтересовался вождь.

— Ничего, — безмятежно и спокойно сказал Капица. — Я не усматриваю в произошедшем особых причин для беспокойства. Подобной летательной техники нет ни у кого в мире. Вполне вероятно, что все случившееся с летчиком имеет более прозаическое объяснение. Он мог встретить в воздухе метеозонд, или это мог быть воздушный шар, который американцы применяют для зондажа нашей территории. Это очень удобно, товарищ Сталин, — дожидаться благоприятного ветра и запустить с подводной лодки воздушный шар с прикрепленной к ней аппаратурой. Это возможно, но особой тревоги вызвать не может.

— А если это не люди? — осторожно спросил Сталин, покусывая трубку.

Собеседника вождь слушал внимательно и сосредоточенно, он словно обдумывал каждое его слово, которое, казалось, имело для Сталина особое значение.

— Кто же тогда? — удивленно вскинул брови Капица.

— Ну, скажем, герои одного из романов английского писателя Уэллса, — усмехнулся Сталин. — Как он у него назывался? «Война миров»?

— Вы имеете в виду жителей других планет? — Брови физика поднялись еще выше. — Не думаю, товарищ Сталин. По современным данным, других обитаемых планет в Солнечной системе нет. Нет причин считать эти летательные аппараты чем-то вроде космических кораблей.

Сталин бросил трубку на стол.

— Теперь уважаемый Капица будет рассказывать, что товарищ Сталин боится не только империалистического, но и инопланетного вторжения, — проворчал он. — А товарищ Сталин вынужден думать о государстве. Поэтому он обязан предполагать даже невероятное. Кстати, вы долго жили за рубежом. Подобные истории тогда имели место в буржуазной прессе?

Капица задумался.

— Нет, товарищ Сталин, — после минутного молчания сказал он. — А вот в этом или в прошлом году какой-то шум был. Какой-то летчик преследовал непонятные летающие объекты, которые в зарубежной прессе за их форму именовали довольно удачно летающими тарелочками. Но подробностей я не знаю.

— Товарищ Капица читает зарубежную буржуазную прессу? — удивился вождь. — Он не может забыть Англию?

— Это была перепечатка в польском рабочем журнале, — твердо сказал Капица. — Помнится, это было подано как курьез.

Сталин улыбнулся в усы.

— Мы не будем интересоваться, где товарищ Капица берет буржуазную прессу, — сказал он. — Нетрудно догадаться, он берет ее у наших дипломатов. Но это не страшно. Для умного человека и яд может быть лекарством, неграмотный дурак и лекарством может отравиться. Все зависит от точки зрения, а мы знаем, что товарищ Капица имеет верную точку зрения на политические события в мире. Значит, товарищ Капица рекомендует нам не беспокоиться? Хорошо. Но я бы попросил вас проконсультировать по данному вопросу товарища Абакумова.

Он увидел, что при упоминании о министре государственной безопасности по лицу физика пробежала легкая тень.

— Я понимаю, — уже почти весело сказал Сталин. — Но в данном случае речь идет о безопасности государства, поэтому личные пристрастия не имеют значения. Товарищ Сталин это хорошо понимает, думается, что товарищ Капица тоже все поймет так же правильно. Кстати, кто из наших ракетчиков наиболее авторитетен?

— Сергей Павлович Королев, — не задумываясь, сказал Капица. — Выражаясь шахматной терминологией, если остальных специалистов можно рассматривать на уровне слонов, то Королев является безусловным ферзем. Он сейчас

активно занимается с немецкими «Фау», но, насколько мне известно, имеет и свои довольно добротные наработки.

«Вчера на стадионе «Динамо» состоялся один из главных матчей чемпионата страны по футболу — московское «Динамо» принимало «Спартак». Напряженный матч закончился со счетом 5:4 в пользу хозяев. Во втором тайме в воротах А. Хомича заметил молодой вратарь В. Саная, который спас «Динамо» от нескольких верных мячей».

Газета «Правда», 2 октября 1949 года, воскресенье

Глава вторая

Оперуполномоченный МГБ Свердловской области лейтенант Бабуш пришел в органы по партийному набору сорок седьмого года. Войну он закончил в Польше, поставить свой автограф на развалинах рейхстага ему не пришлось, но Александр об этом не слишком грустил. Демобилизовавшись, Бабуш вернулся домой, поступил в конструкторское бюро завода «Уралмаш» и отдался всей душой работе. Ему всегда хотелось заниматься конкретным делом и видеть практическое воплощение своих идей.

В конструкторском бюро завода работа еще шла по военным канонам — опоздания на работу были недопустимыми, и вольности с рабочим временем не поощрялись. Бабуш на фронте привык выполнять приказы и беречь время, поэтому заводская дисциплина давалась ему легко, и настроенность начальства быстро сошла на нет, уступив место дружелюбию и пониманию.

В мае сорок седьмого к рабочему столу Бабуша подошел секретарь первичной партийной организации Иван Сидельников. Мужик он был общительный, но карьеру партийного работника сделать вряд ли сумел бы, не получалось у него лавировать и интриговать, да и собственное мнение

по самым разным вопросам Сидельников имел и не боялся это мнение высказывать.

Удивительно было, что его вообще выбрали секретарем первички, но в рабочих коллективах так оно обычно и бывает — грузят того, кто будет везти воз.

— Как, дружище, работается? — спросил он. — Начальство тобой довольно, да и все говорят, что фронтовика сразу видно — и дело спорится, и личная жизнь в порядке.

Бабуш настороженно молчал. Он еще с армии усвоил, что начальство лучше не перебивать, иначе не узнаешь, что оно о тебе думает.

— Значит, так, Саша, — сказал Сидельников, внимательно разглядывая сослуживца. — С тобой хочет секретарь парткома познакомиться.

— Это еще зачем? — удивился Бабуш. — Работаю, никуда не лезу. О чем нам с ним говорить?

— Иди, иди, — сказал Сидельников. — Если начальство на ковер вызывает, то уж оно точно знает зачем!

— Прямо сейчас? — поднял голову Бабуш.

— А чего оттягивать? — удивился Сидельников. — Иди, паря, ждут тебя.

Секретарь парткома был не один. Кроме него, в кабинете сидел незнакомый Бабушу мужчина. На первый взгляд он ничем не отличался от любого другого человека, разве что неопределенным возрастом и некоторой безликостью. Одет он был в гражданский костюм, но вся выправка этого человека свидетельствовала, что военная форма ему хорошо знакома.

— Солнцев, — представился незнакомец.

— Бабуш... Александр, — неловко проговорил Бабуш.

— Товарищ хочет познакомиться с вами и побеседовать, — сказал секретарь и отошел к окну.

— А чего со мной знакомиться, — пробурчал Бабуш. — Родился здесь, учился тоже здесь, военную форму надел в сентябре сорок первого. Воевал. Два ранения. Демобили-

зовался в сорок шестом. Сразу же пошел на завод. Женат. Один ребенок — сын Толя, шесть месяцев.

Солнцев и секретарь парткома переглянулись и засмеялись.

— Я так и думал, — сказал Солнцев.

— А чего вы хотели? — пожал плечами секретарь. — Рабочая косточка.

Тем не менее разговор получился долгим и обстоятельным. Солнцев задавал вопросы, уточняя скудные данные анкеты, которую Бабуш заполнял при поступлении: какие награды, за что награжден, где конкретно воевал, получал ли предложение стать кадровым офицером.

— Получал, — сказал Бабуш. — Но не остался. Домой хотелось.

— Немецким языком владеете? — спросил Солнцев.

— В объеме школьного курса, — усмехнулся Бабуш. — Ну и потом в окопах навтыкался, да и в Восточной Пруссии подучился самую малость.

Он прищурясь оглядел Солнцева и неожиданно спросил его:

— Вы из МГБ?

Солнцев и секретарь парткома вновь обменялись короткими взглядами.

— Почему ты так решил? — спокойно спросил Солнцев.

— Вопросы специфические, — сказал Бабуш. — Я в разведоте не один день пробыл. Угадал?

— Угадал, — в тон ему отозвался собеседник. — Значит, и предупреждать тебя не надо?

— Язык за зубами держать? — поинтересовался Бабуш. — Не надо. Только вы зря на меня время тратите, не шпион я и не военный преступник.

— Конечно, — без улыбки сказал Солнцев. — Вы — язва, Александр Николаевич. И чересчур догадливы. Значит, чего сослуживцам сказать, сами придумаете.

А еще через месяц Бабуша вызвали в райком партии.

Милиционер на вахте спросил, куда он идет, выслушав Александра, обстоятельно разъяснил, где находится кабинет. В приемной, куда Бабуш попал, уже сидели с напряженными лицами несколько человек. Казалось, что они обдумывают ответы на вопросы, которые им будут задавать.

Бабуш принял независимый вид и сел на свободный стул.

Однако долго ему сидеть не пришлось.

— Бабуш Александр Николаевич здесь? — спросила вышедшая в приемную женщина.

Бабуш встал.

— Проходите, — сказала женщина.

Бабуш вошел в кабинет. В кабинете буквой «Т» стояли столы. За малым столом сидел среднего роста худощавый человек с утомленным лицом. Он был в белой рубашке с завернутыми рукавами. Это был первый секретарь. За длинным столом, накрытым зеленым сукном, сидели десятка полтора людей, которые внимательно смотрели на Бабуша. Александру вдруг стало холодно и неудобно. Захотелось сжаться и стать маленьким, лишь бы избежать столь пристального внимания сидящих в кабинете людей.

Тишина повисла в накуренной комнате.

— Товарищ Бабуш, — сказал секретарь райкома. — Как вы относитесь к рекомендации партии о направлении вас на работу в МГБ?

Бабуш вздрогнул.

Три десятка глаз пронизывали его.

— Как коммунист отношусь положительно, — сказал Александр и торопливо добавил: — Вот только не уверен, справлюсь ли. И потом, я ведь работаю на заводе, на хорошем счету там... — Он сам не понимал, что говорил. Перед глазами у Александра все расплывалось, мысли скачущие бились в голове.

С органами Александр дел никогда не имел, один раз только и наблюдал за их работой, когда ночью тридцать девятого арестовывали его соседа дядю Колю Мирошникова, а отца с матерью пригласили понятыми для производства обыска. Александр помнил, как люди в форме и гражданской одежде прямо в обуви ходили по свежевыванному полу коридора, курили на кухне, где сидел бледный и неестественно спокойный сосед, а потом, дав подписать матери и отцу какие-то бумаги, уехали и увезли с собой Мирошникову. Как оказалось — навсегда.

— Вы хотите лишиться партийного билета? — откуда-то издали раздавался спокойный голос.

— Вы меня неправильно поняли. — Бабуш оближал пересохшие губы. — Партбилет мне вручали в окопе... Сомнения у меня, товарищи, не справлюсь я с этой работой.

— Все сомневаются, — с легкой усмешкой сказал первый секретарь. — Я повторяю вопрос, как вы относитесь к рекомендации партии?

— Согласен, — сказал Бабуш обреченно.

— Какие будут мнения у членов бюро? — спросил секретарь райкома.

Сидящие в кабинете люди зашевелились, зашептались, потом закивали и снова уставились на Бабуша, но теперь уже разглядывая его по-другому — как человека, который уже почти вошел в круг особых людей, в ту самую организацию, которой одни боялись и которой другие восхищались.

Прошло немного времени, и Александр Бабуш стал оперуполномоченным УМГБ по Свердловской области. Самым ярким воспоминанием первого года были шестимесячные курсы в школе госбезопасности. Да еще, пожалуй, выявление полицая, который, боясь возмездия, уехал с Украины и поселился в глухой уральской деревушке.

Бабуш получил квартиру в знаменитом Доме чекистов, расположенном в самом центре Свердловска. Дом занимал

целый квартал и состоял из четырех секций, составляющих четырехугольник с зеленым двориком. В каждой секции был свой выход, но начальство посчитало, что при таких условиях не соблюдается режим безопасности. Поэтому три чугунные кованые арки намертво заварили, а у четвертой поставили будочку, в которой постоянно дежурил сержант с синими погонами. Сержант этот за место свое держался истово, и это было понятно: более спокойное место в Свердловске было трудно найти, поэтому документы у входящих во двор сержант проверял внимательно, не обращая внимания на то, что многих жильцов он уже знал в лицо и, приветствуя их, называл по имени-отчеству.

В Свердловске об этом доме ходили разные неприятные слухи. Особенно о жильцах, которые в доме жили до тридцать седьмого года. Но Бабуш этим слухам не верил. Обеспечение государственной безопасности — дело секретное, мало ли куда люди уезжают, быть не могло, чтобы довоенных чекистов просто расстреляли, а уж поверить в то, что люди, оберегавшие государство от заговоров, сами в таком же заговоре участвовали, было совсем невозможно. Честно говоря, тем самым Бабуш просто прятал голову в песок. Как страус. Перед войной ведь не только Ежова расстреляли, но и многих из тех, кто с ним вместе работал. Но ведь если подходить к этому щекотливому вопросу с другой стороны, можно было бы отметить, что перед войной и многих посаженных людей выпустили. Как оказалось, посадили их без особой вины, просто рвение ненужное проявлено было, перестарался Николай Иванович, слишком многих своими стальными ежовыми рукавицами ухватил. Вот товарищ Сталин его и поправил.

Александр Бабуш уже привык, что отпуска у сотрудников МГБ случаются чаще зимой. С путевками проблем не было: когда на Урале трещали морозы, можно было спокойно отдохнуть в санатории Девятого управления на черноморском побережье или вообще полакомиться дынями

и арбузами в Ашхабаде или Ташкенте. Правда, в Ашхабад после сорок восьмого года ехать не стоило. В октябре сорок восьмого Бабуш побывал там в командировке и вернулся совершенно потрясенным. Землетрясение не пощадило города, он выглядел так, словно армада бомбардировщиков бомбила его ежедневно не меньше месяца. Трупы погибших быстро разлагались в южном климате, поэтому группам военных и спасателей приходилось работать в противогазах. Милиция ловила бежавших уголовников, которые пытались уйти в Иран. За городом интенсивно копали братские могилы. Страшна была смерть рабочих на бутылочном заводе — эти люди были заживо сожжены выплеснувшимся из печей расплавленным стеклом. Техники было мало, и могилы копали лопатами несколько тысяч военнослужащих. Все это походило на ад, и в этом аду Бабуш и его товарищи обеспечивали сохранность секретных дел республиканского министерства государственной безопасности и его секретных структурных подразделений, расположенных в черте города. Они раскапывали развалины, извлекая покалеченные сейфы, отсортировывали из мусора бумаги с грифом «секретно», а в это время мимо проходили «ЗиСы» и «студебеккеры», чьи кузова были набиты трупами. Этот месяц своей работы Александр Бабуш всегда вспоминал с ужасом. По ночам они патрулировали городские развалины, ловили мародеров. С мародерами не церемонились, их расстреливали на месте. Именно там впервые в своей новой жизни Александр Бабуш убил человека. Это было на развалинах ашхабадских государственных складов неприкосновенного запаса, где пахло горелым зерном и паленым мясом. Майор Худабергенев, бывший за старшего, скороговоркой зачитал постановление и кивнул Бабушу: «Давай!» Александр расстегнул непослушную кобуру и достал ставший тяжелым «ТТ». Задержанный стоял у остатка кирпичной стены, острым клыком взрезающимся в темное небо, и его высвечивали фонарики патруля. Бабуш

поднял пистолет, еще не представляя, как он будет стрелять в задержанного. Задержанный опустился на колени и что-то тонко закричал по-туркменски. «Давай! — прошипел Худабергенов. — Чего ты возишься? Он хоть и плохой, а все-таки человек!» Странно, но эти слова словно бы подстегнули Александра. Сухо щелкнул выстрел. Задержанный замолчал, потом медленно упал лицом вниз. «Хоп, мужики, — сказал майор Худабергенов. — Быстренько, пока еще не потек, закиньте его в грузовик. — И хлопнул бледного Бабуша по плечу. — Не бледней, привыкнешь!» А потом они обеспечивали режим секретности сведений об ашхабадском землетрясении. Бабуш не понимал, зачем это делается, но искренне полагал, что людям незачем знать все эти ужасы, люди должны спать спокойно, а не просыпаться в поту из-за того, что стены их домов внезапно дрогнули от далекого и безопасного удара молнии и грома.

На этот раз Бабуша не манили южные санатории, они с женой собирались в Ленинград, но поездке не суждено было состояться, как и отпуску Бабуша. При этом задание, полученное лейтенантом, особой конкретностью не отличалось и даже несколько ставило его в тупик. Что значит выехать в район области для сбора оперативной информации? Какую информацию и о чем необходимо собирать? В какой район выезжать? Не мог же Бабуш выехать в любой район по собственному желанию? Самостоятельность в его службе исключалась.

Бабуш терялся в догадках и потому ходил мрачным.

Начальники разводили руками и призывали ждать. Ожидалось, что в область приедут чины из союзного министерства. В общем, по принципу: вот приедет барин, барин всех рассудит.

В ожидании Бабуш сел писать справку по Верхнетагильским подземельям, которыми он занимался последние пять месяцев. Оперативно-наблюдательное дело по этим подземельям называлось «Паучок».

Люди, попадающие на Урал в первый раз, немало удивляются парности уральских городов. Если нашел на карте, скажем, Верхнюю Салду, можешь не сомневаться, есть на карте и Нижняя. Если имеется Нижний Тагил, смотри внимательнее и ищи Верхний. Североуральску соответствует Южноуральск. А уж населенных пунктов помельче с повторяющимися названиями пруд пруди.

Верхний Тагил, притаившийся среди светлых Уральских гор, в далекие времена приглянулся заводчикам Демидовым. А старые люди не зря говорили: где Демидовы, там ищи тайные подземелья, обязательно найдешь. Ну, была такая страстишка у людей, любили они хорониться от постороннего взгляда, тем более что хоронить им многое надо было. Документации по демидовским заводам, что построены были в Верхнем Тагиле, не сохранилось. Пожар середины девятнадцатого века уничтожил контору, а с ней и весь заводской архив, включая многочисленные чертежи.

В годы гражданской войны архивами интересовались белые, но и они не многого достигли — сохранившиеся после пожара остатки заводского архива бесследно исчезли, а живых свидетелей к тому времени не осталось.

Однако легенды гласили, что был подземный ход на господствующую над окрестностью высотку, которую называли в народе Теплой горой. Тайна эта госбезопасность не особо вроде бы должна была волновать, поэтому Бабуш даже огорчился, получив от начальства подобное задание. Подумалось даже, что начальство убедилось в никчемности молодого оперативника, вот и поручило ему задачу, далекую от разных государственных секретов.

Это какой же объем работ надо было выполнить, чтобы пробить туннель в скальных породах и оборудовать его бесчисленными лестничными подъемами и спусками? Быть такого не могло, кайлом да киркой с такой задачей справиться было невозможно, а экскаваторов и отбойных мо-

лотков в демидовские времена не было. Так думал Бабуш, приступая к исследованиям.

Каково же было его изумление, когда в Пермском архиве он нашел записки члена архивной комиссии Воеводина, датированные концом девятнадцатого века. Воеводин подтверждал наличие подземелий под Теплой горой, более того, в свое время Верхний Тагил был центром уральского раскола. Теплая гора называлась еще, оказывается, горой старческих могил, и в ней имелись старообрядческие скиты, куда для поклонения могилам старцев приходили издалека странники. Пришлось лезть в архивы, чтобы получить сведения о старообрядческих скитах. Раскольничьи скиты на Урале были двух видов — или избушки, поставленные где-нибудь в глухомани, а еще лучше — на окруженном болотами острове, или разветвленные подземелья, соединенные внутри туннелями и имеющие общий вход в виде длинной штольни колодезного типа.

Тут и сомнений не было, что вблизи населенного пункта раскольники избушек не ставили, предпочитали подземелье.

Бабуша сразу же заинтересовал сохранившийся с демидовских времен дом управляющего заводом. На плане местности сразу бросалось в глаза, что дом управляющего является центром хитрой композиции. Дом походил на паучка, застывшего в паутине, это и дало Бабушу повод назвать оперативное дело соответствующим образом.

Подвал в доме управляющего был широким, снабженным вентиляционными трубами. Подвал соединялся с двумя помещениями, имеющими цилиндрические своды. Входы в них еще сохраняли чугунные дверные рамы с литыми фигурными обводами по краям. Недалеко от одного такого входа была кирпичная кладка, которая явно была поставлена позже и закрывала от любопытных глаз какой-то ход.

Любопытных, однако, хватало. Бабуш установил несколько местных жителей, которых в Верхнем Тагиле на-

зывали кладоискателями. Один из них рассказал Бабушу, что проникал в третье помещение, которое сейчас было заделано кирпичом, и обнаружил там множество ниш, в некоторых из них были тяжелые кандалы и даже части скелетов.

Этот кладоискатель также обнаружил тайный ход, который вел за пределы дома управляющего. Более всего этот ход напоминал волчью нору — так он был узок и темен, что искатель приключений не рискнул исследовать его, а потому не мог рассказать, куда вход выводит.

Еще один местный житель по фамилии Бороздин рассказал Бабушу, что он тоже бывал в третьем помещении и даже нашел выход из него, который вел в глубины Теплой горы. Он расчистил вход и попытался проникнуть в подземелье. Однако при попытке открыть дверь за ней что-то с шумом обрушилось, и Бороздин решил не рисковать.

— Своя шкурка дороже, гражданин следовательно, — подслеповато помигивая красными воспаленными веками, объяснил он. — Попадешь под обвал, на кой тогда тебе все эти демидовские цацки? Да еще и неизвестно, существуют ли эти цацки на деле или нам фуффло задвигают.

— А что это вы меня гражданином называете? — поинтересовался Бабуш. — Сталкивались уже с законом?

Глаза Бороздина забегали.

— Так ведь как сказать, гр... товарищ следовательно, — уклончиво сказал он. — У нас здесь каждый второй если не крещеный, так меченый.

Полученная из оперативно-справочной картотеки УКГБ справка указывала на то, что Бороздин был меченым — в июле 1938 года он был приговорен к пяти годам лишения свободы за антисоветскую агитацию по статье пятьдесят восемь — десять прим и наказание отбывал в одном из местных лагерей.

Второй свидетель, Владимир Алексеевич Глинский, был более словоохотлив. В начале тридцатых годов он, спус-

тившись в люк, попал в отрезок подземного хода, прошел по нему десятка два метров и уткнулся в глухую замуровку.

Все это было хорошо, но ничего не проясняло. Тогда Бабуш нашел одного старика, который славился своим умением находить воду, и попросил его обнаружить потайные каверны в Теплой горе. Водоискатель взял в руки ивовый прутик и принялся обходить гору. Возвратившись, старик сказал, что искать пустоты в горе дело глупое, она этими пустотами пронизана, и даже указал, где могут находиться лазы в пещеры. Один такой лаз удалось найти, но проникнуть в скит оказалось невозможно — при попытке пролезть по нему в галерею, опоясывающую гору, глухо ударил взрыв, и солдатика, который полез в обнаруженный лаз, с трудом удалось вытащить живым, но безногим. После этого начальство запретило Бабушу лезть в щели на склонах горы и велело ограничиться архивными документами, более упирая на то, чтобы установить, кто в недрах горы живет оторванным ото всего остального мира.

Как известно, раскольники тоже были разными. Исходной формой всех религиозных течений, что противостояли официальной церкви, было старообрядчество. Оно отрицало обрядовую форму русской православной церкви, предложенную патриархом Никоном, за что и почиталось ересью. А с ересью на Руси издавна вели борьбу не на живот, а на смерть. Вот и приходилось старообрядцам бежать от репрессий в малозаселенные местности — в Поморье, Заволжье, в Сибирь, на Урал и Яик. Люди, жившие старой верой, по своему положению были разными, а это в свою очередь обусловило многочисленность религиозных группировок, на которые разделилось старообрядчество. Первое время Бабуш путался во всех этих беспоповщинах, часовенных согласиях, поповцах и нетовщинах, трудно было ему понять, чем рябиновский толк отличается от поморского, федосеевского или, скажем, страннического толка. Но консультации, которые Бабуш получал у историков и в

церквях, постепенно сделали из него неплохого специалиста. Через некоторое время уже у него стали получать справки о бегунах, хлыстах, скопцах и духоборах. Более иных Бабуша заинтересовали бегуны, они же странники, они же не имеющие дома своего, тем более что в верхнетагильских катакомбах обитали именно странники христофоровского толка.

Христофор Зырянов объявился на Староверченском тракте незадолго до Первой мировой войны. Было ему тогда лет сорок. Зырянов принял бегунскую веру и принялся ее распространять. Несомненно, что проповедником он был талантливым — уже через десять лет в Вятской губернии он стал полномостным наставником единоверцев. Он стал бегунским государем, царство его было устроено по испытанной полутора веками схеме страннического подполья. Верноподданные бегунского государя были разделены на несколько категорий — благодетелей, последователей, странников и скрытников.

Несомненно, что на территории дома верхнетагильского заводского управляющего находился благодетельский притон, где прятались странники и скрытники. На это указывали многочисленные подземные лазы, тайники, да и ниши с оковами и костями этому не противоречили. У странников в миру было немало последователей, оказывавших христофоровцам различные мелкие услуги. Бабуш даже выявил несколько таких последователей и с согласия руководства путем несложной вербовочной комбинации установил за выявленными последователями постоянный агентурный контроль.

Труднее было установить такой контроль над странниками, которые, по сути дела, являлись вербовщиками и связными между сетью благодетелей и скитами. И совсем уже невозможно было контролировать скрытников — монахов и монахинь, давших обет поститься и молиться до смерти. Для мира эти люди уже считались умершими, для

отвода глаз их даже хоронили при всем честном народе, пронося на деревенские кладбища пустые или наполненные какой-нибудь рухлядью гробы.

Теперь уже и Бабушу стало ясно, почему МГБ интересовалось странниками. По сути своей странничество представляло собой идеальную тайную организацию, располагающую немалыми возможностями, которыми пользовалась сама и которые не могли не привлекать иностранные разведки. Более того, странничество было идеальной средой для тех, кто хотел затеряться в этом мире, — для военных преступников, полицаев и прочих гитлеровских пособников, которых в послевоенные годы бродило по стране более чем достаточно.

Главная столица странников починок Град находилась в лесах неподалеку от деревни Даниловки рядом с истоком реки Великой. Центр этих великих конспираторов, по некоторым данным, располагался где-то между Вычугой и Кинешмой, более точной информации Бабуш, несмотря на все свое старание, получить так и не сумел. Все подполье, которым руководил преимущественно старейший, делилось на обширные стороны, во главе каждой стороны стоял областной старец, который руководил несколькими пределами, а те в свою очередь имели своих предельных старейшин.

Христофор Зырянов был старейшим вятского предела, который захватывал вятские и пермские земли. В последние годы, когда влияние Зырянова стало падать, некоторые его последователи отошли от прежнего странничества и образовали самостоятельные скиты, которые жили прежней своей жизнью, но уже не подчинялись никому.

Государственная безопасность интересовалась странниками-христофоровцами и еще по одной жутковатой причине — в секте допускалось «принятие самоумерщвления» скрытницами и скрытниками, причем сам Христофор Зырянов и его ярые последователи не только допускали это, но и поощряли.

Бабушу удалось завербовать странницу Зою Чазову, которая рассказала ему о существовании угарных бань, местах самоутоплений и самосожжений, которые практиковались христофоровцами после войны. Она же назвала ему имя человека, который возглавлял верхнетагильский предел, а чуть позже принесла стакан с отпечатками его пальцев.

Пальчики на стакане оказались очень интересными, впрочем, Бабуш это подозревал, уж больно самоумерщвления скрытников в иных случаях походили на изощренные расправы, поэтому он даже не удивился, когда экспертное бюро при УМГБ сообщило ему, что пальцы принадлежат Волосу Дмитрию Матвеевичу, 1908 года рождения, до войны дважды судимого, а в войну служившего в немецкой вспомогательной полиции в гомельском гетто. Военный путь Волоса был кровав до безумия.

Бабуш доложил о Волосе начальству, и с этого времени оперативно-наблюдательное дело превратилось в оперативную разработку гражданина Волоса Д.М. и созданной им секты.

Шестидесятилетняя странница Зоя Чазова появилась на конспиративной квартире еще несколько раз, после чего исчезла. В один из последних своих визитов она собственноручно нарисовала план подземного скита и сообщила, что в центре горы имеется огромная карстовая пещера, в которой изредка проводятся общие моления. Там же странницы принимали «самоумерщвления». Видимо, эта же участь постигла в конце концов и саму Чазову.

Но что любопытно — во время последней встречи с Бабушем странница Зоя сообщила ему о малых зеленых божках, с которыми имел дело Волос.

— А с чего ты взяла, Зоя Андреевна, что это божки? — поинтересовался Бабуш, который в богов не верил, а потому и к излияниям странницы с двадцатипятилетним стажем отнесся без особой веры.

— Ой, Александр Николаевич, — безмятежно сказала странница, с шумом потягивая с блюдечка горячий чай. — Ваша правда. Может, и бесы — страшные они больно.

Подумала и добавила:

— Страшные, но добрые.

АФИША ДНЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БОЛЬШОЙ ТЕАТР — «Руслан и Людмила»

МХАТ

— «Заговор обреченных»

Филиал МХАТа

— «Вишневый сад»

ТЕАТР САТИРЫ

— «Человек с того света»

Газета «Правда» 8 октября 1949 года, суббота

Глава третья

Оперативная справка, представленная ведомством Абакумова в ЦК, потрясла Сталина. В последние годы истерия, связанная с появлением неизвестных летательных аппаратов над территорией Соединенных Штатов Америки, достигла своего апогея.

О «летающих тарелках» писали зарубежные газеты. Писали они много и охотно, Сталин сразу отметил, что подобного в СССР допускать просто нельзя: гнилая либеральная западная пресса могла пугать обывателя, но напрасно беспокоить народы Союза, еще не оправившиеся после войны с гитлеровской Германией, — это представлялось вождю политически неверным. Придя к такому выводу, Сталин немедленно позвонил в отдел идеологии ЦК ВКП(б) и дал указание, чтобы подобные публикации в газетах не проходили.

После этого он снова вернулся к справке Министерства государственной безопасности. Справка была подготовлена специалистами Абакумова на основе обзора аме-

риканской печати, но вместе с тем в нее попала и оперативная информация, которой располагало МГБ.

7 января 1948 года в небе над базой ВВС Годмен появился шар. В воздух были подняты три истребителя «Мустанг Ф-51». Один из пилотов, Томас Мантелл, устремился к нарушителю. Далее он сообщил, что видит дисковидное тело диаметром около 300 метров, которое движется со скоростью 300—500 км/час. Чуть позже Мантелл сообщил, что тело выше его, но он объект нагоняет. Высота в момент сообщения была до 20 тыс. футов. Обломки самолета были собраны на площади в несколько квадратных километров. Пилот погиб.

Как сообщил источник «Белый», через две недели после гибели Мантелла ВВС США начали официальное расследование в отношении неопознанных летающих объектов в рамках операции под кодовым названием «Зеркало». Чуть позже проект получил название «Знак», а в феврале 1949 года был переименован в «Ворчун».

В ходе отработки информации в рамках проекта были установлены многочисленные факты появления над территорией Соединенных Штатов Америки странных летательных объектов, чья государственная принадлежность не была установлена.

В начале июля 1947 года американский бизнесмен Кеннет Арнольд в течение трех минут наблюдал из своего самолета цепочку из 9 странных летательных аппаратов блюдцевидной формы. Затем, после того как бизнесмена высмеяли, в американской прессе последовал шквал сообщений о «летающих тарелочках».

Через четыре дня после наблюдений Арнольдом неизвестных летательных аппаратов двое пилотов и двое офицеров разведки видели яркий огонек, выполнявший разнообразные маневры в небе над базой Максвелл в Монтгомери, штат Алабама. В тот же день пилот американского военного самолета наблюдал несколько странных летательных

аппаратов, которые шли строем над Лейк-Мид в штате Невада.

Примерно в это же время пилот рейсового самолета наблюдал в районе Скалистых гор два строя летательных аппаратов странных конструкций, первый строй состоял из пяти аппаратов, второй — из четырех.

Затем, как сообщает оперативный источник «Белый», подобные летательные аппараты наблюдались испытательным центром ВВС в пустыне Мохава, штат Калифорния, в небе над военной базой Мьюрок.

В 1947 году внезапно потерял управление и разбился военный самолет ВВС США, на борту которого находилось тридцать два человека. Однако на месте катастрофы не обнаружено ни одного мертвого тела. Делом заинтересовались спецслужбы, но все закончилось ничем. По информации источника «Белый», с места происшествия был доставлен «черный ящик». Расшифрованные переговоры на борту разбившегося самолета свидетельствуют о том, что перед катастрофой рядом с самолетом появился неизвестный летательный аппарат, реально угрожавший самолету столкновением.

24 июля 1948 года едва не произошло столкновение большого рейсового самолета, следующего рейсом Сан-Франциско — Майами, с «летающей тарелкой».

1 октября 1948 года близ Фарго в Северной Дакоте лейтенант ВВС США Ф. Гормен возвращался из планового воздушного патруля. При подлете к своему аэродрому Гормен обнаружил летательный аппарат, который не отвечал на запросы базы. Атаковав его, Гормен только чудом избежал лобового столкновения.

Кроме того, в распоряжение комиссии, работающей в рамках операции под кодовым названием «Ворчун», ВВС США была предоставлена информация о странных происшествиях, имевших место в ходе Второй мировой войны. Оперативный источник «Белый» сообщал о нескольких та-

ких фактах, ставших ему известными вследствие доступа к материалам комиссии.

25 марта 1942 года польский пилот капитан Роман Собинский из эскадрильи стратегических бомбардировщиков ВВС США участвовал в ночном налете на город Эссен. На обратном пути его самолет длительное время преследовал непонятный объект круглой формы.

Незадолго до окончания войны американские летчики неоднократно сообщали о появлении каких-то светящихся шаров, которые сопровождали в воздухе бомбардировщики. Так, в октябре 1943 года в налете авиации союзников на завод шарикоподшипников в германском городе Швайнфурте участвовало семьсот бомбардировщиков восьмой воздушной армии США, и их сопровождали тысяча триста американских и английских истребителей. В результате воздушного боя было сбито у союзников сто одиннадцать истребителей и шестьдесят бомбардировщиков, потери немцев составили триста истребителей. В момент появления бомбардировщиков союзников над заводом в воздухе внезапно появилась группа блестящих дисков, которые приблизились к машинам союзников. Бортовой огонь по дискам не причинил им видимого вреда. Ответных боевых действий со стороны дисков также не наблюдалось, поэтому последующее внимание было уделено немецким истребителям.

Читая справку, Сталин с неудовольствием думал, что энергичные американцы и здесь проявили свою предприимчивость раньше русских. Есть проблема — значит, этой проблемой надо заниматься вплотную. Вот они уже создали комиссию для разгадки тайны, следовательно, сейчас они опережают СССР на шаг, если не больше. А отставание в таких областях, которые могут привести к техническому перевооружению государства, непростительно и даже преступно. А еще вождь думал о том, что люди из ведомства Абакумова проявляют непростительную небрежность,

давая своей агентуре столь прозрачные клички. Несомненно, что агент «Белый» был негром, или индейцем, или же латиноамериканцем. Но ведь не столь уж много цветных имели доступ к информации, которую передавал «Белый». Расшифруй американцы сообщения «Белого», они запросто вычислят предателя, как в свое время делали большевики перед революцией. Сколько было глупых и трусливых людей, давших согласие на сотрудничество с охранкой и закончивших свои дни с ножом в спине или с пулей в затылке, ведь каждому понятно, что предатели долго не живут. Но тут Сталин вспомнил о Романе Малиновском и помрачнел. Этот провокатор действовал в рядах партии достаточно долго, даже пролез, негодяй, в ее ЦК, был депутатом Государственной Думы от левых партий и в то же самое время продолжал выдавать охранке товарищей. Но все-таки и он, пусть даже с запозданием, получил свое. Как говорится, никто не забыт и ничто не забыто.

Он вновь углубился в изучение материалов, принесенных руководителями разведки и государственной безопасности.

Заинтересовали Сталина два документа, добытых советской разведкой. Из них проистекало, что американцы к проблеме неопознанных летательных аппаратов относились серьезно и более практично. В первом из них — меморандуме начальника штаба генерала Дж.К. Маршалла президенту Рузвельту, которого вождь глубоко уважал за аналитический ум, — говорилось о воздушной схватке над Лос-Анджелесом в феврале сорок второго года. Впрочем, называть происходящее схваткой могли только богатые на воображение американцы. Их зенитные батареи за час произвели около полутора тысяч выстрелов, но ни один из них не достиг цели. Пятнадцать летательных аппаратов, чья государственная принадлежность не была установлена, вели себя мирно и нападения на земные объекты не произвели. На Сталина произвело впечатление лишь то, что, затратив

гору снарядов, зенитки оказались бессильными. Это говорило о крепости брони неизвестных аппаратов, невозможно было даже допустить, что ни один из снарядов не достиг цели.

Вторым интересным документом являлся рапорт генерала Натаниэля Туайнинга, который командовал материальной частью ВВС американской армии. Проанализировав имеющиеся в его распоряжении свидетельства, генерал пришел к выводу, что неустановленные летательные объекты являются реальностью, а не выдумкой или галлюцинацией. Описываемые характеристики действий объектов свидетельствовали о том, что объекты управляются вручную либо автоматически или дистанционно. Сталин просмотрел документ и обратил внимание на дату — двадцать третье сентября сорок седьмого года.

Сталин откинулся в кресле и еще раз подумал о предприимчивости американцев и их врожденной практичности — качествах, которых так не хватало русскому человеку. Да, американцы имели то, чего Сталин добивался от русских людей жестким и даже жестоким воспитанием.

В СССР летательные аппараты, чья государственная принадлежность не опознавалась, регистрировались значительно реже. Может, они и в самом деле появлялись над территорией социалистического государства редко, может, наблюдатели не докладывали о том, что было непонятно им самим, а скорее всего виной тому была протяженность и слабая заселенность территории. Тем не менее справка успокаивала тем, что летательные аппараты явно не принадлежали американцам. Но тогда вставал вопрос об их принадлежности, и Сталин вновь погружался в мрачные раздумья. В условиях, когда государство живет во вражеском окружении, неведомая угроза тревожит еще больше.

Та часть справки, которая была посвящена появлению неопознанных летательных аппаратов над территорией СССР, была значительно короче и суше.

В 1947 году зенитки ПВО Закавказского военного округа обстреляли громадный дискообразный объект, внезапно появившийся из-за горного хребта со стороны турецкой границы. Диск шел на высоте около четырех тысяч метров, но зенитный огонь летательному аппарату не особенно повредил. Аппарат резко набрал скорость и скрылся за горами. Инцидент грозил начальству серьезными неприятностями, поэтому командование ЗакВО о нем предпочло умолчать.

Сталин вздохнул и красным карандашом сделал пометку: «Секретариат, прошу выяснить, кто и каким образом был наказан за умолчание?»

16 июня 1948 г. советский летчик Апраксин на высоте 10 тыс. метров зафиксировал радаром и визуально объект в виде огурца. Апраксин направил самолет в сторону предполагаемого противника, но тут же со стороны неизвестного летательного аппарата навстречу истребителю раскрылись веером лучи и прошли самолет. Вся электронная часть истребителя вышла из строя, и лишь чудом, планируя, Апраксин сумел посадить самолет. Вторая встреча состоялась в 1949 году. Желание взять реванш закончилось аварией, при которой была даже нарушена герметичность кабины. Это было второе предупреждение пилоту. Агрессивности объект не проявлял, попыток уничтожить самолет не предпринимал.

В сентябре 1949 года с непонятным летающим аппаратом столкнулся летчик-истребитель Твердохлеб, и только по счастливой случайности дело не закончилось гибелью пилота — Герой Советского Союза Твердохлеб незамедлительно пошел в атаку на аппарат и даже, по его настойчивым утверждениям, ухитрился нанести ему серьезные повреждения. После этого реактивные двигатели его «МиГа» отказали, и летчику пришлось уходить на свой аэродром с планированием.

Несколько неопознанных летательных аппаратов, схожих по описанию с теми, что наблюдались американцами, были замечены в Крыму, где летчик-испытатель Султанхан проводил испытания крылатой ракеты.

Сталин подумал немного и, написав на отдельном листочке замечания, прикрепил его к советской части справки. Так он поступал в исключительных случаях, когда не хотел обращать внимание на свою заинтересованность в том или ином вопросе. Листочек с замечаниями адресовался конкретному человеку, поэтому Поскребышев сразу же передавал этот листочек исполнителю, а справка уходила в секретариат чистой. В дальнейшем докладывать об исполнении указаний вождя полагалось лично и конфиденциально, поэтому вся информация оставалась вне поля зрения любопытных чиновников из ЦК.

Министру государственной безопасности Сталин поставил следующие вопросы: имеется ли информация о появлении летательных аппаратов на территории нацистской Германии и если такая информация имеется, то какие меры были предприняты ее руководством для выяснения происхождения этих летательных аппаратов. Подумав, Сталин дописал: проявляли ли союзники интерес к подобной информации, что для получения ее предпринимали, работали ли в этом направлении на оккупированной территории?

Сталину была памятна история, как в конце войны специальные разведывательные группы американцев и англичан буквально из-под носа у СМЕРШа выхватили группу немецких ученых, работавших по атомному проекту, и вывезли инженерный состав конструкторского бюро Отто фон Брауна, разработавшего знаменитые ФАУ-1 и ФАУ-2. Конечно, СМЕРШ тоже выполнил поставленную перед ним задачу: секретный завод немцев был армейской контрразведкой захвачен, многочисленное оборудование, корпуса ракет, несмонтированное оборудование и даже ряд инженеров были доставлены в Советский Союз. Но инженеры

это были второго плана, вот русским ученым и пришлось идти по проторенному немцами пути на ощупь, спотыкаясь, как говорится, и падая. Сталину не хотелось, чтобы ошибки были допущены и в этом случае, но винить в этих ошибках меньше всего следовало разведку, а тем более СМЕРШ. Винить в этом следовало штаб товарища Берии, который не сумел правильно оценить информацию о военном потенциале немцев, а потому неверно определил приоритеты трофейной комиссии.

Закончив читать справку, Сталин долго ходил по кабинету, посасывая трубку. Середину кабинета занимал длинный стол, покрытый зеленым сукном, к нему с обеих сторон были приставлены венские стулья. Рабочий кабинет Сталина находился в углу кабинета. На столе все было разложено в образцовом порядке, каждому предмету отведено было свое место, и вождь не терпел, чтобы кто-нибудь навел порядок на его столе. Над стулом, на котором обычно сидел вождь, висел портрет Ленина, на противоположной стене висели портреты Маркса и Энгельса. Пол был покрыт нарядной ковровой дорожкой, глушившей шаги.

Странно, но сейчас Сталин не думал об изложенных в справке фактах, мысли его вновь вернулись к прошлогоднему письму врача кремлевской поликлиники Лидии Тимашук. В этом письме, которое легло на стол вождя в августе 1948 года, врач утверждала, что академик Виноградов неправильно лечил Жданова, который в результате этого неправильного лечения умер. Помнится, тогда товарищ Сталин презрительно сказал «Чепуха!», и письмо без каких-либо последствий ушло в архив. Сейчас Сталин напряженно размышлял, правильно ли он поступил. В последнее время вождь стал чувствовать себя значительно хуже. Участились приступы гипертонии, все чаще болели голова и сердце. Было ли это только следствием возраста? Или его недомогания все-таки были следствием неправильного лечения?

Господи, никому нельзя верить! Единомышленники перегрызлись между собой. В свое время вождь приподнял и стал выделять среди других Вознесенского, Кузнецова и других ленинградцев, проявивших себя исключительно хорошо. Он их приблизил к себе, практически назвал своими преемниками, и что же? Их потянуло в сепаратизм. Решили противопоставить российскую всем остальным компартиям. Доклады Абакумова просто пугали. Выходило, что ленинградцы затеяли переворот в стране. Неудивительно, что всех их пришлось арестовать. А если сепаратизма не было? Если все это являлось тонкой игрой Маленкова и Хрущева, которые откровенно враждовали с ленинградцами? Рисковать, конечно, не стоило, судить ленинградцев просто необходимо, чтобы другим nepовадно было играть во фракционность. Но и к Маленкову с Хрущевым необходимо было приглядеться повнимательнее. А заодно и к сдружившемуся с ними Берии. Похоже, вождь пригрел на своей груди гаденышей, которые, если верить оперативной информации, что поступает из Грузии, только и ждут его смерти, чтобы окончательно разделить власть между собой.

Сталин подошел к окну и долго разглядывал привычный и оттого немного унылый кремлевский пейзаж. Вернувшись к столу, он сел, вызвал Поскребышева и, едва тот появился в кабинете, хмуро буркнул:

— Машину!

— Звонил товарищ Берия, — бесстрастно сообщил Поскребышев. — Интересовался, свободны ли вы.

Сегодня вождю не хотелось никого видеть, тем более у него не было желания встречаться с Берией.

— Перебьется, — по-грузински пробормотал Сталин, а для Поскребышева уже тверже повторил по-русски: — Машину! Поеду на дачу.

Сидя в машине и не обращая внимания на привычные пейзажи московских улиц, по которым несся кортеж, Сталин продолжал раздумывать над природой неизвестных лета-

тельных аппаратов. В чудеса он не верил, следовательно, летательные аппараты нужно было отнести к средствам потенциального противника, а это уже обещало неприятности.

Холодная война была в разгаре. После того как Трумэн в Потсдаме объявил советскому вождю о создании американскими учеными бомбы невероятной мощи, Сталин сознавал, что надежды на мировое партнерство с американцами оказались напрасными. Он жалел о смерти Рузвельта, как только может жалеть расчетливый политик, видящий, как случай нарушает его казавшиеся надежными планы. Фултоновская речь Черчилля произвела на Сталина неприятное впечатление. Конечно, он не испытывал в отношении Черчилля особых надежд, ярый враг всегда остается врагом, такого даже антигитлеровская коалиция исправить не могла, а тем более сейчас, когда западный мир получил неожиданное преимущество перед Советами, а Рузвельта, который мог бы гарантировать равноправное партнерство и который Сталину определенно нравился своим разумным подходом к политическим реалиям жизни, не стало. Разумеется, Сталин предпринял определенные меры — гарантией безопасности его государства стала бомба советских физиков, но еще большей гарантией стал укрепляющийся Тихоокеанский флот и четырнадцатая десантная дивизия генерала Павловского, размещенная вблизи Берингова пролива и имевшая задачу оккупировать Аляску в случае агрессии американцев. Летательные аппараты, появившиеся в центре Союза, особенно если они являлись средствами доставки атомного вооружения, могли существенно нарушить установившийся паритет сил. А если они не принадлежали бывшим союзникам, то это тревожило еще больше. Неведомая угроза всегда опаснее той, которую ты себе хорошо представляешь и которой можешь оказать заранее спланированное сопротивление.

Сидя в машине, Сталин неожиданно подсадовал на то, что безрассудно поддался внезапному порыву и не встре-

тился с Берией. Следовало выяснить, как обстояли дела по термоядерному проекту. Хотя в последнее время Берия был неприятен вождю, Сталин не мог не признавать высоких организаторских способностей этого человека. Прекрасно организовав разведывательную и научную работу, превратив эти далекие друг от друга понятия в единый сплав, Берия прекрасно справлялся с порученным ему делом. Сталин сентиментальностью не страдал, он расценивал человека по степени полезности его стране, полезному гражданину он прощал многое. Авиаконструктор Туполев открыто вел неблагоприятные беседы с сотрудниками. Сталин об этом знал, но резонно полагал, что польза от конструкторских разработок Туполева значительно больше, нежели вред от его разговоров. Поэтому к началу войны он только предпринял некоторые меры для того, чтобы изолировать Туполева и его научный коллектив от чужого внимания, но работать над созданием новых самолетов не помешал. Аналогично он относился и ко многим другим. Расчетливый ум грузинского крестьянина подсказывал Сталину линию поведения в каждом отдельном случае. Так он вытащил из тюрьмы создателя прямого котла профессора Рамзина, осужденного по процессу Промпартии, и распорядился обеспечить его условиями для работы. Более того, он наградил профессора Сталинской премией. Он четко рассчитал время: принимавший политику Сталина с нескрываемой иронией и неприязнью враг исчез, а вместо него появился человек, который отныне готов был пойти за вождя в огонь и в воду.

Сталин усмехнулся в усы, легонько тронул водителя за плечо.

— В Кремль, — сказал он. — Разворачивайтесь, мы кое-что не сделали сегодня. Недоработали.

Шофер четко выполнил указание. На лице водителя не дрогнул ни один мускул, а вот лицо телохранителя, си-

девшего впереди рядом с водителем, показалось вождю удивленным.

Поскребышев возвращению вождя не удивился. Впрочем, охрана скорее всего сообщила, что вождь возвращается в Кремль, поэтому у Поскребышева было время подготовиться к появлению Хозяина и не высказывать своего удивления. Поскребышев вошел в кабинет и замер у двери, ожидая указаний. Покорность и верность Поскребышева позабавила и тронула Сталина, на мгновение даже мелькнула мысль, что надо приказать Абакумову разыскать жену заведующего особым сектором ЦК и вернуть ее в Москву. Но уже в следующий момент Сталин поморщился недовольно и, словно устыдившись своей неожиданной жалости, отвел глаза в сторону. Лицо его побагровело, и стали видны многочисленные оспины, из-за которых лицо вождя казалось рябым.

— Пригласите Лаврентия Павловича, — недовольно и хмуро сказал Сталин. — Похоже, мы с ним сегодня не договорили.

Берия себя ждать не заставил.

Он вошел в кабинет, оживленно поблескивая пенсне, и Сталин с раздражением подумал, что разговор с Лаврентием будет неприятным. Ведомство Абакумова все-таки арестовало Вознесенского, хотя Берия этому всячески противился и утверждал, что не видит за ленинградцами особой вины. А попытка фракционности в его глазах ничего не значила? Товарищ Сталин с двадцатых годов бьется за монолитное единство партии, а эти последователи Троцкого пытаются проводить всесоюзные ярмарки без его ведома и уже поговаривают о создании российской партии РКП(б), мотивируя это тем, что в союзных республиках партии имеются, а в России ее почему-то нет. А того не понимают, что Россия — это хребет Союза, если ребра могут иметь какое-то подобие самостоятельности, то хребту такая роскошь просто не по чину. Союз стоит, пока живет Россия,

это Сталин понимал великолепно, потому и относился к российским самостийникам так же жестко, как к украинским незалежникам. На том стояли и стоять будем. Слов нет, Берия прекрасный хозяйственный организатор, но государственный из него никакой. Впрочем, что еще ожидать от бабника? Не Лаврентий своим имуществом управляет, его имущество управляет им. Таким ли думать о будущем страны?

Неожиданно Сталин вспомнил анекдот о Берии, рассказанный ему Абакумовым, и засмеялся. Бабник Берия приглашал через своих адъютантов девочек, развлекался с ними, а потом провожал к выходу, где галантный денщик Берии вручал очередной игрушке патрона букет цветов. Однажды девочка заупрямилась, и Берии пришлось отступить. Денщик об этом, разумеется, ничего не знал, и на выходе вручил девице дежурный букет цветов. Та повернулась и дерзко сказала несостоявшемуся любовнику: «Видите, Лаврентий Палыч, ваш денщик и тот ко мне лучше относится — букет подарил!» Лаврентий скрипнул зубами и тихо сказал: «Ошибаешься, милая. Это не букет, это — веноч!»

Он засмеялся.

Берия недоуменно взглянул на хозяина:

— Чему смеешься, Коба? Расскажи, я тоже с тобой посмеюсь!

Сталин стал серьезным, он хмуро кивнул Берии на стул:

— Садись, батоно. Ты у нас все знаешь, тебе обо всем докладывают. Расскажи старому человеку, что за «летающие тарелки» появились в мире? Раньше их видели только американцы, теперь видят у нас. Что они делают на Урале?

Берия легко отмахнулся.

— Коба, — сказал он. — Зачем вождю забивать себе голову такой ерундой? Есть куда более серьезные вещи. Я не стал бы тебя беспокоить, но приходится.

— Если ты по Воскресенскому, — сердито сказал Сталин, — то разговор уже был. Ты сам старый чекист, ты

должен понимать — никто на себя зря наговаривать не станет. Били его? Большевиков царские сатрапы не так мордовали, но мы же не признавались в свальном грехе! Если эти рассказывают о своей антисоветской работе, то так оно и было на самом деле, значит, они и в самом деле такую работу вели. Или ты хочешь сказать, что сам фальсифицировал показания? Кто у тебя их сочинял?

— Я перед тобою чист, — поднял руки Берия. — Неужели ты мог подумать, что я способен что-то затевать за спиной у вождя? Сколько лет ты меня знаешь, Коба?

— Нестора Лакобу я тоже знал не один год, — глухо сказал Сталин. — Кто мог подумать, что Нестор меня предаст? Последнее время я никому не верю. Некому отдать государство, Лаврентий, некому. Думал отдохнуть, время такое пришло. Но кому поручить государство? Не тебе же, ты ведь, если дать тебе власть, через полгода от полового бессилия и изнеможения загнешься. А потом, ты все-таки потихоньку наглеешь. Ты уже указываешь, какие проблемы должны занимать вождя, а на какие он не должен обращать внимания. Твое ли это дело, Лаврентий?

— Не сердись, Коба, — примирительно сказал Берия. — Ну, сорвалось глупое слово с языка. Кто я, чтобы соперничать с твоей мудростью? Просто я очень люблю тебя и хочу, чтобы ты жил долго, на радость друзьям и на страх всем нашим врагам.

— Лъстец, — проворчал Сталин. — Ладно, Лаврентий, выкладывай, с какими гениальными идеями ты пожаловал на этот раз.

— Академик Абеков приезжал, — сказал Берия. — Из туркменского Института геологии. Их тревожит сейсмика районов, прилегающих к Аральскому морю. Вполне вероятно повторение ашхабадского землетрясения.

— Этого нам не хватало, — сказал Сталин. — Что можно предпринять?

— Ничего, — сказал Берия. — Это как атомная бомба — либо взорвется, либо нет.

— И что ты предлагаешь? — рассердился Сталин.

— А что я могу предложить, Коба? — удивился Берия. — Это не я, это они просят деньги на разработку методики раннего предупреждения землетрясений. Десять миллионов рублей.

— Нет денег, — сказал Сталин. — Ты ведь не хуже меня знаешь, сколько мы тратим на разработку водородной бомбы. И Ашхабад мы из руин поднимаем. Они должны знать, сколько это стоит — заново отстроить город. Где товарищ Сталин возьмет деньги? Товарищ Сталин деньги не печатает, деньги печатает Гознак. С этим вопросом все. Несвоевременно, Лаврентий, сам должен понимать. Что у тебя еще?

Он недовольно поморщился, понимая неудовлетворительность своего ответа. В сорок пятом, после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, раздраженный инертной неповоротливостью науки, он вызвал президента Академии наук Сергея Ивановича Вавилова и хмуро спросил его:

— Ну что, просрали бомбу наши ученые?

— Нет, товарищ Сталин, — нашелся академик. — В очередях простояли!

Ответ был по существу. Сталин понимал, что на науке экономить нельзя, рано или поздно эта экономия обернется против государства, но в данном случае он понимал, что дополнительные расходы государство просто не потянет. Поэтому он даже был рад, что Берия перевел разговор на другую тему.

Лаврентия Берия тревожило положение в советской оккупационной зоне.

Создание на месте оккупационных зон союзников Федеративной Республики Германия не застало врасплох советское правительство. Однако немцы во главе с Ульбрихтом протестовали, чтобы восточная зона вошла в федеративное госу-

дарство. Коммунисты требовали автономии. Следуя мыслям о создании социалистического лагеря в Европе, Сталин принял решение о создании социалистической Германии. Берия остался в меньшинстве. Ему было все равно, какой станет новая Германия, лишь бы эта новая Германия оставалась европейским союзником СССР. Упрямо и регулярно он доводил свою мысль до сознания вождя, приводя все новые и новые доводы за создание единой Германии.

— Слушай, Лаврентий, — хмуро сказал Сталин. — Если бы товарищ Сталин тебя не знал, он бы подумал, что ты работаешь на англичан. Политбюро уже приняло решение. Можешь, если не боишься, вынести этот вопрос на Политбюро. Только приготовься, что товарищи из Политбюро будут тебя бить за эти изменнические настроения. Ты хочешь сказать, что мы выиграли эту войну, чтобы подыгрывать империалистам? Сколько тебе платит Черчилль?

— Я молчу, — сказал Берия. — Но мы совершаем ошибку. Зачем оставлять в Европе очаг противостояния разных социальных систем, да еще переносить ее на национальную почву, искусственно разделяя единый народ? Рано или поздно все это аукнется. Бог с ними, с немцами, я боюсь, что это может отозваться в Европе.

Хитроумный чекист был прав, через несколько лет все обернулось берлинским восстанием, а чуть позже, когда судили его самого, Берия в числе иных было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Англии. И тут уже вождь, пусть и посмертно, оказался пророком. А быть может, совсем не пророком — давно ведь известно, что избитые штампы живут дольше случайных истин, и если нарком Берия в свое время обвинял членов Политбюро в шпионажах в пользу иностранных держав, то стоило ли удивляться, что его самого уцелевшие члены Политбюро обвинили в этом самом шпионаже, хотя самое святое английской разведки давно занимали люди, работавшие на СССР исключительно из идейных соображений, и таким образом Лаврентию

Павловичу выкладывать им государственные секреты Страны Советов было бы просто глупо.

Но до этих событий было пока еще далеко, а сейчас Берия, убедившись, что судьба Восточной Германии решена окончательно и бесповоротно, докладывал товарищу Сталину об аресте в далекой Америке бывшего немецкого физика Фукса, через которого по тайным тропкам разведки приходили в Союз атомные секреты бывшего союзника.

— Нет, — глухо сказал Сталин и бесшумно прошелся по ковру, расстеленному на полу кабинета. — Этого мы признавать не можем. Надо официально заявить, что советскому правительству Фукс неизвестен. Пусть они знают, что после августа мы тоже располагаем атомной бомбой, не надо только им знать, сколько у нас этих атомных бомб. В сорок пятом они грозили бомбой нам, пора погрозить им. Жаль, что мы не можем продемонстрировать ее так же открыто, как они это сделали в Японии. Но даст бог, не последний день на свете живем, они еще обязательно нарвутся, просто не могут по своему нахальству не нарваться. И тогда мы еще посмотрим, чей ишак громче кричит!

Вождь вернулся за стол, прищурил весело свои тигриные глаза и, почесав переносицу, сказал:

— А ты, Лаврентий, своей чекистской хватки не теряешь, хоть и в хозяйственники я тебя перевел. Ловко ты ушел от нашего разговора. Но ты мне честно все-таки скажи, немцы этими самыми «летающими тарелочками» занимались? Что там твои хваленые оперативные источники сообщали?

Сов. Секретно

Тов. Королеву С.П.

1. Ознакомьтесь с данными материалами. После ознакомления передать документы вх. № 934-б и № 935-б в известное вам подразделение для анализа и последующего использования.

2. Ваши выводы по материалам доложите при личной встрече.

7 декабря 1949 года.

Л. Берия.

Документ 1

Краткий меморандум начальника штаба генерала Дж.К. Маршалла президенту Фр. Делано Рузвельту

Секретно

26 февраля 1942 года

МЕМОРАНДУМ ПРЕЗИДЕНТУ

Нижеследующее — это информация, имеющаяся у нас в настоящий момент относительно воздушной тревоги над Лос-Анджелесом вчера утром:

Из подробностей, доступных в этот час:

1. Неопознанные самолеты, не похожие на самолеты американской армии и флота, вероятно, появились над Лос-Анджелесом и были обстреляны подразделениями № 1 БА бригады (АА) между 3.12 и 4.15 утра. Эти подразделения произвели 1400 выстрелов из орудий противовоздушной обороны.

2. Всего в налете участвовало около 15 самолетов, летевших с различными скоростями, начиная с «очень медленной» (как официально было сообщено) скорости в 200 миль в час, и на высотах от 3000 до 6000 метров.

3. Не было сброшено ни одной бомбы.

4. Потерь среди войск нет.

5. Не было сбито ни одного самолета.

6. Ни один самолет ВВС и ВМФ США не принимал участия в деле.

Исследования продолжаются. Разумно заключить, что если неопознанные самолеты принимали участие в этом налете, то они могли быть коммерческими и управлялись вражескими агентами для распространения паники, раскрытия расположения батарей противовоздушной обороны и замедления работы производств во время затемнения. Это заключение подтверждается

необычно длительным пребыванием самолетов, их необычным поведением и тем, что бомб сброшено не было.

Начальник штаба

Дж.К. Маршалл

Идентичность перевода текста документу подтверждаю

подпись.

Перевод РУ МГБ СССР.

Документ 2

Секретно

23 сентября 1947 года

Штаб-квартира командующего материальной частью ВВС.

Командующему ВВС.

Также: Бригадному генералу Дж. Шульгену, АЦ/АС-2

1. В ответ на требование АЦ/АС-2 здесь представлено мнение относительно так называемых «летающих дисков». Это мнение основывается на данных сообщений, представленных АЦ/АС-2, и предварительных исследованиях сотрудников Т-2 и лабораторий летательных аппаратов технического подразделения Т-2. К этому мнению пришли на совещании института воздушной технологии и подразделения разведки Т-2 начальники технического подразделения, самолетной, пропеллерной и двигательной лабораторий.

2. Мнение заключается в следующем:

а) Рассматриваемое явление является чем-то реальным, а не иллюзией или вымыслом.

б) Объекты, вероятно, имеют форму диска и такие видимые размеры, что представляются столь же большими, как и летательные аппараты, сделанные людьми.

в) Возможно, что некоторые случаи объясняются естественными причинами, такими как метеоры.

г) Описываемые характеристики действий, такие, как очень большая скорость подъема, маневренность (особенно при дви-

жении по окружности), и действия, которые должны рассматриваться как бегство при визуальном контакте с дружеским самолетом или радарами, делают правдоподобной возможность того, что некоторые объекты управляются либо вручную, либо автоматически, либо дистанционно.

д) Обычное визуальное описание объектов следующее:

1. Металлическая или отражающая свет поверхность.
2. Отсутствие следа, за исключением тех редких случаев, когда объект выполнял сложные маневры, демонстрируя высокие летные качества.
3. Округлые или эллиптические формы, плоские снизу и куполообразные сверху.
4. В некоторых сообщениях указывалось на наличие четко соблюдаемого строя, состоящего из нескольких (от 3 до 9) объектов.
5. Обычно объекты беззвучны, исключая три случая, когда отмечался грохочущий звук.
6. Обычная скорость полета лежит в пределах 550 км/час.

е) С использованием современных знаний при условии организации детальных исследований возможно создание пилотируемого летательного аппарата, имеющего сходное общее описание, данного в параграфе «д», который мог бы иметь дальность полета до 12 000 км и скорость, близкую к скорости звука.

ж) Любые исследования в данной области с целью технического решения проблемы требуют громадных затрат времени и финансов, значительно превосходящих стоимость существующих проектов, и поэтому могут быть начаты только как самостоятельный проект, не связанный с существующими.

з) В результате проведенного рассмотрения можно высказать следующее:

1. Существует возможность, что эти объекты созданы в США и являются результатом сверхсекретных разработок, неизвестных АЦ/АС-2 и командованию.
2. Пока отсутствуют физические доказательства в виде обломков потерпевших крушение объектов, продолжает существовать неуверенность в реальности этих объектов.

3. Существует возможность, что иностранная держава имеет двигательные установки, возможно, ядерные, принципы которых неизвестны США.

Рекомендуется, чтобы:

А) Штаб-квартира ВВС издала директиву, определяющую очередность, степень важности и кодовое название детальной исследовательской программы по данному вопросу, чтобы начать подготовку полного обзора всей имеющейся в наличии и относящейся к делу информации, которую затем надлежит предоставить основным исследовательским подразделениям ВВС США для выдачи рекомендаций и комментариев по данному вопросу. В течение пятнадцати дней после получения данных — предварительный отчет, и через 30 дней — окончательный детальный отчет.

Б) В ожидании разрабатываемых инструкций КМЧ ВВС следует по собственной инициативе продолжить исследование явлений данного класса. Подобная анкета регистрации информации будет разработана в ближайшее время и немедленно разослана через каналы связи.

Н.Ф. Туайнинг, командующий.

Идентичность перевода тексту документа подтверждаю _____ подпись
Перевод РУ МГБ СССР*.

Глава четвертая

Немцы неопознанным летательным объектам тоже уделили немало внимания. Сведения о странных летательных аппаратах накапливались незаметно, но уже к концу сорок второго года наблюдений набралось столько, что в рамках Анэнэрбе в рейхе было создано Зондербюро-13, которое

* Странное дело, но переводы этих документов свидетельствуют о том, что канцелярские обороты в армии США ничуть не лучше тех, что имеют место в нашей родимой армии. Та же невнятность, словно офицеры жуют свои форменные фуражки.

изучало случаи появления загадочных летательных аппаратов над территорией Германии, но не только над ней.

В конце 1942 года немецкая подводная лодка обстреляла из орудий в Северном море объект длиной 80 метров, который на небольшой высоте пролетал мимо. Обстрел не дал никаких видимых результатов, но сообщение о летательном аппарате, напоминающем диск, попало в поле зрения чинов штаба ВМФ рейха, а оттуда переключалось во вновь образованное бюро.

С сорок второго года не только американцы и англичане, но и немцы заметили, что самолеты в ночном воздухе сопровождают странные сферические предметы. Как и американцы, немцы заподозрили, что имеют дело с летательными аппаратами противника, но, убедившись в отсутствии агрессивности со стороны сверкающих сфер, перестали обращать на них внимание, скоротечные бои, которые проходили в воздухе, рассеянности и невнимательности не прощали.

В 1944 году в районе Кастельфодардо над линией фронта завис неизвестный металлический объект овальной формы. Союзники приняли его за немецкий летательный аппарат и принялись обстреливать из зенитных орудий. В свою очередь летательный аппарат принялись обстреливать и немцы, приняв его за летательную машину американцев. Обстрел длился несколько минут, и видно было, как снаряды зенитных пушек попадают в цель, но видимого ущерба не причиняют. Аппарат стремительно набрал высоту и исчез в небе.

Наконец, похожий летательный аппарат неизвестного происхождения был замечен вблизи альпийской резиденции фюрера. Это была опасность, которую нельзя было просто игнорировать. Геринг бросил на защиту резиденции фюрера лучших летчиков. В марте 1943 года летчики эскадрильи специального назначения столкнулись в воздухе с неизвестным летательным аппаратом, который имел

форму диска. Часто атакуя объект парами, защитники фатерланда в двадцатиминутном бою добились своего — летательный аппарат потерял управление и рухнул в предгорьях. Точное место падения аппарата советской разведке установить не удалось. Известно, что головорезы Отто Скорцени из специального подразделения Ваффен СС «Фриденваль» обшарили значительную территорию, но игра стоила того — эсэсовцы обнаружили упавший аппарат, достигавший шестидесяти метров в поперечнике, и эвакуировали его на ближайшую базу военно-воздушных сил, а позже на завод в Бреслау, где для объекта был построен специальный ангар, который получил название «Маленький Михель». Пилотов, что управляли диском, эсэсовцы не обнаружили. Источники сообщили, что для изучения сбитого аппарата была создана компетентная комиссия. Дважды на завод прилетал Геринг и один раз комиссия из числа высших чиновников рейха. Попытки советских разведслужб внедрить своих людей на завод в Бреслау окончились неудачей — режим секретности на заводе был значительно жестче, чем на острове Узедом, где, по данным английской разведки, испытывались крылатые ракеты ФАУ-1 и баллистические ракеты ФАУ-2.

Изучение сбитого летательного аппарата шло со скрипом — использованные в его строительстве технологии были абсолютно неизвестны в Европе. Тем не менее к концу сорок пятого года, по некоторым данным, бюро-13 располагало образцом такого аппарата, созданного инженером Белонце. На летательном аппарате, имеющем форму блюда, были установлены двигатели австрийского изобретателя Виктора Шаубергера. Двигатель этот потреблял лишь воду и воздух. Первые испытания диска состоялись девятнадцатого февраля сорок пятого года — за три минуты летчики-испытатели достигли высоты тысяча пятьсот метров и скорости две тысячи двести километров в час. Аппарат мог летать вперед и назад без разворотов. Трудно было ска-

зять, явились ли эти разработки следствием изучения разбившегося летательного аппарата, который осматривали даже такие видные специалисты в области самолето- и ракетостроения, как Хейнкель, Мессершмитт, фон Браун, а также опытные летчики-испытатели во главе с Ганной Райч.

Работы велись на заводе Бреслау. При наступлении Красной Армии опытный экземпляр аппарата был уничтожен, заключенные специалисты, работавшие над ним, — расстреляны. Документация исчезла бесследно. По оперативной информации, захоронена в альпийском тайнике. Шаубергер эмигрировал в США, однако тайна его двигателя американцам осталась неизвестной.

— Вместе с тем, — закончил Берия, — в этом деле остаются некоторые неясности. Поступавшие сообщения агентуры были неконкретными, никто и никогда подобного летательного аппарата не видел, имели ли место подобные испытания или все это была деза, попытка запугать противника, сейчас сказать трудно. Я склоняюсь к мысли о намеренной дезинформации.

Нам известно, что в сорок четвертом году Отто Скорцени и генерал Германн из Главного штаба инженерных войск Германии набирали отряд летчиков-смертников, которые должны были пилотировать ФАУ-1. В дальнейшем планировалось создать отряд летчиков, которым предстояло выйти на ракетах ФАУ в открытый космос и оттуда нанести управляемые ракетные удары по территории Соединенных Штатов. Активное и деятельное участие в этом проекте принимала Ганна Райч, которая лично пилотировала ФАУ-1 и блестяще справилась с ракетой, стартовав из-под фюзеляжа «Хе-111» и благополучно посадив ФАУ на взлетную полосу аэродрома. Однако дальше дело не пошло — у немцев не осталось ни горючего, ни опытных летчиков, способных управлять ФАУ в полете. Если бы немцы имели в своем распоряжении «летающие диски», зачем бы им пускаться в авантюры с ФАУ?

— Значит, мы должны быть благодарны Гитлеру, — задумчиво сказал Сталин. — Задержись он с нападением, не только бы мы успели перевооружить свою армию. Встал бы против нас немец, имея на вооружении ракеты, реактивные истребители и атомную бомбу, что тогда? Но ты меня, Лаврентий, не убедил. Ты меня в одном успокоил — я грешным делом считал, что мы имеем дело с недобитыми немцами, которые сидят на какой-то секретной базе и думают, как бы своих противников побольнее ужалить. Теперь я вижу, что немцы тут ни при чем. Ты «Войну миров» Уэллса читал?

— Некогда мне беллетристику читать, — хмуро сказал Берия. — Тут от ученых докладных записок голова болит, агентурные сообщения читать не успеваю. И ведь так, суки, заковыристо пишут, что порой даже не понимаешь — серьезно они или издеваются над тобой.

— И зря, — сказал Сталин. — Литературу читать надо, иначе от жизни отстанешь. Когда в голове одна политика... — Он не договорил. — К этому... Шаубергеру подходы искали?

— Не знает он ничего, — с досадой сказал Берия. — Я тебе говорю, не было ничего. В противном случае информация у нас была бы более полной. Такие люди в штабе ВВС у Геринга сидели!

— Пригласи ко мне Королева, — сказал вождь. — Нет в тебе, Лаврентий, романтики. Правду говорят, что ты на комсомолках повернутый. Но раз ты у нас такой бабник, взял бы и прочитал «Аэлиту» нашего советского литературного графа. Сказка, а как хорошо написана!

— Про баб? — равнодушно поинтересовался Берия.

— Про революцию, — сказал Сталин. — И еще немного про любовь на планете Марс.

— Марс далеко, — сказал вождю верный соратник. — Тебе этот Королев когда будет нужен? Он сейчас на полигоне под Астраханью.

— Вчера, — сказал Сталин. — И еще... Что-то непонятное творится на Урале. Ты возьми, Лаврентий, этот район под свой контроль.

Видимо, Сталин прочитал роман «Аэлита» Алексея Николаевича Толстого внимательно и с политической точки зрения романом проникся. Собственно, вождь всегда уважал писателя Толстого, чья пьеса «Хлеб» не единожды ставилась театрами страны. После смерти графа советской литературы вождь даже лично позвонил в Гослитиздат, чтобы решить судьбу литературного наследия Толстого.

— Товарищ Мясников, — сказал он. — Не мы выбирали жен Алексею Толстому. Он сам их себе выбирал. Считаю, что гонорар за его литературное наследство надо разделить между первой и второй женами. Думаю, это будет справедливым и политически верным решением. Трудно решить, кто его Муза, а кто Аэлита. Мне кажется, на этот вопрос не ответил бы сам Алексей Толстой.

Стоит ли говорить, что к мнению товарища Сталина прислушались?

К разговорам с учеными Сталин всегда готовился. Не мог он показать свою некомпетентность в поднимаемых вопросах. Да и смысл таких бесед терялся, прояви вождь себя в них дилетантом и обывателем.

Вот почему перед встречей с Королевым на столе у Сталина лежало несколько книг с аккуратными закладками. Если раньше Сталин считал, что космос — просто блажь оторвавшихся от жизни ученых и некоторых недалеких писак, отрывающих людей от созидательной деятельности на благо государства, то после ознакомления с работами Циолковского, Цандера и Оберта эта уверенность вождя была довольно сильно поколеблена, а роман Курта Ласвица «На двух планетах» поразил его настолько, что несколько раз в течение ночи он смотрел на звезды; более того, он заразил своими астрономическими интересами Ворошилова и Молотова.

В эту ночь они говорили о звездах.

Сталин набрал номер дежурного Академии наук.

— Товарищ дежурный, вас беспокоит Сталин. Разрешите наш спор. Товарищ Ворошилов утверждает, что звезда, которая горит над Кремлем, — это Марс, товарищ Молотов с ним не согласен и утверждает, что это Юпитер.

Дежурный поднял с постели профессоров и академиков, имеющих отношение к звездному небу. Академик Фесенков, зевая, подошел к окну, посмотрел на небо и проворчал:

— Астрономы... Им только звезды разглядывать. Это не планета, это звезда из созвездия Кассиопеи.

— А где же Марс? — с жадным любопытством спросил вождь.

Ему показали неяркую красную звездочку. Сталин долго смотрел на нее, потом пожал плечами.

— Такая маленькая, — глуховатым голосом сказал он, — а сколько неприятностей может принести.

Контора Берии, продолжавшего курировать органы государственной безопасности, работала как часы, и уже вечером следующего дня конструктор ракет Сергей Павлович Королев был доставлен в Москву на полученном по «ленд-лизу» «Дугласе», занесенном от дотошливых и требовательных американцев в списки боевых потерь в самом конце войны.

Лаврентий Павлович Берия встретился с ним в гостинице «Москва». Жесткий и требовательный с подчиненными, Берия мог быть мягким и обходительным с теми, от кого зависела его карьера. А работы в области ракетостроения автоматически выводили Королева в число самых необходимых Берии людей — новые тактические средства нападения, какими явились атомная бомба и захваченные у немцев запасы отравляющих веществ, требовали новых средств доставки. Берия слишком долго работал с учеными, чтобы этого не понимать.

— Как дела, Сергей? — спросил Берия.

Круглое лицо конструктора было спокойным.

— Вчера на стенде двигатель проработал сорок секунд, — сказал он. — Надеюсь, в ближайшее время Мишин с Исаевым добьются большего. Хватит пускать немецкие петарды, мы способны на большее.

— Завтра у тебя встреча со Сталиным, — сообщил Берия. — Не заносись. Веди себя спокойно, с достоинством, но уважительно. Старик хочет знать. Это его право. Можешь говорить откровенно, только не давай обещаний. Не надо обещаний, он не любит, когда обещания не выполняются. Сколько ФАУ у тебя еще осталось?

— Двенадцать готовых изделий, — сказал Королев. — И десятка полтора в узлах.

— Я дам команду, — сказал Берия. — Пусть готовят несколько к старту. Возможно, наш старик захочет сам посмотреть на гром и молнии. Надо чтобы старты были эффектными. Но не торопись, у нас на Кавказе говорят, что неторопливый ишак, идущий правильной дорогой, обязательно обгонит скакуна, бегущего по кривому пути. В ближайшие дни институт получит деньги. Хорошие деньги, — сказал Берия, немного подумав. — В материалах у вас недостатка тоже не будет. Твой список я выполнил полностью, теперь все за вами. Не подведешь?

— Будем стараться, — сумрачно пообещал Королев.

— Надо не просто стараться. — Берия разлил в гостиничные рюмки коньяк. — Надо очень стараться, Сергей. Мы с тобой теперь в одной упряжке — не будет Берии, Королева тем более не будет. Кстати, Старик может поинтересоваться, что тебе известно о странных летательных аппаратах, которые начали наблюдаться у нас. Слишком много читает последнее время. Графа Толстого читает, «Аэлиту» вспоминал, «Войну миров» какого-то англичанина называл, боится, что на нас марсиане нападут. Надо его сомнения развеять немного, как-то успокоить Старика. Ну

и особо не нажимай, не говори, что мы эту проблему отслеживаем. Про лабораторию в Капьяре тоже не говори. Хорошо?

— А я и вам говорил, что проблема не стоит выеденного яйца, — сказал Королев. — Зря только деньги тратим. Кроме разговоров, пока ничего.

— Ладно, — сказал Берия. — Ты все правильно понял.

Он протянул Королеву полную рюмку и поднял свою:

— Ну, за успех?

Странное обаяние было в этом невысоком человеке, который носил старомодное пенсне и неизменную черную шляпу, которая делала Берию похожим на иностранца. Погрузински крючковатый нос его целился в собеседника, а острые глаза следили за каждым его движением. Вместе с тем Берия умел располагать к себе. Королев не забывал, кто перед ним, но ему нравилось умение Берии говорить лаконично, конкретно и по существу. Этот человек умел видеть суть проблемы и отсекал несущественное.

Они выпили, поговорили еще немного о насущных и неотложных делах, и Берия ушел, пообещав, что с утра за Королевым будет прислана машина.

Королев остался один. Предстоящий визит к Сталину не особенно волновал его, хотя никогда не знаешь, чего ожидать от стареющего хозяина страны. Говорят, в Кремле его так и называют — Хозяин. Королев сталкивался с вождем дважды, его всегда удивляла компетентность Сталина в обсуждаемых вопросах, вместе с тем Сталин был довольно жесток в общении, но не терял при этом невидимой связи с посетителем, позволяющей тому чувствовать к сановному собеседнику расположение.

Берия советовал ему не спешить. Королева это смешило.

Он давно уже торопился и спешил.

Как всякий специалист, которого однажды насильно оторвали от любимого дела, он боялся, что и в этот раз

возникнут непредвиденные препятствия в виде реки Колымы и ее красивых, но слишком холодных окрестностей. На Колыму Королев попал по ошибке, его направили туда вместо «шарашки» Туполева, но проведенного в северных краях времени ему хватило с лихвой. Именно тогда Королев понял истинность поговорки, рекомендующей не зарекаться от сумы да от тюрьмы. Ему повезло, многие его знакомые, которые представляли далеко не худшую часть советской интеллигенции, навсегда остались лежать в вечной мерзлоте. Если бы когда-нибудь сбылось предвидение философа Федорова и дело дошло бы до воскрешения мертвых, то у ученых, затеявших этот эксперимент, материалы были бы под рукой и в самых неограниченных количествах — тюремщики об этом позаботились, хотя старались не для славы, и причины потерь в ээка стыдливо укрывали за стыдливими эвфемизмами типа воспаления легких или острой сердечной недостаточности. Пребывание в лагерях отзывалось в теле конструктора внезапными слабостями и неожиданными испаринами, но Сергей Павлович старался вспоминать время заключения как можно реже, он старался смотреть в будущее. Время запуска трофейных немецких ракет подходило к концу, на смену этим ракетам шли первые советские разработки, которые позже получили название СКАД.

Честно говоря, задачу создания боевых жидкостно-реактивных ракет можно было считать решенной. Разработки немецких инженеров дали Королеву многое, но вместе с тем Сергей Павлович отмечал, что техническая мысль немцев двигалась по тому же самому пути, которым они шли в ГИРДе.

Собственно, иначе не могло и быть. Просто немцы значительно обогнали их во времени. Королеву было безумно жаль времени, проведенного в лагере и потом потраченного в «шарашке» на решение задач, не имеющих никакого отношения к жидкостно-реактивной ракетной технике. Но так сложилась жизнь, и ничего с этим поделать было нельзя. Только сожалеть.

Вместе с тем он уже делал робкие прикидки, которые позволили бы вывести полезный груз на околоземную орбиту. И чувствовал, как его охватывает радостный озноб: получалось! В головной части одной из ракет была размещена специальная капсула с белыми мышами. Ракета поднялась до высоты в семьдесят километров, после чего контейнер отделился от нее и благополучно приземлился в степи. Самое удивительное — мыши были живы! И их пока еще невысокий полет свидетельствовал о том, что в космос можно было лететь. Взлететь и вернуться.

Жила в нем странная уверенность, что все будет хорошо.

Он еще жил спором с коллегами, ему было ясно, что кислород с бензином в виде топлива задач не решает, тем более не решала ничего и смесь кислорода с метиловым спиртом. Конечно, дешево и сердито, но годится только для начала. Требовалось, чтобы значения удельного импульса не превышали трехсот пятидесяти секунд. Возможно, что прорыв был в применении углеводородов, Мишин и Исаев с этим тоже согласны, по некоторым данным американцы ищут азотно-водородное горючее, возможно, аммиак и гидразин окажутся более подходящими компонентами для создания новых горючих смесей. Значит, следовало искать в этом направлении. Но и это было не самое главное, в конце концов, есть специалисты, разрабатывающие двигатели, перед ними поставлена задача, и пусть они ее решают. А самому Королеву предстояло искать лучшую компоновку двигателей, решать задачи, обеспечивающие расстыковку ступеней в необходимый момент, думать над электроникой, которую следовало применить в ракетах. Задач хватало, пуски сорок восьмого года еще ничего не решали, это были игры с чужой техникой, но надо было обзаводиться собственной. ФАУ годились на первом этапе разработки, надо было совершенствовать свою баллистическую ракету — военные получают необходимое средство доставки, позволяющее достичь любого континента, а уче-

ные получают ракету, которая будет способна преодолеть земное притяжение и вывести на орбиту полезный груз, как втайне думал конструктор, — капсулу с человеком. Сам Королев чувствовал себя хорошо, постоянно поддерживал себя в форме, а кому, как не конструктору, испытывать свое детище? Делали же себе прививки оспы и других болезней врачи? Королев понимал, что мечты его наивны, никто его не выпустит с Земли в случае успеха программы, скорее наоборот — засекретят и будут держать под замком, телохранителей приставят, чтобы ничего не случилось. Однако, пока шла работа, призрачные мечты имели право на существование. Королев мечтал.

Он подошел к окну гостиницы.

С темных небес на него смотрела насмешливая Луна.

«Цель», — подумал Королев и ответно усмехнулся Луне.

«Аненэрбе»

Берлин — Далем

Институт

21 апреля 1943 года

По специальным исследованиям

Пюклерштрассе, 16

В области военных наук

Секретный документ

Главному имперскому управлению

государственной

Безопасности

важности

Управление 1У В 4

5 копий

Без приложений

Берлин, Принц-Альбрех-штрассе, 8

О приобщении черепа и скелета к коллекции скелетов

Исследованиями существа, доставленного в марте 1943 года в институт по специальным исследованиям, установлено, что указанное существо не принадлежит ни к одному известному до сих пор земному виду существ, поэтому произвести какую-либо его классификацию не представляется возможным.

С целью сохранения образцов для дополнительных исследований мозг исследуемого существа и внутренние органы изъяты и помещены в раствор формалина, что обеспечивает длительность хранения. Взяты гистологические пробы. Скелет и череп

исследуемого существа освобождены от мышечных тканей путем вываривания. Череп и скелет также не дают возможности идентифицировать существо на принадлежность к известным земным видам.

Учитывая, что в 20—30-е годы в России доктором Ивановым проводились исследования по межвидовому скрещиванию животных, можно полагать, что мы имеем дело с существом, полученным таким путем, однако до настоящего времени каких-либо сведений об успешной работе в этой области в институт не поступало.

Одновременно с изложенным прошу вашего разрешения на приобщение скелета и черепа исследованного существа к имперской коллекции, созданной при институте.

С момента начала создания коллекции обработано 329 лиц, в том числе 109 евреев, 128 евреек, 65 славянских национальностей, 20 азиатов и 7 англосаксов. Тем не менее работа по созданию указанной выше коллекции ведется явно замедленными темпами, так как некоторые руководители, прежде всего концлагеря Натцвейлер и Освенцим, не понимают важности поставленной задачи и не выполняют предписаний имперского управления безопасности. Прошу еще раз разъяснить указанным руководителям, что в случае с коллекцией речь идет о задаче государственной важности, стоящей на контроле в канцелярии фюрера.

Зиверс, штандартенфюрер СС.

Глава пятая

Зима.

Несколько дней шел снег, поэтому запыленные им сосны и кедры были особенно красивы. Бабуш сидел в санях, глядя на черный полушубок возницы, и время от времени тер щеки. До районного центра оставалось еще около семи километров, и Бабуш откровенно радовался

АХО, выдавшему ему дубленый полушубок, волчью шапку и валенки. Не будь этого добра, Бабуш уже окошел бы от холода.

Добираться до Усть-Ницы оказалось сложно, дороги замело снегом, и доехать в поселок можно было только на санях, которые Бабуш получил в Тугулыме.

С начальством не спорят, но все-таки неопределенность задания оперуполномоченного МГБ смущала и раздражала. Бабуш поклонялся авиации, в свое время в ОСОАВИАХИМ записывался, с парашютной вышки в городском саду прыгал, типы советских самолетов знал назубок и просился перед войной в летное училище, только не направили его туда, такие военкоматам на земле были нужны — уж больно хорошо Саша Бабуш стрелял, даже значок «Во-рошиловский стрелок» на соревнованиях заработал. Но скажите на милость, какие летательные аппараты, кроме русских, могли еще появиться в районе Уральских гор?

А зачем и для чего собирать информацию о наших же самолетах? Да еще узнавать, не появлялись ли в поселках и не встречались ли в тайге неизвестные существа, не похожие на людей?

— Приехали, — сказал возница.

Замерзший Бабуш приподнялся, глянул вперед и увидел несколько десятков темных бревенчатых домов, над одним полоскалось красное знамя, и гадать даже не стоило, где находится поселковый Совет.

— Держи на поселковый Совет, — сказал Бабуш. — Начнем с начальства.

Председатель поселкового Совета Иван Тимофеевич Козинцев встретил оперуполномоченного МГБ с показной приветливостью. А может, он и в самом деле был рад свежему человеку, через которого можно узнать городские новости. Председатель выглядел на сорок пять лет, был невысок и худощав, с морщинистым усталым лицом много

повидавшего человека, а пустой левый рукав пиджака, заткнутый за брючный ремень, говорил сам за себя.

Бабуш показал председателю поселкового Совета удостоверение. Козинцев читал удостоверение долго и внимательно, еще внимательнее посмотрел на фотографию и придирчиво сличил ее с лицом визитера. Все он делал основательно и педантично, ловко работая единственной рукой.

— Руку на каком фронте потерял? — поинтересовался Бабуш.

Председатель поселкового Совета скупно улыбнулся тонкими губами.

— Под Сталинградом, — сказал он. — Раньше промысловиком был, а теперь уж какой из меня промысловик, вот и попал командовать. Мужиков-то у нас негусто. А вам воевать пришлось или...

— До Пруссии дошел, — признался Бабуш.

— Фронтовик, значит, — снова скупно улыбнулся Козинцев. — Это хорошо. К нам-то какими судьбами? Или секрет?

— От тебя какие могут быть секреты? — пожал плечами оперуполномоченный МГБ. — А вот о других, Иван Тимофеевич, не скажу, им-то и о самом моем визите знать не обязательно. По бумагам я приехал как журналист, сам понимаешь, мне ведь с людьми общаться надо, беседовать с ними.

И снова он перехватил косой настороженный взгляд Козинцева. Тут и голову ломать не нужно было, чтобы догадаться, о чем председатель сейчас думает. Бабуш сам так относился на фронте к некоторым говорунам из СМЕРШа. Были такие, все на откровенность людей вызывали, а сами на них тайком дела шили или в стукачи вербовали. Потом смотришь — нет солдатика, хорошо если в штрафбат загремит, а то ведь законы военного времени очень суровы, могли и совсем по-другому обойтись. Но и успокаивать Козин-

цева оперуполномоченный не стал. Словам кто поверит? Поймет со временем, что Бабуш ему не враг.

— Остановиться где порекомендуешь? — спросил Бабуш.

— А ты надолго? — Председатель поселкового Совета принял доверительный тон.

— Пока не знаю, — пожал плечами Александр. — Как дела пойдут.

— Если ненадолго, — задумчиво сказал Козинцев, — можно в Доме колхозника пристроиться. Все равно пустует. У нас если кто из района и приезжает, то у родственников устраивается или знакомых. А если ты у нас удержишься, то лучше у кого-нибудь на дому пристроиться, без домашнего коша худо, если харчиться в нашей чайной, то запросто язву можно заполучить.

Он еще немного поразмышлял, потом нерешительно предложил:

— А то можешь у меня остановиться. А что? Изба просторная, жены нет, а дети тебя особо не потревожат, они у меня интернатские и домой только на выходные приезжают. Все-таки двадцать верст, нешуточное расстояние, правда, когда погода хорошая, они и на лыжах прибегают с остальной детворой.

О жене Бабуш спрашивать не стал — мало ли трагедий случалось в военные годы. Будет время и желание, Козинцев сам расскажет. Поэтому он только и спросил:

— А удобно ли?

Козинцев хмыкнул.

— А че ж, — сказал он. — Было бы неудобно, если бы ты у какой вдовушки кров нашел. Баню любишь?

А какой сибиряк бани не любит?

Дом у Козинцева был добротный, бревенчатый, построенный еще до войны. К дому примыкал двор, огороженный длинными жердями в два ряда, а во дворе была небольшая курная банька, которая протапливалась дровами до тех пор, пока камни не становились красными. Воду

Бабуш таскал сам, хотя Козинцев и порывался пойти по воду, утверждая, что это дело хозяина, но никак не гостя. Но тут уж Бабуш воспротивился — чего это он будет сидеть, в то время как хэзяин будет с одной рукой мучиться. Вот и получилось, что Козинцев топил баньку, а Бабуш таскал воду.

Потом они разделись, и Бабуш снова заметил, как цепко и внимательно хозяин оглядел его тело. Что ж! Бабушу стесняться нечего было, два узловатых шрама — один в плече, другой на животе — показывали, что он тоже на фронте в адъютантах не проедался и штаны по канцеляриям не просиживал.

— Где это тебя так угораздило? — потеплевшим голосом поинтересовался Козинцев.

— В плечо — под Ростовом, — сказал Бабуш. — А живот — это уже в Польше, когда с эсэсовцами сцепились. Отчаянно дрались мужики, им отступить некуда было.

— Сердчишко у тебя как? — спросил Козинцев. — Выдержит? А то ведь я венчик размочил.

Бабуш промолчал.

Хозяин встал, ловко подхватил ведро единственной рукой, подтолкнул днище бедром и окатил ледяной водой камни. Пар поднялся такой, что Бабуш потерял его из виду и даже вздрогнул, когда неожиданно из белесого плотного тумана появилась худощавая фигурка хозяина.

Да, он и с одной рукой хлестал Бабуша так, что дух захватывало!

Поначалу Александр повизгивал, а потом уже и рычать перестал, расслабился, задыхаясь от беснующихся вокруг раскаленных воздушных струй, да рукой из ведра ледяную воду на голову плескал, чтобы уж совсем не сомлеть.

— Живой? — склонился к оперуполномоченному Козинцев.

Бабуш только промычал.

— Тогда вперед! — скомандовал Козинцев, и они с воплями выскочили из баньки, падая в белоснежный сугроб. А-ах, как это было невыносимо и прекрасно! А вокруг стояла особенная уральская тишина, которую хранили сосны и рябины, воздух был густым и прозрачным, он обжигал легкие, сушил кожу, и из-за этого от красных тел обоих валил пар.

— Ну, Иван Тимофеевич, — выдохнул с облаком пара Бабуш. — Теперь держись, я за тебя возьмусь!

Как это нередко бывает, баня их сблизила, и в избу они вернулись распаренными и умиротворенными. Одеваться не стали, так и шли друг за другом по натоптанной в снегу тропочке в кальсонах и нательных рубахах, остальную одежду Бабуш нес в общей охапке.

В доме Козинцев засуетился, полез в подпол, и на столе появилось все великолепие природных даров — и моченая морошка, и соленые рыжики, издававшие резкий и аппетитный дух, а капуста у председателя поселкового Совета была заквашена с клюквой и оттого хрустела на зубах. Готовить хозяин ничего не стал, только разогрел в чугунке картофель, тушенный с зайчатиной, да порезал тонко копторговскую полукопченую конскую колбасу и вопросительно глянул на Бабуша.

Тот только добродушно развел руками.

Что там и говорить, выпивка к такому великолепию сама просилась, тем более что порции в тарелки Козинцев накладывал как в колхозных столовых — глянешь на этукую гору и не поверишь, что способен это съесть. Но ведь запросто, если перед этим примешь жгучий стаканчик местной самогоночки, в приготовлении которой председатель, несмотря на свою однорукость, оказался великим специалистом — даже намек на сивуху не было у забористой спиртовой крепости жидкости, слегка подкрашенной дубовой корой и шелухой кедровых орешков.

За столом Бабуш и изложил председателю поселкового Совета цель своего визита.

— Теперь понимаю, почему тебя к нам под личиной журналиста отправили, — сказал Козинцев, ловко вылавливая ложкой соленый рыжик. — Так проще народ разговаривать. Приехал бы ты в естественном обличье, да еще, не дай Бог, форму нацепил — кто бы с тобой разговаривать стал?

— Что, так не любят? — поинтересовался Бабуш.

Зайчатина была отменной.

— Любят — не любят, — неохотно сказал председатель. — Недоверчиво народ к вашему брату относится. Раньше считалось, что вроде и ссылать местного некуда, куда уж дальше — вон он, Туруханский край, под боком. А теперь оказалось, что Колыма еще есть с Магаданом, совсем уж дикие края.

Сказал и замолчал, словно досадуя на свою внезапную откровенность. Даже лицом малость потемнел. Бабуш его понимал, председатель его видел впервые, кто знает, что за человек этот оперуполномоченный, как он на неосторожное словоотреагирует. А шрамы... Ну что шрамы? Всяко бывает в человеческой жизни, ранения — они тоже всего о человеке не скажут.

Помолчав, Козинцев ловко разлил по стаканам самогонку.

— Что тебе сказать? — пожал он плечами. — Не знаю, Александр Николаевич. За поселок я тебе сказать могу, тут у нас все спокойно, ничего необычного не наблюдалась, а если деревеньки какие, так у нас ведь край какой, бывает, письмоноscopy газеты в деревню раз в месяц доставляют, иначе ведь и не пробьешься порой.

— Мне без тебя не обойтись, — сказал Бабуш. — Ты здесь местный, тебя каждая собака знает, я же сибиряков знаю, из них слова лишнего клещами не вытацишь. Помогай, Иван Тимофеевич. Мне здешние настроения без

нужды, пусть об этом голова у других болит, мне бы свои вопросы решить, понимаешь?

Председатель поселкового Совета его понимал, очень хорошо понимал, как называется помощь оперуполномоченному из таких грозных органов. Не милиция, бандитов не ловит, у таких служивых задачи более деликатные поставлены к исполнению. Но и отказывать оперуполномоченному впрямую Козинцеву было не с руки. Чай, сам он был не лесник с кордона, представителем советской власти он был в поселке и его немалых окрестностях, значит, просто был обязан оказывать всяческое содействие, тем более что из области его о том специально предупреждали.

— Помогу, чем смогу, — неохотно сказал председатель. — Только безнадежное это дело, были бы какие слухи, я бы о них уже знал. А раз слухов никаких нет, то так оно все и есть. Вот когда я еще совсем мальцом был, случались чудеса. Однажды землетрясение даже случилось, а потом почитай месяц светлынь стояла такая, что за сто метров в самую полночь человека угадать можно было. Сказывали, метеорит с неба где-то за хребтом упал. А с той поры больше ничего и не случилось. Так что напрасно тебя начальство в такую даль погнало.

Теперь уже пришел черед Александра Бабуша пожимать плечами.

— Может, оно и так, Иван Тимофеевич, только ведь сам знаешь, в нашем ведомстве с начальством не спорят и отданные им приказы не обсуждают. Тут ведь как в науке — отрицательный результат это тоже результат.

А потом, как водится, заговорили о войне, о товарищах, и разговор затянулся далеко за полночь, когда Козинцев и Бабуш уже стали называть друг друга без отчества, просто по имени. Прошлое их сближало, да и возрастом они, как оказалось, не слишком разнились — тридцать шесть от сорока двух отнять, что там получится? А если военные

годы один к трем пересчитать, то разница в годах становилась уже совершенно незначительной.

Ближе к полуночи, когда Козинцев принялся подкручивать что-то в черной круглой диафрагме радио, чтобы оно наутро их разбудило боем курантов и исполнением гимна, Александр Николаевич выскользнул на двор. Ключевенный морс давал о себе знать.

Небо было звездным, высоко над миром желтела смешливая луна, мертвенно-бледный свет которой был настолько ярким, что от сугробов бежали юркие черные тени. Покончив со своими делами, оперуполномоченный Бабуш некоторое время, запрокинув голову, смотрел на звезды. С севера на юг неторопливо пересекал пространство помигивающий желтый огонек.

— Самолет, — догадался Бабуш.

Укрепившийся к ночи мороз отчаянно хватал оперуполномоченного за щеки и нос. Бабуш торопливо обтопал надетые на босу ногу валенки от прилипшего снега и с облегчением нырнул в дышащую живым теплом глубину избы.

Он уже засыпал на старомодной, еще дореволюционной кровати, скрипя провисающими пружинами сетки, когда из темноты послышался сипловатый голос хозяина:

— Николаич, спишь?

— Пытаюсь, — честно признался Бабуш.

— А я все гадал, что ж это к нам за такое начальство едет? Из области позвонили, сказали — любое содействие, будут жалобы, под суд, председатель, пойдешь.

— Ну и как?

— Да вроде и ничего, — после недолгого молчания сказал с полатей Козинцев. — Я ж понимаю, работа такая. В армии я вашего брата не особенно долюбливал. Конечно, я ж понимаю, каждый на своем месте, но обидно все же, когда ты к человеку с душой, а он к тебе — задом.

Секретно
КАПИЦЕ, ФЛЕРОВУ, КУРЧАТОВУ

В недельный срок прошу сообщить Ваши соображения о возможности произвольных атомных реакций в естественных месторождениях трансурановых металлов.

20 декабря 1949 года.

Л. Берия.

Глава шестая

Берия не все сказал вождю.

Зачем волновать тайнами старого человека? Товарищ Сталин в свое время сам сделал все, чтобы оградить от волнений Владимира Ильича, так должен же кто-то побеспокоиться и об Иосифе Виссарионовиче, когда подошло время. И этим человеком Лаврентий Павлович считал себя. У остальных кишка была тонка, у остальных только при одном упоминании о Сталине тряслись поджилки и все валилось из рук.

Конечно же, сообщений было значительно больше, и по указанию Берии в городке Капустин Яр, в окрестностях которого проводились ракетные испытания, была создана секретная лаборатория по изучению неопознанных летательных аппаратов. Была очевидная параллель, которую заметил он, но пока не замечали другие: немцы вели эксперименты по созданию атомной бомбы, и летательные аппараты появились там; потом их обнаружили американцы, которые занимались разработкой аналогичной бомбы; и, наконец, стоило атомное устройство взорвать в России, как неведомые летательные аппараты, словно ждущие трупа стервятники, объявились здесь.

Кроме анализа рассказов очевидцев, которые исправно брались специальной группой Берии, подобранной из сотрудников милиции и государственной безопасности, с которыми он работал, будучи наркомом внутренних дел, в одном из капониров близ поселка Житкур находились обломки странного аппарата, обнаруженного спецэкспедицией Наркомата внутренних дел перед войной в районе хребта Алатау. Пришлось потрудиться экипажу дирижабля «Победа», чтобы доставить груз в астраханские степи. Но овчинка выделки стоила! С подобным объектом советские специалисты столкнулись впервые, а осмотрев его, лишь руки в стороны развели. Правда, о форме и назначении этого аппарата можно было говорить лишь обтекаемыми фразами, однако сохранившееся оборудование было еще более загадочным, а над составом обшивки вот уже восемь лет безуспешно бились специалисты из Института сплавов.

Нет, нельзя сказать, что эти специалисты даром теряли время. Пусть они и не разгадали секретов таинственного сплава, но в погоне за этим сделали столько новых открытий, что уже дважды Берия включал их в списки кандидатов на Сталинскую премию и надеялся, что за сорок девятый год они все-таки эту премию получат.

Еще сложнее было с сохранившимся оборудованием. Собственно, сохранилось не так уж и много, и приходилось лишь строить загадки о назначении того или иного узла. Но дальше догадок дело не шло. Берия не задумывался, что это за аппарат, и не придавал его обнаружению особого значения, пока американцы не взорвали атомное устройство. Беллетристику он и в самом деле не особенно любил, но все, что относилось к атомным секретам, ему доставляли немедленно.

Именно таким образом он прочитал опубликованный в журнале «Вокруг света» рассказ некоего Казанцева. Было это в сорок шестом, и рассказ назывался «Взрыв». Автор в нем утверждал, что в тайге над Подкаменной Тунгуской

произошел атомный взрыв. Правда, далее этот Казанцев утверждал, что взрыв этот был следствием неисправности межпланетного корабля инопланетян, но в это Берия не верил. Он был прагматиком, поэтому к фантазиям относился недоверчиво, осмысливая и проверяя лишь то, что действительно можно было проверить. Взрыв мог быть природным, а это в свою очередь могло указывать на наличие в районе Подкаменной Тунгуски урановых руд. Специалисты в один голос утверждали, что природная руда самопроизвольно взорваться не может. Только дело с ураном было новое, что он может — никто не знал. Может, и не зря американцы перед испытанием своего ядерного устройства побаивались, что искусственный взрыв повлечет за собой самопроизвольный распад окружающей среды. В таких случаях лучше проявить излишнюю бдительность, чем быть близоруким. Ознакомившись с рассказом-гипотезой, Берия запросил материалы по исследованиям в этом районе. Так он ознакомился с отчетами профессора Кулика, который потратил на поиски Тунгусского метеорита несколько лет.

Странное впечатление вынес Берия из этих отчетов.

Кулик исследовал район предполагаемого падения метеорита несколько лет. Он собрал богатый фактический материал.

Из отчетов вытекало, что ранним утром тридцатого июня 1908 года над тунгусской тайгой пронеслось огненное тело, которое оставляло за собой раскаленный след, характерный для падения метеорита. В семь часов утра в районе фактории Вановара возник ослепительный шар, который превратился в огненный столб, уходящий высоко в небо. Звук при взрыве был слышен за сотни километров от места катастрофы. Вслед за звуком над землей пронесся ураган страшной силы. Воздушная взрывная волна дважды обогнула земной шар, а сейсмические колебания земной коры были отмечены даже в Германии.

После взрыва в течение двух или трех дней на территории Европы и Северной Африки в верхних слоях атмосферы наблюдались серебристые светящиеся облака. В Сибири небо было покрыто тучами, и шли дожди, но вместе с тем было так светло, что на открытом месте свободно читался мелкий шрифт газеты. Тучи были освещены странным желто-зеленым светом.

Отправившийся в двадцатых годах на место падения метеорита профессор Кулик столкнулся со странными явлениями. Метеорита он не нашел, но нашел воронки, напоминающие кратеры. Использование магнитометров и зондирование воронок шестами обломков метеорита не выявили, более того: сразу же за болотистой поверхностью начинался слой вечной мерзлоты.

Кольцо бурелома, окружающее эпицентр взрыва, голые стволы умерших деревьев в самом эпицентре — все это, по мнению специалистов, совсем не походило на обычный взрыв. Казанцев пересказал результаты экспедиции Кулика достаточно точно, за исключением тех моментов, где он упоминал о мести бога Огды, который жег тунгусов невидимым пламенем. Тунгусы действительно рассказывали о мести этого бога, но месть заключалась в том, что он сжигал жилища людей, которые ходили к эпицентру взрыва. Возвращаясь, они обнаруживали пепелища.

Некоторое время Берия был в растерянности.

Нечему было взрываться в сибирской тайге в 1908 году! Там, кроме тунгусов с оленями, сроду никого не было, в районе этой самой Подкаменной Тунгуски.

Он показал материалы экспедиции Кулика Курчатову. Курчатов отнесся к гипотезе фантаста прохладно.

— Лаврентий Павлович, — Курчатов погладил бороду, которую отпускал на спор до взрыва первого ядерного устройства и не сбрил после удачных испытаний, — природные руды взрываться не могут. Это нонсенс. Если бы реакции атомного деления были возможны в урановых место-

рождениях, нашей Земли давно бы уже не было, а все мы давали отчет в своих поступках Господу Богу. А что касается космического корабля... Автор может себе позволить фантазии, он определил свой жанр как гипотезу. Надо сказать, очень игривую гипотезу. У меня слишком много работы, чтобы я так вот запросто начал подыгрывать автору и ломать голову над проблемой, которая не имеет однозначного решения. Похоже, все это действительно напоминало последствия атомного взрыва, но ведь нет ничего! Доказательства, если они и были, канули в прошлое. Не будем же мы искать иголку в стоге сена. Гораздо легче пойти в магазин и купить там новую. А вот ядерное устройство американцев мы благодаря вашим разведчикам заполучили, огромное им за то спасибо. Это снимает множество проблем, теперь мы можем больше внимания уделить термояду, и скажу вам, Лаврентий Павлович, урановая бомба покажется игрушкой в сравнении с водородной. Закрадываются даже сомнения, не выпустим ли мы джинна из бутылки? А то выпустим опрометчиво, а загнать его обратно уже не сумеем.

— Разумеется, — хмуро сказал Берия. — Особенно если ваши расчетчики принципиально не будут работать по субботам.

— Вы о Моте Агресте? — Курчатова пожал плечами. — Прекрасный математик, а если есть у него некоторые завихрения, так это же не страшно — сдвинем ему график соответствующим образом, и никаких проблем.

— А эти его крамольные идеи — искать следы космических пришельцев в Библии? — строго сказал Берия. — Хозяину это не понравится, с Богом у него отношения не простые. Я внимательно отслеживаю связи вашего Агреста, если что, я выкину его из проекта без излишних сантиментов. Я его в пыль сотру!

Курчатова молчал. Он уже привык к властности Берии, знал, что, когда того заносит, возражать не стоит. Возра-

жать следовало, когда Берия остынет и станет податливым к разумным доводам. Берия исповедовал целесообразность, жестоким и беспощадным он становился, когда не видел другого пути. Во взаимоотношениях с ученым миром это не срабатывало, и Берия предпочитал идти по пути разумного компромисса.

Берия в свою очередь ждал возражений Курчатова, он ведь хорошо знал, как физик относится к Агресту, и ожидал от Курчатова яростной защиты его любимца. Но такой защиты не последовало, что обескуражило и обезоружило куратора атомного проекта.

Он неловко сгреб справку по тунгусским событиям 1908 года со стола, сунул ее в сейф и, выжидая время, аккуратно запер сейф на два оборота ключа. Помедлив, повернулся к Курчатovu.

— Значит, вы мне советуете не обращать внимания на эти давние события? — уже спокойнее спросил он. — Что же, поверим специалистам на слово. А насчет разведчиков? Они *наши*, Игорь Васильевич, советские. Вы ведь не отделяете себя от советского строя?

Курчатов уже был на выходе, когда Берия его вновь остановил. Он любил, чтобы последнее слово оставалось за ним. Еще больше Лаврентий Берия любил оставлять собеседника озадаченным и озабоченным.

— Товарищ Курчатов, — сказал он, чисто по-грузински налегая на «а», — а ведь разведчик, доставивший бомбу, умер, все рекомендованные меры не помогли. Его посмертно наградили орденом Ленина, как вы думаете, не малая ли награда человеку, который спас страну?

— Не за ордена и медали работаем, — сухо сказал Курчатов. — Я пойду, Лаврентий Павлович? У меня совещание назначено на четыре часа.

Но вера верой, а аналогичный вопрос Лаврентий Берия поставил перед Королевым. Было это еще в сорок седьмом, Королева выдернули из авиационной «шарашки»,

потому что стране нужны были ракеты. Теперь уже было ясно, что ракеты — не блажь романтиков, не забава для пустопорожних мечтателей, это было идеальное средство доставки ядерного взрывного устройства в любую точку земного шара, и при этом ракета делала это быстрее и надежнее любого бомбардировщика.

Королев загорелся.

— Неплохо было бы организовать комплексную экспедицию, — предложил он. — Я сам готов ее возглавить. А если мы найдем остатки инопланетного корабля?

— И будем бестолково их разглядывать, ничего не понимая в увиденном, — в тон ему продолжил Берия. — С тем, что у нас есть, разобраться не можем. Сколько лет товарищи занимаются находкой с Алатау? И есть подвижки? Лучше занимайся своим делом, Сергей, найдется, кому лазить по болотам и подставлять задницу комарам.

Он оказался прав: комплексная секретная экспедиция, созданная под эгидой МГБ, ничего в болотах не обнаружила. Единственным косвенным результатом явилось обнаружение радиоактивности на болоте, которая во много раз превышала естественный фон. Доказательством тому явились спилы деревьев, взятые на месте взрыва. Выпавшие на землю остатки радиоактивных веществ попали в деревья и отложились в годовом слое, который соответствовал году катастрофы. Какого-либо намека на наличие в районе радиоактивных руд спецэкспедиция также не нашла.

— Может, плохо искали? — подозрительно поинтересовался Берия у руководившего разведкой Реваза Вантарии. Воспаленное лицо геолога, усталые глаза и выпирающие скулы, которые еще хранили укусы таежного гнуса, ясно показывали, каким трудом дался экспедиции полевой сезон. Вантария покачал головой.

— Ваше право проверять, Лаврентий Павлович, — несколько обиженно сказал он. — Работали добросовестно. Нефть может быть, уранового месторождения нет.

Потом стало не до этого.

Получение по линии разведки секретного американского документа, одобренного комитетом начальников штабов и предусматривавшего активные приготовления для нанесения первого удара по Советскому Союзу, встревожило Сталина. Сантименты были отброшены в сторону.

— Лаврентий, — сказал Сталин. — Помни, ты за все отвечаешь. Если не успеем, я с тебя первого шкуру спущу. Ты меня хорошо знаешь.

Берия вождя знал более чем хорошо, поэтому не жалел себя, не жалел сил и людей, торопил сидевших в Америке Яцкого, Квасникова, Барковского и Феклисова, безжалостно подгонял Курчатова и Флерова, порою был даже излишне жесток с ними и, понимая это, успокаивал себя одной мыслью: не он, Берия, излишне жесток, время такое жестокое выпало на их долю.

Случавшиеся неудачи только подстегивали его. На личную жизнь уже не оставалось времени, и из всех внесемейных связей осталась только одна — Лара. Берия познакомился с ней случайно. Увидел на весенней улице, как, перешагивая весенние ручьи и весело помахивая школьным портфелем из дерматина, идет стройная, слегка толстоногая школьница в синем берете. Старшеклассница Лаврентию Павловичу понравилась, и он сделал знак шоферу, а его начальник галантно спросил девушку — не подвезти ли ее. Лара, как она сама потом рассказала, колебалась несколько мгновений. Она никогда до этого не каталась на машинах, особенно таких роскошных, каким был «ЗиМ» Берии. Так же смело и отчаянно, будто ныряла в воду, она отдалась всесильному Лаврентию Павловичу. Неожиданно для себя Берия привязался к девушке, и она стала его единственной постоянной любовницей. Берия устроил ей отдельную квартиру в доме напротив ресторана «Арагви», который они нередко посещали и даже танцевали в пустом зале, который к приходу Берии очищали от нежелательных

людей, да не многие москвичи пошли бы в это время посидеть в ресторане, где отдыхал бывший нарком внутренних дел, который поднялся к тому времени по служебной лестнице еще выше.

Личная жизнь в семье у Берии не слишком складывалась. Многочисленные победы Лаврентия Павловича у женщин не слишком радовали его жену Нину, а подросший сын Серго, названный в честь Орджоникидзе, даже заводил с отцом опасные и неприятные разговоры, которые Берия просто обрывал, порой даже излишне грубо.

Сейчас ему не хотелось домой.

Он ехал к Ларе.

Разговор со Сталиным был неприятен Берии. Обстановка в мире была напряженной, резко ухудшились отношения с Тито, который решил, что он лучше Старика знает, как ему строить социализм в Югославии. Народная армия Китая явно одерживала верх над Гоминданом, и надо было строить отношения сразу с обеими сторонами, а тут еще в самом Союзе опять творилось черт знает что, Георгию показалось, что Вознесенский его подсиживает, и он с Абакумовым затеял собственную игру, которая не могла не ударить и по Берии, ведь дружба с Маленковым была всем хорошо известна: не удержишь Маленков, неизвестно, что станет и с ним самим, и с его друзьями-товарищами, Старик последнее время стал подозрительным, открыто показывал, что тяготеет опекой земляка, вот уже и грузин из охраны удалил, а кто, кроме грузин, будет ему так предан и верен? Происходящее требовало постоянного анализа, это выматывало, сейчас Берии не хотелось ломать голову над проблемами, ему хотелось просто войти в дом, обнять женщину, которая его любила, посмотреть, как ворочается в детской кроватке его сын, родившийся у Лары три месяца назад. И выкинуть из головы все проблемы. В конце концов, кто у нас партией и страной рулит? Вот пусть у него голова и болит, если он себя считает единственным непогрешимым и безошибочным! Начался декабрь, до Нового

года рукой подать, Старику в декабре должно было исполниться семьдесят лет. Возраст! — неопределенно подумал Берия.

Некоторое время он безразлично смотрел в стриженный под бокс затылок водителя, потом протянул руку, взял газету и начал ее просматривать в ожидании, когда машина притормозит у заветного подъезда.

Да, глядя на газету, можно было сразу сказать, что семидесятилетие вождя приближается. Вся первая полоса была заполнена материалами к этому торжеству. Рапортовали советские труженики вождю, как они готовятся к семидесятилетию. На этой же полосе неугомонный поэт Алесей Сурков опубликовал очередную здравицу Сталину:

Союз сердец объединит народы,
Дороги горя порастут быльем,
Свои незабываемые годы
Мы СТАЛИНСКОЙ ЭПОХОЮ зовем!

Да и другие старались не меньше — в газете были опубликованы якобы народные песни о Сталине, но внимание Берии было приковано к другому. Даже статья Георгиу-Детса о том, что югославская компартия оказалась во власти убийц и шпионов, не заинтересовала его, слишком хорошо Берия знал цену подобным статьям. Но в «Правде» были опубликованы сообщения о допросах в суде свидетелей и обвиняемых по делу Трайчо Костова и его подручных, это уже было Берии профессионально интересно, и он принялся читать откровения подсудимых, прикидывая по ходу чтения, что могло вынудить их так честно признавать свою вину и бичеваться. Не хуже, чем это делали советские правые в ходе довоенных процессов. Эти материалы Берия читал заинтересованно, наметанным глазом отмечая промахи обвинения и пробелы в конструкции самого заговора. Не получилось у болгар сделать единый процесс, вина обвиняемых распалась на самостоятельные преступ-

ления, не было в происходившем атмосферы заговора. Еще и югославский след невесть зачем вплели, только и забот у Тито сейчас, как Болгарию частью Югославии сделать!

Однако дочитать газету он так и не успел, начальник охраны повернулся назад и негромко сказал:

— Приехали, Лаврентий Павлович! Прикажете проводить?

— Не надо, — сказал Берия, памятуя о вертухаях, которые дежурят в подъезде. — Я сам дойду!

Грузно выбравшись из машины, он забрал букет цветов у начальника охраны и хмуро пошел к подъезду, двери которого словно бы сами собой открылись перед ним.

Разумеется, Лара была дома. Но к неудовольствию Берии она была не одна. В зале, где стоял круглый стол, играла радиолы, грассировал Вертинский, а Лара с двумя подружками что-то обсуждала за столом. На столе стояла бутылка «Кюрдмира» и полупустая бутылка «Абрау-Дюрсо», вазочка с кремовыми пирожными и темнела коробочка шоколадных конфет «Красный мак».

Берия снял шапку, пальто, повесил их на треногую вешалку в коридоре и вошел в комнату. Оживленный разговор оборвался. Подружки Лары сразу заторопились, но притворяться любезным хозяином Берия не хотел. Черт с ними, пусть проваливаются. Он ответил на тихие и неловкие приветствия и прошел во вторую комнату. Сын спал, разметавшись в кровати. Крохотные кулачки его, как руки боксера, были в маленьких белых мешочках, сонное лицо сердито и сосредоточенно. Лаврентий Павлович Берия вздохнул. Сейчас он не был государственным деятелем, сейчас он был просто усталым человеком и многое бы дал, чтобы узнать, что ему снится — этому маленькому человечку, который был плотью его плоти. Но еще больше Лаврентий Берия отдал бы, чтобы узнать, что этого человечка ждет в самом недалеком будущем и что ждет его самого. Впрочем, насчет своего будущего Берия не слишком обольщался. «Кто много знает, тот не слишком долго живет», — любил го-

варивать он сам. Потому и жил торопливо, потому и жадным был до радостей жизни, знал, что если начинаешь хорошо, то кончишь обязательно неважно. Это была аксиома партийной жизни. Берия долгое время был чекистом, чтобы не понимать этих установленных однажды правил. Первый и обязательный закон этой жизни был словно взят из американских гангстерских фильмов, которые Берия любил просматривать в одиночестве у себя дома. И этот закон дополнял известную русскую поговорку — для того чтобы смеяться последним, надо обязательно стрелять первым. Иначе в этой жизни просто не выжить.

В комнату неслышно вошла Лара. Берия понял, что она проводила гостей. Но он не оборачивался, продолжая смотреть на сына. И тогда Лара подошла, обняла его за плечи и тихо спросила:

— Я постелю?

ШИФРОТЕЛЕГРАММА «ВЧ»

Секретно

Маленкову Берии

В связи с задержками в поставке оборудования Воронежским заводом электротехники срывается график работ по варианту «Р». Прошу воздействовать на руководство завода, не осознающее важности своевременного выполнения нашего срочного заказа, дать указание проконтролировать немедленную отгрузку заказа.

22 декабря 1949 года.

Королев.

Особо важно

ВЫПИСКА ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

№ 127

от 5 декабря 1949 года.

О выделении дополнительных средств

В целях развития и совершенствования научно-военной программы «Р» Совет Министров СССР дополнительно выделя-

ет на данную программу 70 000 000 (семьдесят миллионов) рублей.

Председатель Бюро Сов. Мина СССР

Маленков.

Глава седьмая

Королев возвращался на полигон не в лучшем расположении духа.

Посещение Кремля не доставило ему приятных минут, оно и понятно — не на экскурсии побывал. Сталин был дотошен, к встрече готовился обстоятельно, консультировали его люди знающие. Но как ответить на вопрос руководителя государства, будет ли оно в ближайшее время иметь межконтинентальную ракету?

— Делаем все возможное, — сказал Королев.

— Мы вас не ограничиваем, — жестко и сердито отрезал Сталин. — Что значит делаем все возможное? Делайте невозможное. Если ракета нужна государству, она должна быть построена. Это аксиома.

Очень хотелось возразить, глядя в желтоватые тигриные глаза вождя. Напомнить ему о потраченном в лагере времени, о прекращении финансирования лаборатории по изучению реактивного движения после ареста Тухачевского, но это было равносильно самоубийству, и Королев сдержался.

— Государство экономит на всем, — бесшумно выходящая по кабинету, рассуждал Сталин. — Для создания ракеты мы отнимаем деньги у инвалидов, отбираем их у детей, и вы, товарищ Королев, должны это хорошо понимать. Я не призываю вас к экономии, но требую компетентности в работе.

Он подошел ближе, пытливо заглянул Королеву в глаза.

— Значит, мышцы все-таки остались живы? — с легкой иронией спросил он.

У Королева похолодела спина.

— Так точно, товарищ Сталин, — сказал он. — Выдержали и перегрузку, и краткосрочную невесомость. Даже аппетит не потеряли.

Сталин улыбнулся.

— Вы, видимо, решили, что я вас буду ругать. — Он махнул рукой и пошел вдоль стола, бесцельно поправляя и без того ровно стоящие стулья. — Нет, товарищ Королев, товарищ Сталин вас ругать не будет. Товарищ Сталин понимает, что полеты в космос — это такая же реальия завтрашнего дня, как телевизионные приемники или, скажем, развитой автомобильный транспорт. Только не увлекайтесь, товарищ Королев, я не зря подчеркнул, что это реалии завтрашнего, а не сегодняшнего дня. Сегодня нам нужно надежное средство доставки ядерного заряда, которое способно достигнуть Америки. И не для того, чтобы эту Америку бомбить, но для того, чтобы иметь определенные противовесы в политике. Андрей Януарьевич, конечно, выдающийся дипломат, но тоже нуждается в дубинке. Не для того, чтобы бить своих политических оппонентов, а для того, чтобы самого не ударили.

Он вернулся и сел за стол.

— Садитесь, товарищ Королев, — сказал он, указывая на стул.

Подразумевалось, что сесть надо обязательно именно на указанный стул.

— Вы что-нибудь слышали о неопознанных летательных аппаратах? — спросил Сталин, с любопытством вглядываясь в невозмутимое лицо конструктора.

— У меня нет времени на пустяки. — Королев успокоился. Круглое лицо его выражало недоумение. — Разумеется, кое-что мне рассказывали, но я в такие вещи слабо верю.

— Почему? — Сталин недоуменно приподнял руку с зажатой в ней трубкой. Усы его округлились.

— В границах Солнечной системы разумная жизнь вряд ли возможна, а звезды от нас очень далеко, товарищ Сталин. Слишком мощные двигатели нужны, чтобы прилететь издалека.

В последующие два дня Королев изучал материалы, относящиеся к так называемым «летающим тарелочкам». Особого беспокойства эти материалы у Королева не вызвали — в ряде случаев эти «летающие тарелки» можно было идентифицировать со вполне земными явлениями. Однако сам подход к проблеме не мог не вызывать невольного уважения — материал был собран и систематизирован, обзоры зарубежной прессы соседствовали с сообщениями агентуры, здесь же были результаты прослушиваний журналистов и зарубежных политических деятелей, что и говорить, Сталин умел заставить людей работать так, чтобы интересующая его проблема была подробно освещена со всех сторон. Тем не менее Королев остался к досье абсолютно равнодушным, разве что с удовлетворением отметил, что житкурские капониры в материалах не фигурировали, как и находка из Алатау, и, следовательно, он мог с чистой совестью соблюсти секретность, которой от него потребовал Берия. Сам Королев находкой из Алатау уже переболел. Поначалу останки неведомого аппарата крайне его заинтересовали, но, убедившись, что в ближайшее время подспорьем в работе эта находка не станет, Сергей Павлович к ней заметно охладел, тем более что в понимании сохранившихся деталей этой находки даже излюбленные конструктором пересаживания не помогали.

— Значит, особых причин для волнения нет? — Сталин задумчиво похлопывал рукой с коротко обрезанными желтоватыми ногтями по пухлой папке, которую возвратил Королев. — Что ж, наши мнения совпадают, товарищ конструктор. Будем надеяться, что никто из нас

не ошибается. Такие ошибки могут очень дорого обойтись государству. — Он значительно помолчал и добавил: — Впрочем, человеку подобные ошибки обходятся значительно дороже. Я вас не задерживаю, товарищ Королев. Возвращайтесь к своим делам.

Да, времени катастрофически не хватало. «Р-пятая» была уже собрана и готова к старту, а доверять пуск Глушкову Королев не хотел, поэтому и торопился попасть на ракетодром в Капустином Яру, который во всех официальных документах именовался как «Москва-400». «Дуглас» приземлился в степи, где проложена была двухкилометровая взлетно-посадочная бетонная полоса, а потом еще полтора часа пришлось пылить по степным дорогам на армейском «виллисе», чтобы, успев к старту, с надеждой наблюдать за тем, как темно-зеленое веретенообразное тело окутается клубами пламени и пара, поднимется с пусковой площадки, а потом медленно завалится набок, заливая степь жарким, все сжигающим пламенем, который превращал в пар сугробы вокруг стартового комплекса. И гадать не стоило о причинах неудачного пуска, причина была все та же — сопла дюз прогорали, и это означало, что надо было вновь садиться за расчеты и придумывать то, что еще не приходило в голову никому на земле.

Королев был мрачен, поэтому прибывшего на полигон Владимира Ивановича Яздовского, который отвечал за биологические исследования, встретил без обычной улыбки.

К этому времени были выработаны две научные программы стартов — физическая и биологическая. Физическая программа изучала процессы, происходящие высоко над планетой, изучала влияние этих процессов на земную жизнь, давая очень многое для конструкторов ракетной техники. Биологическая программа включала в себя пробные пуски животных на ракетах. Победили собачники, как называли тех, кто выступал за полет в космос собак. Яздовский со своими подопечными подбирал

собак для первых полетов. Дело было не слишком простое, требовались небольшие собаки килограммов по шесть-семь. Домашние собачки такого веса были довольно изнеженными, поэтому дворняжки, которые были выносливее остальных, имели преимущество. Кроме того, проводился отбор и по масти — специалисты по съемкам требовали, чтобы животные были беленькие. Подбранная по весу и масти собака затем отбиралась по состоянию здоровья, нраву и реакциям.

Подобранных собак готовили к полету. Их держали в барокамерах, крутили на центрифуге, трясли на вибростенде, проводили испытание на тепло и холод. Жизнь у отобранных собачек получалась в полном смысле слова собачья. Одна была у них радость — кормили неплохо. Некоторые уже начали обживать ракетный контейнер, в котором им предстояло лететь.

Двух из них — Дезика и Цыгана — Королев даже любил и часто брал на прогулки по степи и на речку. Но сейчас он только скользнул по ним взглядом, машинально почесал Цыгана между ушей и побрел в степь, где копошились фигурки технических рабочих, в буквальном смысле слова просеивающих землю в поисках обломков.

Яздовский его понимал, поэтому догонять не стал, направился к домам, а ухоженные и совсем не похожие на бездомных дворняг песики побежали за ним следом. На свежем снегу остались уверенные отпечатки Яздовского и мелкие цепочки собачьих следов.

После обеда Королев собрался на Житкур. Не то чтобы он на что-то надеялся, но все-таки решил поинтересоваться, что происходит у истинных секретчиков. Деятельность научной группы на Житкуре являлась особо секретной, к ней и доступ-то имели несколько человек — Сергей Иванович Вавилов, сам Королев и обеспечивающий режим секретности полковник Недолгин. Из политиков достаточным знанием о проекте «Летучая мышь» обладал один Берия,

который очень не любил, когда в курируемые им проекты совал нос кто-то другой. Попробовал однажды поинтересоваться Житкурской лабораторией Климент Ефремович Ворошилов. Королев сам был свидетелем неприятной сцены, когда Берия, не особенно задумываясь о тактичности своего поведения, грубо обругал Ворошилова, а потом еще и преподнес этот неожиданный интерес таким образом, что Сталин на очередном заседании Политбюро обозвал старого товарища по партии английским шпионом, заставив Ворошилова два месяца прожить в напряжении и страхе, потому что после таких открыто высказанных обвинений его могли арестовать в любое время, выскажи вождь такое пожелание.

До Житкура пришлось добираться на «У-2».

Сама деревушка представляла собой скопление нескольких десятков мазанок, огороженных плетнями. Черт знает, каким образом и когда местных жителей занесло в глухую и непролазную степь, но факт оставался фактом, они здесь жили, и это, похоже, им даже нравилось. По крайней мере, усмехнулся Королев, арестов конца тридцатых местные жители наверняка избежали.

Зона располагалась в четырех километрах от Житкура. Собственно, зоной ее можно было назвать с некоторой натяжкой. Широкий периметр, огороженный двухрядной колючей проволокой, между рядами которой бродили неприкаянные часовые из солдат срочной службы, жившие в длинной барачного типа казарме — едва ли не единственном наземном здании в этом огороженном колючкой периметре. Все остальное находилось под землей в огромном бункере, над которым высились два домика специалистов. Из этих домиков на семиметровую глубину шли лифты, поэтому солдаты, наверное, полагали, что охраняют каких-то особо опасных преступников. Так им, видимо, говорило начальство, которое о бункере, как это и требовал режим секретности, тоже ничего не знало.

Документы у Королева проверяли тщательно, хотя здесь он бывал довольно часто. Впрочем, для таких случаев у него было красное удостоверение с горизонтально перевернутой восьмеркой, которая указывала на особые полномочия владельца книжечки. Может быть, именно поэтому документы каждый раз проверяли тщательно и даже уносили в караульное помещение. Сам Королев разглядывал это удостоверение, выданное МГБ, со странным чувством — книжечка превращала ее владельца из рядового жителя страны в могущественного функционера, чья причастность к государственным тайнам *давала права*, которых не имел простой смертный.

Тем не менее, пока шла проверка, Королеву приходилось мерзнуть на степном ветру. Пронизывающий ветер в сочетании с морозом мог свести с ума кого угодно, особенно если ты одет не в тулуп и валенки, а стоишь перед воротами в брюках навыпуск и тонкой кожаной куртке, пусть даже с меховой подкладкой.

Наконец лейтенант с синими петлицами открыл ворота.

— Вас проводить? — дежурно поинтересовался он.

— Я знаю дорогу, — не оборачиваясь, сказал Королев. А какие тут еще особые приметы нужны, если к домикам специалистов вела наезженная санная дорога?

Снег хрустел под ногами.

Королев подошел к одному из домиков и постучался.

— Незаперто! — бодрым тенором сказали из-за двери.

Доктор физико-математических наук Иван Дикунец совершенно не напоминал ученого. Больше он походил на бича, который волею случая искупался, переделся в чистое, но при этом остался небритым и нестриженным. Он сидел за столом в тренировочных шароварах и синей майке, худое длинное лицо его было довольным и счастливым.

— Сергей Павлович, — спокойно сказал он, не поднимаясь из-за стола. — Здравствуйте. А я все-таки разобрался в этой железке. Вы знаете, удивительная получается картина.

— В которой? — поинтересовался Королев, подсаживаясь к столу.

— С «девяткой». — Дикунец пододвинул конструктору ватманский лист, на котором он добросовестно вычертил исследуемую деталь. Всем узлам с обнаруженного в горах объекта для удобства присвоили порядковые номера. Дать им какое-то разумное название оказалось невозможным, для этого необходимо было знать, для чего именно тот или иной узел предназначался. Свой чертеж Дикунец сопроводил многочисленными записями, из-за которых сам чертеж оказался на втором плане. Сергей Павлович Королев знал цену чертежам, он цепко взгляделся в графическое изображение «девятки».

— Вот как?

— Точно, Сергей Павлович, — гордо сказал Дикунец. — У меня как в аптеке. Если уж говорю, что понял принцип работы, то, значит, в самом деле понял. Вот это, — он ткнул рукой в схему, — сегментный ускоряющий электрод, это — ионизатор. Пористая масса, как удалось выяснить, — цезий. Вот эта темная масса — высоковольтная изоляция. Основная часть окружена тепловыми экранами, предусмотрены нейтрализатор и, естественно, испаритель с нагревающим элементом. Блок питания отсутствует, но вот эти контакты явно соединяли машинку с блоком питания. А в целом мы имеем дело с реактивным двигателем нового типа — перед вами, Сергей Павлович, небольшой цезиевый ионный двигатель. Тяга его невелика, и это заставляет предположить, что двигатель этот использовался в блоке с другими аналогичными устройствами.

— И каков удельный импульс такого двигателя? — жадно спросил Королев.

— Примерно четыре тысячи секунд, — сказал Дикунец. — Тяга тоже невелика, всего двадцать пять граммов, потребляемая мощность такого двигателя восемь ватт.

— Недостаточно, чтобы обеспечить разгон космического корабля, — прикинул конструктор.

— Связка таких двигателей имеет более высокие характеристики, — пояснил Дикунец. — Корабль двигать ей не под силу, оптимальный блок состоит из двенадцати таких игрушек, далее характеристики резко ухудшаются, а потребляемая мощность возрастает. Космический корабль они, конечно, не потянут, а вот для ориентации спутника или коррекции его орбиты можно использовать запросто.

Некоторое время Королев, не моргая, смотрел на инженера.

— Так ты считаешь, что это обломки спутника? — Круглое лицо Королева стало строгим и недоверчивым. — Обломки, которые обнаружены до войны, являются искусственным спутником планеты? Ты действительно так считаешь, Иван?

Дикунец смутился.

— Я фантастики не пишу, — краснея, сказал он. — Вы из меня, Сергей Павлович, Беляева не делайте. Это действительно ионный двигатель. Вы меня спросили, где он мог применяться, я и прикинул где.

— Пойдем покажешь, — решительно сказал Королев.

Только очень пытливый ум мог распознать в окислившихся остатках двигательную установку. Однако, идя путем, которым шел Дикунец, Королев понял, что тот прав.

Откинувшись в кресле, Королев некоторое время внимательно рассматривал разложенные на рабочем столе металлические части того, что когда-то было двигателем и работало, черт побери, продуктивно работало!

Получалось, что когда-то в незапамятные времена, может быть, еще во времена Бородинского сражения, или битвы русских со шведами под Полтавой, или даже еще раньше, над Землей наматывал витки загадочный спутник. Для чего он предназначался? Для того чтобы наблюдать за жителями планеты? Или он обеспечивал связь между инопла-

нетными резидентами, разбросанными по различным материкам и государствам? Впрочем, это было уже несущественно. Главное, что спутник был запущен, и совсем не важно кем — инопланетянами или стертой с лица Земли временем или катаклизмами могущественной цивилизацией, существовавшей до новой эры.

— Слушай, Иван, — сказал конструктор. — А ведь ты такое открытие сделал, оно ведь Нобелевки заслуживает, не меньше!

Дикунец порозовел.

— Только, брат, не получишь ты Нобелевки, — безжалостно продолжил Королев. — При нашем режиме секретности орден ты еще можешь на грудь получить, но ведь не больше. Засекретят все это так, что потом сам будешь бояться — не разговариваешь ли ночью, не сделал ли лишней записи в своем дневнике. Только не говори мне, что работаешь не ради славы и почестей, это ведь хорошо, если слава и почести приходят к тем, кто их действительно заслужил, а не к тем, кто не знал рабочих мук и озарения.

С этими мыслями он возвращался на полигон, где безвестные инженеры и работяги ковали ракетный щит страны. Приглушенный рев мотора не давал сосредоточиться, Королев недовольно морщился, потом удобно прилег лбом к круглому и холодному иллюминатору и незаметно задремал.

Хороший сон снился Сергею Павловичу Королеву, из прошлой его, тогда еще счастливой жизни. Снился Сергею Павловичу Узун-Сырт, колышущиеся от ветра стенки палаток, худые лошади тащат в гору планеры, смуглолицый высоколобый Серега Люшин весело кричал:

— Серега! Я тут грека с погребком нашел! Какой у него розовый мускат, Сережа! Пальчики оближешь и вместе с мускатом проглотишь!

Проснулся он от осторожного прикосновения к плечу. Невысокий плотный летчик, чем-то неуловимо напоминающий черноморского краба-бокoplава, стоял рядом.

— Сергей Павлович, — растерянно сказал он. — Радиограмма!

— Что? — не понял спросонья Королев.

— Радиограмма на борт поступила, товарищ Королев, — громко сказал летчик. — Житкурский лагерь накрылся!

Глава восьмая

Козинцев оказался неплохим помощником, только пользы в том Александру Бабушу было мало. Свидетелей, которые бы видели непонятные летательные аппараты или хотя бы что-то слышали о них, установить Бабушу не удалось, да и никаких особых, а потому кажущихся странными событий в районе не происходило. За неделю Александр Бабуш повстречался не с одним человеком, используя в качестве прикрытия удостоверение московского журналиста. Узнав, что перед ними журналист из Москвы, люди торопились рассказать о недостатках в снабжении, отсутствии должного количества угля на базах потребсоюза, да мало ли каких забот и претензий к местному начальству накопилось у местных жителей, и все они считали, что претензии эти должны обязательно разобрать Москва и непременно в курсе их бытовых забот должен быть вождь. Многие так и просили Бабуша: «Доложите, Александр Николаевич, товарищу Сталину, пусть он узнает!», по наивности своей полагая, что раз Бабуш московский журналист, то в Кремль он входит свободно, а к товарищу Сталину двери в кабинет раскрывает если не ногой, то телефонным звонком.

Бабуш так и доложил по поселковой радиостанции в управление, что ничего особенного в районе не происходит, обстановка нормальная, рабочая обстановка, а потому оперуполномоченному Бабушу здесь делать нечего, только время напрасно тратит, а между прочим, ему со страни-

ками разбираться надо, да и исчезновение агентессы давало почву для довольно мрачных предположений — пристукнули странники старушку Зою, которая докладывала об их грязных делишках. Начальство Бабуша выслушало, но резонно заметило, что Александр Николаевич, похоже, хлебнул воздуха свободы в горных районах, вот этот самый воздух, значит, и бросился ему в голову, заставляя забыть о субординации. Известно ведь, что начальство всегда лучше подчиненных знает, что именно им делать надо, а уж московское начальство деятельность Бабуша и его начальства вообще на два года вперед распланировало, нечего, значит, о старушках разных плакаться, такая уж у старушек печальная участь — все, значит, в землю ляжем, все, как говаривал великий поэт, прахом будем.

Козинцев, слушая этот бестолковый разговор, весело ухмылялся и все потирал культю — последнее время Ивана Тимофеевича донимали фантомные боли. Все ему казалось, что несуществующая кисть руки у него болит. Бабуш про такое слышал, но сам, слава Богу, не испытывал. Но Козинцеву он сочувствовал — ничего хорошего в таких болезнях не было.

Наконец начальство успокоилось, еще раз порасспрашивало условными кодами о положении дел в районе — голос был далеким, словно Бабуш им с Луны докладывал, а в эфире свистело и хрипело, а потом голос начальства вообще затерялся в этом пространственном безобразии, оставив Бабуша в полном недоумении — возвращаться ему в область или еще немного погодить.

— Такие дела, Ваня, — растерянно сказал Бабуш. — Придется завтра еще раз на связь выходить.

— Я думал, только у нас такой бардак, — невозмутимо сказал Козинцев, поглаживая отсутствующую кисть руки. — Оказывается, в вашей епархии то же самое наблюдается. Но ты не расстраивайся, — с легкой усмешкой добавил он. — Тебе на пользу деревенская жизнь. Вон какой землистый при-

ехал, а сейчас, Николаич, в тебе кровь заиграла, румянец на щеках гуляет, еще немного — и по бабам пойдешь. У нас тут одиноких много, после войны прежние мужики за Одером остались, а новые так и не приехали, не манит их, Саша, сибирское приволье.

— Иди ты, — отмахнулся Бабуш, невольно розовея. Со-скупился оперуполномоченный о супруге своей законной. Оно ведь и понятно, сколько же можно было силу мужскую копить. В войну не до того было, а после войны Бабуш женился, только вот работа была хлопотная, с частыми командировками связанная. Да что там говорить, скупчал Бабуш о жене. Однако признаться в этом было стыдно, поэтому оперуполномоченный и поспешил все перевести в неуклюжую шутку: — Дзержинский сказал, что у чекиста должны быть холодная голова, чистые руки и горячее сердце. А остальные части тела у чекиста не предусмотрены.

— Хозяин — барин, — согласился Козинцев. — А не хочешь, Николаич, съездить на шестой кордон? Надо бы тебе с тамошним лесником поговорить, вроде бы о нем странные вещи рассказывают. Не знаю, «летающие тарелки» или как, но что-то он видел.

— Пустая трата времени, — с досадой сказал Бабуш. — Но давай съездим для очистки совести. Это далеко?

— Да верст двадцать будет, — сказал председатель поселкового Совета. — Рассказали мне, что у него какая-то хреновина есть, в деревьях сквозные дырки прожигает. Вот и подумай, как нам лесника на разговор вызвать.

— То есть как это? — не понял Бабуш. — Если это для страны необходимо, то как же он может такую находку утаивать? Спросим — отдаст!

Козинцев неопределенно хмыкнул, баюкая культю, потом качнул головой и сказал неопределенно:

— И как тебя, Николаич, в органы взяли? Большенький уже, а характером — чистое дите. Кто же тебе такую вещь запросто отдаст? Он тебе ее отдаст, наверху ее сразу

же засекретят, а что потом с человеком станет, который к государственным секретам причастен? Это хорошо, если просто подписку возьмут, это еще по-божески будет.

Вот и гадал Бабуш всю дорогу, как у них на кордоне дело обернется.

Лесник Тимофеев оказался настоящим лесным человеком. Был он высок и, как всякий высокий человек, немного сутул, имел рыжую бороду, от чего казался заросшим до самых глаз — хитроватых и холодных, как льдинки. На удивление неподходящая этому человеку у лесника оказалась жена. Бабуш даже занегодовал чисто по-мужски, уж больно эта тоненькая кареглазая женщина с нежным лицом и густой гривой рыжих волос не подходила мрачному и не слишком разговорчивому хозяину. Пока Козинцев о чем-то разговаривал с лесником, Бабуш следил за его женой исподтишка и все удивлялся, как это жизнь сводит воедино, казалось бы, совсем не подходящих друг другу людей. Но тут из сеней колобком выкатилась дочка лесника, и сразу стало видно, что у не любящих друг друга людей таких дочек просто не бывает. Девочке было около пяти лет, круглое личико ее усеивали трогательные конопушки, волосы были заплетены в торчащие косички с голубенькими пышными бантами.

— Вы к нам в гости? — обратилась она к Бабушу. — А надолго приехали? А хотите, я вам свою куклу покажу. Мне ее папа из Свердловска привез. Красивая!

— Маришка, беги в дом! — сказал Тимофеев, но требовательности в его голосе не было. Да и какая могла быть требовательность, когда у тебя под ногами путается вот такое веснушчатое чудо с торчащими в стороны рыжими, как и у матери, косичками. Одета дочка лесника была бедно, но со вкусом, не иначе, как мать ей сама платье шила.

— Из Москвы, говорите? — Рука у лесника была темная, мозолистая, сразу видно было, что человек штаны по кабинетам не протирает.

— Ой, из Москвы! — Маришка по-взрослому взмахнула руками, но этот жест в ее исполнении выглядел забавно. — А правда, что там зоопарк есть? И тигры? И львы?

— А мы к тебе, Тимофеев, — сказал председатель поселкового Совета. — Вот, Александр Николаевич, журналист из Москвы, приехал с тобой поговорить. Расскажи ему, что ты здесь за чудище лечил, какими такими средствами?

Лесник недовольно сверкнул глазами.

— Уже доложили! — Он покачал головой, подтолкнул дочку к дверям в избу, и опять Маришка ослушалась — прижалась к отцу, глядя на приезжих темными глазами.

— И никакой он не чудо-юдо! — с вызовом сказала она. — Зелененький печальный кузнечик, только ножки маленькие и крылышек нет! И одетый!

— Маришка, — строго сказал отец.

— Давай, Тимофеев, приглашай в дом, — нетерпеливо сказал Козинцев. — Не видишь, товарищ хочет знать подробности. Не с каждым такое приключение случается. На всю область теперь прогремишь, не о каждом центральные газеты писать будут!

Видно было, что популярность лесника не прельщала. Он уныло топтался на пороге избы и все поглядывал на непрошенных гостей, словно понимал, что в избу их приглашать все же придется, но нелепо надеялся на чудо.

— Проходите, раз приехали, — с сомнением в голосе сказал лесник.

Конечно, он бы мог отказаться, сказать, что ничего такого не было, наговорили люди, но теперь, когда факт существования странного существа подтвердила дочка, сделать это было затруднительно, врожденная честность, присущая уральским жителям, ему это не позволяла. Вместе с тем Тимофеев понимал, что ничего хорошего ему все это не сулит, хлопоты одни и беспокойство, еще и тягать начнут, спрашивать, почему он соответствующим органам ничего не сообщил, хотя бы участковому милиционеру, кото-

рый заезжал к нему с месяц назад. И что говорить в этом случае, Тимофеев решительно не знал.

— Чай будете пить? — спросила жена лесника.

— Будем, — отозвался Козинцев. — Как это — у Тимофеева побывать и чаю его знаменитого не попить?

Лесник с благодарностью посмотрел на представителя власти и вновь уныло повернулся к Бабушу.

— С чего ж начинать? — обреченно спросил он.

— С самого начала, — решительно сказал Бабуш, в который раз уже завидуя Козинцеву. Умел же человек с людьми разговаривать! Это бы умение — да самому Бабушу, немалое подспорье было бы в работе.

— В самом начале сентября это было, — сказал лесник и посмотрел на Козинцева, словно ожидал от председателя помощи. Тот сделал неопределенный жест рукой. Лесник вздохнул и снова повернулся к Бабушу. — Тепло еще было!

Тимофеев лес знал как свои пять пальцев, поэтому до места, где Елань впадала в Туру, он добрался всего за полчаса. Лес был смешанный, и папоротник в отдельных местах достигал высоты человеческого роста, поэтому даже хорошо известные тропки приходилось искать по старым приметам. Пауков-крестовиков в это время года было видимо-невидимо, казалось, весь лес был в паутинах, отсвечивающих на солнце серебром. Поэтому Тимофеев и не ехал на лошади, а вел ее за собой под уздцы — кому охота пауков на себя собирать? Вот это пешее передвижение его и подвело, с лошади-то привычней окрестный лес оглядывать. Если бы Тимофеев не ошибся самую малость, он бы обязательно прошел стороной, но он спутал развилки, и вынесло его akurat за Красную падь. Вот тут-то и заметили странное — деревья по обеим сторонам пади были переломаны, словно кувыркался на них огромный великан, странно даже было, что в этакую засуху все обошлось без пожара. Посетовав на свою оплошность, лесник решил срезать угол, чтобы вый-

ти к Елани, а там уж спокойно вдоль берега добраться до Туры.

И тут он увидел человека. Нет, не человека, это уже так было сказано, скорее по привычке, потому что странное существо, лежавшее неподвижно в траве, имело две ноги, две руки и одну — пусть странно уродливую и неприглядную — голову. И еще — зеленое оно было, с темными пятнами там, где были изгибы тела.

Некоторое время Тимофеев стоял неподвижно, не решаясь подойти к существу, но время шло, существо не шевелилось, поэтому и лесник постепенно осмелел — снял с плеча карабин, подобрался ближе и дулом потрогал найденыша. Глаза существа открылись, но оно даже не пошевелилось. Было существо небольшим и шупленьким, как десятилетний подросток. Одето оно было в странную обтягивающую одежду и круглые, похожие на лошадиные копыта, башмаки. Голова у существа была круглая, совершенно безволосая, и вместо носа был странный длинный рубец. Глаза существа занимали половину лица, они были темными, и зрачки в них были змеиные, вертикальные, а над глазами подрагивали два отростка, похожие на усики бабочки. Вместо рта у существа было маленькое круглое отверстие, которое мелко дрожало и время от времени суживалось, словно существо не дышало, а всасывало воздух через это круглое отверстие.

С правой стороны странный костюм был разорван, на теле имелась рана, из которой сочилась зеленовато-желтая жидкость, похожая на гной.

Осмелевший Тимофеев подобрался ближе и присел на корточки, разглядывая существо более внимательно. Карабин он предусмотрительно держал на коленях, а руку на спусковом крючке — хоть тварь и была явно калеченной, но таких леснику еще никогда видеть не приходилось, а следовательно, ждать от нее можно было всего и, возможно, даже не шибко приятного.

Глаза существа медленно закрылись.

Тут уж дураком надо было быть, чтобы не понять — существо страдает.

Тимофеев посидел над ним, потом растерянно огляделся — лошадь вышла из кустов и неторопливо подошла ближе. В отличие от лесника лошадь странного существа не боялась. Опустив голову, она обнюхала существо, надула ноздри и звонко фыркнула, а потом, чуть отвернувшись, принялась разглядывать хозяина, словно ожидала, что он будет делать дальше.

Бинт в сумке у Тимофеева имелся, не слишком умело, но достаточно плотным слоем лесник обвязал место ранения, предварительно разрезав надетую на существо странную облегающую рубашку. Ткань поддавалась туго, но ведь и нож сделали из хорошей стали — Тимофееву его отковали из обломка башкирской сабли, найденной им в тайге, острый нож получился, камни им можно рубить было, на лезвии и следа не оставалось.

Из папоротников и тонких гибких ветвей Тимофеев сплел подобие люльки, уложил в нее найденное существо и приторочил свое хитрое устройство к луке седла. Потом он неторопливо и методично осмотрел кусты и ничего больше не обнаружил. От дальнейшей поездки пришлось, конечно же, отказаться и вернуться на кордон.

Чем кормить раненого, лесник не знал; поразмыслив немного, попробовал напоить его молоком. Молоко странному существу пришлось по вкусу, потом уже Тимофеев стал подмешивать в молоко и мед. Существо пило напиток и время от времени коротко посвистывало, забавно вытягивая круглое отверстие, заменявшее ему рот, от чего нижняя часть лица найденыша становилась похожей на небольшой хоботок. Возможно, что этим посвистыванием существо пыталось разговаривать с Тимофеевым, только лесник его все равно не понимал.

А потом за существом прилетел странный голубоватый диск. Он завис над домом лесника, и поначалу Тимофеев здорово струхнул. Нет, он боялся не за себя, он боялся за жену с дочкой, хотя, если честно сказать, за себя он тоже немного боялся. Диск висел над домом, закрывая небо, и негромко гудел, как шмель. Потом в нижней части диска открылось темное отверстие, и оттуда ступенчатыми каскадами стали падать лучи света. Когда они достигли земли, то оказалось, что они и в самом деле образуют лестницу, по которой вниз спускаются несколько существ, которые во всем походили на лежавшего в доме раненого.

— Понимаешь, — жарко вздохнул Тимофеев. — Мы и не пошевелились, словно оцепенение нас какое охватило. А они спустились на землю и пошли в избу. Смотрим, двери перед ними сами открылись, вошли, потом выходят, товарища своего несут. Даже не несут, а словно он в коко-не каком светящемся, плывет впереди них. Уплыл мой раненый в ихнюю машину, тут один из тех, кто вниз спустился, разворачивается и прямо ко мне подходит. Подошел, протягивает руку свою и мою щеку трогает. Потрогал ее несколько раз и к лестнице светящейся направился. Тут ему Маришка на глаза попала. Чудак этот как засвистит, усики над его глазами дыбом стоят. Обошел он Маришку несколько раз, даже на корточки присел. И все свистит — весело так, пронзительно. У меня внутри все заглодело, ну, думаю, утащит он сейчас нашу Маришку наверх, а мы и помешать не успеем. Да обошлось. Посвистел он немного, потом усиками ее всю потрогал, поднялся и наверх по лестнице пошел. А потом дырка в диске затянулась, начал диск крутиться — поначалу медленно, а потом все быстрее и быстрее, а потом мы глянули — ничего, только небо синее и облачка редкие по нему плывут.

Тимофеев замолчал, развел руками, давая понять, что рассказ его окончен. Бабуш сидел, обдумывая услышанное. Придумать такую историю лесник не мог. Да и зачем

ему было что-то выдумывать? Теперь Бабуш прикидывал, как ему построить разговор, чтобы вынудить лесника рассказать об устройстве, прожигающем деревья. Придумать он ничего не успел, помогла дочка лесника.

— Общались с ним как-нибудь? — спросил Бабуш.

— Говора вроде не было, — сказал лесник, пожимая плечами. — Картинки были. Но от них ли, не знаю.

— А что за картинки? — вмешался Козинцев. — Ты про картинки поподробнее расскажи. Видишь, интересно товарищу журналисту.

— Странные картинки, — неохотно сказал лесник. — Звездное небо вроде, а потом, когда ближе стало, то вроде и не звезды, а шары огненные косматые, а вокруг белые шарики разного размера крутятся. И огонь... Много было в картинках огня... Да не помню я, ежели б знать, что да почем, запоминал бы обязательно.

Видно было, что откровенничать леснику не хотелось.

— Тять, тять, — сказала беспокойная Маришка. — А ты им фонарик того кузнечика покажи.

— Не было никакого фонарика, — беспомощно сказал лесник. Врать он точно не умел, лицо его сразу выдало да беспокойно зашевелившиеся руки.

— Как это не было? — возмутилась девочка. — Ты же мне сам показывал, ну покажи, покажи! — И она радостно захлопала в ладоши.

— Ты, Тимофеев, не ври, — наставительно сказал Козинцев, шумно потянув из стакана пахучий чай. — И не смей нужные науке вещи от ученых людей прятать. Видишь, как товарищу журналисту интересно?

— Ага, — сказал лесник. — Я понимаю, что он такой же журналист, как я ветеринар. Журналист бы уже меня вопросами засыпал, а этот сомневается, правду ли ему рассказывают или байки втуляют. Я так понимаю, что, если я добровольно эту самую штуковину не отдам, этот самый товарищ журналист меня тут же в райцентр увезет, а на

кордоне такой обыск будет, блоху английскую и ту найдут, если завалается где!

— Ну, зачем вы так? — примирительно сказал Бабуш. — Я же к вам с добром приехал.

— Ладно, — махнул рукой лесник и поднялся. — Один черт руки жжет.

Сутулясь, он скрылся в другой комнате, вернувшись, положил на стол странный цилиндрический предмет, немного напоминающий немецкий фонарик, только утолщение на конце закачивалось отполированным, как и весь фонарик, торцом. На корпусе предмета выделялась красная кнопка и странные знаки, напоминающие иероглифы.

— Что это? — удивленно спросил Козинцев.

— То самое, — вздохнул лесник. — Оружие того зелененького.

— Я оформлю выемку, — уже не скрываясь за личиной журналиста, сказал Бабуш.

Козинцев кашлянул и показал глазами на дверь.

Бабуш догадливо вышел во двор.

— Александр Николаевич, — сказал Козинцев. — Не надо никаких актов изъятий. Лучше напиши, что мы его нашли, когда осматривали место, где этот зеленый тип лежал.

— Чего ты боишься? — удивился Бабуш. — Какая разница, нашли мы ее или лесник нам эту штуку отдал?

— Не знаю, — сказал Козинцев. — Только мне кажется, что так будет лучше. Сделай это, Николаич. Береженого Бог бережет.

Написав акт, Бабуш спросил:

— И как эта штука действует? Знаешь?

— Да чего там знать, — неохотно сказал лесник и, взяв «фонарик», вышел на крыльцо. До ближайшего дерева было метров тридцать, да и само оно, толщиной в два обхвата, внушало доверие. Тимофеев направил утолщение странного «фонарика» в сторону дерева и нажал красную кнопку.

В первое мгновение Бабушу показалось, что в крону дерева ударила молния — раздался громовой удар, послышался треск, и пылающая крона дерева рухнула на зеленеющий внизу кустарник, сбивая с него снег. Над обломками дерева встал клубящийся столб пара.

— Ничего себе! — озадаченно сказал Козинцев. — Чистый гиперболоид! Я у Толстого роман читал, там именно так все и было!

Глава девятая

Берия прилетел не один.

С ним прилетел заместитель начальника следственного управления МГБ полный и улыбчивый и вместе с тем холодноглазый Лев Шварцман, который прихватил с собой трех следователей и двух криминалистических экспертов. Вид следователей, одетых в повседневную форму, раздражал Королева, вызывая неприятные воспоминания. Ну не мог он к этим костоломам из МГБ относиться спокойно и ровно. Может, эти люди и не были костоломами и способны были к продуктивным и доброжелательным беседам с людьми, но память Сергея Павловича восставала против разума. Тем более что делать им на полигоне было совершенно нечего. Не их это была епархия, дай следователям волю, они сразу же пустят ход расследования происшествия в Житкуре по накатанным рельсам, и опомниться не успеешь, как сведут все к банальному вредительству, да при этом еще и виновных найдут из числа тех, кто остался жив после налета.

На самом Шварцмане форма сидела как седло на корове, Шварцман это, конечно же, понимал, но держался независимо, всем своим видом показывая, что не форма крадит человека, а человек форму. Особенно такой значительный, как сам Шварцман.

— Что у вас тут случилось? — недовольно спросил Берия.

— Этих-то зачем сюда? — кивнул Королев на соседнюю комнату, где эмгэбэшники шумно знакомились с персоналом полигона.

— На всякий случай, — сказал Берия. — Если понадобятся. Так я тебя слушаю, Сергей.

— «Тарелочки» Иосифа Виссарионовича налетели, — хмуро сказал Королев. — Ч-черт! Какие ребята погибли, какие ребята!

— Рассказывай, — сухо сказал Берия, немигающе глядя на конструктора.

— Да нечего, в общем, рассказывать, — неохотно сказал Королев. — Рванула наша ракета, пятнадцати секунд двигателя не продержались. Настроение, сами понимаете, поганое, вот и рванул я в Житкур, посмотреть, чем там ребята занимаются. Может, они чем меня порадуют. Слетал! Я уже обратно возвращался, когда из Житкура сообщение в Капустин Яр пришло, а оттуда нам на борт передали. Я забрал команду из Капьяра — и назад. Страшно смотреть, что там было, Лаврентий Павлович. Степь словно перепажана. В некоторых местах земля обуглилась. Домиков и казармы нет, вместо проволочного ограждения одни ключья на обуглившимся столбиках висят. Из охраны уцелело двое. По их рассказам и восстановили, что там происходило.

Минут через двадцать после моего отлета они появились. Два диска; охранники говорят, что выглядели они так, словно две алюминиевые тарелки сложили вместе выпуклой частью наружу. Размер попытались уточнить, тут у них полное разногласие случилось — один утверждает, что диски были метров по пятьдесят в диаметре, второй говорит, что небольшие они были — метров по десять. Я лично склонен больше верить второму, не зря же говорят, у страха глаза велики. Зависли они над периметром ограждения,

а у кого-то из караульных нервы не выдержали, пальнул парень в один из дисков из своего ППШ. Тут-то все и началось. Зависшие над лагерем диски начали испускать яркие лучи, которые испаряли снег, и несколькими ударами зажгли все деревянные постройки. Казарма сразу обрушилась, солдатиков обломками накрыло, а наши скорее всего даже ничего понять не успели.

Что там дальше было, уже никому не известно. Скорее всего летательные аппараты эти приземлялись, в подвалах никаких обломков мы уже не обнаружили. Все исчезло, до последней железки, Лаврентий Павлович. А ведь Дикунец уже кое-что понимать стал, скорее всего мы имели дело с каким-то орбитальным аппаратом, некоторые устройства на это прямо указывали.

Берия слушал его, недовольно хмурясь и задумчиво почесывая переносицу.

— Ты в инопланетян веришь? — неожиданно спросил он. — И я не верю. Но кто? Американцы? Немцы? Про англичан я не думаю, у них кишка тонка такие аппараты строить. Остальные вообще не в счет. Что ты обо всем этом думаешь, Сергей?

— Не знаю, — сказал Королев. — Но в инопланетян я тоже не верю. Хотя...

В комнату заглянул Шварцман, подозрительно оглядел сидящего напротив Берии Королева и обратился к тому:

— Странно все это выглядит, Лаврентий Павлович. Темнят местные. Солдат мы, конечно, заберем, мы с ними в Москве поработаем. Но особых сомнений нет — вредительство чистой воды, мне тут уже подсказали, что у них недавно авария была, только по случайности к человеческим жертвам не привела. Я просил бы вас дать разрешение на арест некоторых здешних сотрудников, все-таки в спец-проекте заняты, а вы их непосредственно курируете...

Многое, ох многое скрывалось за недоговоренностями полковника Шварцмана, при желании можно было его слова

расценить как едва замаскированный упрек самому Берии — расплодили вы тут, Лаврентий Павлович, вредителей, прикрываются они вашим именем, а может, и не прикрываются, а ваши личные указания выполняют? Поэтому Сергею Павловичу Королеву было интересно, как отреагирует на слова эмгэбэшного начальника сам Берия. Берия отреагировал на слова Шварцмана довольно своеобразно.

— Пошел вон, — равнодушно сказал Берия. — Не видишь, люди разговаривают? Я тебя звал? Я тебе какие-нибудь указания давал? Пошел отсюда, а то ты у меня тюремную парашу до конца своей жизни лизать будешь. Это в лучшем случае, понял?

Шварцман Берию знал очень хорошо, даже слишком хорошо, а потому сразу съезжился, стараясь стать меньше и незаметнее, и быстро выскочил из комнаты.

— И без меня чтобы бзднуть боялись, — предупредил его в спину Берия. — Я вам покажу, как самостоятельность проявлять, невесты кахетинские. Жрите коньяк в гостинице и ждите.

Подождал, пока за полковником закроется дверь, снова повернулся к конструктору.

— Значит, говоришь, летают над нами? — медленно сказал он. — Это и я теперь понимаю, что летают. Но кто?

— Это не наши технологии, — сказал Королев. — Сомневаюсь, что американцы до этого дошли. Дикунец разобрался кое в чем, изотопные двигатели еще много лет будут недоступны, а этот работал. И не просто работал, он орбитальный аппарат на определенных высотах держал.

— Изотопы, атомы, — проворчал Берия. — Иногда все эти ваши наукообразные названия кажутся мне абракадаброй, призванной пудрить мозги нормальным людям. В марсиан ты не веришь, а американцам в уме отказываешь. Что же получается? Значит — некому там летать. А летают, Сергей, определенно летают. Не зря, выходит, Старик встретился. Чутье у него.

Он грузно поднялся, прихрамывая, прошелся по кабинету. Колено правой ноги было у Берии повреждено еще с того времени, как он поигрывал за тбилисское «Динамо», гоняясь по полю за шустрыми игроками московских клубов. Однажды он держал Старостина, и надо сказать — неудачно: шустрый Николай Старостин несколько раз убежал от тяжеловатого на подъем Берии и даже забил гол. Однако своей игрой в тбилисском клубе очень гордился, футбол любил и ревниво следил за успехами московских клубов. Старостину он однажды на приеме сказал: «Вы, Николай, все бегаєте! Однако теперь вы бы от меня не убежали, несмотря на ваши быстрые ноги». И оказался прав: быстрый на поле Старостин оказался не таким уж и быстрым в жизни и однажды сел на несколько лет. Это в футболе главное — забить победный гол, в жизни важным оказывалось совсем другое.

Последствия травмы с годами все-таки сказывались и иногда прорывались едва заметной хромотой, которая придавала Берии сходство с крадущимся тигром, который начал охотиться на людей.

— Смотри, — сказал он и вновь склонился над столом. Достав из нагрудного кармана роскошный американский «паркер», Берия, не глядя, потянул к себе какую-то бумагу со стола, перевернул ее чистой стороной вверх и поставил несколько жирных фиолетовых точек. — МГБ и армия осуществляли наблюдение за районами, в которых появлялись неизвестные летательные аппараты. Вот это Киров. — Он ткнул в одну из точек. — Отсюда летательные аппараты удалялись в этом направлении. — На импровизированном чертеже появилась жирная линия. — Еще их наблюдали в Молотове и Молотовской области близ поселка Молебка. Отсюда они улетали на юг. — На листе бумаги появилась еще одна жирная линия. — Видишь? Теперь они атаковали Житкур и, по сообщениям охранников, улетели на северо-восток. — Авторучка Берии оставила на бумаге новый рос-

черк. — Где-то есть точка пересечения, по всем подсчетам она находится в Уральских горах, а если говорить точнее — на территории Свердловской области. И что это может значить? — Берия тяжело и требовательно посмотрел на конструктора.

— Это значит, что где-то на территории Свердловской области у них находится база. Зная маршруты летательных аппаратов, можно установить ее местонахождение, — не задумываясь, сказал Королев.

— Верно. — Берия некоторое время смотрел на свою схему, потом перевернул листок и взгляделся в напечатанный на машинке текст. — Решение партийной организации N-ской войсковой части о наглой вылазке троцкистско-югославских бандитов в Болгарии... — прочитал он и поднял глаза на Королева. — Разве это не твой кабинет?

— Места мало, — сказал Королев. — Поэтому днем, когда я в ангарах, здесь обычно секретарь партийной организации сидит, хозяйство свое в порядок приводит. Нельзя же человеку отказать, тоже ведь делом занимается.

— Гони ты их на... — сказал Берия. — Твоя работа важнее этой ерунды. А эти... они только бумагу марают. — Скомкал листок бумаги, с отвращением запустил его в урну, но не попал. Не глядя на конструктора, Берия сказал: — А еще они доносы пишут.

Королев промолчал. Однако он прекрасно понял Берия, кому же, как не бывшему наркому внутренних дел, занимавшемуся госбезопасностью еще с довоенных лет, знать, кто и на кого пишет доносы. А в данном случае, если судить по тону Берии, тот не просто предупреждал Королева, а прямо указывал ему на того, кто в королевской епархии бдительно следил за настроениями и политической благонадежностью сотрудников ракетного центра. Обычно Лаврентий Павлович Берия таких подарков никому не делал, но он слишком хорошо знал судьбу Королева, тайно симпатизировал конструктору ракет, который по вине

его ведомства был надолго отлучен от любимого дела, и, как оказалось, совсем напрасно. Вот поэтому он и сделал такой прозрачный намек, тем более что конструктор и его люди Берия были очень нужны: именно от них сейчас зависело его возвышение или падение.

О странном устройстве, которое было обнаружено в лесу оперуполномоченным МГБ по Свердловской области, Берия конструктору не сказал. Каждый должен знать определенные тайны, странный «фонарик», прожигающий дыры в танковой броне, к ракетной технике никаким образом не относился, а значит, и знать о нем Королеву не следовало. Чего человек не знает, того и в тайне хранить не обязан. А следовательно, и спокойнее спит.

Однако именно это устройство, уже после смерти Берии, после победных стартов советских ракет, стало прообразом боевых лазеров, которые в конце восьмидесятых годов выводились на орбиты спутниками серии «Космос». Пусть несовершенные и крупногабаритные по сравнению со своим прообразом, лазеры эти были адекватным ответом на программу «звездных войн», которая так полюбилась президенту Рональду Рейгану. Но ни Берия, ни Сергей Павлович Королев об этом уже не узнали.

И еще всесильный Берия не сказал Королеву о том, что войска Уральского военного округа уже пришли в кажущееся хаотичным движение, а на аэродромы к Уральскому хребту уже стянуты были авиационные полки, на вооружение которых поступили реактивные самолеты «МиГ-15». Да и в исправительно-трудовых лагерях уже шла работа, которая была совершенно непонятна ни лагерному начальству, ни заключенным, ни даже там, кто готовил им секретные указания. Каждый должен знать ровно столько, чтобы спалось спокойно.

— Следователей я здесь оставляю, — сказал Берия угрюмо. — Так решили в ЦК. Шварцмана и экспертов заберу, не хрена им тут делать. В конце концов, это секретный

центр, а не санаторий для душевнобольных. Сам решишь вместе с особистами, к каким секретам этих службистов подпускать, а от каких держать подальше. Им сказано, что в Житкурском центре работали заключенные из тех, кто к Советской власти настроен был нелояльно, но слишком ценен, чтобы держать их на лесоповале или в шахтах. Поэтому особого усердия они могут не проявлять, какая им разница, как эки загнулись: из-за неудачного научного опыта или их уголовники в лагере на ремни порезали. И не смотри на меня так, Сергей, знаю, что ты в лагере сидел, но мог бы и не сидеть, если бы друзей себе подбирал с разбором. А у меня времени на жалость и сантименты нет, жизнь не отпустила. Деньги пришли?

— Деньги пришли, — сказал Королев. — И за Воронеж тоже спасибо. Подтолкнули вы их. А вот с Киевским институтом сплавов до сих пор нет нормального контакта. Долго возьятся.

— Потороплю, — мрачно пообещал Берия.

Он подошел к окну, изрисованному морозными узорами, совсем по-мальчишески продышал в белом инее дырочку и некоторое время смотрел на пустынный двор, в глубине которого угадывались капониры. За ними была заснеженная бесконечная степь.

— Кормить-то будут? — спросил он.

— Разносолов у нас нет, — в тон ему отозвался Королев.

Берия хмыкнул, склонив голову, клюнул собеседника острым взглядом, потом рассмеялся.

— Следователей водкой особо не поите, — посоветовал он. — У пьяного чекиста все наоборот — чистая голова, холодное сердце и слишком горячие руки.

Королев не обольщался результатами беседы с Лаврентием Павловичем, слишком коварен и расчетлив был этот человек: словно шахматист партию — Берия просчитывал работу на несколько шагов вперед, поэтому его показное добродушие конструктора не могло обмануть, просто нуж-

ды в излишней жесткости пока, видимо, не было. Впрочем, уже это должно было радовать. А насчет характера Лаврентия Павловича ошибаться не стоило — старый и зубастый волк был перед конструктором, иные в Политбюро ЦК просто не попадали, да и выжить там они не могли. Ослабевшего всегда быстро и уверенно рвала вся стая.

Биологические законы никто не отменял и при социализме.

Глава десятая

Полковника Хваталина судьба не любила.

Иначе трудно было объяснить, почему, будучи полковником, Андрей Антонович Хваталин являлся начальником химической и радиационной службы мотопехотного батальона, базировавшегося в тайге. Вот говорят, что начальников себе надо уметь выбирать. Полковник Хваталин выбирать умел, но с начальством ему сильно не везло. Был он в подчинении генерала Крюкова в группе советских войск в Германии. Генерал к нему благоволил, только не повезло товарищу Крюкову, раскопало МГБ историю его немецких трофеев, а вождь и первый друг и учитель мирового пролетариата расценил действия генерала как мародерство и отправил его решетку. Вместе с генералом загремели его многочисленные помощники из числа интендантов, которые помогали генералу в выборе достойных трофеев в покоренной Германии, и полковнику Хваталину пришлось только порадоваться, что не успел он перейти в интендантские службы и стать хозяйственником, хотя еще совсем недавно он завидовал хозяйственникам, отправляющим в Союз вагоны с награбленным добром. А теперь он радовался, что оказался в стороне от дележа. Сам генерал Крюков со своей женой — всенародной любимицей певицей Руслановой — поехал на восток обживать просторы необъятной Сибири, не-

сколько особо ретивых интендантов были даже расстреляны, а не слишком причастные к их деятельности отправились в ту же самую Сибирь служить, утешая себя мыслью, что все кончилось не так уж и плохо — погоны на плечах, пенсия почти в кармане, а Германия... Ну, что Германия? Живут же другие люди без заграниц, живут и не умирают.

Батальон, в котором дослуживал свои армейские деньки полковник Хваталин, располагался в Камышловле, не слишком далеко от Свердловска, но бывать в областном центре полковнику приходилось редко, а на праздники вообще постоянно приходились различные дежурства, не забывали невидимые силы полковника Хваталина. И то сказать — ну что за служба у начхима? Безделье сплошное, праздник, а не служба. Отравляющие вещества в центре страны никто применять не будет, о радиации понятия были еще весьма и весьма смутные, вот и сводилась вся служба полковника Хваталина к проверке наличия противогазов в батальоне да плаш-накидок, которые по замыслу далеких московских чинов должны были уберечь советского воина от иприта и радиоактивной пыли. Еще полковник Хваталин проводил занятия с офицерами, разъясняя провинциальным воякам вредоносные свойства иприта, люизита и фосгена, а также демонстрировал им документальный кинофильм о последствиях применения американцами ядерных бомб в Хиросиме и Нагасаки. Фильм считался секретным и поступил в батальон в единственном экземпляре, от частых показов на целлулоиде пленки появились царапины, которые при показе делали фильм совсем уж загадочным и фантастическим.

Полковнику Хваталину было тридцать семь лет. У него было волевое, всегда чисто выбритое лицо, короткая стрижка под бокс и мягкий, с придыханиями говор, который в совокупности с некоторой смуглостью лица и пышными темными усами выдавал в полковнике уроженца южнорусской полосы. Ошибки в том не было, родом полковник

был из казачьего города Новочеркаска, поэтому некоторые слова, начинавшиеся с буквы «Г» и являвшиеся любимым ругательством Андрея Антоновича, в его выговоре слушались мягко и даже заманчиво.

Вся боевая техника, что находилась в подчинении начхима, сводилась к трем «виллисам» радиационно-химической разведки. «Виллисы» были оборудованы приспособлениями для втыкания в землю маленьких красных флажков, которыми предполагалось обвешивать безопасные маршруты для войск в зоне химического и радиационного поражения. Затея эта была ненадежная и небезопасная, поэтому экипажи «виллисов» полковник Хваталин ласково именвал своими смертничками, справедливо полагая, что предназначены они лишь для одной разведки, после чего счастливики становились покойниками, а неудачники подлежали длительному и болезненному лечению в госпиталях. Да и как могло быть иначе, если для определения химического заражения имелись приборы химической разведки, представляющие собой насосы, в которые для прокачивания воздуха вставлялись специальные трубки, которые из-за недолгого своего срока хранения сплошь и рядом оказывались просроченными, а вся техника, предназначенная для определения радиации на местности, сводилась к хитрому и не слишком надежному ящичку с длинным щупом и наушниками, который именовался дозиметром переносным, и при появлении радиации стрелка на нем начинала отклоняться, а в наушниках раздавался непрерывный треск? Верить таким приборам было трудно, а надеяться на них — вообще невозможно.

Кроме этой техники, в распоряжении полковника Хваталина находилось несколько цистерн, смонтированных на базе автомобилей «ЗиС-5», и еще одна хитрая машина, которую солдаты метко именовали вошебойкой — ведь предназначалась она для дезинфекции нательного белья и обмундирования, а также для помывки завшивленного лич-

ного состава, то есть для борьбы с бактериологическим оружием. «Вошебойка» и в самом деле частенько использовалась по своему прямому назначению, а автоцистерны, предназначенные для дегазации местности, с успехом применялись для поливки плаца перед построением батальона.

Вот и приходилось полковнику Хваталину ходить в бесконечные дежурства по штабу батальона, а в периоды призывов отправляться за новыми солдатами — работа, конечно, не очень пыльная, но тяжелая. Ведь требовалось не только набрать требуемое количество призывников, но и довести их в полном составе до войсковой части, что получалось не всегда — на партию призывников обычно находилось два-три урода, которые на каждой станции норовили отстать от поезда, тайно купить и пронести в вагон самогон или дешевую бормотуху, которыми торговали на станциях. Таких призывников полковник Хваталин безжалостно наказывал, а самогон и бормотуху изымал, когда же ее оказывалось в распоряжении Хваталина достаточное количество, он приступал к планомерному уничтожению запасов, предварительно изолируя наиболее ненадежных призывников и назначая над остальными старшего из наиболее разумных и крепких защитников Родины.

Разумеется, что такая служба здоровью не служила, вот потому полковник Хваталин по примеру воинов срочной службы вел календарь, в котором зачеркивал прожитые армейские дни, отсчитывая время, оставшееся до пенсии. Всего ему оставалось прожить в уральском захолустье три года, после чего полковник Хваталин намеревался демобилизоваться, вернуться в родной Новочеркасск и устроиться на какой-нибудь заводик кадровиком, чтобы дожить остаток жизни в спокойствии и довольстве, выезжая с такими же пенсионерами на рыбалки и охоту, которые на берегах Дона были знатными, а заблудиться в тамошних лесах было значительно труднее, чем в бесконечной уральской тайге.

Но все это оставалось мечтами, а на деле провинциальная гарнизонная жизнь угнетала полковника. Не с кем было даже интрижку завести, не тот контингент. Провинциальные девицы были на редкость строгих нравственных правил и ничем не напоминали немок, которые за годы войны устали от воздержания и старались наверстать упущенное время. Самонадеянный полковник Хваталин попытался все-таки уговорить одну вдовушку, только это едва не закончилось мордобоем, в котором сам же полковник и оказался виноват. До губы, правда, дело не дошло, да и не по чину Хваталину было сидеть под стражей, но нравоучений было все-таки более чем достаточно, к тому же нехорошие слухи дошли до жены полковника, и Андрею Антоновичу пришлось немало приложить усилий, чтобы замять скандал.

После этого жизнь стала окончательно размеренной и сводилась к нехитрой схеме: служба — дом, если можно назвать домом темный бревенчатый флигель с удобствами во дворе, которые становились окончательно невыносимы именно в такое вот зимнее время, когда за ночь десять раз подумаешь — выбегать ли на улицу в дубленом полушубке, или все-таки потерпеть до утра.

Поэтому приказ из округа проверить наличие плащ-палаток, противогазов и комплектных частей к ним, а также подготовить машины к маршу полковник Хваталин воспринял с некоторым недоумением. Нет, в штабе округа, наверное, рехнулись отцы-командиры с безделья. Куда маршировать-то, если дороги сугробами выше головы заметает, фильмы надо показывать в теплом кинотеатре или лекции в ленинских комнатах читать личному составу. Ну, в крайнем случае палатку на снегу можно установить, хлорпикрин разогреть до испарения и проверить, все ли клапана на противогазах держат или выбросили за ненадобностью? В войну ведь как было? Противогазные сумки были у всех, только противогазов в них не было, использовали эти сумки кто как мог — одни в них гранаты и запасные диски

хранили, другие пайки продовольственные, а некоторые ухитрились в противогазных сумках даже книги таскать.

Но приказы в армии, как известно, не обсуждаются. Полковник Хваталин это хорошо знал, не раз был горьким опытом научен, поэтому уже на следующий день собрал экипажи машин, проверил трубки-определители для ПХР, которые, как и следовало ожидать, оказались просроченными, послушал потрескивание в наушниках переносных дозиметров и уже к вечеру пришел к комбату, едва перешагнувшему капитанское звание. Обращаться к нему как к командиру для Хваталина было несколько унижительным, но приказ из округа давал ему возможность съездить с заявкой в областной центр и немного там отвлечься от гарнизонной тоскливой жизни, поэтому полковник Хваталин и поступился армейскими принципами, которые гласили, что от начальства надо держаться подальше, а к кухне поближе, и еще что просить не стоит — все равно не дадут.

Комбат немного покочевряжился, но отказать полковнику Хваталину не посмел. С него ведь спросят вместе с начхимом, если машины не будут готовы к указанному сроку.

— Чтоб как шлюха на танцы, — сказал капитан Сивков, который, по мнению Хваталина, и бриться-то недавно стал, а настоящих шлюх в своей короткой жизни, наверное, и не видел. — Туда и сразу обратно!

— А чего мне там делать? — деланно зевнул полковник Хваталин. — Тоже мне нашли культурный центр. Да в этом Свердловске жены партактива небось в валенках ходят. Вам купить ничего не надо?

Комбат был юн, и желаний у него хватало, только вот своего начхима комбат недолюбливал. Но и отказаться от услуг Хваталина было выше его сил. Посопев немного и порозовев всем лицом, комбат попросил:

— В книжный магазин зайдите, Андрей Антонович. Там как раз книга вышла, «Дорога богатырей» называется. Хотелось бы почитать.

Пацан, чего с такого возьмешь! Был бы постарше и по-солидней, так попросил бы что-нибудь для жены привезти, в крайнем случае — водки и мандаринов. Все-таки Новый год приближался, неделя всего и оставалась. Как раз смотаться в Свердловск и вернуться обратно.

В Свердловск полковник Хваталин поехал на грузовом «ЗиСе». Лучше было бы, конечно, на «виллисе», так ведь обратно предстояло везти два двигателя и три компрессора для АРСов, ну и еще кое-что по мелочи — на «виллисе» все не увезешь!

А парадный пэша пришлось взять у подполковника Генатуллина, свой Хваталин взять поостерегся, не дай Бог, жена хватится. А у Генатуллина и погоны были с золотым шитьем, а что касается звездочки, то лишнюю дырочку всегда можно прокрутить, если очень сильно понадобится.

Только надеждам Андрея Антоновича пощеголять по Свердловскому дому офицеров в парадном пэша да еще с полным иконостасом на груди не суждено было сбиться. В хозяйственном управлении округа ему все бумаги подписали на удивление быстро, а выдали требуемое еще быстрее, даже такое испытанное средство, как градуировка переносных дозиметров, не помогла, в лаборатории их приняли на ремонт, но тут же выписали новые, в еще не поцарапанных чехлах, а начхим округа в короткой беседе потребовал, чтобы полковник Хваталин немедленно выезжал в часть и не болтался в городе. Туманно намекал на скорые события, а уж предупреждения были такие, что и рисковать не стоило.

Хваталин и не стал рисковать, снял в ресторане гостиницы «Урал» крашенную перекисью водорода проститутку, выпил с ней шампанского в номере и торопливо занялся любовью. Шампанское было хорошее, конфеты «Мишка на Севере» тоже оказались неплохими, а что касается всего остального, то и воспоминаний никаких не осталось. Так, словно в грязи искупался. Только и запомнилось из

всего происходившего в номере, что капроновые чулки на худых ногах проститутки были с перекрученными кривыми стрелками, и девица все промакивала салфетками ядовито накрашенный рот, готовясь к своей нелегкой работе так тщательно, что после ее ухода весь столик в номере был завален этими салфетками, на которых красными маками горели отпечатки чувственных губ. И горнисткой она оказалась хреновой.

Поэтому возвращался полковник Хваталин в гарнизон в плохом настроении, даже два ящика водки, позвякивающие в кузове и для сохранности проложенные соломой, его не радовали. Хорошо еще Военторг мандаринов и апельсинов для руководства части выделил, да и с иными деликатесами для праздничного стола в этом году оказалось не так уж и плохо — конфеты и печенье, несколько ящиков сливочного масла, колбаса, окорока, даже икра была сразу двух видов — красная и черная, пусть даже и в небольшом количестве.

Одно утешало — книжку, что просил комбат, он в магазине КОГИЗа все-таки купил. Вот пусть он ее на Новый год и читает, любитель фантастики! Под бой кремлевских курантов. Вместо шампанского и «Столичной», которое выпьют более достойные люди. Но это полковник Хваталин хорохорился, в глубине души он понимал, что комбата не обойдешь, комбат — он тоже человек, и комбатова семья, конечно же, захочет праздновать Новый год, как все цивилизованные люди.

Только тревожило полковника Хваталина напряжение, которое царило в штабе округа. Что там затевалось, полковник не знал и знать не хотел. Только все это нарушало привычное спокойствие, а Хваталин твердо знал — все перемены от лукавого. Ничего в переменах хорошего нет, если только это не ежеквартальное снижение цен, которое практиковалось в последние годы.

На железнодорожном переезде пришлось надолго задержаться — с запада прошло сразу три длинных состава, в

основном из платформ, на которых под брезентом угадывались удлиненные округлые тела. Тут и гадать не стоило — новую технику летчики получали, фюзеляжи были под брезентом, фюзеляжи с отсоединенными крыльями. На каждой платформе мерзли часовые в овчинных полушубках и шлем-масках, предохраняющих лицо от обморожения. Часовым этим можно было только посочувствовать, и полковник Хваталин сидел в теплой кабине «ЗиСа», дымил «Казбеком» и все пытался сосчитать количество самолетов, что стояли на платформах. Составы шли довольно быстро, поэтому полковник со счета то и дело сбивался, но все равно внушительная цифра получалась, очень внушительная. В последний раз подобное количество техники полковник Хваталин видел в войну, когда эшелоны шли на границу Польши с Германией. Вот и сейчас невольная тревога закралась в сердце полковника — не к войне ли вся эта суматоха?

СТРАНА ПРАЗДНУЕТ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ ВОЖДЯ И УЧИТЕЛЯ!

Что и теперь, когда опять война
Готовится во вражьем злобном стане,
На мир надежда в мире есть одна —
Ей имя — Сталин, — вы, товарищ Сталин!
И мы пришли, чтоб вам сказать о том,
Как бесконечно дороги вы людям,
Что с каждым годом мы и с каждым днем
Вас преданней и бережнее любим.
Примите ж всенародный наш привет,
Согретый беззаветною любовью,
И пожеланье наше многих лет
И радости и доброго здоровья!

А.Т. Твардовский.

Глава одиннадцатая

Кремлевская квартира Сталина находилась на Коммунистической улице, напротив Потешного дворца. Смешение прежних и новых названий, которое всегда вызывало приступы остроумия у покойного Радека, стало привычным и ни у кого веселых прежних ассоциаций не вызывало. Квартира эта состояла из двух комнат, являвшихся кабинетом и спальней, а также просторного холла и длинного коридора. Мебель была из красного дерева, но ничего особенного собой не представляла, за исключением кресла, которое сделано было специально для вождя.

В годы войны Сталин здесь бывал редко, тогда он жил в уютной, с его точки зрения, квартире, которая располагалась в первом корпусе здания Совета Министров СССР. Эта квартира находилась на первом этаже рядом с особым подъездом и была очень удобна тем, что прямо из нее Сталин легко попадал в свой рабочий кабинет. Квартира эта была обставлена значительно лучше, даже роскошный немецкий радиоприемник в блестящем эбонитовом корпусе стоял, что было вполне объяснимо: именно здесь Сталин принимал Черчилля и некоторых послов, усиленно угощая их грузинскими винами и армянским коньяком. Но сам Сталин эту квартиру не любил именно за эту излишнюю, по его мнению, роскошь и потому после войны вернулся на улицу Коммунистическую.

Сталин не любил излишеств. Привыкая к вещам, он неохотно менял их и раздражался, если это делали без его ведома. Пожалуй, второе обстоятельство раздражало его еще больше. Постоянство относилось и к привычкам вождя. Вечерами он любил прогуливаться по Кремлю. Чаще всего он гулял рядом с небольшим фонтаном, который располагался между зданием правительства и Арсеналом. Прогулки эти давали Сталину ощущение свободы, возможность

подышать свежим воздухом и обдумать все, что произошло за день.

За последние дни Сталин сильно устал. Шумное празднование его семидесятилетия, газетные славословия, торжественные заседания и посещения его многочисленными иностранными делегациями, хотя и льстили самолюбию вождя, никак не способствовали сохранению физической и духовной энергии, тем более что сопровождалась праздники не только обильными возлияниями, но и серьезной работой — за эти дни Сталин встретился с Мао Цзэдуном, Ульбрихтом, Копленигом, Ракоши, и все эти встречи потребовали немалого расхода сил, которых у семидесятилетнего Сталина оставалось не так уж и много. Сейчас он гулял по выметенной кремлевскими курсантами аллее и прикидывал политические последствия своих встреч. Положение Советского Союза в послевоенном мире было прочным, Сталин даже рискнул перевести рубль на золотое обеспечение, отказавшись от американского доллара. Последствия этих действий должны были сказаться уже в самом ближайшем будущем, а оно Сталину казалось стабильным — Китай ориентируется на Советский Союз, и уже в ближайшее время будет подписан договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, режимы в восточноевропейских странах укрепляются, некоторые сложности, правда, имеют место в Восточной Германии, но этого и следовало ожидать — американцы и их союзники просто так свои позиции не сдадут, надо бы сказать Вышинскому, чтобы Андрей Януарьевич ужесточил свою позицию на Генеральной Ассамблее ООН, особенно в части контроля за ядерным вооружением...

Он повернулся, заложив руки в карманы тулупа, и увидел приближающихся к нему людей. Одним из них был Берия, в энергичном коlobке, что катился рядом с Лаврентием и размахивал руками, Сталин узнал первого секретаря Московского горкома партии Никиту Хрущева, недавно

переведенного в Москву с Украины и кооптированного в Центральный Комитет. Было морозно, сам Сталин был в тулупе и валенках, в натянутой по самые уши шапке-ушанке, а потому с любопытством смотрел на подходивших к нему неожиданных гостей. Берия, несмотря на мороз, был в черном пальто и роскошной норковой шапке, на ногах у него были тупорылые американские ботинки на перекрестной шнуровке. Невысокий круглолицый Хрущев был в такой же, как у Берии, шапке, в белом полушубке, отороченном черным мехом, и на ногах у него были белые войлочные бурки, отделанные рыжей кожей.

Обменявшись рукопожатиями с вождем, оба некоторое время молчали, словно уступали друг другу пальму первенства в общении со Сталиным. Хрущев не выдержал первым.

— Я вот по какому вопросу, товарищ Сталин, — с сильным украинским акцентом сказал он. — Выборы скоро, московский горком просит вас выступить на активе.

— По каким вопросам? — спросил Сталин.

— О роли партийных организаций в условиях социал-демократической власти после развала империалистической колониальной системы, — одним духом выпалил Хрущев.

— Эко вас! — удивился Сталин. — И ты думаешь, Никита, что в условиях Москвы это наиболее болезненная тема? Больше вам думать не о чем?

Берия обидно засмеялся.

Сталин покосился на него, и этого было достаточно — Берия замолчал и сделал серьезное лицо, уклончиво отводя взгляд.

— Будем считать, что просьба московских коммунистов — закон для секретаря их Центрального Комитета, — заключил Сталин. — Только ты, Никита, извинись — тему выступления я сам выберу и время назначу тоже сам. У тебя все?

У первого секретаря московского горкома вопросов больше не было, но Хрущев неловко топтался рядом, не смея уйти, а Берия умышленно не начинал разговор при нежелательном свидетеле, и возникшая пауза была так неловка, что Сталин поспешил разрядить напряжение.

— Ты иди, Никита, иди, — сказал он участливо. — Видишь, Лаврентия очередная государственная тайна распирает: или заговор почуял, или сам его замышляет. Сам знаешь, от таких людей, как наш Лаврентий, всего можно ожидать.

Хрущев неловко улыбнулся, но по капелькам пота, выступившим на лбу, было видно, что ему от сталинских шуточек неуютно. Этот рано облысевший партиец вождю нравился, на Украине он хорошо работал, да и в войну, будучи представителем Ставки в войсках, тоже себя неплохо зарекомендовал. В этом году его дочь Рада, которая училась на факультете журналистики МГУ, вышла замуж за своего однокурсника, и Сталин, несмотря на свою занятость, побывал на свадьбе, которую Никита Хрущев организовал без особой пышности, и это Сталину тоже понравилось. Он сам был скромным человеком, поэтому любил скромных людей, которые не высовывались и не барствовали, как Зиновьев и Каменев, не выставляли свои энциклопедические знания напоказ, как Бухарин, не кичились своим лидерством, как Троцкий, а были нормальными людьми, которые знали свое место в жизни и чужое занять не торопились.

Проводив взглядом мелькающего бурками Хрущева, Сталин поднял воротник, проследил за облачком морозного воздуха, вырывающегося изо рта, и предложил терпеливо ждущему Берии:

— Пойдем в дом, Лаврентий. Разговор у нас будет долгим, тебе еще в ошибках каяться, а я уже замерз. Давно гуляю.

В прихожей их встретила официантка. Взаимоотношения Сталина с ней были хорошо известны Берии, но тут он

был бессилён: вмешательства в свои личные дела вождь не терпел.

Раздевшись в коридоре и надев мягкие полусапожки, Сталин прошёл в кабинет. Сев в кресло, он выслушал Берия, задумчиво оглядел его:

— Значит, товарищ Сталин был прав, Лаврентий?

— Ты, как всегда, мудр, Коба, — развел руками Берия. — Нам постоянно надо учиться у тебя.

— Про Житкур ты мне не рассказывал, — задумчиво сказал Сталин, в упор глядя на своенравного помощника. — Почему ты из этого делал тайну от вождя?

— Не придавал значения, — почти откровенно сказал Берия. — Думал, что там железки ржавые. Пусть смотрят кому положено, пусть изучают. Если бы что-то получилось, ты, Коба, об этом узнал бы первым, клянусь!

Сталин покачал головой.

— Дерзок ты стал, Лаврентий, — сокрушенно сказал он. — Вот уже от вождя таиться стал. Тухачевский тоже от товарища Сталина секреты имел, только кому они нужны теперь, эти *его* секреты?

Он вновь принялся расспрашивать Берия о результатах расследования. Расследование состояло из двух частей — первой занималось МГБ, второй — аналитики из спецгруппы при ЦСУ СССР, но только Берия знал, как из этих разрозненных фрагментов сложить общую картинку. Это был один из методов работы Лаврентия Павловича Берии, которому он научился, ещё работая в Закавказье.

— Значит, летают.

Сталин задумался, откинулся на кресле. Усы у него были совсем седые, как и голова, и Берия неожиданно подумал, что вождь уже совсем стар.

— Неизвестный аппарат необходимо раздобыть, — сказал Сталин. — Это будет полезно государству. Но ещё важнее найти их базу. Надо её найти и обязательно уничтожить. Она несёт угрозу, Лаврентий. Если это амери-

канцы — то мы не можем позволить им хозяйничать на территории страны, если немцы, то тем более нельзя позволить им продолжать вредить СССР и после капитуляции. Но это могут оказаться и инопланетяне. Можем ли мы договариваться с ними? Мне кажется, что не можем. Мы живем в изоляции, Лаврентий, поэтому любые контакты такого рода будут опасными. А если они, первоначально договорившись с нами, найдут более привлекательными наших политических противников? Поэтому мы не можем рисковать.

— Но это может быть мир, в котором уже победили коммунистические идеи, — сказал Берия. Возражение это было заранее подготовлено, но, хорошо зная Сталина, Лаврентий Павлович уже ответил за него на этот вопрос и сейчас просто проверял, не ошибся ли в своих предположениях.

Сталин внимательно посмотрел на строптивца, который осмелился противоречить вождю. Нет, он не сердился на Берия, не осуждал его за возражения. Возражения эти были полезны, они помогали оттачивать мысль, главное, чтобы эти возражения не выплескивались на суд общественности, не давали людям думать, что не все наверху думают, как Сталин. Такое положение дел было бы политически вредным, этого Сталин позволить не мог. Но в домашних условиях, в кулуарах, он инакомыслие поощрял. Если мысль оппонента ему нравилась, Сталин ее использовал.

— Может быть, — согласился он с Берией. — Тем более мы не должны допускать контактов общественности, если они из мира победившего коммунизма. Люди не готовы, еще много предстоит работы, чтобы воспитать нового человека, для которого коммунистические идеи не пустой звук. Но если мы столкнем с коммунизмом обывателя, то он в первую очередь будет интересоваться материальной стороной дела, а на духовное ему будет наплевать. А коммунизм — это не только изобилие колбасы, это еще и изобилие мыслей. Наши люди

не готовы к встрече с коммунизмом. Пока мы вынуждены ограничивать знакомство советских людей с капитализмом. И не из-за буржуазного влияния, Лаврентий, совсем не из-за этого. А из-за капиталистического изобилия, с которым советский человек сразу же начнет сравнивать свою жизнь. И сравнение это окажется не в нашу пользу. А этого мы позволить никак не можем. Пока не можем.

Берия понял вождя. Сталин боялся оказаться ненужным в новой расстановке, которая грозила миру. Он боялся, что путь, которым они шли, окажется ошибочным, что проявленная жесткость в построении коммунистического государства окажется неоправданной и есть совершенно иной путь, а он оказался не прав. В беседах с Берией Сталин часто говорил, что они идут непроторенным путем, что действуют они не жестоко, а жестко, но это неизбежно — без крови сомневающимся невозможно прийти к порядку и коммунистическому изобилию. Но одно дело говорить это самому и совсем другое — убедиться в том на примере других. Сталин боялся, что допущенные ошибки станут понятны всем, но тогда его действия не будут казаться единственно разумными, а жесткость окажется обыкновенной жестокостью, политическая непримиримость — сведением счетов с политическими противниками, которые считали себя умнее его, Сталина. Берия это понял, но говорить об этом вождю не стал.

— Есть еще один вопрос, — сказал он. — В ходе операции мы выявили около сорока человек, имевших контакт с пилотами дисков. В ходе их медицинского обследования установлена одна странность. Профессор Термен утверждает, что все обследованные излучают радиолучи в диапазоне шесть и восемь сотых метра. Источник излучения установить не удалось, он полагает, что радиоизлучение является следствием перестройки человеческого организма, которая нами еще не понята.

— Пятая колонна, — понимающе сказал Сталин. — Хорошо они работают. Передай списки Абакумову, он знает, что делать в таких случаях. — Подумал немного и добавил: — Ты, впрочем, тоже.

И это означает, что председатель поселкового Совета Козинцев гораздо лучше знал жизнь, чем оперуполномоченный МГБ Бабуш, хотя они оба прошли войну. Уговорив Бабуша не упоминать в отчете о зеленокожем пришельце и ограничиться находкой «фонарика» и сообщением о месте падения неизвестного летательного аппарата, Козинцев, несомненно, сохранил Маришке бородатого и неразговорчивого отца, а возможно, что и вообще спас жизнь всей семье лесничего. Во время «холодной» войны оказаться в числе тех, кого причислили к пятой колонне, ничего хорошего человеку не обещало, напротив — сулило крупные неприятности, от которых невозможно было бежать.

Устраиваясь удобнее в кресле, припомнил:

— Термен... Термен... Знакомая фамилия. Это не тот, что в тридцатых придумал электрическую музыку?

— Это он, Коба, — подтвердил Берия, про себя поражаясь памяти вождя. Ему хотелось в конце жизни сохранить такую же ясную голову и прекрасную память, какими обладал Сталин.

Вождь показал свою прекрасную память еще раз.

— Постой, но он же уехал в Америку.

— Уехал, — качнул головой Берия. — А потом приехал. Даже отсидеть успел за пропаганду буржуазного образа жизни.

Термена из тюрьмы вытащил сам Берия. Термен был нужен, он нашел способ снимать звуковые колебания со стекла, переводя его обратно из электромагнитных колебаний в человеческий голос. Берия использовал изобретение Термена для того, чтобы подслушивать интересующие его беседы, в том числе и те, которые вел вождь. Но говорить

об этом Сталину было равносильно самоубийству. Кроме этой хитрой работы, Термен занимался разработкой ракетной радиоаппаратуры, а это позволяло Берии держать профессора возле себя, не допуская контроля за ним со стороны органов безопасности. Если бы эти органы узнали об экспериментах Термена, можно было смело ручаться, что на свободе он продержится недолго и вряд ли сохранит жизнь. Обречены будут и те, кто ему в этом способствовал. Подслушивание бесед вождя со своими соратниками, несомненно, было бы расценено как шпионаж в пользу любой из капиталистических держав со всеми вытекающими отсюда последствиями, а если учесть, что Термен жил в Соединенных Штатах, то нетрудно было догадаться, шпионом какого государства его назовут.

— Ты мой тайный визирь, Лаврентий, — сказал Сталин. — Работай.

Устроился в кресле удобнее, повозился еще немного, вытянул ноги в сапожках с мягкими голенищами и кожаной подошвой, пожаловался:

— Старею. Пора бы отойти от дел, пожить на даче, погулять по лесу... А на кого государство оставить? У Молотова не хватает ума, у Маленкова ума в избытке, но честолюбия еще больше, Вышинского надо постоянно контролировать, барин ведь, опомниться не успеешь, как к старому повернет. Ворошилов с Буденным прошлым живут, не подняться им до сегодняшнего дня, не осилить его. Серость, Лаврентий, серость. Щербаков с Вознесенским неплохи были, так смерти моей не дождались, на себя тянуть стали, на Ленинград. Во фракционность заигрались... Такого, Лаврентий, прощать нельзя. Сомнения и раскол — это всегда гибель государства. Российская империя с чего распалась? Споров в Думе много было, а царь этих споров не пресекал. Нет, Лаврентий, нет достойного человека!

— А Никита? — усмехнулся Берия.

— А что Никита? — желто глянул Сталин. — Шут. Правда, гопак пляшет хорошо и спивает гарно. И командовать любит — на фронте, говорят, иному командующему и рта открыть не давал.

Уходя, Берия заглянул в комнату. Сталин спал в кресле, положив сохнущую больную руку на колени и прикрыв лицо фуражкой генералиссимуса. Он спал, и Берия второй раз за сегодняшний день подумал, что жить вождю осталось не так уж и долго, а следовательно, неизбежная свара в борьбе за власть, которая начнется после смерти вождя, не так уж и далека.

Самое время умному человеку начать заботиться о себе.

В газете «Правда» за 1 января 1950 года помещена передовица «Год 1950-й»

Встали все. Уже двенадцать ровно.
Бьют куранты — старый год прошел.
Хорошо, друзья, под общим кровом
Сесть за шумный новогодний стол!

Степан Щипачев

Глава двенадцатая

Вернувшись домой, Бабуш получил два дня отгулов и смог провести их с женой. Они даже сходили в театр. В Свердловском академическом театре драмы шумно шла пьеса «Заговор обреченных», но Бабушу она не очень понравилась — то ли сама пьеса была написана излишне прямолинейно, то ли актеры играли не на должной высоте, но особого впечатления Бабуш не получил. Хотя актеры, занятые в спектакле, впечатляли — имена Дальской, Токарева, Буйного, Ильина и Максимова говорили сами за себя. Тем не менее буфет в антракте Александру понравился больше — в буфете начали подавать пирожные безе и наполео-

ны, продавалось зеленовато-желтое сидро и холодное шампанское «Абрау-Дюрсо», и это значило, что жизнь постепенно налаживалась.

Жена выходным Бабуша была рада, она даже потянула его в лес за Шарташ, где они катались на лыжах в лесу у Каменных Палаток, потом на коньках — на Шарташе и даже посидели в ресторанчике на берегу озера.

А в понедельник Александр Бабуш вновь с головой погрузился в работу. А все потому, что вспомнил рассказ странницы Зои о загадочных зеленых существах в подземельях верхнетагильской Теплой горы, и не просто вспомнил о них, а сопоставил с рассказом лесника Тимофеева.

Получалось, что странники контактировали с существами, летавшими над Уралом на таинственных дисках, на которые обращала внимание Москва. Бабуш подсадовал на себя за то, что поддался уговорам Козинцева и не запротоколировал рассказ лесника и не оформил все надлежащим образом. Пожалел, елки зеленые! Теперь же получалось так, что о своих сопоставлениях Бабуш никому доложить не мог, сразу же начались бы неприятные расспросы — а почему сразу все не сообщил, а почему на месте надлежащим образом не оформил, — и опомниться не успеешь, как мордой ткнешься в грязь. Бабуша не один раз наставляли, что сотрудник МГБ стоит на страже государственных интересов, а потому не имеет права на такие чувства, как жалость и сомнение. То есть сомневаться-то ты можешь, но о всяких сомнениях сразу же обязан доложить начальству. А начальство в твоих сомнениях разберется, на то оно и начальство.

И что плохо — посоветоваться не с кем было!

Новый год для Бабуша прошел как-то сумбурно, его отмечали несколькими семьями, было много выпито и еще больше сказано, благо что праздничные пайки на этот раз были выданы своевременно и оказались достаточно богатыми — даже черная икра в маленьких стеклянных банках была и

жесткая копченая конская колбаса, а еще выдали по две курицы, водку, правда, пришлось покупать в коопторговом магазине, и брали, особо не чинясь, засургученный «Сучок», который был гораздо дешевле «Столичной».

Сразу после Нового года в оперативно-технический отдел Управления МГБ по Свердловской области как раз пришла новая техника — долгозаписывающие магнитофоны. Магнитофоны вообще были в диковину, а тут такая штука — подключаешься к телефонной, скажем, линии или домашнюю прослушку с помощью микрофонов организуешь, так не надо часами дежурить и вслушиваться в невнятную речь фигурантов, достаточно подключить магнитофон, а через несколько часов снять запись и прослушать, причем даже усилить звук можно и сделать голоса более разборчивыми. Красота — кто понимает. Немцы его применяли в разведке, а нам такая аппаратура в качестве трофея досталась, вот Воронежский радиозавод и освоил выпуск секретной записывающей техники для нужд МГБ.

Бабуш пошел и получил у начальства разрешение на применение спецтехники в деле. Начальником управления был у них чекист еще с довоенным стажем, поэтому он технике особо не доверял, а если и допускал применение ее в ответственных делах, то только в качестве дублирующего средства, слухачи в этом случае не снимались. А Бабуш как раз занимался делом второстепенным, религиозная секта — это вам не шпионаж на оборонном заводе, за странников Москва шкуру снимать не станет, поэтому начальник управления выслушал Бабуша, зачем-то поправил звездочку на груди и сказал: «Пробуй, Александр. Сам понимаешь, жизнь на месте не стоит, надо и нашей службе осваивать передовую технику. При социализме, понимаешь, жить начинаем».

И Бабуш начал новую технику осваивать.

Первым делом он осуществил записывающий контроль за домом известного ему благодетеля Акима Хвостарева. У

того, по сообщениям источников, частенько бывали непонятные гости, которые, случалось, ночевали в тайнике, сделанном в подполе. Ночами при керосиновой лампе они сидели и вели какие-то тайные разговоры, вот эти самые разговоры Бабуш и решил послушать. Люди в ночных чаепитиях всегда бывают откровенны, резонно полагая, что ночью спят и святые, и нечистые, а тем более милиция и государственная безопасность. Нет людей, которые могут круглосуточно службу нести, а тем более через бревна избы видеть, что за люди за столом сидят, а тем более о чем они разговаривают.

Самым сложным оказалось микрофон в избе установить, но тут уж пожарные помогли и несложная, но умело проведенная комбинация, по которой Аким Хвостарев дома в выбранный день отсутствовал, а два уполномоченных госпожнадзора методично прошли по улице, проверяя техническую безопасность домов, а в доме Хвостарева даже вынуждены были задержаться для составления акта об имеющихся нарушениях. Результатом тому была установка микрофона — игрушки, как известно, довольно громоздкой и с трудом поддающейся маскировке.

Комбинация эта Бабуша занимала мало, а вот ночные беседы в доме Акима его очень интересовали, из-за этого Бабушу пришлось задержаться в Верхнем Тагиле, но уже через неделю, прослушав несколько таких записей, оперуполномоченный Бабуш понял, что попал, как говорится, в самый цвет — интересные и поучительные беседы велись ночами в доме Хвостарева, и беседы эти свидетельствовали о том, что секта бегунов стала пристанищем для людей с темным прошлым, которые старались жить тайно и имели для того веские причины.

Запись велась у соседки Хвостарева, которая была доверенным лицом Бабуша. Было соседке лет шестьдесят, к технике она относилась как к иконам — боялась ее и опасалась возможных неприятностей, а потому и волноваться

не следовало, что Антонина Николаевна проявит нездоровое любопытство и что-то испортит. Но на всякий случай Бабуш, выдававший себя за ее дальнего родственника, приехавшего из безводных астраханских степей полюбоваться природными красотами Урала, предпочитал дежурить у аппарата, чтобы иметь возможность своевременно прослушать, о чем в доме Хвостарева говорят.

Постепенно круг лиц, причастных к бегунским тайнам, увеличивался: в беседах выявлялись все новые и новые благодетели, назывались имена, а иной раз и фамилии скрытников и скрытниц, четче и яснее становились цели тех, кто удалился от мира. Бегунское подполье формировалось из разочаровавшихся людей, из тех, кто уверовал, что странничество необходимо для чистоты настоящей веры, и тех, кто был грешен перед законом, но укрывался от него среди верующих, причем делал это с немалой пользой для себя.

В одну ночь в доме Хвостарева появился Волос. Даже не видевший его вживую Бабуш сразу понял, что пришел именно Волос. Говорил пришедший с характерным украинским акцентом, напирая на букву «г» и с мягким придыханием выговаривая гласные. К тому же Хвостарев стелился перед пришедшим, разве только руки ему не целовал. Но в доме у Акима был еще один человек, о присутствии которого Бабуш даже не подозревал.

Ночью между Волосом и этим неизвестным состоялся странный и интересный разговор. Александр не мог сообщить, что же ему все-таки предпринять, даже позвонить и посоветоваться было не с кем. К полуночи беседа Волоса и неизвестного приняла такой оборот, что Бабуш не выдержал и послал хозяйку дома за начальником милиции, единственным в городе человеком, который знал, кто такой Бабуш, не догадываясь, правда, о целях его визита в Верхний Тагил.

НЕИЗВЕСТНЫЙ: С трудом вас нашли, господин Волос. Интересно, кого вы больше опасались — НКВД или нас?

ВОЛОС: Господи, вы о чем? Времена изменились. Теперь вы прячетесь точно так же, как и мы. И не забывайте, сейчас вы у меня в гостях, а следовательно, в моей власти. Она так же сильна здесь, как ваша в харьковском гестапо.

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Я вас понимаю, господин Волос. Вам хочется показать смелость, которой вы, к вашему сожалению, не проявили в то время. Но все-таки не забывайте. Наши позиции по-прежнему сильны, а вы прятались тогда и прячетесь сейчас. И не надо угрозы, господин Волос, мои друзья знают, где я, и если что-нибудь со мной произойдет, вам придется прятаться не только от НКВД, но и от них. А они, я вас смею уверить, не прощают ошибок. Подумайте и поймете, что я прав. Нам не стоит обижать друг друга — в разное время и по разным причинам, но мы оба проиграли.

ВОЛОС: И каким ветром вас сюда принесло? Только не говорите, что вы приехали сюда как турист, чтобы полюбоваться красотами природы.

НЕИЗВЕСТНЫЙ (смеясь): Я вижу, вы успокоились, господин Волос. Это очень хорошо. Теперь мне надо, чтобы вы еще и начали думать. Разумеется, красотами природы я поехал бы любоваться совсем в другие места. Но моя работа продолжается, поэтому я здесь. Я представляю организацию Рейнхарда Гелена, которая продолжает дело германских разведслужб.

ВОЛОС (угрюмо): И на кого вы работаете сейчас? Той Германии, которую вы обожествляли, уже нет, ваш вождь, говорят, отравился крысиным ядом, на вашей земле хозяйничают москали, американцы и французы с англичанами. Кому вы продаете ваши секреты?

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Это несущественно. Для вас более важным является, что мы покупаем секреты и хорошо платим за это. Вы ведь не хотите умереть в этой дыре, прячась

среди невымытых бродяг? В свое время вы проходили подготовку в Берлине, и я знаю, что вам там понравилось. Поверьте, пройдет совсем немного времени, и наша столица будет прежней, даже еще богаче. Вам не хотелось бы пожить по-человечески, среди культурных людей, имея приличный счет в банке и хороший дом.

ВОЛОС (тоскливо): Не томите душу, штурмбаннфюрер. Разве вы не понимаете, что у меня сейчас на душе? Я все еще не могу простить вам своего ареста. Все могло быть иначе, совсем иначе. Не подлови вы меня тогда на эту дешевую провокацию, сейчас бы я был героем. Быть может, моим именем была бы названа улица в Харькове. Это вы превратили меня в изгоя.

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Не надо прибедняться, господин Волос. У вас был выбор. И вы его сделали.

ВОЛОС (зло и горячо): Хорошенький выбор вы мне предоставили — между петлей и предательством! Кому хочется умирать, особенно если тебе всего тридцать четыре и ты еще ничего не видел в жизни. Я не был коммунистом, у меня не было убеждений, за которые стоило сложить свою голову.

НЕИЗВЕСТНЫЙ (успокаивая): Разве я упрекаю вас? Наоборот, дорогой Дмитрий, я благодарен вам за тот давний выбор, вы неплохо помогли нам в Харькове. И мы вам тоже помогли. Разве не так?

ВОЛОС: И все-таки что вас интересует? Зачем вы здесь?

НЕИЗВЕСТНЫЙ (почти благодушно): Зачем же... э-э-э... сразу брать быка за вымя, господин Волос. Достаточно, что мы возобновили наше знакомство. О делах потом. Сейчас, как говорят русские, давайте смажем наше новое знакомство.

ВОЛОС (угрюмо): Правильно говорят — спрыснем. Но я еще ничего не решил. Есть и другие цивилизованные варианты. И потом, господин Фоглер, я не москаль, я — украинец. Это две большие разницы.

Уже обозначившийся НЕИЗВЕСТНЫЙ: Надеюсь, они не такие значительные, чтобы помешали нам выпить?

Слышен звон стаканов, тяжелое дыхание двух человек.

Потом Волос сдавленно сказал:

— Как вы меня нашли?

Его собеседник коротко засмеялся.

— Мир не без добрых людей, так, кажется, говорят, когда не хотят открывать правду? Нам эти добрые люди очень хорошо помогли.

— Брать их надо! — веско сказал начальник милиции Ширяев. Был он молод, но, несмотря на молодость, уже носил на синей гимнастерке майорские погоны. Плечи у него были широкие, ладони — как маленькие подносы, уверенностью веяло от его грубоватого, с резкими крупными чертами лица. — Ты только посмотри, где эти гниды окопались! Я давно говорил, что этих странничков надо брать за кадык. Там, где тайны разные, обязательно дерьмо какое-нибудь всплывает. — Он подумал немного и улыбнулся толстыми губами, открывая крупные белые зубы. — За таких тайменей нам с тобой, Николаич, точно по очередной звездочке обломится. Может, даже еще наградят.

— Погоди, — озабоченно сказал Бабуш. — Мы же о них ничего еще не знаем. Зачем этот немец приехал, где Волос прячется, кто его поддерживает, какие варианты Волос еще имел в виду? Слышишь, как он независимо разговаривал? Он же ссученный, подполье в Харькове закладывал, да и после Харькова немало чего натворил. Я его дело поднимал, он же не просто пособник, на нем крови достаточно, грехов у него как блох на весеннем волке. Но ведь независимо держится. Бойтся, а не очень-то поддается этому немцу. Значит, есть ему на что надеяться.

— А уйдут? — засомневался Ширяев. — Тогда наоборот — меняй, Николай, две больших на восемь маленьких. Я, конечно, специалист не ахти, из армии пришел, в уголовном розыске два года кантовался, до сих пор по той работе скучаю. Но выдвинули! Ошибочка будет —

обратно задвинут. Брать их надо, Саня! Сейчас мужиков подниму, потихонечку дом оцепим и обоих тепленькими слепим, прямо на простынках.

Но тут машина зашипела вновь.

— Работать будете только со мной, — сказал Фоглер. — Вы ко мне привыкли, я к вам привык. У вас есть надежный человек?

— Есть, — неохотно сказал Волос. — Вы этого человека знаете. Васена, он во вспомогательной полиции служил, вы должны его по лагерю помнить.

— Это большой такой, — задумчиво спросил Фоглер. — Винтовка в его руках игрушечной казалась?

— Он самый, — подтвердил Волос. — Только ему в сорок четвертом ногу ниже колена оторвало, теперь на костылях.

— Он подойдет, — сказал Фоглер. — Ваш Васена в лапы русской госбезопасности попасть не захочет, за ним много разного, да. Помню. Пусть Васена будет нашим связником. Свердловск знаете?

— Бывал несколько раз, — не сразу отозвался Волос.

— Вот и хорошо, — не задавая уточняющих вопросов, подытожил собеседник. — Московский тракт образует угол с Верхне-Исетским бульваром, знаете? Там старая трехэтажка с колоннами, с левой стороны в подвале мастерская. Ваш Васена найдет меня там. Спросит Виктора Гавриловича, скажет, что сдавал в ремонт паяльную лампу.

— Но вы мне так и не сказали, что вас интересует, — неохотно сказал Волос. — Или вы нашли меня, чтобы мы могли поиграть в шпионов? Учтите, в нашей стране за это дают вышку. Указ в «Правде» от тринадцатого января читали? Спихватилось правительство, решило опять применить смертную казнь к изменникам родины, шпионам и подрывникам-диверсантам. Так что теперь без разницы, чем мы с вами заниматься будем — тайны на «Уралмаше» выведывать или поезда под откос пускать.

— Не волнуйтесь, Волос, — успокоил Фоглер. — Пускать поезда под откос не потребуется, сейчас не война. У

русских появились новые самолеты, по форме напоминающие диск. На Западе обеспокоены этим. По нашим сведениям, эти самолеты базируются на уральских аэродромах. От вас требуется одно — установить местонахождение этих аэродромов. Я думаю, что с помощью ваших странников это будет несложно. Потом я вам хорошо заплачу, и мы расстанемся. Если пожелаете, я переправлю вас в Западную Германию. Не захотите жить в Германии, так что же — перед вами весь мир, Волос.

Вот оно как! Бабуш почувствовал, что у него холодеют щеки. А мысли, напротив, окончательно спутались. Если эти самые диски являются советской военной техникой, дирижаблями секретными или вообще какими-то ракетами, то зачем же заставляли устанавливать их возможные маршруты? Может, знали про Фоглера? Или по крайней мере догадывались? Вот и решили таким хитрым образом ущучить шпионов. Он ничего не понимал, но уроки, полученные в школе МГБ, помогли ему принять правильное решение.

— Не будем мы их брать, — сказал Бабуш. — Видишь, какое дело? Явка обозначилась. Значит, дело куда серьезнее, чем мы с тобой думали. Техника их наша интересует.

Ширяев протестующе мотнул головой, потом неожиданно согласился.

— Хозяин — барин, — сказал он. — Тебе, Николаич, виднее. Только будь моя воля, эти гниды уже сегодня у меня в камере парились бы и состязались, кто на кого быстрее настучит.

Сов. секретно

Начальникам крайоблуправлений НКВД СССР

По списку

ОРИЕНТИРОВКА

НКВД СССР разыскивается изменник Родины, военный преступник ВОЛОС ДМИТРИЙ МАТВЕЕВИЧ, 11 апреля 1908 года рож-

дения, уроженец д. Колобовка Сталинградской области, украинец, беспартийный, происхождение — из крестьян, образование 6 классов, судим дважды — в 1936 году по ст. 169 ч. 2 к 4 годам лишения свободы и в 1940 году по ст. 16, 59 «3» УК РСФСР к 10 годам лишения свободы.

В 1942 году, будучи освобожденным немцами из тюрьмы, встал на путь сотрудничества с оккупантами, в целях провокации вошел в подпольную организацию и впоследствии выдал более 60 подпольщиков харьковскому гестапо. Впоследствии вступил во вспомогательную полицию, созданную оккупационными войсками, участвовал в арестах и расстрелах советских граждан, в которых проявил зверство и жестокость.

С конца 1942-го до середины 1943 года использовался немецкими властями для выявления коммунистов, евреев, политруков и неблагонадежных с точки зрения немцев лиц в лагерях военнопленных на территории Харьковской и Сумской областей.

Жесток, изворотлив, сообразителен и решителен.

Может использовать документы на имя Харитонов А. Алексея Николаевича, 1906, Лаптева И. Игнатия Семеновича, 1910, Суротко Николая Гавриловича, 1907, возможно использование документов с иными установочными данными.

Приметы разыскиваемого: рост 172—175 см, телосложение среднее, волосы темные, глаза серые. Лицо удлинненное, губы тонкие, нос средний, прямой, с горбинкой, уши прижатые, с вытянутым козелком, зубы редкие с ярко выраженной щербинкой впереди.

Особые отличительные приметы: на среднем пальце правой руки имеется татуировка перстня в виде змейки с широко раскрытой пастью, на бицепсе правой руки — татуировка гроба, овитого колючей проволокой. Говорит с выраженным украинским акцентом, при волнении речь торопливая, в качестве связки используется слово «блышь». Используя вилку во время еды, имеет характерную привычку ее слегка изгибать перед приемом пищи.

Все материалы, полученные в ходе розыска военного преступника ВОЛОСА Д.М., направлять для приобщения к розыскно-

му делу в УМГБ по Харьковской области, в случае задержания ВОЛОСА Д.М. уведомить УНКВД по Харьковской области шифро-телеграммой. При направлении материалов сослаться на розыскное дело № 2144/44.

Начальник отдела розыска НКВД СССР

полковник

Воробьев.

29 ноября 1944 года.

Глава тринадцатая

На чем основывается пеленгация?

Принцип ее прост. Специальной антенной из разных мест берется направление исходящего радиосигнала. Потом на карте местности из точек, в которых приняты радиосигналы, проводятся прямые линии в направлении, откуда радиосигнал исходил, и в точке пересечения этих прямых линий будет находиться радиостанция, передающая шпионскую информацию. Чем больше точек приема, тем точнее определяется местонахождение передатчика и тем больше шансов, что радист будет задержан. Поэтому радисты пытаются свести время радиопередач к минимуму, а операторы пеленгаторов в свою очередь пытаются ускорить время засечения работы радиопередатчика, одновременно увеличивая количество точек, откуда радиосигналы фиксируются.

Однако принципы этой работы легко перенести из области эфира в конкретное и вполне материальное пространство, но при условии, что враг не хитрит и улетает именно в том направлении, где собирается приземляться. Поэтому два-три направления, в которых улетали неведомые диски, еще ничего не давали, но организованные различными службами наблюдения странными летательными аппаратами, чья государственная принадлежность так и не была установле-

на, позволили аналитикам установить местонахождение базы этих аппаратов с большей точностью. Сначала все сузилось до Урала, потом до Свердловской области, через некоторое время остался район Верхнего Тагила, а теперь Берия мрачно рассматривал миллиметровку горного района, прилегающего к Верхнему Тагилу, — все указывало на то, что аэродром, принимающий таинственные диски, находится именно здесь. Район этот был не слишком большим, всего несколько десятков квадратных километров, но эти километры были изрезаны урочищами и впадинами, на них громоздились горы, поэтому найти что-либо напоминающее аэродром пока не представлялось возможным, хотя самолеты там бороздили пространство круглосуточно.

Генеральный штаб в подробности операции посвящен не был, военные получили указание содействовать органам госбезопасности, но особой активности никто не проявлял — еще не забылись судебные процессы по делам армейских генералов, которых обвинили в мародерстве на территории Германии. Брали, конечно, но все равно было обидно: генерал Серов из СМЕРШа нахapaл не меньше — и себе, и другому начальнику своему Абакумову. Только им с рук все сошло, а генералов наказали — кому срок отвесили, кого в ссылку отправили в провинциальные округа, да и то не на самые руководящие должности.

Посидев над картой и ничего особого не надумав, Берия с раздражением откинулся в кресле, потирая виски. Давление, давление давало о себе знать, и это было понятно — не мальчик все-таки, пятьдесят первый год пошел. Он посидел немного с закрытыми глазами, потом решительно пододвинул к себе свежую «Правду», что лежала на углу стола. Это Иосиф Виссарионович книгами и журналами пусть увлекается, скоро ему Сталинские премии в области искусства и литературы вручать, а Лаврентию Павловичу читать некогда, ему бы в курсе событий быть, пусть даже в газетах ничего для него нового и не напишут.

Была суббота, двадцать первого января. Берия увидел на первой странице портрет Ленина и сумрачно подумал, что делами сегодня заниматься не придется. Кто же станет заниматься делами в двадцать шестую годовщину со дня смерти вождя мирового пролетариата! Можно подумать, что праздник, а не траурная дата. Он с раздражением отложил газету в сторону. Значит, днем заседание ЦК, потом траурный митинг в Большом театре, после этого Старик всех потащит на дачу, помянут вождя, начнут говорить о текущих делах, никто и опомниться не успеет, как поминки превратятся в застолье. Микоян будет увиливать, Каганович и Сталин — пить из своих особых бокалов, которые только на вид кажутся большими, а вмещают не больше тридцати граммов вина, потом Никита Хрущев, уступая настояниям вождя, начнет спевать гарные украинские песни и отплясывать гопак, Кагановича и Маленкова вождь раскрутит на «Семь сорок», а разъезжаться придется далеко за полночь. Ну как в таких условиях нормальное давление сохранить?

Берия был бабником и гурманом, но вместе с тем он не мыслил себя вне работы. Он даже представить не мог, что наступит день, когда его в очередной и последний раз наградят орденом и отправят на пенсию. Просто на его памяти до пенсии редко кто доживал, остальные заканчивали обычно лагерем или стенкой, если от сердечного приступа не умирали — чаще всего прямо на рабочем месте. Таковы были суровые реалии, и Берия старался о них лишний раз не думать.

Все эти колхозы и металлургические комбинаты его имени Лаврентию Павловичу были глубоко безразличны. Он знал цену славе и помнил, как переименовывались те же самые колхозы и предприятия, названные именами тех, кто в тридцатых годах пополнил списки врагов народа. Да что предприятия, города переименовывались — разные там Троцки, Зиновьевски да Бухарински. Географическая па-

мять — самая непрочная, новая власть всегда переименовывает все на свой лад. Главное, считал Берия, остается в делах. Да, именно так. Ежова не забудут, развязавшего террор в конце тридцатых, но и Берию, который этот террор прекратил, будут помнить. И никто не станет задумываться, кто именно этот террор развязал, в учебниках так и будет сказано, что Ежов и присные допустили перегибы, а Берия положение дел поправил. Под руководством мудрого вождя, который снова напишет какую-нибудь статью о головокружении от ошибок.

Захотелось плюнуть на все, сказать больным и уехать к Ларе. Только и здесь радости в последнее время было мало. Лара постоянно ходила раздраженная, и Берия ее понимал — что это за молодость, когда повеселиться особенно нельзя, шага ступить без охраны, даже рестораны, которые она с любовником посещала, были пустынные, если и сидели в них люди, то смело можно было сказать, что это гэбэшное начальство своими хамоватыми мордами народ изображает.

Среди таких невеселых размышлений его и настиг резкий и требовательный звонок кремлевской вертушки.

— Лаврентий, — глуховатым голосом спросил Сталин. — Ты давно настоящее чанахи ел?

— Давно, Коба, — сымпровизировал Берия. — Последний раз в Тбилиси, помнится, это было, в ресторане «Сакртвелло».

— Тогда спускайся вниз, — сказал Сталин. — Поедем на дачу, я тебя чанахи угощу и лобио.

На даче, к удивлению Берии, былолюдно. Среди припорошенных снегом елей над железным мангалом курился дымок.

— Василий Иосифович приехал, — доложил всезнающий Власик. В последние годы он сильно располнел, но службу знал хорошо — куда бы Сталин ни ехал, первым у его машины оказывался именно Власик, предупредитель-

но открывая дверцу. Первым он узнавал и о происходящем вокруг. — С фронтовыми друзьями встретился. Предупредить, чтобы уехали?

— Пусть гуляют, — махнул рукой Сталин. — Они ведь не виноваты, что этот шалопай отца ни о чем не спросил.

К сыну Василию вождь относился с настороженностью. Застольям сына он особо не препятствовал, все-таки Василий был грузином, а грузин без застолий это не грузин, это просто житель Грузии. Но и то, что Василий злоупотреблял спиртным, Сталина не особо радовало. Семейная жизнь его не удалась, он на это сам частенько жаловался Берии. Дочь влюбилась в еврея Каплера, и только арестом журналиста удалось предотвратить нежелательную связь. Старший сын Яков погиб в плену, а Василий, хоть и дослужился до генерала, отцовской гордости у Сталина не вызывал — он постоянно попадал в какие-то не слишком приятные истории, которые не делали чести его воспитанию, а следовательно, какая-то часть вины за поступки Василия ложилась и на его отца.

Заметив группу идущих по дорожке людей, собравшиеся у мангала посерьезнели и подобрались: несомненно, они знали, чья эта дача, и сразу сообразили, что пожаловал сам хозяин. Прежним оставался только Василий — в расстегнутом кителе, из-под которого выглядывала нательная рубашка, в сдвинутой на затылок папаше, Василий священнодействовал с шампурами, нанизывая на них крупные куски мяса. Рядом с сыном Сталин увидел плечистого высокого парня в кожаной, явно заграничного покроя куртке. У парня было волевое лицо, он был коротко стрижен под бокс, а на подходящего Сталина смотрел с некоторой растерянностью. Остальные были офицерами в чинах до майора, но Сталин на них не смотрел, он смотрел только на незнакомого парня в куртке.

— Отец, здравствуй, — сказал Василий, вытирая руки о вафельное полотенце. — Извини, что не предупредил, сти-

хийно все получилось, Илья Вережников позвонил, он в Москве проездом.

Сталин скользнул взглядом по смущенному капитану с авиационными петлицами и погонами, потом снова вернулся к парню в куртке и требовательно спросил:

— Вы кто?

Василий обнял парня за плечи, словно показывая, что берет его под защиту.

— Это же Сева Бобров, отец, — сказал он. — Наш знаменитый футболист и не менее знаменитый хоккеист. Честное слово, он еще прославит нашу страну, так прославит! Его весь мир знать будет!

Парень еле заметно поморщился, и это неожиданно понравилось вождю. Он поощрительно улыбнулся смущенному спортсмену, потом окинул взглядом собравшихся у мангала военных. Те растерянно молчали. Ситуация была непредвиденной, и все могло закончиться неизвестно чем — все зависело от настроения Сталина, на которого присутствующие смотрели с напряженным благоговением: не каждый день приходится встречаться с вождем лицом к лицу.

— Приятного аппетита, товарищи, — кивнул Сталин и назидательно добавил: — Только не увлекайтесь, служба и водка несовместимы. Когда человек налегает на водку, у него начинаются неприятности по службе.

Берия весомо кивнул, подтверждая этим кивком справедливость сказанных слов, и сделал жест Власику, понятный только тому и указывающий, что гостей сына вождя следует переписать. Сам Берия происходящим был недоволен. Не успели грузины, служившие в охране Сталина, покинуть дачу, а уже началась такая вакханалия. Что же будет дальше, когда дача окончательно превратится в проходной двор?

Сталин, уже готовый проследовать на дачу, неожиданно остановился перед смущенным летчиком.

— Ваша фамилия — Вережников, — утвердительно сказал он. — Ваша часть находится на Урале.

— Так точно, товарищ Сталин! — вытянулся капитан.

— Это вы в конце ноября прошлого года атаковали необычный летательный аппарат? — поинтересовался Сталин.

Возмущению Берии не было предела. Вот и попробуй сохранить режим секретности, если установленные рамки нарушает сам вождь! Но делать замечания Сталину было бы в высшей степени неразумно, и Берия промолчал.

— Идите за мной, — приказал Сталин. Летчик чуть побледнел, но лицо его осталось спокойным. Тяжело похрустывая сапогами по снегу, он проследовал за Сталиным и остановился на пороге. Сталин неторопливо разоблачился, стоявший рядом Берия оттолкнул услужливого Власика и ловко подхватил шинель вождя.

— Проходите, — сказал Сталин. — Не бойтесь, он только кажется страшным, а в душе он добрый человек.

Берия понял, что Сталин говорит о нем, криво усмехнулся и повесил шинель на вешалку. Сталин снял фуражку, неторопливо пригладил волнистые седые волосы и шагнул к столу, с любопытством оглядывая летчика, который продолжал стоять, курсантски держа руки по швам.

— Вас как зовут? — спросил Сталин.

— Илья... Илья Николаевич, — смущенно сказал летчик и сипло откашлялся.

— Вы служили с Василием? — продолжил расспросы вождь.

— Так точно, товарищ Сталин, — хрипловатым от волнения голосом сказал Вережников. — В четыреста тридцать четвертом истребительном полку у Героя Советского Союза Ивана Клещева начинали, еще под Сталинградом.

— И что, Василий действительно хороший летчик? — усмехнулся Сталин в усы.

— Ас, — коротко сказал Вережников.

Снявший верхнюю одежду Берия неторопливо сел за стол и тяжело посмотрел на летчика. Взгляд у него был подозрительный и слегка презрительный, впрочем, так Берия всегда держался среди незнакомых людей — на некоторой дистанции от собеседника.

Сталин принялся расспрашивать летчика о ноябрьском бое. Вережников скуп, но точно отвечал.

— А скажите, товарищ Вережников, — спросил Сталин, — каковы были ваши впечатления об этом летательном аппарате? Это не могло быть иллюзией? Не могло оказаться игрой воображения?

Капитан отрицательно покачал головой.

— Нет, товарищ Сталин, — после недолгого молчания ответил он. — Это была махина. Какое уж тут воображение... И скорость. У него была такая скорость, что далеко до него пока нашим самолетам. Обошел нас, как стоячих.

— У страха глаза велики, — резко бросил Берия. — Надо было атаковать аппарат, а не разглядывать его. Но наши летчики любопытны очень — пока они на него глазели, враг улетел.

Вережников дернулся, словно порываясь сказать что-то дерзкое, потом испуганно посмотрел на Сталина и промолчал.

— Хорошо, — сказал тот, поднимаясь и подходя к этажерке. — Вы коммунист, товарищ Вережников?

— Так точно, — снова сказал летчик.

— Это хорошо. — Сталин взял с этажерки свою книгу «Вопросы ленинизма», размашисто вывел надпись и протянул книгу летчику. — Большое спасибо, товарищ Вережников. Надеюсь, эта книга поможет вам стать настоящим коммунистом, который понимает, к чему стремится партия и народ. Вы свободны.

Летчик сделал четкий и уставной поворот и, печатая шаг, вышел за дверь.

Сталин вновь сел за стол, укорил Берию:

— Вечно ты, Лаврентий, стараешься унижить человека. Что он тебе? Боевой летчик, войну прошел, а ты его в трусости упрекаешь. И перед кем? Перед товарищем Сталиным. Хорошо еще, сдержался человек. Другой бы тебе за такие слова в морду дал. — И с той же интонацией, совсем не сделав паузы, кивнул заглянувшей в столовую официантке: — Подавайте, голубушка, а то наш секретарь ЦК злой, когда вовремя не поест.

Все это было игрой на публику, но Берия промолчал. А что он мог сказать? Как говорится, Бог терпел и нам велел. В Бога Берия не особо верил, но необходимость терпения понимал. Слишком хорошо он знал вождя, сам его не раз за столом нескромными шутками над другими партийцами веселил, Микояна в торт сажал, чего ж удивляться, если вождь решил пошутить и над ним?

А Сталин уже был серьезным. Склонившись над дымящейся тарелкой с ароматным чанахи, он проглотил кусочек горячей баранины и повернулся к сотрапезнику.

— Вчера у меня на докладе был Абакумов, — неторопливо сказал Сталин. — Органы безопасности установили, что под видом религиозной секты на Урале работает шпионская организация Гелена. И знаешь, что они ищут, Лаврентий?

Вождь сделал паузу. Берия хмуро и терпеливо ждал, не прикасаясь к мясу. В общем, он уже знал, что сейчас услышит.

— Они ищут аэродром, на котором базируются наши новые самолеты, — медленно сказал Сталин — В форме дисков. Несомненно, что немцы действуют в интересах наших бывших союзников. Отсюда мы можем сделать логичный вывод — американцы к этим дискам не имеют никакого отношения, как, впрочем, и немцы. В противном случае Гелен давно бы объяснил американцам, что русские подобной техникой не владеют. Но если это не немцы и не американцы, то кто же тогда летает над СССР? И не толь-

ко над СССР, но и над Соединенными Штатами Северной Америки, над Европой. Кому принадлежит воздух, Лаврентий?

— Разберемся, — пообещал Берия, демонстративно положив локти на стол. — Пока ясно одно, товарищ Сталин, нашему атомному проекту и разработке ракет эти летуны не мешают. Они просто хранят свои секреты. Но мы их ищем. Район поисков сузился, теперь дело во времени.

— Надо поторопиться, — вновь приступая к уже остывающему чанахи, сказал Хозяин. — Сам понимаешь, Лаврентий, выборы на носу. Нельзя, чтобы выборам что-то помешало. Но ты и сам понимаешь, что неразоблаченный враг куда опаснее врага, которого мы уже изучили.

За окном послышалось рычание автомобилей. Власик все-таки поторопил Василия Сталина с отъездом. И правильно сделал, нечего посторонним людям шляться на даче, где отдыхает от государственных забот вождь. Пусть в «Арагви» гуляют или в «Пекин» едут, привыкают к китайской еде, все равно большинству из них туда инструкторами ехать — китайцев обучать летать на новой технике. В секретном приложении к недавно подписанному договору о дружбе и взаимопомощи такой пункт имелся.

Глава четырнадцатая

К радостному удивлению Бабуша, начальство его действия одобрило.

Более того, Бабуша вызвал начальник управления, долго и дотошно расспрашивал о проделанной работе по выявлению подполья бегунов и лично прослушал записи.

— Что сказать, — вздохнул он. — Повезло тебе, Александр Николаевич. Не зря говорят, что новичкам всегда везет. Такое дело поднял!

Помолчал немного, потом, не глядя на Бабуша, сказал:

— Ты извини, но я к тебе Короткова прикреплю. Опыта у тебя нет, можешь по незнанию все дело завалить. А Коротков мужик тертый, хоть и жестковат в общении, но дело потянет.

— Я и сам помощи попросить хотел, — искренне обрадовался Бабуш. — А то ведь сию в Верхнем Тагиле, а посоветоваться не с кем. Хотели уже брать обоих, начальник местной милиции настаивал.

— А может, и зря не взяли, — неожиданно пробормотал начальник управления. — Лучше, как говорится, синица в руке, чем журавль в небе. Не срстется что-нибудь, вот и выйдет у нас «заговор обреченных».

Для оперативной разработки Волоса и Фоглера была создана группа из нескольких сотрудников МГБ, которую возглавил Никодим Николаевич Коротков. Это был один из ветеранов, начавший работу в ВЧК еще в середине двадцатых годов, лично знавший Артузова, Пиляра, Сыроежкина и других легендарных чекистов того времени. Коротков приближался к шестидесяти годам; был он сухощав, подвижен и резок в движениях и оценках происходящего. Слушая его, можно было лишь удивляться, что он благополучно пережил конец тридцатых годов и не оказался членом какой-нибудь троцкистской группировки. Лицо у Короткова было в резких морщинах и складках, из которых собеседника просвечивали пронзительные голубые глаза. Оценки людей, которые Коротков давал по результатам своих наблюдений, были лаконичны и безжалостны, некоторое время они удивляли и пугали Бабуша, но позже он поражался их справедливости. Возможно, Короткова спасало то, что его постоянно бросали куда-то на укрепление, затыкали им дыры в разных областях, поэтому он долго нигде не задерживался. На Урал Коротков приехал с Украины, хотя начинал службу еще в Москве.

Сахно, тоже переведенный в управление МГБ по Свердловской области из южных областей Украины, срезу же

выехал в Верхний Тагил для организации агентурной работы на месте, остальным пока хватало работы и в областном центре.

Мастерская, расположенная на углу Московского тракта и Верхне-Исетского бульвара, была взята под плотное наблюдение. Руководил мастерской Виктор Гаврилович Фрамусов. Уже через день фотографии Фрамусова лежали на столе у Короткова. Коротков вызвал Бабуша и положил перед ним фотографию.

— Ну, что вы скажете об этом субъекте, Александр Николаевич? — спросил Коротков.

Некоторое время Бабуш добросовестно размышлял, разглядывая усталое и озабоченное лицо человека с фотографии.

— Умен, — наконец сказал он. — Очень хитер, рассчитывает каждый свой шаг. Мало спит, на это указывают припухлости под глазами. Возможно, у этого человека болят почки или не в порядке желудок. На Урале живет недавно. Ранее проживал в европейской части СССР, скорее всего в северных областях — очень уж бледный. Это связь Фоглера?

— Почти угадал. — От улыбки морщины на лице Короткова стали резче. — Это сам Фоглер. Москва прислала его досье. Волк. Настоящий волк, Александр Николаевич. Впрочем, другие в разведке и не работают.

Наблюдение за мастерской результатов не дало. В штате у Фрамусова работали пять человек. Все они были тщательно проверены, но особых подозрений не вызывали. Все были постоянными жителями Свердловска, его уроженцами, по возрасту не служившими в армии. Трое из них, как и сам Фрамусов, являлись инвалидами разных групп, остальные были слишком молоды, чтобы быть разведчиками. Однако сбрасывать со счетов пока никого не стоило.

Один из них заинтересовал Бабуша. Во-первых, он носил знакомую фамилию Козинцев, к тому же был урожен-

цем Усть-Ницы. Небольшая и быстрая проверка показала, что Бабуш не ошибся — Козинцев из мастерской оказался племянником его знакомого из Усть-Ницы. Бабуш доложил об этом Короткову. Старый чекист заинтересовался — появлялся любопытный оперативный подход к мастерской.

В конце недели наружка засекала появившегося в мастерской Васену, человека богатырского телосложения лет тридцати пяти. Правой ноги у него до колена не было. Связник Волоса ходил на костылях, одет он был в потрепанное армейское обмундирование без погон и со следами наград на груди. Маскировка была удобной, милиция у таких документы обычно не проверяла, опасаясь нарваться на нарекания сердобольного окружения и возгласы: «Человек кровь проливал, пока вы по тылам отсиживались!», хотя форменная одежда еще ни о чем не говорила — мало ли где люди руки и ноги теряют, а форму каждый может надеть, на барахолках ее еще запросто купить можно было. Лицо у Васены было изможденным и болезненным. По просьбе Бабуша милиция все-таки проверила у инвалида документы на железнодорожном вокзале. Документы оказались в порядке. Самошкин Василий Степанович, житель города Верхний Тагил, ранение тоже оказалось боевым — сержант Самошкин потерял ногу в сорок четвертом году в боях за Западную Украину. Обращало внимание, что в Верхнем Тагиле Самошкин жил около четырех лет, а прибыл из украинского города Сумы.

Работавшие с немецкими архивами сотрудники центрального аппарата МГБ тоже не теряли времени зря. Кличка «Васена» оказалась известной. Бывший старшина Красной Армии Сапогов Василий Алексеевич, попавший в плен во время боев под Харьковом, оставил недобрый след на украинской земле. Присвоение звания ефрейтора германской армии и награждение его немецкой бронзовой медалью «За храбрость» говорило о многом.

Сохранилась и подписка Сапогова о сотрудничестве с немецкими оккупационными властями и его характеристика, послужившая основанием к награждению. Бабуш прочитал ее и хмыкнул — характеристика эта была готовым обвинительным заключением. Фоглер был прав: на пощаду Василию Сапогову и снисхождение суда рассчитывать не приходилось.

Из Верхнего Тагила капитан Сахно сообщал, что бегуны активизировали свою деятельность. Похоже, штурмбаннфюрер Фоглер заслуживал поощрения — его появление и установление контактов с Волосом послужило тому, что связи бегунов-странников, их численность и явки сейчас раскрывались как никогда.

Коротков, читая подготовленную Бабушем по итогам недели справку по оперативному делу, одобрительно качал головой.

— Суетятся, как тараканы, — сказал он. — Разворошил ты, Александр Николаевич, гнездо! Теперь бы нам не лопухнуться! Знаешь, примета такая есть — если в начале все идет хорошо, в конце обязательно какая-нибудь хреновина приключится. А пока везуха поперла, Александр Николаевич. Вот он, счастливый случай!

Мечтательно жмурясь, поделился:

— У меня в сорок шестом в Одессе такое было. Милиция одного мужика за кражу со стройки задержала. Ну, обыск, то, се — нашли у него в доме мешочек с драгоценностями и золотишком. Задержанный кричит, что он не при делах, не его эти цапочки, спрашивайте у тестя. Взялись за тестя, а тот возьми, да и расколись в милиции, откуда у него это добро. Крепко, видать, его там попугали. Оказалось, что эта гнида делала? В сорок втором из Слободского гетто на этап выгоняли толпы евреев. Сам понимаешь, люди уже догадывались, что они не жильцы, ну и пытались спасти хотя бы детей. Выталкивали из колонн, которыми их гнали, а в руки детям давали мешочки с

ценностями. Богатства всей жизни, значит. Было, что люди детей прятали, спасали, но были и вот такие пидоры, которые специально выходили к дороге, отбирали у детей ценности, а их обратно в еврейский строй зашвыривали. Вот так. Милиция ему морду набила и к нам его. Сидит он у меня в кабинете, кровавые сопли по морде размазывает и стонет: «Да я разве кого убивал? Та и шо я у там взял? Несколько мешочков? А вот другие брали так брали!» Я прикинулся, что ему сочувствую, поддакиваю, говорю: «Дорогой Николай Кириллович, я вас понимаю. А куда было деться? Время было такое. Не вы, так другой. Но вы-то их, которые «брали так брали», вы-то их, конечно, знаете?» Тот расчувствовался, говорит: «Конечно, знаю». А я ему тогда: «Давайте мы их всех поименно вспомним. Покажем, что никто у нас не забыт и ничто, как говорится, забыто не будет». И что ты думаешь, Александр Николаевич? Три десятка он мне этих гадов сдал! На обыски потом замучались ездить. Моя воля, я бы таких даже и не судил. Собрал бы тех евреев, что по случаю живыми остались, отдал бы этих падл им и сказал: «Вот они ваших детей грабили и обратно в толпу на смерть кидали. Делайте с ними что хотите, по высшей справедливости...»

— И чего с ними потом? — спросил Бабуш.

— Судили, конечно. — Коротков достал из кармана портсигар, папиросу, размял ее и принялся обстукивать о портсигар длинный мундштук. Закуривание превращалось у него в целый ритуал. Выпустив клуб дыма, Коротков сказал: — Не знаю уж, чего им дали, только, сколько бы этим тварям ни дали, все будет мало. Это он говорил, что не убивал. Пособничал, сволочь, в убийствах.

— А может, мы напрасно затеялись? — спросил Бабуш. — Взяли бы всех, кто нам известен, тут бы мы из них и выкачали все, что они знают. Рассказали бы, как миленькие рассказали. Дело такое, жить захотели бы.

— Ты, Александр, еще не оперативник и даже не пол-оперативника, — назидательно покачал папиросой Коротков. — Так, начинающий. Тебе еще усвоить надо, что поспешать следует очень медленно. Это как на охоте: собрался поймать в силки зайца, обязательно посмотри по сторонам, не охотится ли на тебя самого кто-нибудь из лесных жителей. Настоящий оперативник должен быть улыбочивым, благожелательным, а главное — терпеливым. Помню, в тридцать восьмом в Москве один наш сотрудник два дня в тайнике в туалете на Горького просидел, там немецкий атташе с одним типом встретиться должен был. Вот уж у кого терпение было! И ведь дождался, с поличным мы немца взяли. Правда, с немцами тогда заигрывали, так что шума особого поднимать не стали — ноту в зубы и в двадцать четыре часа из страны.

Резким тычком он затушил папиросу и встал.

— Терпеть не могу без дела сидеть, — сказал он. — Это сейчас топтунов да разных техников развелось, раньше все приходилось самому делать. Даже приговоры в исполнение приводить. Знаешь, как Дзержинский поставил? Ведешь дело человека? Так веди его до самого конца. Так что если ты требуешь для человека «вышака» и этот «вышак» ему обламывается, то ты сам должен будешь решать — где и когда будешь осужденного кончать, каким способом, а главное — тебе же приговор и в исполнение приводить. Тогда ты будешь вдумываться в вину человека, будешь решать — требовать ли смертной казни, или человека можно сроком каким исправить. А сейчас все требуют, чтобы ты думал. А выполнять, а главное, решать, что делать, за тебя будут другие. Обезличка сплошная, а начальство — оно, как всегда, на белом коне и в белых одеждах.

Дверь приоткрылась, и в нее заглянул дежурный по управлению капитан Захарьин. Вот уж кто жизнью доволен был: сутки отдежуришь, трое — дома, и голова не болит.

Потому и вид у Захарьина был цветущим, а что до полноты некоторой, так сидячий образ жизни тому способствует.

— Коротков, — сказал он. — Ты здесь? А тебя начальник управления ищет. Зайди в дежурку, я тебе вазелин выдам!

Некоторое время Коротков изучающе разглядывал толстощековую самоуверенную физиономию дежурного.

— Захарьин, — предложил он мирно. — Хошь анекдот расскажу? Вчера один десяткин* в очереди за пивом рассказывал. Пришел, значит, конвой из Чистилища в Ад. Мужики все понурые, один беспартийный мечется, спрашивает чертей. «Как, — спрашивает, — тут?» «Да, как, — ему говорят, — как в Аду». «И смола?» — «Есть такое дело!» — «И гвозди в задницу?» — «А как без них?» — «Что, и в дерьме варят?» «Случается», — отвечают ему. Тогда этот беспартийный замирает, глаза у него совсем белыми от ужаса становятся, и он как заорет: «Коммунисты — вперед!» Так-то, брат Захарьин, мы с тобой всегда на переднем крае!

Повернувшись к Бабушу, предложил:

— А ты, Александр Николаевич, пока я по начальству гулять буду, свяжись с Верхним Тагилом, узнай, что у них новенького. Сдается мне, что начальство не зря тревожится, что-то обязательно будет. Видишь, Захарьин по коридорам забегал, не сидится ему у себя!

Сов. Секретно

Начальникам облкрайуправлений НКВД СССР

По списку

ОРИЕНТИРОВКА

НКВД СССР разыскивается особо опасный военный преступник ФОГЛЕР ПАУЛЬ ФРИДРИХ, 1904 года рождения, уро-

* Коротков имеет в виду человека, чьи действия подпадают под действие статьи 58 прим 10 действовавшего тогда Уголовного кодекса. Этой статьей предусматривалась ответственность за антисоветскую агитацию. — *Примеч. автора.*

женец г. Зальцбург, Германия, немец, образование высшее, кадровый работник аппарата гестапо, в 1941 году занимался выявлением и задержанием военнослужащих Красной Армии, оказавшихся в немецком тылу на территории Белоруссии, в 1942—1943 — организацией антипартизанской борьбы на территории Харьковской и Сумской областей Украины, в 1943 году за успехи в работе получил звание штурмбаннфюрера СС, в том же году награжден Железным Крестом и медалью «За храбрость».

Фоглер в указанный период времени организовал ряд расстрелов мирных граждан, в том числе еврейского населения города Харькова, сам принимал непосредственное участие в истребительных акциях.

По свидетельским показаниям, Фоглер лично повинен в смерти двухсот мирных советских граждан, в том числе и детей.

В совершенстве владеет русским языком, разговаривает без акцента, выговор близок к московскому.

По имеющейся оперативной информации в ходе наступления частей Красной Армии оказался в окружении и может скрываться на территории СССР, используя в этих целях поддельные документы.

Приметы: рост 175—180 сантиметров, телосложение худощавое, спортивное. Лицо удлинненное, волосы русые, глаза голубые, лоб высокий, с залысинами, на правой щеке небольшой шрам. Уши маленькие, прижатые, нос прямой, с небольшой горбинкой и слегка раздутыми крыльями. Губы средние.

Характерные отличительные приметы: при ходьбе сутулится, держит руки за спиной, сцепив большие пальцы. При волнении начинает облизывать нижнюю губу. На груди выше левой ключицы имеет родимое пятно размером с фасолину. При употреблении спиртных напитков прежде, чем сделать глоток, облизывает край рюмки. Имеет характерную привычку при курении стряхивать с сигареты пепел средним пальцем правой руки.

Все материалы по розыску военного преступника Фоглера направлять в адрес розыскного отдела НКВД СССР. При направлении материалов ссылаться на № 461/44.

Начальник отдела розыска НКВД СССР

полковник

Воробьев.

23 ноября 1944 года.

Глава пятнадцатая

Вернувшийся из краткосрочного отпуска капитан Вережников произвел фурор. Во-первых, убыл из полка Вережников капитаном, а вернулся через неделю майором, а во-вторых, кто может похвастаться книгой вождя с его собственной дарственной надписью? Да еще знакомством с сыном самого Сталина, о лихих загулах и спортивных достижениях которого знала вся авиационная общественность, болеющая за команду ВВС.

Нет, майора Вережников получил безо всякого блата, летчик он был, конечно, классный, это каждый мог сказать безо всяких натяжек. Удивляло только, что майора ему дали, когда его собственное начальство никак решить не могло, наказывать им капитана за неудачный перехват самолета не установленной государственной принадлежности или погодить. Естественно, что при таких условиях представление на очередное звание никто наверх не давал, тем более что до срока было еще полгода. Но теперь, с возвращением бывшего капитана из столицы, и вопросы о его возможном наказании сразу отпали. А кто бы рискнул наказать подчиненного, которому сам Сталин свою книгу подарил, написав в ней «Майору Вережникову на добрую память и в надежде, что она поможет коммунисту Вережникову в его нелегком ратном труде»? Тут в пору думать, на какую должность майора Вережникова выдвигать, вид-

но ведь, засиделся сокол, в сорок втором начал младшим лейтенантом, войну закончил капитаном, а за четыре послевоенных года в звании не вырос — думай, чего тут больше: небрежения к судьбам рядовых летчиков или зажим конкретно военного летчика Вережникова, сбившего не один самолет врага.

Пока начальство думало и прикидывало, в штаб ВВС округа приказ пришел. — отрядить лучших летчиков в количестве двенадцати человек в распоряжение Генштаба, а командиром этой группы особого назначения назначить подполковника Вережникова Илью Николаевича. Тут уж всем стало ясно, блатует летун безо всякого стыда, пользуется своим знакомством с генералом Василием Сталиным. Тем более что командующему округом из Москвы на ушко шепнули, что группа эта предназначена для отправки в Китай, учить тамошних узкоглазых летному мастерству.

Мир, наступивший после войны, разделил армейских офицеров на две неравные половинки. Большая часть продолжала служить в Союзе, не извлекая из этой службы особых выгод, а меньшая часть офицеров служила теперь льготно — за рубежом, и что характерно, оклады свои получала по месту службы в марках, форинтах или в злотых, а еще часть жалованья ложилась им на книжку в рублях. А что касается инструкторов, то у них-то жизнь была вообще сытная и вольготная, потому что жалованье им шло сразу с двух сторон — от советского правительства за выполнение интернационального долга, а от местного — за обучение их собственных кадров разному воинскому искусству. Естественно, за рубежом было жить престижнее, чем в таежной Тмутаракани, да и что там греха таить — сытнее.

Командующий приказ штаба ВВС страны, конечно, выполнил, но полковника Вережникова приказал в полеты ставить чаще — раз уж направляют его инструктором в далекий Китай, пусть освоит технику как можно лучше, что-

бы не ударил за рубежом в грязь лицом, не проявил неумения в каких-нибудь несложных вопросах.

Командир авиаполка, в котором служил Вережников, к неожиданному росту своего подчиненного по службе отнесся с холодным недоумением, рады присвоению очередных званий товарищу оказались лишь простые пилоты. И то понятно, не каждый день такое бывает, чтобы майорское звание отметили, а тут уже и подполковника пора обмывать. Под такой праздник Вережникову и занять не грех!

А полеты продолжались.

Летали над тайгой и горами, выискивали странные «диски», которые в прошлом году Вережникову с Серовым увидеть довелось, только ничего не получалось. Тайга была внизу. Тайга и горы.

Полученные задания начали вызывать у летчиков раздражение, которое они пока еще подавляли шуточками. В «Боевом листке» появилась карикатура — растрепанный Господь смотрел с облака на мечущиеся внизу самолеты и громко удивлялся: «Не понимаю, зачем им там внизу понадобился мой чайный сервиз?» Выпустивший «Боевой листок» лейтенант Каншин из второй эскадрильи в ленкомнате имел продолжительный разговор с замполитом полка, после чего окончательно уверился, что Бога нет.

Летавший в условиях облачности капитан Люшнин потерял напарника и оттого вернулся на аэродром в состоянии крайнего раздражения. Выбравшись из кабины, он с досадой швырнул шлемофон на землю и громогласно заявил, что было бы неплохо проверить зрение у Вережникова и Серова, а то оно какое-то особенное — локаторы не видят, другие пилоты не видят, а эти наблюдали. Поблизости оказался Серов, который, обидевшись на слова Люшниного, сказал ему что-то резкое. Их конфликт едва не закончился потасовкой, но всех примирил командир полка генерал Сметанин — оба участника конфликта получили по трое

суток гауптвахты, но за неимением оной срок отбывали в комнатке особистов, расположенной в штабе полка.

В этот день Вережников летел именно с Люшниним. Люшнин этот день запомнил на всю жизнь. Утром двадцать пятого января с обложенных низкой облачностью небес падал влажный снег. Накануне приезжала кинопередвижка, показывали фильм «Падение Берлина», а после него еще по настоятельной просьбе летчиков киномеханик показал «Веселых ребят» с Утесовым в главной роли.

Тем не менее вылет все-таки состоялся.

Люшнин новичком в воздухе не был, поэтому они парно взлетели, слаженно пробили облака и пошли над кромкой, держа курс в заданный диспетчером район. Все шло как обычно, полет был рассчитан на сорок минут, но уже на десятой минуте при удалении от аэродрома на шестьдесят восемь километров Люшнин обратил внимание на белое пятно, движущееся среди облаков. Он, несомненно, был хорошим разведчиком — чтобы заметить летательный аппарат в облаках и определить направление его движения, требовались острые глаза, а главное — внимание.

Истребители успели.

Они уже вышли на встречный курс, когда в облачных просветах стал виден стремительно несущийся на истребители диск. Диск явно был металлическим. Оповещать землю было некогда, истребители едва успели занять позиции для атаки, а на большее не хватало времени. Впрочем, инструкция по отношению к неопознанным летательным аппаратам была предельно ясна — атаковать и принудить к посадке, при невозможности — сбить аппарат имеющимися огневыми средствами. Поэтому, выйдя навстречу диску, они атаковали его. Ведомым был Люшнин, однако он оказался в позиции наиболее выгодной для атаки, и Вережников незамедлительно уступил товарищу это право. Он даже успел засечь дымные следы двух эрэсов, сошедших с направляющих машины Люшнина, увидел уходящие к диску

трассеры, дальнейшие наблюдения уже были невозможны — пришло время для второй атаки. Выпустив реактивные снаряды и закончив атаку щедрой очередью из авиационной пушки, Вережников проскочил мимо диска. Реактивный истребитель не лошадь, его сразу не развернешь. Впрочем, Вережников сомневался, что и лошадь можно развернуть тотчас, как возникнет нужда. Пока они с Люшнинным тратили время на разворот, снаряды пушек и эрэсы достигли цели. Вережников не видел, как это произошло, но, когда они с Люшнинным выполнили фигуру высшего пилотажа и вновь засекли диск, тот уже медленно снижался, оставляя за собой длинный дымный след. Диск явно терял скорость и высоту. Вережников и Люшнин без особого труда догнали неведомый аэроплан и сопровождали его до места столкновения со склоном горы.

— Завалили, — с торжеством сказал кто-то в эфире, и Вережников не сразу понял, что это голос Люшнина. — Идем на аэродром, триста первый?

— Сейчас, — сказал Вережников, — отснимем кино и будем возвращаться.

Снизившись над склоном горы и предельно сбросив скорость, он совершил облет сбитого объекта. Видно было плохо, мешал дым, и это раздражало Вережникова, поэтому на возглас ведомого он не сразу обратил внимание, а когда все-таки посмотрел в сторону, то увидел, как из затянутого белым туманом ущелья медленно поднимается что-то грандиозное, невероятное по размерам. А потом вспыхнул свет, самолет задрожал и потерял устойчивость в воздухе. Вережникова, несомненно, смерть настигла бы обязательно, однако он действовал почти бессознательно — повинаясь сигналу, пиропатроны срубили остекление кабины, Вережникова швырнуло в воздух, потоки воздуха подхватили и закувыркали его, и прежде, чем потерять сознание, Илья Николаевич увидел истребитель Люшнина, по немыслимой дуге идущий в самый центр огромного диска,

который уже разорвал вату тумана и теперь висел в воздухе, медленно вращаясь по часовой стрелке, и помаргивал бортовыми огнями — красным и синим.

В себя он пришел уже на земле. Нестерпимо болела правая нога, Вережников даже не понял сначала, что нога сломана. Привалившись спиной к округлому валуну, Илья Николаевич смотрел в небо, где медленно удалялся на юг огромный серебристый диск, похожий на воздушного слона, подвергающегося истерической атаке стаи беснующихся истребителей. Воздух рвали белые полосы инверсионных следов эрэсов, слышался далекий треск пушек, но все это было бесполезным — диск упрямо шел на юг, где располагались аэродромы базирования. Похоже, что настроен он был крайне решительно.

Что случилось с Люшниним, он так и не узнал. Даже обломков его истребителя обнаружено не было. Но то, что произошло на аэродроме базирования полка, он увидел собственными глазами, когда его туда привезли колхозники, обнаружившие Вережникова на следующий день. Картина врезалась в память Вережникова на всю его оставшуюся жизнь.

Бетон взлетной полосы был вспахан, словно по нему прошли чудовищным плугом. По всему аэродрому чернели обломки боевых машин, дымились развалины, еще вчера бывшие ангарами и помещениями для контроля и управления полетов. Локаторные станции, стоявшие на пригорках, теперь были сброшены с них и походили на странных изломанных насекомых.

Авиаполк, в котором служил Илья Николаевич Вережников, приказал долго жить. Из личного состава полка и батальона авиационного обслуживания осталось двадцать семь человек, среди которых был генерал Сметанин, получивший многочисленные ожоги, и всего пять пилотов.

Сам Вережников был шестым.

Самым обидным было то, что уже в госпитале Вережников просматривал центральные газеты. Ни в «Правде», ни в «Комсомолке», ни даже в «Красной Звезде» ничего не было о бое в воздухе Урала. Местную прессу просматривать тем более не стоило. О смерти болгарского коммуниста Василя Коларова в газетах рассказывалось, заметки о подготовке страны к выборам в газетах имелись, даже результаты шахматных партий на первенство Союза регулярно публиковались. А вот о страшном бое, в считанные часы уничтожившем авиационный полк и приданные ему силы, ничего не было.

Жизнь и смерть его товарищей являлись государственной тайной.

Сов. секретно

Командирам авиасоединений и авиаполков РККА

В период 1948—1950 годов летчики ВВС РККА неоднократно вступали в боевые контакты с летательными аппаратами, государственная принадлежность которых не была установлена. В ходе таких контактов имели случаи боевых потерь.

Неопознанные летательные аппараты, как правило, имеют форму дисков самых разнообразных размеров, принцип действия оружия, применяемого ими для собственной защиты, остается неясным. Необходимо отметить тот факт, что случаев агрессивного поведения летательных аппаратов не установлено, во всех известных случаях оружие пилотами неизвестных летательных аппаратов применялось исключительно в целях защиты.

Исходя из изложенного, приказываю:

1. При встрече с неопознанными летательными аппаратами непривычной формы в боевые контакты с указанными аппаратами не вступать, осуществляя попытки без применения авиационного вооружения посадить указанные летательные аппараты на аэродромы базирования.

2. В случае признаков проявления указанными летательными аппаратами агрессивности уклоняться от боевых контактов, пос-

ле чего по возможности осуществлять сопровождение этих аппаратов с целью установления их возможных баз.

Атаки в отношении указанных летательных аппаратов допустимы лишь в случаях появления их у государственных охраняемых объектов, военных целей повышенной секретности и движения аппаратов в сторону крупных населенных пунктов, а также в случаях проявления указанными аппаратами агрессивности в отношении наших самолетов.

3. При контактах с летательными аппаратами, чья государственная принадлежность не установлена, а форма резко отличается от привычных форм современных самолетов, пилоту ВВС необходимо устанавливать следующие обстоятельства:

— форма объекта, его размеры, скорость, направление и высота полета.

— признаки пилотирования объекта пилотом;

— место приземления объекта и наличие на земле сооружений, свидетельствующих о наличии в месте приземления базы;

— места аварий указанных выше летательных аппаратов.

Всю информацию, отвечающую поставленным выше вопросам и имеющую значение для организации дальнейших исследовательских работ, направленных на изучение неизвестных летательных аппаратов, в суточный срок направлять в штаб ВВС РККА СССР, включая полученные пилотами фотоснимки.

О гибели пилотов в результате столкновения с неизвестными летательными аппаратами, государственная принадлежность которых не была установлена, а форма не соответствовала силуэтам типовых самолетов, находящихся на вооружении РККА и его потенциальных противников, сообщать в штаб ВВС немедленно по поступлении информации, материалы служебных расследований по факту гибели самолета немедленно по завершении такого расследования.

Командующий ВВС РККА СССР

Подпись.

23 января 1950 года.

Часть вторая
ВЗГЛЯД СНИЗУ. ЧЕРНОЗЕМ

Глава первая

Многие лагеря имели дурную и даже мрачную славу.

Нехорошие слухи ходили о Соловках и воркутинских лагерях, о производственных зонах Казахстана, о безнадежных и гиблых лагерях таежного Коми, но надо было смело сказать, что Ивдельлаг этим лагерям не уступал и имел свои мрачные легенды.

До лагеря добирались колонной.

Поначалу, пока еще холод не взял свое, Сергей Петрович Криницкий с интересом оглядывался по сторонам. Посмотреть было на что, могучие смешанные леса окружали дорогу. Деревья были припорошены снегом, поэтому тайга смотрелась загадочно и таинственно, а отдельные деревья напоминали приготовившихся к прыжку хищников.

Но уже через полчаса стало не до этих красот.

Мороз медленно добирался до тел эсков, над колонной вздымались клубы пара, и кто-то из простывших в товарном вагоне задыхался, глотнув густого свежего воздуха тайги, и кашлял сухим кашлем, прислушиваясь к которому Криницкий только крутил головой — долго тем, кто так надсадно кашлял, в суровом климате не протянуть.

Через некоторое время уже никто не разговаривал — эски берегли силы и горло. Никто не знал, сколько идти до лагеря, в таких условиях предаваться беспечности было бе-

зумием. Застудишь легкие, считай — в ящик сыграл. Кто тебя в лагере выхаживать будет? Не дом, чтобы малиновым вареньем отпаивали и горчичники ставили.

Так и шла колонна. Слышалось шарканье тысяч ног, клубился над колонной пар от горячего человеческого дыхания, то там, то тут вспыхивали приступы надсадного кашля.

О конвое ничего хорошего сказать было нельзя.

Конвои бывают разными, но добрыми не бывают никогда. Этот конвой был очень злым. Быть может, потому что основу его составляли военнослужащие срочной службы, набранные из южных республик. Наберут их, непривычных к холодам, вот и стараются они сорвать зло на тех, кого сопровождают. А на ком еще им зло срывать? Увидит конвоир, что кто-то кого-то поддерживает, завизжит тоненько, замахнется прикладом, а то еще и ударит, знает ведь, сволочь, что ему не ответят. Себе дороже обойдется. Положат при попытке к бегству или за нападение на конвой, и никто никогда не станет допытываться до истинных причин.

Рядом с Криницким ковылял на распухших ногах Иван Иванович Хацимович, в недалеком прошлом преподаватель бердянского техникума какой-то промышленности, а ныне пособник немецко-фашистских оккупантов, получивший по суду пятнадцать лет исправительно-трудовых лагерей. А все его пособничество заключалось, как рассказывал Хацимович, в том, что он при немцах детишек грамоте учил. Знал, что немец все равно в войне проиграет, вот и готовил кадры для будущего. Криницкий Хацимовичу верил, ну а следователи ему не поверили, вот и шел педагог в свою северную командировку, которая, если судить по его внешнему виду, грозила стать для Хацимовича последней.

Сам Криницкий сидел уже восьмой год. Лагерь его расформировали из-за нерентабельности месторождения, под которое он открывался, вот и попал Сергей Петрович на пересылку, а с нее на этап. Мрачные прелести Ивдельлага ему были хорошо известны по рассказам бывалых зэков,

поэтому каких-либо радужных перспектив Криницкий не питал. Только в глубине сознания теплилась надежда на то, что удастся пристроиться в КВЧ или нарядчиком. Все-таки опыт у него уже был, а во многих лагерях это было главным, а на то, простой ты казр или еще с одной дополнительной буквой «Р» в карточке, обозначающей причастность к террору, внимания никто не обращал. Главное, чтобы писать умел и с цифрами обращался свободно, так свободно, как это начальству требуется. Пока ты нужен начальству, живешь хорошо. Впрочем, это было характерным и для свободы.

Свой срок Криницкий получил еще в тридцать восьмом году. Между прочим, правильно получил, за глупость свою. Ишь, гарантий безопасности он захотел, для этого со следователем НКВД Фельдманом знакомство свел. А тут как раз Николая Ивановича Ежова самого в ежовые рукавицы взяли, объявили об очередном головокружении от ошибок и начали эти самые ошибки искоренять вместе с совершившими их людьми. Видимо, следователь Фельдман этих ошибок совершил немерено, потому что взяли не только самого Фельдмана, но и родственников его, а подумав немного, пригребли и знакомых. Сам Фельдман обвинялся стандартно — в том, что был троцкистом, сочувствовал бухаринско-рыковскому правому блоку и в органы влез, чтобы вредить советской власти, проводя незаконные обыски и аресты нужных государству людей, да при этом так хитро действовал, что ордена и медали от обманутого правительства получал. А Криницкий оказался его пособником. Те знакомые, которые были не слишком близки Фельдману, отделались ссылкой или поражением в избирательных правах, более близкие схлопотали по пятерику, а самые близкие, из тех, кого сам Фельдман друзьями называл, менее чем на червонец и рассчитывать не могли.

Правда, были в колонне и те, кто оказался в ней случайно. Власовцы, например, или полицаи бывшие — таких

не в лагерь надо было отправлять, расстреливать на месте. Это Криницкий мог смело сказать, как коммунист. Точнее, как человек, считающий себя в душе коммунистом. Партбилет его при аресте был изъят и, если его не уничтожили, пылился сейчас, наверное, в уголовном деле, по которому Криницкий был осужден.

Криницкому сидеть оставалось еще два года, но он особенно не обольщался. В лагере он насмотрелся всякого и видел, как людям вместо освобождения кидают довесок — за антисоветские высказывания в лагере. А откуда им в лагере советским взяться-то? Это Маяковский, футурист несчастный, мог написать о том, как собака бьющую руку лижет, среди простых людей таких мазохистов не было, если человека за здорово живешь в лагерь сажают, то откуда им взяться, теплым словам в адрес власть предержащих?

— Шаг налево, шаг направо — считается побега! — тоненько закричал молоденький таджик, из форса не надевающий шлем-маску. Нос и щеки его посинели, и Криницкий со злорадством подумал, что сегодня вечером этот конвоир будет плакать горючими слезами и вспоминать маму, если она у этого сукина сына когда-нибудь была. Не зря же говорят, что конвойщики рождаются почкованием, в крайнем случае — от тренированных на зэков сук-овчарок. — Конвой стреляет без предупреждений!

Ничего нового он зэкам не сказал.

Колона только стянулась к центру дороги и еще озлобленной принялась месить снег.

«И только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог...»

Сукин сын этот Киплинг, его бы сейчас сюда.

На железнодорожном переезде пришлось ожидать, когда пройдет состав. Конвой сразу же усадил заключенных прямо в снег. Сидеть пришлось довольно долго, снег под заключенными подтаял, поэтому, когда колонна снова двинулась в свой нелегкий путь, мороз начал хватать через влажную ткань верхней одежды и без того стылые тела.

Среди пестро одетых заключенных послышались приглушенные, но злые матерки. Некоторые теряли сознание, и их старались заставить очнуться злыми и болезненными пинками.

Стало совсем уж невмоготу, поэтому, когда за поворотом открылся колючий периметр, Криницкий был готов заплакать радостными слезами: дошли все-таки, дошли!

Только он рано радовался. Мерзнуть у ворот пришлось еще около часа. Режимники принимали заключенных у конвоя по списку, а для того, чтобы не ошибиться, затеяли на морозе переключку.

Потом началась санобработка. Но это было к лучшему. Пусть розданные кусочки мыла были крошечными, главное — вода была горячей. Поначалу стылое тело даже не чувствовало кипятка, но потом стало отпускать, и даже дальнейшее не казалось особенно страшным. Подумаешь, всего два года осталось, больше уже отсидел. В отряде, куда попал Криницкий, оказалось несколько бывалых зэков, поэтому они организовали охрану барахла, и у них ничего не пропало. И уголовников определили совсем в другую партию, оттого-то у дежуривших никто ничего не отнял. И это только добавило хорошего настроения Криницкому — не каждый день выпадают такие удачи, теперь бы пошамать, и можно было считать, что прошедший день был совсем не плох. Жаль только, что до вечера поспать не удастся, охрана всегда хлопотлива, да и опера обязательно начнут дергать прибывших для знакомства, одним примеряя клички, а другим будущие дела, а уж представителям культурно-воспитательной части сам Бог велел прибывших зэков охмурять, такая уж у них задача была — воспитание из лагерной пыли будущих строителей коммунизма.

После санобработки пришло время устраиваться в бараках.

Собственно, делились обычно по бригадам, но еще в «столыпиных» зэки начали группироваться по интересам.

Уголовники образовывали свою касту, в которую никак не могли войти «враги народа» и в исключительном случае попадали судимые за хозяйственные преступления, сами «хозяйственники», или как их еще называли — «расхитители», держались друг друга. Были они неорганизованным стадом, которое пасли уголовники. Власовцы и полицаи держались друг друга, среди них были травленные волки, умевшие убивать, просто достаточное для высшей меры количество этой крови не было доказано, поэтому, держась вместе, они разговоров о прошлом избегали, а к уголовной братве с интересом присматривались, чувствуя в них родное.

Остальные держались вместе из одного только чувства стадности. Известно, что человеку трудно прожить одному, матрос Селькирк на необитаемом острове одичал и потерял человеческий облик, в неволе же обособленно выжить было вообще невозможно.

Соседями по нарам у Криницкого оказались с виду порядочные люди. На первый взгляд. Только Криницкий за восемь лет повидал многое, на взгляд человека не оценивал и язык напрасно не распускал. Жизнь сама покажет, кому можно доверять, а кого и стороной обходить стоит по причине его тайного родства с лагерным «кумом».

Слева от Криницкого на нарах расположился полный и щекастый белорус Юрий Чадович. Угрюмым своим видом он напрочь отрицал предположения психологов, что полные люди чаще худых склонны к добродушному юмору. Юрию было около тридцати пяти лет. Насколько Криницкий знал его историю, Чадович попал в лагерь по причине своего невозддержанного языка и чисто белорусской упрямости. Он и раньше допускал в разговорах с ненадежными знакомыми различные незрелые политические высказывания, а в сорок восьмом на первоймайскую демонстрацию вышел с плакатом «Народ и партия едины!», добавляя для знакомых рифмованную

строчку о том, что нашли друг друга две... ну, сами понимаете кто. Знакомые стихотворные таланты Чадовича не оценили, поэтому на этот раз испуганных сигналов в белорусскую «беспеку» оказалось больше обычной нормы, и немудреные, но полные задорного юмора строки профессионально оценили искусствоведы в погонах.

Справа от Криницкого заселился сухонький пожилой мужчина с интеллигентной седенькой бородкой и лысиной, напоминающей тонзуру католического монаха. Звали его Львом Ивановичем Фроловым, был он на воле инженером-строителем, а потому посадили его за элементарное вредительство.

То ли в расчетах были допущены ошибки, то ли бедовые прорабы унесли со стройки слишком много цемента, заменив его ненадежным песком, только дом, за строительство которого отвечал Фролов, в один прекрасный день рухнул, так и не дождавшись первых своих посетителей. И слава Богу, что не дождался, в противном случае Лев Иванович исправительно-трудовым лагерем не отделался бы, ведь строил он Бузулуцкий райком партии в Царицынской области: заселись честные партийцы в построенный для них дом, пришили бы Льву Ивановичу не элементарное вредительство, а классический террористический акт.

Рядом со Львом Ивановичем расположил немудреные свои пожитки Сергей Павлович Гудымов — длинный, худой и седой, но со спортивной осанкой, которая делала его похожим на восклицательный знак. Лагерные условия делали свое дело — постепенно восклицательный знак превращался в вопросительный. Гудымов был из Ленинграда, который он иначе как Санкт-Петербургом не называл, заодно он и о царском времени отзывался хорошо, а главное — он действительно был виноват в том, что создал монархическую организацию, в которую, кроме него, входили тесть и друг детства Гудымова. Дальше слов и мечтаний их деятельность не распространялась, разве что хранили они пор-

треты государя-императора, за что тесть и друг детства получили по пять лет, а Гудымову как руководителю подпольной организации отмерили на полную катушку.

Наказание на него не повлияло. Даже в лагере Гудымов благоговейно вспоминал довоенные годы (имелось в виду время до Первой мировой), а потому Криницкий держался от земляка подальше, памятуя о том, что сидеть ему оставалось в отличие от Гудымова всего ничего, а слепить дело о монархической подпольной организации в лагере бедовые чекисты могли запросто.

Криницкий начал тут обживатьсья.

Однако долго ему приспособливаться не пришлось, уже на четвертый день его вызвали в оперчасть. Чекист в подогнанном по фигуре обмундировании с погонями майора, в начищенных сапогах и пахнущий одеколоном «Шипр», выслушал доклад, молча кивнул Криницкому на стул и некоторое время листал тощее дело. Криницкий понял, что это его дело.

Чекист полистал дело, отложил его в сторону, бесцеремонно разглядывая Криницкого.

— Как я понял, некоторые навыки альпинизма вы имеете? — спросил майор.

Криницкий пожал плечами.

— Не слишком богатые, товарищ майор. Несколько восхождений на Серверном Кавказе, собирались ехать на Тянь-Шань.

— И что? — поднял брови майор.

Криницкий вздохнул.

— Ребята, наверное, поехали на Тянь-Шань, — сказал он. — А меня повезли сюда.

— И, как водится, совершенно незаслуженно, — ухмыльнулся майор. — У вашего брата одна песня — всех сажают за дело, одного меня, бедолагу, посадили ни за что.

— Меня как раз посадили за дело, — вздохнул Криницкий. — Нельзя быть близким другом представителей госбе-

зопасности. Когда они допускают ошибки, расхлебывают за эти ошибки все окружающие, а друзья — в первую очередь.

— Интересно. — Моложавый майор встал со своего места, неторопливо обошел стул, на котором сидел Криницкий, изучающе оглядывая его. — Значит, с вашей точки зрения госбезопасность занимается предосудительным делом. Я правильно понял?

— Товарищ майор, — как можно проникновенней сказал Криницкий и даже руки к груди прижал, чтобы убедительнее было. — Разве я могу судить обо всей деятельности наших славных органов? Я говорю об отдельных представителях, которые совершили в жизни непродуманные и предосудительные шаги.

— Этой... спелеологией не увлекались? — спросил «кум».

— Даже представления о таком действе не имею, — искренне сказал Криницкий.

— Это когда по пещерам лазают, — терпеливо объяснил «кум».

— Не было у меня никогда таких наклонностей, — вздохнул Криницкий.

Майор хмыкнул, вернулся за стул, еще раз задумчиво перелистал тощее дело, остановился на приговоре, внимательно перечитал его и сказал сидящему в углу сержанту, которого закрывала огромная и похожая на черную этажерку пишущая машинка:

— Этот подойдет. Занеси его в список на усиленное питание и сегодня же переведите его в спецбарак. — Повернувшись к Криницкому, сказал: — А ты помалкивай, будешь языком молотъ, поедешь на дальнюю командировку.

На дальней командировке жили уголовники. Для выполнения норм лесозаготовок к ним посылали политических. Поскольку уголовники работать не желали, то политическим приходилось работать за себя и за того парня,

пока уголовники целыми днями играли в стирки или слушали какой-нибудь роман, который рассказывал счастливчик из «политиков», имевший хорошее образование и подвешенный язык. От подобного образа жизни у уголовников был хороший аппетит, поэтому ели они за себя и за политических, а в результате дальнюю командировку приходилось постоянно пополнять — дистрофики долго не живут, особенно если их еще заставляют ежедневно лес рубить. Все это Криницкий уже знал, поэтому попасть на дальнюю командировку ему совсем не улыбалось.

Но и спецбарак с усиленным питанием вызывал у него серьезные опасения. Тюрма — не санаторий, тут тебя зря кормить не станут, за каждую скормленную калорию рано или поздно потребуют отработки. А в спецбарак Криницкий попал, как он теперь понимал, исключительно из-за своего опыта горных восхождений. Правда, «кума» интересовал обратный процесс — явно требовалось спускаться куда-то вниз. А что может быть в пещерах? Еще в сказках говорилось, что в пещерах обычно хранятся сокровища. Следовательно, их скорее всего заставят искать такие сокровища. Потому-то и подготовлен был отдельный барак и люди с определенными навыками требовались, а режим секретности в этом случае был просто необходим — незачем было уголовной братии знать, что МГБ ищет, с какой целью, а главное — в каких краях.

Поэтому Криницкий ничего расспрашивать не стал, а только послушно прошел за сержантом в свой барак, под недоуменные взгляды соседей собрал свои пожитки, и сержант провел его в барак, расположенный на участке, огороженном двойным рядом колючей проволоки.

Дежурный помощник начальника караула вписал данные Криницкого в зловещего вида черную коленкоровую тетрадь, ворота скрипуче распахнулись, и, подхватив свой скорбный скарб, Сергей Петрович шагнул на тесный дворик навстречу своей новой судьбе.

ПРИКАЗ

О наказании сотрудников ИТЛ-15 УЛИТУ
МВД СССР

27 января 1950 года.

№ 125/К

14 января 1950 года в ИТЛ-15 УЛИТУ МВД СССР был направлен конвой численностью 1500 осужденных. Начальник ИТЛ-15 майор в/с Барабанов Н.К. и подчиненные ему по службе зам. начальника ИТЛ старший лейтенант Курганов М.С. и начальник режима капитан Солодов В.Т. к приему конвоя не подготовились должным образом, не учли зимних условий доставки осужденных, в результате чего 11 осужденных скончались, а 69 осужденных получили обморожения разной степени.

За проявленную халатность при приеме осужденных, повлекшие за собой смерть осужденных и систематическое невыполнение плана лесозаготовок, приказываю:

1. Начальника ИТЛ-15 УЛИТУ МВД СССР майора в/с Барабанова Н.К. от занимаемой должности освободить и использовать с понижением в системе УЛИТУ.

2. Заместителю начальника ИТЛ-15 старшему лейтенанту Курганову М.С. объявить выговор и предупредить, что в случае повторного халатного отношения к исполнению своих служебных обязанностей к нему будут приняты более суровые меры.

3. Начальника режима ИТЛ-15 капитана в/с Солодова В.Т. из органов внутренних дел уволить.

4. Приказ объявить всему начальствующему составу учреждений УЛИТУ МВД СССР.

Начальник ГУЛИТУ
Генерал-майор в/с

Воронихин.

Глава вторая

Первым, кого Сергей Петрович Криницкий увидел в спецбаре, был Юрий Чадович.

— Ты-то каким образом здесь очутился? — удивился Чадович, хмуро оглядывая Криницкого. — Ты же говорил, что работал в Питере, на «Ленэмали»?

— А вот нечего было по горам лазить, — мрачно сказал Криницкий, оглядываясь. Барак этот разительно отличался от тех, что остались по другую сторону «колючки». Даже кровати здесь были железные, а не нары, а в проходах стояли этажерки. В соседнем помещении дверь была не заперта, и за ней блестели жестяные рукомойники. Условия жизни близкие к райским.

— А ты? Ты здесь как оказался? — спросил Криницкий Чадовича.

— Так я же геолог, — сказал тот. — Наверное, посчитали, что тоже пригожусь. Ты не знаешь, зачем нас сюда собирают?

— Не знаю, — признался Криницкий. — Меня про пещеры какие-то спрашивали. Майор все интересовался, не увлекался ли я спелеологией.

— Про пещеры и меня спрашивали, — дернул щекой Чадович. — Я одно время в Бахардене работал, серебряные руды мы там искали. Там ведь такие подземелья, на десятки километров тянутся. Подземные озера, вода такая зеленая и спокойная. Красиво было бы, если бы сероводородом не воняло, а то чувствуешь себя так, словно чей-то нужник исследуешь.

Он показал на кровать:

— Можешь здесь располагаться. Нас здесь всего пока четверо. Мужики пошли в зону. Скоро придут. Ты чего удивляешься? Смотришь вокруг так, словно в кремлевскую Оружейную палату попал? Здесь раньше геологи из спецэкспедиции жили, уран искали. А как выполнили работу, их не то выпустили и Сталинскую премию дали, не то в расход всех пустили. Разное болтают, порой не знаешь, чему и верить. А начальству пока не до нас. Говорят, во вчерашнем конвое несколько человек насмерть замерзли, а тут, как на грех, какого-то начальника из Москвы принесло, вот они сейчас в конторе сидят и отмываются. А все будет

как обычно: невиновных накажут, причастных — отмажут, остальных — наградят.

В барак ворвался крепкий смуглолицый парень.

— Вы чего здесь сидите? — с порога обрушился он на Криницкого и Чадовича. — Не знаете, что снаружи творится?

Поддавшись настроению, они выскочили из барака.

Была вторая половина дня, солнце еще не коснулось покрытых тайгой гор, и лучи его освещали долину, в которой располагался лагерь. Сказочная картина открывалась взгляду, но не природные красоты привлекли внимание эков. Как зачарованные все они смотрели в небо, где в густой, уже начинающей темнеть синеве повис огромный и ослепительно белый диск. От него к земле отходили еле заметные голубоватые лучи. В верхней части диска помигивал красный огонек.

— Елы-палы, — изумленно сказал темнолицый усатый старшина из охраны. — Да что же это такое?

Повисший в небе диск немного напоминал огромный дирижабль, но только напоминал, поэтому Криницкий промолчал.

Диск между тем медленно вращался. Между верхним и нижним основаниями явственно обозначилась темная глубокая прорезь. Откуда-то с юга прилетели несколько маленьких самолетиков, которые сразу же стали кружить вокруг диска, напоминая своей настойчивостью комариков. Послышался треск далеких очередей — самолеты обстреливали диск. Однако видимых повреждений атаки самолетов диску не приносили, разве что голубоватые нити, связывающие диск с землей, погасли, и сам диск принялся медленно, но все время ускоряясь, вращаться. Вращались оба полушария диска, причем в противоположные друг от друга стороны. Одновременно с этим диск незаметно для глаза набирал высоту.

Вскоре он уже не казался особо огромным, а крошечные самолетики носились где-то под ним, не успевая набрать высоту. Потом полыхнуло зарево, от спящей небесной вспышки Криницкий невольно прикрыл глаза, а когда открыл их, небо было пустым и чистым, в густой синеве, уже наливающейся мраком, мерцала яркая снежинка звезды, а у земли метались маленькие и кажущиеся игрушечными самолетики. Один из них медленно тянул к земле, оставляя за собой копотный след.

— Ничего себе, — сказал смуглолицый, похожий на южанина зэка, задумчиво покачивая головой. — Это что же такое было? Вроде ведь и не стрелял, а самолет горит!

Чадович огляделся по сторонам, поднял маленький воротник телогрейки, словно он мог согреть его замерзающую шею.

— Пошли в барак, мужики, — сказал он. — Не нравится мне все это. Может, это какая-нибудь секретная машина испытывалась, а мы все видели. Теперь хрен воли дождешься!

Самое интересное, Криницкий с ним полностью был согласен. Он даже выругался про себя: надо ведь, как не повезло, меньше двух лет ему оставалось, меньше двух лет!

Вечером он познакомился с остальными обитателями спецбарака. У смуглолицего зэка была странная, но запоминающаяся фамилия — Халупняк. Звали смуглого и того хлеще — Арнольдом. Перед войной он работал на Домбае инструктором по альпинизму, войну прошел в горнострелковом полку, был среди тех, кто оборонял знаменитый Марухский перевал, за всю войну ни разу не был ранен, а вот после войны удача от него отвернулась. Не надо было домой трофейный «вальтер» привозить. И грозить директору турбазы, имеющему друзей в компетентных органах, тоже не стоило. Арнольда задержали, при обыске у него нашли «вальтер», и дело о покушении на террористичес-

кий акт в отношении представителя власти, каковым оказался директор турбазы, получилось на славу.

А четвертый зэка Криницкому не понравился. Был он темный, словно копченый, и неопределенного возраста. Разговаривал мало, а о прошлом своем вообще не рассказывал. Звали его Алексеем Матросовым, родом он был, по его собственным словам, из станицы Динской Краснодарского края, а о причинах, которые привели его в лагерь, вообще ничего не было известно. Да и рождение его на юге тоже вызывало определенные сомнения. Криницкий южан видел, говор у них был совершенно другим.

Когда Криницкий спросил прямо, за что он сидит, Матросов презрительно дернул щекой, коротко хмыкнул и сказал:

— За дело.

Уточнений не последовало.

Так же непонятно было, кем Матросов был до войны и где он был в войну. Сам Матросов от ответов на эти вопросы довольно ловко ушел, а настаивать на ответе было неудобно.

— Полицай, — прищурясь, определил Чадович. — Или власовец. Просто так четвертной не дают. Значит, замарал лапы по самое «не хочу».

— Подождем с выводами, — вздохнул Криницкий. — Знаешь, как оно, Юра, бывает? Думали, что гусыня, а яйца не несет.

С Чадовичем они уже были на «ты».

Вечер был посвящен спорам о дневном событии. Криницкий отстаивал свою точку зрения, что наблюдалось испытание новейшего дирижабля.

Чадович тоже соглашался, что диск являлся дирижаблем, только не советским, а американским. Нарочно он прилетел или занесло его воздушными течениями на территорию страны, это оставалось неизвестным, вот самолеты по нему вели самую настоящую стрельбу, только дири-

жабль оказался вооружен каким-то атомным оружием, которое позволило ему легко расправиться с нападающими самолетами.

— У них столько лет войны не было! — горячился Чадович. — А после войны им все остались должны. Жируют американцы, они на научные исследования могут выкладывать столько же, сколько вся Европа в ее нынешнем состоянии. А тут еще и усилились, они ведь половину Европы обобрали, все современные крупные ученые сейчас в Америке работают — кого увезли, а ведь кое-кто и добровольно уехал.

Арнольд презрительно улыбался, не соглашаясь с обоими. Потом все-таки заметил:

— Нам-то какая разница? Можно подумать, что меньше сидеть придется.

Матросов вообще отмалчивался. Ложиться было нельзя, за дневную расслабленность можно было запросто угодить на недельку-другую в барак усиленного режима, тут даже попадание в особую команду провинившегося спасти не могло. Поэтому Матросов сидел на корточках у окна, и потому, как уверенно и остойчиво он сидел, Криницкий понял, что лагерный опыт у Матросова едва ли не больше, чем у него.

Наконец Матросов не выдержал.

— А если этот диск не наш и не американский? — заинтересовался он.

— А чей же он еще может быть? — удивился Чадович.

— Марсиан, — сказал Матросов.

На него уставились с недоумением, а Матросов неожиданно начал рассказывать им о марсианских каналах Скиапарелли, о наблюдениях Марса астрономами Тиховым и Воронцовым, потом неожиданно принялся пересказывать роман немецкого писателя Курта Лассвица «На двух планетах», в этом романе утверждалось, что технически превосходящие нас марсиане давно уже обосновались на зем-

ных полюсах и основательно готовятся к захвату Земли, чтобы использовать ее полезные ископаемые для нужд своего общества.

Потом разговор постепенно перешел на различные загадочные происшествия, которых на Земле пока еще хватало, с этих загадочных историй вновь переключились на литературу, но теперь уже вспоминали Алексея Толстого с его «Закатом Марса», который публиковался до войны в журнале «Красная новь» еще в одна тысяча девятьсот двадцать втором году, потом про марсианский роман Герберта Уэллса, в котором на Землю нападали треножники с тепловыми излучателями.

Криницкого клонило в сон, вполне вероятно, что именно поэтому в его память врезался неожиданный рассказ Чадовича. Тем более что рассказывал белорус прямо рядом с ним.

— Работали мы тогда в верховьях реки Вилюй, — сказал Чадович. — Места там гиблые, среди местных жителей ходили слухи, что именно там скрывается вход в адские подземелья. Название местности тоже за себя говорит, красивое такое название, Елюю Черкечех, что в переводе с тамошнего означает «Долина смерти». Якуты народ практичный, уж если они дали местечку такое название, то можешь поверить — заслуженно.

Местные жители эти места за сто верст обходят, а нам куда деваться, мы люди подневольные, маршрут разведки прямо через эти места проходит. Проводник у нас был якут, Николой его звали, так он рассказывал, что есть в тундре место, где из земли выступает приплюснутая арка, а под ней в земле находится множество железных комнат, там, как он рассказывал, даже в самые лютые морозы тепло, как летом. Только, говорит, ночевать там нельзя. Охотники в непогоду там ночевали, но потом шибко болели, а если несколько раз ночевали, быстро умирали — болели

очень, волосы у них выпадали, кожа красная становилась, и кашляли перед смертью сильно.

Неподалеку от нее, рассказывал Никола, есть выступающая из мерзлоты красная полусфера, похожая на половинку огромного мяча, она выступает из мерзлоты так, что в нее можно верхом на олене въехать. Огромная такая полусфера.

И еще говорил он, что есть там железная труба, прикрытая крышкой. Иногда эта крышка открывается, и из земли вырывается пламя, потому что под землей живет сеющий заразу и кидающийся огненными шарами исполин Уот Усуму Тонг Дуурай, что в переводе с якутского, между прочим, означает «Преступный пришелец, продырявивший землю и укрывшийся в глубине, огненным смерчем уничтожающий все вокруг».

Не скажу, что нас эти рассказы здорово вдохновляли, но приказы не обсуждаются, война шла, а мы олово искали, стратегический металл, поэтому партия намеченным путем так и пошла — по большому кольцу. Принципы тогда в геологии были простые и незамысловатые — сделай или умри! Но умирать-то как раз никому не хотелось, значит, надо было обязательно сделать.

На маршруте встретили одного оленевода. Очень он нам кстати попался, мы у него двух оленей купили, поэтому до следующей бочки с продовольствием, что по весне разбрасывали, спокойно дошли. И вот этот самый оленевод рассказал нам историю. Будто он в конце тридцатых пересек Долину смерти и видел какую-то металлическую нору, в которой лежат худые и одноглазые люди в железных одеждах.

Сами мы в тот раз ничего не нашли, врать не буду, только был у нас разнорабочий. Звали его Михаилом Петровичем Корецким. Он, когда эти рассказы услышал, подтвердил, что в тридцать девятом году также ездил на заработки и видел несколько котлов из черного непонятного

металла. Каждый котел был в диаметре от шести до девяти метров, и как рассказывал Корецкий, он даже отточенному зубилу не поддается. А изнутри котлы покрыты слоем неизвестного материала красноватого цвета, похожего на наждак.

А потом он в сентябре сорок девятого, уже после публикаций о Хиросиме и Нагасаки, письмо прислал. Оказывается, он там с друзьями летом сорок шестого года был, в одной из экспедиций геологоразведки работал. И пишет он, что снова они видели эти самые котлы. А рядом с ними пышная растительность, лопухи под два метра, трава в человеческий рост. В одном из котлов они заночевали. И вот какая штука: у знакомого Корецкого после этой ночевки волосы выпали, лысым он стал, как бильярдный шар, а у самого Корецкого на левой стороне головы появились три язвочки размером со спичечную головку, и что интересно — не заживают!

Вот такие дела. Получается, что у якутской легенды есть какие-то корни в реальности. В доказательство прислал мне этот Корецкий осколок котла. Говорит, проходили мимо одного, он целым был, а когда возвращались обратно, увидели, что котел этот рассыпался на множество мелких осколков. Вот он один такой осколок захватил и мне его прислал. Что вам сказать? Явно это неизвестный нам материал. Стекло он режет запросто, сам не тупится, нагрузки выдерживает чудовищные, а анализ показал, что это невероятный сплав металлов на основе алюминия, у нас такие сплавы неизвестны, даже зная состав этого сплава, изготовить его мы оказались не в состоянии. Отец его вместо стеклореза использовал.

— А дальше что? — нарушил тишину Арнольд Халупняк.

— А ничего не было, — громко зевнув, сказал Чадович. — Меня посадили, вот что было. Вот кукую. Пошутил на свою голову, оказывается, вокруг доброхоты одни роятся, теперь даже не знаешь, кто на тебя настучать поторопился.

— Знак ГТО на груди у него, — пробормотал со своей кровати Матросов. — Больше не знают о нем ничего.

— Шутки шутками, — вздохнул Арнольд, — а как бы нам эти диковины боком не вылезли.

— Ты-то о чем задумываешься? — искренне удивился Криницкий. — У тебя еще семь лет впереди, пока они пройдут, тут уже все забудется, опера и начальство не один раз поменяется.

— А все ты, Арнольд, — с плохо скрываемой досадой сказал Чадович. — Разорался на весь барак: «Пойдемте! Посмотрим!» Если бы не ты, мы бы ни хрена и не видели, сидели бы себе в бараке. А ты и на свою задницу приключения нашел, и о товарищах не забыл.

И в наступившей тишине слышно стало, как судорожно вздохнул Халупняк. Даже жалко его стало — хотел мужик как лучше, а получилось как всегда.

Долгое время после окончания разговора Криницкий не мог заснуть.

Юрий Чадович храпел, Арнольд Халупняк негромко и редко постанывал, а вот Матросов спал неслышно — даже дыхание его было ровным и спокойным. Словно не в бараке человек спал, а в родимом доме, у жены под боком.

Некоторое время Криницкий раздумывал о событии, которое они сегодня наблюдали. Плевать ему было, инопланетный ли это корабль, или родное государство с новой техникой балуется, в любом случае ничего хорошего жать не приходилось — и то, и другое наверняка относилось к государственным тайнам, а их в Советском Союзе хранили хорошо, даже слишком. И гадать не стоило, что их всех ожидало в случае, если наверху решат все как следует засекретить.

И тут надо было крепко подумать, некоторые возможности открывались в связи с особым режимом работы, который их ожидал. В пещерах, говорите, работать будем? Что ж, поработаем. У пещер тоже не единствен-

ный выход бывает! Но по мере того как Криницкий размышлял о будущем, тем меньше оптимизма он испытывал. Пусть у этих пещер по десять ходов и выходов, куда по ним бежать-то? Вся страна в колючке, как говорится, граница на надежном замке. Ходили, правда, по лагерям легенды о дерзких побегах отдельных смельчаков, которые без еды и теплой одежды до Берингова пролива добежали. Так они, если и в самом деле существовали, с Чукотки и Магадана бежали, да и Колыма к Америке куда ближе, чем Урал. А куда скрыться без документов в стране, где милиция документы проверяет чаще, чем это делают в прифронтовой зоне? Возьмут отпечатки пальцев, и опять прощай свобода.

Он полежал немного, но умные мысли в голову не приходили, пугал мысли Чадович своим нездоровым храпом, который уже сопровождался присвистываниями: сразу было видно, что человек был капитально простужен, а в условиях морозной зимы это обстоятельство ничего хорошего не сулило.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА «ВЧ»

Секретно

22.01.50 22/41-1275. Начальникам ИТЛ УЛИТУ по Свердловской области. В связи с необходимостью в срок до 24 января 1950 года установить из числа осужденных, отбывших не менее двух третей срока наказания, лиц, имеющих опыт горноспасательных работ, увлекавшихся до осуждения альпинизмом, спелеологией или имеющих большой опыт работы в геологоразведке. Составить список таких лиц с указанием личного номера, установочных данных осужденного, срока и статьи, по которой лицо было осуждено, оставшегося срока наказания, работы до осуждения, наличие опыта указанных выше работ или увлечений. Указанные списки в срок до 26 января направить в оперативный отдел УЛИТУ по Свердловской области.

Подписал

Команицкий

Глава третья

Нет, ребята, в госпитале есть свои прелести, обычно отсутствующие в обыденной жизни. Медсестры молоденькие глазками стреляют, начальство, посещая, дополнительный паек приносит, хотя в госпитале и без того хорошо кормили — масло, отбивные, стакан какао в обед, а желающие даже добавку получали. Да и само времяпровождение в госпитале ничем особо не было ограничено. Имелись, конечно, и минусы — вроде уколов в задницу, ежедневных обходов и операции, которую Вережникову сделали на третий день после многочисленных анализов и консультаций, которые вели озабоченные врачи. Перелом у Вережникова был сложным, но вроде бы все обошлось, через несколько дней Вережников потребовал себе костыли и начал обход палат в поисках знакомых. Нога, закованная в гипс, ничего не чувствовала, только вот, сволочь, ныла по ночам, но от болеутоляющих уколов он категорически отказался. Причина была вполне прозаическая — Вережников с детства побаивался уколов, и вид стеклянной трубки с иглой вызывал у него отвращение и легкую дрожь.

Генерал Сметанин лежал в отдельной палате, как ему и полагалось по высокому генеральскому чину, посещать генерала врачи не рекомендовали, да и сам Вережников к генералу не рвался. В друзьях они не ходили, а свидетельствовать свое верноподданничество и без Вережникова было кому.

Но в шестой палате он увидел знакомое лицо.

— Серов, ты? — Вережников торопливо дошкандылял, опираясь на костыли, до кровати больного, осторожно присел у лейтенанта в ногах.

— Я, товарищ подполковник, — сипло отозвался тот. — У вас нога излишне чувствительной оказалась, а у меня ребра слишком нежные.

— Так ты тоже в бою участвовал? — взволнованно спросил Вережников.

— Так это был бой? — слабо усмехнулся лейтенант. — Вот уж не думал. Били нас, товарищ подполковник, по всем правилам. Мы последними взлетали, я помню, что тогда в воздухе творилось!

Вережников торопливо огляделся по сторонам. Кроме Серова, в палате лежали еще несколько человек, поэтому Вережников предостерегающе прижал палец к губам.

Тот согласно прикрыл глаза.

— Ты выздоравливай, — сказал Вережников. — Летчик ты нормальный, сам видел. А все остальное приложится.

Тоскливо подумал, что об ином им с Серовым думать надо. Скорости растут, нагрузки становятся иными, и еще неизвестно, допустят их после выздоровления к полетам или скажут: кончилось ваше время, ребята, думайте, чем заняться на гражданке. Не всем же быть Маресьевыми.

Вошедшая в палату медсестра прервала неприятный диалог.

— Шли бы вы, больной, в свою палату, — проворчала она. — Мне лейтенанту укол сделать надо. И вообще, не видите — устал человек, чего его зря вопросами донимать. Его и так уже замучили. И ходят, и ходят...

Тут и гадать не стоило, кто же уделяет такое внимание лейтенанту Серову. СМЕРШа, правда, уже не было, а вот особые отделы в армии пока еще никто не отменял.

В этот же день эти особисты пришли и к Вережникову.

Нет, собственно, это было бы слишком сильно сказано — особисты. Где вы видели, чтобы они ходили парами? Не арестовывать же шли, если бы так, может, козлой нагрянули бы, все-таки боевой летчик, пусть и со сломанной ногой. А этот капитан поговорить пришел. У каждого ведь своя работа — один в небесах парит, другие навоз разгребают. Это Вережников понимал. По совести говоря, трудно ведь сказать, чья работа важнее. Вот перед войной всех напугали, а не напуга-

ли бы? Говорят, Тухачевский с немцами спутался. А что, если действительно так? При нормальных генералах от границы до Москвы топали, а где бы были с предателями?

И все-таки можно уважать дерьмовозов за их нелегкий труд, но любить их очень трудно. Особенно если живешь ближе к Богу. А десять тысяч над землей — они и есть десять тысяч над землей. С такого расстояния и особисты тараканами кажутся. Тем более что вопросы капитан задавал такие, что Вережников даже при желании на них ответить не мог.

Через неделю нога уже болела не так сильно, но зато здорово беспокоила лангетка из гипса. Нога под бинтами чесалась, но добраться до нее можно было только при смене повязок, когда она, освобожденная от бинтов, совсем не чесалась. С костылями Вережников управлялся совсем ловко. Серову тоже разрешили вставать. Лейтенант был курящим, поэтому такое разрешение он воспринимал за счастье — попробуй полторы недели пролежать в постели и не сделать ни одной затяжки. Рехнуться можно!

Вережников вообще-то тоже курил, но, попав в госпиталь, решил это дело бросить. В кармане синего госпитального халата у него лежал портсигар, только вместо обычного «Беломора» или «Москвы» набит он был разноцветными леденцами, которые Вережников грыз, если уж совсем было немоготу. Да и сестричек с нянечками всегда было чем угостить.

Они с Серовым выбирались в пустой гулкий коридор, садились на подоконнике у настешь распахнутого окна. Серов закуривал, а Вережников жадно вдыхал дым, перекаывая языком леденец во рту.

Разговоры были самые разнообразные, но каждый раз все скатывалось к обсуждению памятного боя, в результате которого они оба попали в лапы к эскулапам.

— Это не бой был, — мотал все еще забинтованной головой Серов. — Это, Илья, бойня была. Ручаться могу,

два эрэса я в эту самую штуку вогнал, а толку-то? А ведь не я один такой меткий был, сам видел, как к диску десятка два дымных хвостов понеслось. И что же это за аэроплан такой, если наши ракеты ему как слону утиная дробь? Про пушки я уже не говорю, пушки его вообще не достали.

— Значит, броня у него такая сверхпрочная, — сказал Вережников. — Я помню, мы в сорок третьем один «фоккер» двумя звеньями долбили, еле сбили. А потом специалисты поехали его осматривать — ё-моё! — у него бронирование такое, как у штурмовиков не найдешь. Экспериментальная модель была, снаряды наших пушек и пулеметов ему были как семечки. Не снеси ему случайно эрэсом винт, еще неизвестно, упал бы он на нашей территории или бы до немцев долетел.

— Броня, — мрачно сказал Серов. — Какая броня, если наши снаряды и до корпуса не долетали, сам видел, как они на подлете рвались. Но ты, Илья, скажи — чья это машина? Если наша, то какого хрена мы на нее кидались, а если чужая — то чья? Если у американцев такие машины появились, то с их атомной бомбой и такими аэропланами они нас запросто уделают. Сам посмотри, одна такая машина — и от авиационного полка один пшик остался.

— Ты еще аэродрома не видел, — мрачно сказал Вережников. — Бетонку перепахали, от ангаров и домов одни развалины остались, а что до техники, так вообще без слез глянуть невозможно. Меня гражданские нашли и поначалу в расположение отвезли. Так что я все своими глазами видел. Только не думаю, что это американцы, Паша. Я с ними в войну на бомбежки летал. Их «крепости» у нас под Полтавой базировались. Взлетят, отбомбятся над Германией, а садятся уже в Англии. А оттуда другая группа таким же манером на бомбежку вылетает. А мы с фронтовых аэродромов подлета взлетаем и им в сопровождение пристраиваемся. Так что я тебе хотел сказать? Машины у них, конечно, мощные были, «крепости» эти самые, но не до та-

кой степени, Паша, не до такой, чтобы мы их достать не могли. А ведь у нас сейчас и пушки помощнее, и эрэсы в два раза калибр увеличили.

— Тогда кто это? — сверкнул глазами из-под бинтов Серов. — Кто?

А что мог сказать Вережников? Он и сам ничего не понимал.

И не знали они, что командующим ВВС был подготовлен приказ, по которому летчикам категорически запрещалось ввязываться в схватки с подобными объектами, и Главком этот приказ завизировал. Товарищ Сталин авиацию считал своим личным детищем, потому и решил, что рисковать жизнью летчиков в мирное время не слишком оправданно, да и слухи обязательно поползли бы, как змеи из плетеной корзинки, а после Второй мировой войны слава русских летчиков гремела, так зачем же бесполезными атаками на неведомо что собственную славу подрывать?

Пришло время других действий, пусть незаметных и на первый взгляд совсем неэффективных, но вождь уже не раз их успешно опробовал, а потому хорошо знал, что там, где пехота не пройдет, не проползет бронированный танк, где авиация окажется бессильной, там обязательно сработает МГБ. Тем более что даже людьми рисковать не придется — много еще у нас в лагерях тех, кто за свободную жизнь рискнет своей собственной не один раз, уж больно срока давались длинные для слишком короткой человеческой жизни, которую каждому хотелось прожить не хуже остальных и уж по крайней мере не за колючей проволокой, где и жить-то, честно говоря, невозможно, разве что так — существовать!

А что касается вдов и сирот летунов N-ского авиационного полка, то государство о них побеспокоилось, сохранив пайки и назначив пенсии на то время, когда дети подрастут или вдовы найдут себе новых мужей, готовых позаботиться о сиротах. Личный состав полка был молод, и несмотря на войну, выкосившую мужиков, можно было

предполагать, что без мужей вдовы останутся недолго. Впрочем, это кому и как повезет, тут уж загадывать было вообще невозможно.

Через несколько недель подполковник Вережников, еще прихрамывающий и опирающийся на изящную трость, был вызван в штаб ВВС, и командующий приказал ему готовиться в заграничную командировку. По секрету было сказано — с семьей.

— А хромота моя не повлияет? — осторожно осведомился подполковник Вережников, бегло проглядывая список инструкторов, отданных ему в подчинение.

— Сам понимаешь, Илья Николаевич, — сказал командующий и боязливо огляделся по сторонам. — После такого тебя бы даже безногим куда-нибудь услали. Спасибо, что в Китай, все-таки не так далеко.

О Китае Вережников знал немного — что отгорожен он от всего мира Великой стеной, что все китайцы вилками и ложками не пользуются, а предпочитают харчиться палочками, и еще он знал по газетам, что председателем там стал Мао Цзэдун, который в понимании китайцев был, как товарищ Сталин для всего советского народа.

Он еще раз просмотрел список инструкторов и покачал головой.

Лейтенант Серов Павел Александрович в списке тоже был, хотя и не выписался еще из госпиталя. Здоровьем его никто не интересовался. Кто-то в Москве увидел знакомую по недавним событиям фамилию и, пристукнув кулаком по столу, с уверенностью сказал: «Годен!»

ШИФРОТЕЛЕГРАММА «ВЧ»

Исх. 22/5744 — 15.02.50

Секретно

Начальнику особого отдела штаба ВВС Уральского
военного округа

В целях сохранения сведений, составляющих государственную тайну СССР, и нераспространения нежелательных слухов

прошу в срок до 1 марта 1950 года составить списки лиц, причастных к инцидентам над горами, имевшими место в январе-феврале 1950 года, предупредить указанных лиц об ответственности за разглашение сведений, составляющих служебную и государственную тайны, отобрать подписки о неразглашении деталей указанных выше воздушных столкновений.

Об исполнении данного указания донести на имя заместителя министра государственной безопасности т. Огольцова с отчетом о проделанной работе за 1 квартал 1950 года.

Подписал

Огольцов

Глава четвертая

Александр Бабуш не любил оказываться в центре внимания. Особенно в таких вот обстоятельствах, когда не знаешь, чем все закончится — орденом на грудь или позором. Каша закручивалась такая, что неизвестно было, чем все закончится. Приехал деловитый москвич, по выправке его видно было, что форму он или недавно снял, или вообще не снимал, а держал в шкафу на всякий случай. На пиджаке у него был ромб, но не гражданский, красный с бронзовой окантовкой.

Москвича все уважительно звали Николаем Николаевичем, хотя возрастом он был много моложе большинства сотрудников управления — лет двадцать пять ему было, не больше.

В разговоре с Коротковым Бабуш выразил свое недоумение.

— Это ты от незнания, — хмыкнул Коротков. — У Коли опыт побольше, чем у многих других. Он еще в отряде Медведева связным был, потом в Чехии его расстреляли вместе с другими заложниками, даже фамилия его есть на мемориальной доске. А он выжил. Выбрался ночью из-под трюпов и ушел в лес.

А потом он в Западной Белоруссии работал против националистического подполья. По самому лезвию парень ходил, не в кабинетах штаны просиживал, внедренкой был, все подполье изнутри знал, в схронах месяцами жил.

— А-а, — успокоился Бабуш. — То-то я смотрю, он каждый листочек в деле обнюхивает. Меня всю историю уже три раза заставил повторить.

— Тебе-то чего бояться? — покосился Коротков. — Это пусть у начальства очко играет, а ты — лицо подчиненное, тебе его рвать будут, если утаил чего, а потом вдруг выяснится. Хорош бумаги с места на место перекладывать, пойдем на стадион, сегодня наш СКА с ВВС играет, рубка будет приличная, наши грозились летчиков надрать. Я в это не верю, но все равно наши игру просто так не отдадут.

Почти весь январь мело так, что специально созданные горисполкомом коммунальные бригады не успевали очищать улицы от снега. Впрочем, работы было как снега на улицах, поэтому иной раз Бабуш оставался ночевать в кабинете. Домашнего телефона у него не было, но в соседней квартире жил начальник оперативно-технического отдела Фурнис, которому телефон был положен по должности, поэтому, оставаясь ночевать в управлении, Бабуш всегда звонил ему и просил передать, чтобы жена не волновалась. В кабинете стоял медицинский топчан, обитый коричневым дерматином, а накрывался Бабуш шинелью. Слава Богу, что в управлении топили хорошо, мерзнуть не приходилось.

Разработка шла своим чередом.

Бегуны что ни день были все активнее, наблюдение за каждым установить было невозможно, но и того, что уже накапливалось в папках, хватало. Бегуны колесили по области, они явно искали неведомый аэродром. Трудно было сказать, чего им там наплел Волос, чего он им наобещал, но суетились бегуны явно не за ради Христа.

Сам Волос вышел из подполья. Не совсем, конечно, но сидел он сейчас в избе у благодетеля Акима Хвостарева, откуда и руководил своими скрытниками и скрытницами, туда к нему с указаниями от Фоглера приходил Васена, который ездил в Свердловск каждые выходные. Видно, что Фоглер и ему что-то пообещал, потому что старался Васена не за страх, а за совесть. А может быть, и за страх — Фоглер-то о полиции, судя по всему, знал многое, мог и припугнуть ответственностью за прошлые деяния.

— Вряд ли, — авторитетно сказал Коротков. — Таких, как этот Васена, пугать опасно, запуганные они могут прибить ненароком, чтобы в безопасности себя чувствовать. Поначалу, конечно, попугал, а потом такие радужные перспективы развернул, что у этого бывшего полиция дух захватило. Не понимает, идиот, что его как проститутку на дачу заманивают, золотые горы обещают, а там поимеют всем кагалом и закопают под ближайшей сосной. Станет Фоглер с ним возиться, других дел у него нет!

— Так точно, — с одобрением сказал москвич. — Я внимательно прочитал оперативное дело, товарищи. Что сказать? Поработали вы добросовестно, особых претензий у меня нет. Надо бы, конечно, наружку поактивнее использовать, но мне кажется, что и в этом случае надо сделать скидку на местные условия. Они у вас тут не сахар. У нас таких зим просто не бывает. Что сказать? Цели данной группы нам ясны, качественный и количественный состав тоже, слава Богу, вроде бы установили. Руководство бегунов нам известно, можно брать хоть сегодня. Нового в ближайшие дни мы вряд ли узнаем, а потому я предлагаю приступить к реализации материалов разработки. И главное для нас — Фоглер и его окружение. Необходимо составить план, в котором найти место каждой мелочи — предусмотреть, кто и кого будет задерживать, кто отвечает за своевременность и результативность обысков, какими силами мы будем вести внутрикамерную разработку. Если у нас

своих сил не хватит, надо обратиться к соседям заранее, в самом крайнем случае взять наиболее надежную и качественную агентуру в близлежащих лагерях, но ни в коем случае не обращаться к уголовному розыску. У него агентура на воле, неизбежно поползут слухи по городу, а нам это ни к чему, возможно, придется контригру организовать, желательно, чтобы все прошло без лишнего шума.

Они сидели в кабинете Бабуша. В углу независимо оседлал стул Коротков, за столом Бабуша сидел, листая дело, Николай Николаевич, а начальник управления вполне демократично примостился на подоконнике. За морозными окнами медленно вставали сумерки. Когда стало совсем темно, Бабуш включил свет. Лампочка была маломощной, а тарелкообразный жестяной отражатель свои задачи выполнял из рук вон плохо, поэтому в кабинете стало лишь чуточку светлее.

— Все верно, — сказал начальник управления полковник Тиунов. — Но мы предлагаем немного подстраховаться. Вы ведь обратили внимание, что в мастерской у Фоглера работает некто Козинцев. На агента он по молодости не тянет, да и дядя у него человек порядочный, нашему оперуполномоченному в командировке серьезные услуги оказал. Мы этого дядю в Свердловск вызвали, думаем побеседовать с ним насчет племянника. Свой человек в этом крысином гнезде да на стадии реализации материалов нам бы очень не помешал.

— А не может он оказаться с Фоглером в одной упряжке? — задумчиво сказал Николай Николаевич.

— Молод еще, — сказал начальник управления и чуточку поскущел, сообразив, что сморозил глупость.

— Это не довод, — усмехнулся москвич.

— Так мы его и проверили, — сказал начальник. — Бабуш, доложи.

— Окончил в Усть-Нице восьмилетку, — скучно сказал Бабуш. — Отец погиб на фронте, воспитывался матерью.

Комсомолец, в школе проявлял активность, по настоянию матери после окончания семилетки выехал в Свердловск, где пошел в восьмой класс вечерней рабочей школы и одновременно поступил на работу в эту самую мастерскую. Он еще в Усть-Нице способности к технике проявлял. Здесь живет у тетки по улице Бабушкина. Тетка работает учительницей в школе номер сорок восемь, преподает математику. Характеризуется положительно, ведет ничем не примечательный образ жизни. Мужа тоже потеряла в войну. Вообще у нас много мужиков на фронтах погибло.

— Это к делу не относится, — хмуро сказал начальник управления. — Дальше.

— А что дальше? — удивился Бабуш. — Учится средне, посещает в свободное время Дом пионеров, помогает там педагогам вести кружок «Умелые руки». В Доме пионеров его охарактеризовали тоже крайне положительно. Ну а про дядю его я уже докладывал, в деле есть рапорт на имя начальника управления. Надо пробовать, перспективы хорошие.

— Не возражаю, — благодушно сказал москвич. — Еще есть замечания?

— Разрешите? — неожиданно сказал Бабуш и сам удивился своим словам, ведь еще несколько минут назад он твердо решил молчать, чтобы не стать посмешищем. Да и Коротков не советовал, а уж он-то знал, что советовать, его жизнь была и обламывала, осторожности учила. Тем не менее Бабуш продолжил: — В оперативном деле есть копия сообщения одного моего агента... агентессы то есть... — поправился он, краснея. — Ну, в общем, той скрытницы, что так неожиданно пропала.

— И что же? — повернулся к нему Николай Николаевич.

Коротков торопливо прикрыл ладонью нижнюю часть лица.

— Непонятно, — сказал Бабуш. — Она рассказывает о зеленокожих существах, с которыми имел дело Волос.

Начальник управления укоризненно покачал седой головой и отвернулся к окну. Коротков неопределенно хмыкнул.

В кабинете повисло нелегкое молчание.

— Разберемся, — авторитетно сказал москвич. — Вот возьмем Волоса, мы из него все его тайны вытянем. Главное, чтобы на последнем этапе никаких неприятных неожиданностей не случилось.

Николай Николаевич зевнул, смутился и торопливо подытожил:

— Значит, Бабуш готовит план и завтра нам его докладывает. Будут недостатки, мы их подправим. А в целом учиться ему надо, вот пусть посидит ночь, поскрипит мозгами, а утром и посмотрим, есть ли у него масло в голове или каша пустая.

Последние слова обидели Бабуша, но от реплик он воздержался. Коротков, разгладив морщины на лице, согласно кивал Бабушу, напоминая всем видом, что на обиженных обычно воду возят.

Да и время было позднее для того, чтобы обиды высказывать. Начальник управления этого бы не понял, а разносы выслушивать Александру Николаевичу, конечно же, не хотелось.

Козинцев приехал в город на следующий день и позвонил в управление МГБ прямо из облисполкома, где у него были еще разные политические и хозяйственные дела.

Бабуш как раз просматривал свежую «Правду». Ничего особенного в мире не происходило. Китайское агентство Синьхуа сообщало о зверствах японских империалистов. Советское правительство направило ноту правительствам США, Великобритании и Китая по поводу бактериологической войны, которую когда-то готовили японцы. Бабуш, конечно, внимательно читал материалы процесса, публиковавшиеся в конце года, да и закрытых материалов по линии МГБ хватало — начальство требовало усиленной бдительности. Сама подготовка к такой войне казалась Бабу-

шу чудовищной, ведь испытывать препараты приходилось на живых людях. Право же, японские милитаристы были ничем не лучше немецких фашистов, а кое в чем даже превзошли их. На первой полосе газеты была помещена статья Александра Фадеева «О литературной критике», но Бабуш был слишком далек от литературы и потому читать ее не стал. Не задержался он взглядом и на сообщении о состоявшемся Пленуме Правления Совписов. Какое ему дело до того, кто станет секретарями и кто войдет в Правление писательского союза? Некоторый интерес вызвала статья «Нравы буржуазной демократии», где рассказывалось об афере французского генерала Ривера, который отдал экземпляр своего секретного доклада коллеге Масту, а тот в свою очередь тут же загнал его за хорошие деньги информатору. Впрочем, удивляться тут было нечему, и Бабуш совсем уж углубился в спортивные сообщения, но тут зазвонил телефон. ЦДКА ободрал «Даугаву» в матче по хоккею с шайбой со счетом три-ноль...

Александр поднял трубку и услышал голос, от которого его охватило волнение.

— Это я, — сказал Козинцев. — Я в городе. Ты говорил, что хочешь увидеться по серьезному вопросу, Николаич?

— По очень серьезному, — сказал Бабуш. — Подъезжай, Иван Тимофеевич. Я на тебя пропуск выпишу.

— Пропуск, — проворчали на другом конце провода. — Лучше бы ты мне шифер выписал или две тонны кровельного железа. Что случилось-то?

— Не по телефону, — сказал Бабуш. — Говорю тебе, серьезное дело.

Закончив разговор, оперуполномоченный Бабуш спустился в бюро пропусков и заказал пропуск на Козинцева, потом заглянул в кабинет к Короткову. Коротков сидел за столом и что-то писал. При виде Бабуша он отложил ручку и перевернул лист бумаги чистой стороной вверх. Это было

неписаное правило оперативника: каждый владеет только своей информацией, к чужой допускает начальство, если того потребуют обстоятельства.

— Сейчас Козинцев приедет, — сообщил Бабуш.

Коротков согласно качнул головой и снова потянул к себе бумагу.

— Иди к себе, — сказал он. — Сейчас я закончу и пойду.

За все время, которое Бабуш провел на должности, он пока еще не завербовал ни одного человека. Нет, теоретические познания у него были, но одно дело знать теорию и совсем другое — применить ее на практике. От одного до другого, как говорится, была дистанция огромного размера. Поэтому Бабуш крепко уповал на помощь Короткова в том нелегком разговоре, который ему предстояло провести. Козинцева он уже немного знал, и его отношение к сексотам у Бабуша не вызывало никаких сомнений, а тут речь шла о племяннике, но Бабуш не сомневался, что определенных соглашений они все-таки достигнут, ведь Козинцев был советским человеком, а недобитых гадов он наверняка ненавидел не меньше самого Бабуша.

Вообще-то вот эта сторона оперативной работы крайне смущала Бабуша. Он полагал, что любой человек имеет право на собственное мнение о сложившихся в жизни порядках. Главное, чтобы мысли не перерастали в действие. Вот за действие, считал Бабуш, надо сразу же наказывать, пока еще человек не навредил государству так, чтобы этот вред не стал окончательно непоправимым. Собирать же слух, кто там и что сказал, кто анекдотом за столом побаловался или нелестное мнение о начальстве высказал, Бабуш желания не испытывал. Агент должен собирать сведения о врагах, а не о товарищах по работе. Так Бабушу по крайней мере казалось.

Он и представить себе не мог, несмотря на всю полученную подготовку, как однажды в беседе с человеком пред-

ложит ему негласно работать на органы госбезопасности. В этом смысле надежда на Короткова у него была большая; у того опыт был богатый, он еще в Москве среди богемы крутился, с Есениным был знаком, с Айхенвальдом и с Бриками, по некоторым коротковским высказываниям можно было понять, что он и среди этих инженеров человеческих душ вербовал себе помощников, но как он это делал, Бабуш даже представить не мог.

Козинцев выглядел недовольным, и Бабуш его отлично понимал — визиты в госбезопасность никому удовольствия не доставляют, а беспокойство определенное появляется, даже если ты чист и безгрешен в делах и помыслах. Обособленность органов от всего общества не могла не сказываться на настроениях в этом обществе. Да и предвоенные события на философский лад настроить никак не могли. И приятельские отношения, возникшие у него с оперуполномоченным во время командировки Бабуша в Усть-Ницу, никак не успокаивали. Приятель — не родственник, да и среди родственников порой такие встречались, что ближе были чужие.

— Да ты не волнуйся, Иван Тимофеевич, — сказал Бабуш. — Сейчас человек подойдет, тогда и поговорим. Чай будешь пить?

— Чай я и у себя в номере мог спокойно попить, — хмуро сказал Козинцев и достал папиросы. — Курить у тебя можно?

— Кури, — разрешил Бабуш. — Я сам здесь дымлю.

Козинцев настороженно закурил. Видно было, что приветливость знакомого его не слишком успокоила. Не то было место, чтобы по душам говорить и чайком баловаться.

— Ну? — хмуро глянул он. — В чем дело-то?

— Да не волнуйся ты! — Бабуш вдруг подумал, что неплохо было бы несколько ввести Козинцева в курс дела, пока Коротков не подойдет. — У тебя племянник есть?

— Есть, — поднял глаза Козинцев. — Здесь, в Свердловске, живет. Хороший парнишка, тезка твой, тоже Александром зовут.

— Да я и не говорю, что плохой, — примирительно сказал Бабуш.

Тут к облегчению его в кабинет вошел Коротков, поздоровался с Козинцевым, сел на край подоконника, точь-в-точь как накануне сидел начальник управления. Козинцев опытным глазом угадал в нем старшего, укоризненно глянул на Бабуша и выжидательно повернулся к Короткову, решительным тычком гася папиросу в пепельнице. Коротков спросил:

— Ты, Саша, товарищу уже все объяснил?

— Да мы только начали, — печально вздохнул Бабуш.

— Темы для разговора не вижу, — тяжело сказал Козинцев. — Александр Николаевич тут моим племянником заинтересовался. Так вот сопляк он еще, чтобы чего-то такое натворить, для вас интересное. И в шпионы он не годится, языков совсем не знает.

— Ну, положим, языки дело наживное, — скучно сказал Коротков. — А что касается шпионов, то тут знание языка не обязательно. Это для разведчика важно язык знать, а шпион — существо наше, доморощенное. Только ведь никто, Иван Тимофеевич, вашего племянника в чем-то предосудительном не обвиняет. Наоборот, мы вас зачем пригласили? Помощь нам нужна, вашего племяша помощь. Вот и решили мы, прежде чем на него выходить, с вами поговорить. Вы человек битый, войну не понаслышке знаете, да и племяш, как я понимаю, у вас на глазах рос. Так?

Козинцев снова закурил.

— Да какая помощь вам может быть от этого сопляка, — сказал он. — Ветер еще в голове, в чекисты он не годится, да и в осведомители эти ваши совсем не подойдет. У него окружение какое? Рабочий класс, вокруг, кроме баб и водки, никаких больше секретов, ведь не на «Уралмаше» работает и не

на УЗТМ. Только не говорите мне, что Сашка в чем-то предосудительном запутался, не такая у него была семья, отец посмертно звездочку получил за днепровский плацдарм, мать честнейшей души человек...

— Да мы верим, верим, — успокоил его Коротков. — Значит, помочь он нам не откажется?

— Да в чем помочь-то? — грустно спросил Козинцев. — Вы меня извините, я человек простой, до войны в геолого-разведке разнорабочим был, поэтому я вам прямо скажу: ежели вы из Саньки этого вашего стукача сгандобить хотите, то ничего у вас, бравы соколы, не получится — и стукача у вас не будет, и мальчишке жизнь испоганите. А других причин вашего интереса к нему я не вижу.

— Ну и зря, — сказал Коротков. И лицо при этом у него было такое тоскливое и такое жалостливое, что Бабуш и сам поверил в нежелание Короткова вести эту никчемную беседу, он бы ее и не вел, кабы эти разговоры безопасности государства не касались. — Я бы сроду этого разговора не начал, — подтвердил впечатления Бабуша Коротков. — Только ваш племяш, уважаемый Иван Тимофеевич, в мастерской на углу Верхне-Исетского бульвара работает. А компания в этой мастерской более чем странная. И опасная к тому же. Нет, Иван Тимофеевич, не уголовники, хуже. Вообще-то нам о том говорить не положено, но вам как члену партии и проверенному человеку я скажу. Не все, конечно, только то, что можно сказать. Так вот, работают с вашим племянником, дорогой Иван Тимофеевич, каратели. Не пособники какие, сявки безвредные, которые любому режиму служат. К тем я с брезгливостью отношусь, не более. Но в том-то и дело, что с вашим Саней такие зубры трудятся — каратели! На их руках человеческой крови больше, чем у гинеколога. И заметьте, Иван Тимофеевич, они эту кровь проливали отнюдь не во благо, во вред людям. Все я вам рассказывать не буду, пока нас с вами за разглашение государственной тайны не привлекли. А вот

просить вас организовать встречу с племянником, а перед тем склонить его, не раскрывая всех деталей, в необходимости нашего сотрудничества, я обязательно буду. Они наших подпольщиков в войну вешали, неужто мы им сейчас послабление какое дадим?

— Нет им от нас послабления, — сердито сказал Козинцев. — Сам видел, что они на Украине творили. — Он выразительно шевельнул пустым рукавом. — Только молод он еще, боюсь, в горячке такого напорет, что потом расхлебать трудно будет. Вы же его потом и обвините в недостаточно выразительной игре. Саньку вам лучше не трогать. А я бы сгодился. Чего бы сам допытался, чего у Саньки узнал.

Говорил он почти просительно и все переводил взгляд с Короткова на Бабуша и обратно, словно верил и не верил им обоим.

Коротков переместился на стул, звучно и весомо скрипнул им, обращая на себя внимание Козинцева.

— Значит, так, — сказал он. — Сюда больше приходите не надо, а придешь ты, Иван Тимофеевич, с племянником завтра к часу дня на улицу Пушкина, двадцать семь, в этом доме музей Мамина-Сибиряка, зайдете со двора, через черный ход. Спросите Дмитрия Степановича, он проведет.

О том, что у Короткова есть две явочные квартиры, Бабуш знал, но вот адрес одной из них слышал впервые. Причастен, значит, стал к служебным тайнам. Но Козинцев был слишком озабочен, чтобы обращать внимание на подобные детали. Похоже, он уже жил разговором с племянником, и разговор этот выходил не шибко приятный.

— Так я пойду? — с некоторой растерянностью спросил он.

— Да ты не волнуйся, Иван Тимофеевич, — сказал Бабуш мягко. — Все будет хорошо. Давай я тебе пропуск отмечу. У нас учреждение серьезное, без пропуска и не выпустят.

Козинцев торопился так, что попрощаться забыл. А быть может, даже и не захотел.

Оставшись наедине, Бабуш и Коротков долго молчали, глядя друг на друга. Первым не выдержал Коротков.

— Ну, что смотришь? — сказал он, морщинисто собрав лицо, которое из-за этого стало кислым и недовольным. — Научную работу я там веду, творчество нашего земляка изучаю. Вот директор музея и выделил мне маленькую комнатенку.

Бабуш старшему товарищу не возражал. Он даже не отметил, что истинные литературоведы ведут свои изыскания под собственными именами, а «Дмитрий Степанович» был всего лишь одним из псевдонимов оперативного работника МГБ майора Короткова.

СЕКРЕТНО

Экз. единств.

СВОДКА НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ

28 февраля 1950 года.

Начато: 8.10

Завершено: 20.00

Объект принят под н/наблюдение в 8.00 при выходе из дома 4 по улице Большакова. Был одет в темно-серое пальто с барашковым воротником, в хромовые сапоги военного образца и беличью шапку. Объекту присвоен псевдоним «Ходырь».

В 8.10 Ходырь подошел к автобусной остановке на улице Большакова. На остановке ни с кем не контактировал.

В 8.25 сел в автобус № 3, следующий в сторону Верхне-Исетского бульвара. В автобусе вел себя спокойно, в контакт с пассажирами не вступал.

В 8.45 Ходырь вышел на остановке у дома 12 по Верхне-Исетскому бульвару, откуда проследовал на пересечение бульвара с Московским трактом, где зашел в мастерскую по ремонту бытовых приборов, расположенную в подвальном помещении дома № 8. В мастерской наблюдение за объектом не осуществлялось

за отсутствием технических возможностей. В целях наблюдения за объектом силами н/наблюдения перекрывался двор перед мастерской.

В 18.10 Ходырь вышел из мастерской и запер ее на ключ, после чего проследовал на остановку у дома 12 по Верхне-Исетскому бульвару. С 18.20 до 18.35 находился на остановке, после чего на автобусе проследовал в дом 4 по улице Большакова. В пути ни с кем не контактировал.

С 19.00 до 20.00 перекрывались выходы из дома 4 по ул. Большакова. В 20.00 н/наблюдение прекращено по согласованию с инициатором задания.

Поведение объекта спокойное.

Приложение: 21 фото лиц, посетивших мастерскую, и адреса, по которым они сопровождаются. Оперативные установки на указанных лиц будут выполнены в ближайшее время.

Начальник отдела

Белинин

Глава пятая

Утреннее пробуждение радости не принесло.

Криницкого разбудили дребезжащие звуки марша из черного круглого динамика в углу барака. Это тоже было новшеством. В бараках других лагерей он никогда не видел ничего подобного. Это можно было объяснить лишь тем, что сидевшие в лагере геологи находились на привилегированном положении, а когда их не стало, репродуктор не убрали за нехваткой в обслуге рук. Или не пускали сюда никого. Урки бы быстро приделали репродуктору ноги, в жизни бы его никто не нашел.

Но лежать и мечтать в постели было делом опасным. Криницкий вскочил, торопливо заправил постель, по армейской привычке отбив на байковом одеяле стрелки. Чадович уже шумно плескался под рукомойником, у второго

зябко топтался Халупняк, а неразговорчивый Матросов опять удивил Криницкого — он ловко отжимался от деревянного пола, и на спине у него вспухали бугры мускулов. Доходягой Матросов не был, и это означало, что-либо отбывал он наказание раньше в заведомо щадящих условиях, либо лагерное житье-бытье узнал не так давно. Последнее утверждать было трудно, это входило в противоречие с опытом Матросова, поэтому, уже умываясь, Криницкий подумал, что от этого странного человека следует держаться на расстоянии, пока не выяснится его степень опасности.

Вытираясь полотенцем, он снова посмотрел на Матросова, который довольно фыркал, умываясь ледяной водой. Ничего слишком уж выдающегося в телосложении Матросова не было, стрижен он был как и все — под нулевку, лоб не слишком высокий, но вот на груди его виднелась странная татуировка. С правой стороны у Матросова синела змея, а может быть, даже дракон, потому что, сколько Криницкий ни вспоминал, змею с такой характерной пастью он вспомнить не мог, хотя зоологией увлекался с детства и дореволюционное издание Брэма зачитал едва ли не до дыр.

Вошел румяный с мороза вертухай, на погонах которого желтели Т-образные сержантские лычки, лениво оглядел барак, окинул взглядом вытянувшихся у стены заключенных и остался доволен. Одеты, бирочки с номерами на месте, наглых взглядов не позволяют. Для порядка пнул в тыл Арнольда, в котором сразу же угадал самого слабого из обитателей, приказал всем выйти. От барака к административным зданиям вились узкие дорожки, протоптанные в выпавшем за ночь снегу.

Вертухай, согласно уставу караульной службы, шел позади, коротко указывая, на какую из тропок свернуть.

— Шевелись, контрики, — добродушно гудел он. — Как графья спали, майор специально до свету поднимать не велел. Бригады уже на делянки ушли, а вы все дрыхнете, как вольняшки!

Благодарности к этому неведомому майору Криницкий не испытывал. Как оно обычно бывает? Когда мягко стелят — спать жестковато приходится. В доброту лагерных филинов Криницкий не верил: если тебя беречь начинают, как сына родного, тут уж смотри в оба глаза — не иначе подлянка какая готовится. А тут было все ясно как песня. От остальной тюремной кофлы отделили, а что гнилых базаров пока не ведут, так это дело времени, тем более что вертухай их явно не на курорт вел.

В коридоре около оперчасти курили несколько офицеров. Слышались непринужденные матерки. На приведенных зэков офицеры не обратили ни малейшего внимания, только говорить стали тише, чтобы не слышал Криницкий с товарищами их служебных тайн.

Вертухай сунулся в приоткрытую дверь, доложил. Ему ответили что-то невнятное, и конвоир, повернувшись к тем, кого он привел, коротко приказал:

— Заходите!

За столом сидел все тот же моложавый майор. «Шипром» от него несло так густо, словно он с утра купался в нем. На вошедших он смотрел с нескрываемым любопытством, особо внимательно и, как даже Криницкому показалось — с уважением, он оглядел Матроцова, и это еще больше уверило Криницкого, что не простой зэка с ним в одном бараке сидит, совсем не простой. Обычные зэки у начальства такого любопытства не вызывают, начальство их понятное дело где видело.

Майор оглядел вставших у стены зэков, потянул к себе тоненькую пачку их личных дел, без видимой нужды подравнивал бумаги, кивнул вертухаю:

— Свободен, сержант!

«Вот сейчас все и объяснится», — с неожиданным замиранием сердца подумал Криницкий, и неожиданно в голову ему пришла ясная и простая мысль, даже странно было, что вчера он до этого не додумался. Не иначе как поглупел

при виде теплого барака, в котором можно было поспать без особой лагерной тесноты, когда в одном углу объявившийся романист тискает уголовничкам «Клуб червонных валетов», а сосед справа беззастенчиво гоняет балду, вспоминая своих гражданских красоток.

Готовился очередной процесс, и их четверке предстояло сыграть роль изменников Родины, которые, пользуясь своими альпинистскими навыками и знаниями географии, затеялись бежать из лагеря, отсидеться в многочисленных уральских пещерах, чтобы потом, когда все утихнет, спуститься вниз и через Казахстан, через безлюдные районы Северного Китая рвануть в Индию к своим английским покровителям. «Четвертак, если не вышак», — с тоской подумал Криницкий. — Не зря же еще на пересылке зачитали указ об отмене неприменения смертной казни по отношению к изменникам родины и подрывникам-диверсантам. Осталось только узнать, к какой категории нас отнесут».

Похоже, майор прочитал тоску в его глазах, он усмехнулся, встал, привычно поправляя пальцами гимнастерку под ремнем, и прошелся мимо заключенных.

— Значит, так, — сказал он. — Вас здесь четверо, и каждому осталось сидеть не больше двух лет.

— Не ошиблись, гражданин начальник? — хриловато переспросил Матросов. Криницкий покосился на него и с удивлением заметил, что невозмутимый заключенный явно взволновался, даже глаза у него вроде бы загорелись, только вот с чего бы? Не иначе как гражданин майор со сроком Матросова что-то напутал.

— С тобой, Матросов, у меня особый разговор будет, — отмахнулся «кум». — Если и ошибаюсь, то не я — начальство.

Матросов шумно вздохнул.

— Хочется на волю? — серьезно и без малейших признаков прикола спросил майор.

Все четверо промолчали.

А чего в такой ситуации говорить? Признаешься, что хочешь, так неизвестно, чем это признание обернется. Любят ведь «красные шкурки» пошутить, власть у них над осужденными такая, к шуткам, пусть даже и жестоким, располагает.

— С сегодняшнего дня вы четверо переведены на расконвойку, — сказал майор. — Что вам придется делать, узнаете позже. Личные дела будут храниться у меня, так что вы одновременно вроде бы и есть, и в то же время вас уже нет. Уполномочен сообщить вам только одно: либо вы добросовестно делаете вашу работу и тогда получаете свободу и чистые документы, либо начинаете хитрить и опять-таки получаете свободу, но уже вечную и с категоричным медицинским заключением. В любом случае в лагерь вы уже не вернетесь, это я вам гарантирую. Сейчас вас вернут в барак. Знакомьтесь, обживайтесь, вспоминайте все свои гражданские навыки, не сомневаюсь, что это вам всем очень понадобится. А ты, Матросов, задержись. Тут человек из Москвы прилетел, хочет переговорить с тобой.

Он вернулся за стол, слегка пригнулся, нажимая на кнопку звонка, вмонтированную в тумбу письменного стола, и в кабинет вошел все тот же сержант. Видно было, что ждать вызова в натопленном коридоре ему было трудно, в своем добротном овчинном полушубке он распарился, и круглое лицо его было багровым, а по вискам текли струйки пота.

— Этих, — кивнул майор, — проводить в барак. А за этим, — он указал на Матросова, — за этим вернешься позже. Выполняйте!

На выходе Криницкий вновь посмотрел на своего нового товарища и поразился изменениям во внешности Матросова — ожил человек, в глазах интерес заиграл, даже копченое лицо его теперь казалось белее.

Сержант вывел их из кабинета, и Криницкий не видел, как открылась плотно прикрытая дверь в соседнюю комна-

ту, для маскировки оклеенная теми же, что и стена, обоями, и из комнаты, припадая на левую ногу, вышел сухопарый и совершенно седой мужчина в гражданском костюме. Седой остановился на входе, изумленно и недоверчиво разглядывая Матросова. Он словно бы не верил собственным глазам, потом шагнул вперед, протягивая на ходу руку, и негромко сказал:

— Здравствуй, Яша!

Но всего этого Криницкий уже не видел. Сержант провёл его, Чадовича и Халупняка по уже расчищенной дорожке до колючей проволоки, отделявшей их барак от остальной зоны. С левой стороны Криницкий увидел незамеченную при выходе из барака вышку. Вышка была установлена с таким расчетом, чтобы часовой, который стоял сейчас на вышке и забавно притоптывал ногами в валенках, просматривал все зоны перед баракком. Сама вышка была похожа на избушку на длинных курьих ножках, только вот из избушки этой выглядывал вороненый ствол ППШ.

— Хучь вы и на особом положении, — сказал сержант уже в бараке, — но правила все ж едины. На койках не валяться, заниматься чем указано было, по нарушителям у нас БУР, значит, плачет. Отопления там никакого и горячего не дают, так что, контрики, делайте правильные выводы.

Вертухай вышел. Слышно было, как он топает за стеной, что-то бормочет себе под нос.

Чадович замысловато выругался по-белорусски, оказалось очень похоже и понятно без перевода. Арнольд засмеялся.

— Чего смешного? — покосился на него Чадович.

— В книге одной когда-то читал, — сказал Халупняк. — Вслед за обещанием вольностей всегда наступает период жесточайшего угнетения. Влипли мы, братцы. А Матросов этот — хитрый жох, я сразу почувствовал, не наш он человек.

— Тут еще гадать и гадать, — неопределенно сказал Чадович. — Пуд соли сожрешь, прежде чем разберешься, где свой, а где чужой.

В барак осторожно заглянул худенький остроносый человек, обвел заключенных любопытствующим взглядом и, ни к кому лично не обращаясь, представился:

— Я из КВЧ, майор Зямин приказал, чтобы я поинтересовался, может, вам книги какие нужны?

И все это было так дико и непривычно, что Криницкий не выдержал. Сдерживая смех, он прошел в комнатку с умывальниками и загремел носиком одного из них — ничто так не успокаивает неожиданной истерики, как холодная до обжига кожи вода.

Одно было непреложно ясно — нужны они были майору, хрен бы в противном случае он так прыгал и унижался. Больше всего Криницкому сейчас хотелось узнать, о чем этот майор сейчас с Матросовым разговаривает? И еще ему хотелось посмотреть, как их будут кормить. По столу можно ведь о многом догадаться и прежде всего — для чего их готовят?

Прежде чем он вернулся к товарищам, в коридоре загремело, послышались шаги, дверь распахнулась, и в комнату вошел давешний сержант, который сейчас сопровождал трех незнакомых Криницкому эзков. Эзки с грохотом свалили на пол несколько брезентовых мешков.

— Раздивлятися, — сказал сержант, — что и куда. Майор Зямин казал, що ви цьому дилу вчени.

— Вы подумайте, я позже зайду, — сказал инструктор КВЧ и торопливо вышел вслед за сержантом и заключенными. Слышно было, как сержант в коридоре звучно возмутился:

— Книжки им треба! На дальняке им працувати!

Криницкий присел, ощупывая один из мешков, из брезентовых боков которого угловато выпирали непонятные предметы. Пошупав их, Криницкий поднял на товарищей удивленные глаза и негромко, словно какую-то тайну им сообщал, сказал:

— Ледорубы!

Глава шестая

— Здравствуй, Яша, — сказал приезжий, протягивая руку Матросову.

Тот, помедлив, пожал ее.

— Ты стал совсем седой, — сказал Матросов.

— Годы, — развел руками седой. Майор с жадным любопытством наблюдал за встречей старых знакомых. Седой мужчина сделал властный взмах рукой, и майор понял его правильно — этим двоим надо было сказать друг другу нечто важное, а лагерный оперуполномоченный в этом разговоре был просто досадной помехой, мешающей откровенности. Он взял со стола фуражку, стараясь не особо стучать сапогами, прошел к выходу и плотно прикрыл за собой дверь. Немного подумав, он запер дверь на ключ и подошел к окну.

— Когда мне в Москве сказали, с кем я увижусь в лагере, я не поверил, — сказал приезжий. — Когда мы виделись в последний раз?

— Первого ноября двадцать девятого, — усмехнулся Матросов. — За два дня до моего расстрела.

— Для покойника ты неплохо выглядишь, — сказал приезжий, увлекая собеседника в другую комнату.

В ней был накрыт стол — бутылка грузинского вина, пара лимонов, мандарины, нарезанные умелой и расчетливой рукой мясо и колбаса.

— Вначале — о деле, — сказал Матросов.

— Какие дела могут быть у небожителей? — попытался пошутить приезжий.

— Лучше бы я умер, — сказал Матросов. — Я чувствую себя зонтиком, который достают из комода лишь тогда, когда идет дождь. Я плохо работал в Индии в тридцатых и позже — в сорок третьем? Или вам не понравилось то, что я сделал в Тегеране во время встречи «Большой тройки»?

Или я не работал в Малой Азии, когда создавался Израиль? ЦСК мною недоволен?

— Насколько я знаю, вопрос так не стоял. — Собеседник Матросова был в некоторой растерянности, это угадывалось по его потемневшему лицу.

— И каждый раз мне обещали прощение и свободу, — упрямо продолжал Матросов. — А после того, как мавр сделал свое дело и возвращался, его опять запикивали в тюрьму. Иногда я думаю: а зачем я возвращался? Я ведь мог остаться там, возможностей у меня было предостаточно...

— Ты собрался выдвигать требования? — холодно спросил приезжий. — Ты адресуешь претензии не по адресу. Пиши в ЦСК.

— Обитатель Ада не имеет права на переписку, — сказал Матросов. — Меня нет. Как же я могу писать жалобы и заявления? Я расстрелян в двадцать девятом за связь со Львом Давидовичем, мое дело сдано в архив, а заключенный Матросов заслуг перед партией большевиков не имеет, следовательно, он не может ничего просить.

— Могу посочувствовать, — сухо сказал приезжий. — Но не думаю, что это тебе доставит удовольствие, Яков.

— А теперь вы пришли, чтобы напомнить мне о долгах, которые у меня остались с того времени, — покачал головой Матросов. — К черту, Наум. Я никому ничего не должен. У мертвецов нет долгов.

— Тогда тебе реально угрожает опасность и на самом деле пойти с жалобой к ангелам. — Приезжий все-таки раскрыл бутылку терпкого киндзмараули, разлил по стаканам густое красное вино.

— Я устал ждать, Наум, — сказал заключенный. — Каждый раз я живу ожиданием, во мне стараются это ожидание поддерживать, каждый раз мне обещают прощение и свободу, но каждый раз меня просто элементарно надувают. Двадцать лет, Наум. Двадцать долгих и томительных лет. Чего же удивляться, что я не выдержал этого ожида-

ния? Я умер, Наум, и если меня пустят по коридору, это будет логическим завершением смерти, которая растянулась на такой долгий срок. Коридором со стенкой в конце меня уже не испугать. Я был готов к ней еще в восемнадцатом, когда мы с Колей Андреевым шли в немецкое посольство.

— Что ты знаешь о воле? — с неожиданной грустью сказал приезжий. — Честное слово, Яков, иногда лучше жить в клетке, даже лучше будет, если ее накроют черным покрывалом, и ты не будешь знать, что происходит вне клетки. Тех, кого ты знал, уже давно нет. Их коридоры и в самом деле закончились стенкой. Это тебя отчего-то берегут, будто редкостную птицу. Сколько тебе исполнилось? Сорок девять?

— Да, скоро в расход, — с усмешкой сказал Матросов. — Когда ты перевалишь за полтинник, довольно быстро становишься бесполезным. Старики никому не нужны. Вот поэтому я и требую гарантий.

— Разве это так важно? — Приезжий сделал глоток и поставил стакан на стол. — Ну, дадут тебе гарантии. Где уверенность, что эти гарантии будут соблюдены?

— Не знаю, — устало признался Матросов. — Но мне всегда казалось, что лучше кого-то ненавидеть за подлую несправедливость, чем самому оказаться наивным простаком.

— Раньше я не замечал в тебе этой расчетливости. Ты мне казался бесшабашным авантюристом. Особенно в Монголии. Помнишь, как ты говорил, что историю партии будут учить по твоей биографии? Ты ошибся, Яша, очень сильно ошибся.

— Разве? — прищурил глаза Матросов. — Разве теперь история не пишется по деяниям НКВД? Но я согласен, до своей кончины я действительно был романтиком и авантюристом, это смерть сделала меня прагматичным.

— Я свяжусь с Москвой и доложу твои просьбы. Ты не боишься, что реакция Москвы может оказаться негативной?

— Ничего страшного. — Матросов залпом, не смакуя, выпил вино. — Что они могут? Лишить меня жизни? Так это сделано еще в двадцать девятом, после расстрела я не живу, а существую. А если и оживал, то на очень короткое время, это ведь как бутылка вина: не успеешь распробовать вкуса, а бутылка уже опустела. Я всю жизнь думал о революции. Неужели она не позаботится обо мне?

Приезжий вздрогнул, осторожно огляделся, приблизил губы к уху Матросова и негромко сказал:

— Революция — серьезная дамочка, Яков. Она не требует от человека взаимности, она просто берет из него все, а самого за ненадобностью чаще всего выбрасывает. Препных знакомых и друзей уже нет, мы повторили французскую историю — все та же кровь и полное отсутствие сожалений о сделанном. Французская революция послала на гильотину своих вождей, мы сделали то же самое. Судьбу своего кумира ты знаешь. Ледорубом ему по башке дали. Но это не единственная судьба, которая завершилась так печально. Буревестников отстреливают, остались лишь глупые пингвины, которые не смеют возразить Ему.

— Тогда тем более не стоит осторожничать, — упрямо сказал заключенный. — Страшнее уже не будет. Я пережил всех своих начальников по глупой случайности. Звезда! В тридцать третьем кто-то умный решил, что меня нельзя держать в московских тюрьмах, а тем более — на пересылках. Меня решили спрятать от нескромных глаз, как то секретное оружие, что берегут на крайний случай. Я был на «Джурме», Наум. Я был на теплоходе, когда его бросили во льдах. На «Джурме» было двенадцать тысяч заключенных, и их всех бросили. Даже трюмы не открыли.

— Я знаю, — сказал седой. — Было заседание коллегии НКВД, доложили наверх, но спасение заключенных было признано неэкономичным. Через полгода в том же районе был зажат льдами «Челюскин». Знаешь, почему мы откло-

нили все предложения об иностранной помощи? Потому что там все еще находилась «Джурма».

— Было признано неэкономичным, — с горькой усмешкой повторил Матросов. — Всего лишь чей-то росчерк пера под чьими-то экономическими выкладками. А мне это снилось по ночам. Уголовники все-таки открыли трюмы, и мы выбрались наружу. Мы голодали. Оказалось, что людей ловить гораздо легче, чем песцов. Я убежал — и опять звезда! Я вышел и сдался. Полгода думали, что со мной делать дальше. Я был страшным свидетелем, и, наверное, у многих был соблазн избавиться от этого свидетеля.

Но я уже был мертвым человеком. Как ты думаешь, благодаря чему я дошел до большой земли и вышел к людям? Ушли восемь человек, дошел я один. Каждого из спутников я помню до сих пор. Как мне быть с моей памятью, Наум? Но я шел, я думал, что не имею права на смерть, моя жизнь требовала чего-то большего.

С момента убийства графа Мирбаха я уже ощущал свою принадлежность к истории. Теперь я понимаю, каким я был дураком. Но тогда мне было девятнадцать, Наум. А теперь мне сорок девять, и большую часть своей исторической жизни я провел в лагерях, которые творцы светлого будущего построили для своих сомневающихся товарищей. Ты все еще хочешь выпить со мной? Иллюзий больше нет. Я даже не спрашиваю, зачем вы собираетесь втравить меня в новую авантюру. Я лучше встану к стенке, чем сделаю еще шаг без гарантий.

— Так и доложить? — покачал головой седой гость.

— Так и доложи.

— И тебя действительно не пугает возможный ответ?

— Знаешь, — усмехнулся Матросов, — надоело жить под псевдонимами. Захотелось хоть остаток жизни побыть собой, вспомнить, как тебя зовут и кем ты был до своей первой смерти.

— Будем считать, что ты выпустил пар. — Седой придвинул стул, подсаживаясь к столу, рукой указал собеседнику на свободное место. — Садись, не стесняйся. Если ты думаешь, что я не попробовал тюремной баланды, то ты ошибаешься. Но все-таки дело, которому мы служим, оно выше личных обид. В тридцать восьмом году я сидел в «Лефортово» и думал: странное дело, когда-то это был дворец, предназначенный для веселья, его хозяин был пьяницей, заядлым курильщиком и авантюристом. А теперь его комнаты и коридоры стали камерами, их выкрасили в мрачный черный цвет, а аэродинамическая труба расположенного рядом ЦАГИ не дает спать, и вой ее похож на звуки ангельских труб, возвещающих наступление Страшного Суда. Почему все так? Ведь цели, цели, которые мы ставили перед собой, были прекрасны!

— Ты не у того спрашиваешь, — сказал Матросов, делая себе бутерброд так, чтобы не показаться жадным и голодным. — И вообще тебе не кажется... — Он рукой обвел комнату и приложил ее к уху.

— Брось ты, — благодушно сказал седой. — Это ведь даже не провинция, в этой глухомани технические мероприятия лет через двадцать применяться будут. И специалисты появятся, и технику соответствующую заведут. Так ты все-таки настаиваешь на своих требованиях?

— Ты знаешь, — Матросов медленно и задумчиво жевал, — я Колю Андреева часто вспоминаю. Башковитый был парень, рацию придумал для корректировки артиллерийского огня. Веришь, в одной наплечной сумке помещалась. Что с ним теперь? Где он? Раньше я ужасно трусил перед болезнями, боялся сквозняков и сырости на улицах, даже летом после дождя калоши надевал. А потом жизнь заставила меня забыть об этих глупых страхах. Когда я болтался в горах, я жил в пещерах, меня ловили английские патрули, меня десять раз могли расстрелять, еще больше

возможностей у меня было свалиться в пропасть, так чего мне бояться теперь?

— Одного у тебя не отнять, — с некоторым удивлением сказал седой, — упрямства и оптимизма. Ладно, подождем, что скажет Москва. И тем не менее я хочу немного рассказать тебе о будущем задании.

— Мы должны что-то найти, — сказал Матросов. — Для этого нас, наверное, заставят лазить по всему Уралу. Я точно не знаю, что мы будем искать, но, наверное, что-то нужное и важное, раз меня опять манят пряником свободы и грозят стенкой.

— На прошлой неделе неподалеку расхерачили авиационный полк, — сказал Наум. — Вот этот самый летательный аппарат, который пожег все самолеты, вы и будете искать. Во имя светлого и счастливого будущего.

— Слушай, Наум, — сказал Матросов. — А когда оно будет, это счастливое будущее? Врагов вокруг не будет, всем и всего хватать будет, делить нечего станет. Перестанут люди злбиться, любить друг друга будут... Ну, если не любить, так по крайней мере уважать. Неужели такое будет?

— Может, и будет, — мрачно сказал его собеседник. — Надо бы мне, дураку, водки взять, а не этой подкрашенной водички. Как там писал поэт Жаров? Будет все, не будет только нас. Семена, они еще появятся, надо, чтобы прежде почва подходящая нашлась. А уж мы ее собой удобряли, удобряли...

— Смелый ты стал, Наум. — Матросов налил в стакан вина, сделал глоток, полюбовался на рубиновое солнце, пляшущее в стакане. — Раньше ты был осторожнее. Выходит, ты меня совсем не боишься?

— Старый я уже стал покойников бояться. — Приезжий быстро и умело чистил мандарин. — И потом, покойник откровенности требует, чего ж мне с тобой юлить? Верно я говорю, Яков Григорьевич?

— Почти. Кстати, насчет задания. Ты знаешь, что вчера вся зона наблюдала странную картину. В небе летел необычный диск, который безуспешно пытались атаковать наши новые самолеты.

В дверь деликатно постучали.

— Войдите! — хозяйски крикнул приезжий.

Вошел майор. Вид заключенного и командированного в Ивдель высокого московского чина, сидящих за одним столом, похоже, его совсем не удивил. Жизнь изобиловала необычными поворотами, она разводила вчерашних друзей и сводила заклятых врагов, она совершала немыслимые зигзаги, и удивляться можно было разве тому, что люди сохраняют свои пристрастия и неприязнь, несмотря на все житейские обстоятельства.

— Наум Николаевич, — вежливо доложил майор. — Начальник лагеря просит вас после окончания беседы заглянуть к нему.

— Просит — значит обязательно заглянем, — проворчал Наум. — Вот только с Яковом Григорьевичем все наши вопросы обговорим.

— А вы еще не говорили? — вежливо удивился майор.

— Пока не говорили, — густым голосом сказал седой визитер. — Пока мы с ним больше о жизни говорили. Была у нас с Яковом Григорьевичем тема для хорошего разговора. Сам понимаешь, майор, ни за что человека к расстрелу не приговаривают.

— Это точно, — опасно усмехнулся осужденный. — Ни за что у нас обычно червонец дают и еще довесок — по рогам*.

* Он, видимо, имеет в виду — с поражением в политических правах. Дать по рогам обычно означало лишение права избирать и быть избранным. Смешно, кто бы в те времена стал избирать того, кто сам не мог избирать? Закон живуч, он просуществовал до начала шестидесятых, еще во времена Н.С. Хрущева осужденные за те или иные преступления совсем как в тридцатые получали по рогам. Живучи традиции советского права! — *Примеч. автора.*

Майор на секунду оскорбленно вскинулся, видно было, что в его присутствии так рискованно еще никто не шутил. Однако, видя, что приезжий на опасные слова не отреагировал, майор сделал вид, что ничего особенного не произошло, и принялся деловито сооружать себе бутерброд из ноздреватого серого хлеба, ломтика вареной говядины и красного кружка конской колбасы.

— А вот тут вы, гражданин Матросов, ошибаетесь! — сказал москвич. С такой интонацией сказал, что сразу стало ясно — осужденный такой же Матросов, как майор, скажем, грек. Ничего нового приезжий майору не открыл, по некоторым признакам тот и сам догадывался, что этот Матросов в лагере вроде человека в железной маске. — Не надо ставить под сомнение деятельность МГБ, — продолжил москвич со странной интонацией. — Мы никогда не ошибаемся и людей за просто так не берем.

Майор перестал жевать, внимательно и испытующе взглянул на заключенного, и по взгляду его было видно, что он все понимает и даже догадывается, не может не догадываться об истинной роли Матросова во всей этой истории. Более того, майор, конечно же, великолепно понимал, что перед ним сидит отнюдь не Матросов, это была конспиративная кличка профессионала, которого за допущенные ошибки загнали в лагерь. Но расспрашивать об этом майор никого не стал. У государственных и служебных тайн есть одно немаловажное свойство — чем меньше ты в них посвящен, тем крепче спишь. И что характерно — дома. Майор видел личное дело Матросова и читал постановление тройки о его осуждении. Особых откровений в постановлении тройки не было, но содержались в деле косвенные улики, указывающие на профессиональную принадлежность осужденного.

Но начальник оперчасти без особого приказа об этом старался не думать — по причинам, которые уже изложены выше.

Глава седьмая

Умным и предусмотрительным воспитала жизнь майора Короткова. Да и Бабуш, несмотря на малый стаж службы в органах государственной безопасности, оказался человеком догадливым и толковым. Это он хорошо с племянником Козинцева придумал, в деле паренек оказался. Ясное дело, как он мог отказаться от такого предложения? Никаких особых секретов у Короткова не оказалось, и от этого Бабуш испытал некоторое разочарование. В самом деле, трудно было ожидать, что на вопросы, считает ли он себя советским человеком и разделяет ли тезисы товарища Сталина об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма, семнадцатилетний паренек даст отрицательные ответы. А когда тезка Бабуша узнал, что гэбэ считает его начальника матерым гитлеровским разведчиком, глазенки у него сами собой загорелись. Ясное дело, читал паренек романы о майоре Пронине и Шпанова тоже почитывал. Согласие последовало немедленно, похоже, что молодой Козинцев обрадовался выпавшему на его долю приключению, вцепился в сделанное ему предложение руками и ногами да еще зубами прикусил, и теперь — хоть расстреливай — ни в жизнь не откажется от участия в игре. При этом он даже не задумывался, что игра эта обещает быть опасной, вполне все могло завершиться выстрелом в затылок, если бы Фоглер заподозрил что-то неладное. А скорее всего и без пистолета бы запросто обошлись, придушил бы мальчишку бывший каратель Васена, ему ведь было что от советской власти скрывать.

Подписка особого времени не заняла, и над псевдонимом мальчишка особо голову не ломал — назвался Серовым, по девичьей фамилии своей матери. Глядя, как аккуратно мальчишка выводит диктуемый Коротковым текст, старательно пряча под этой аккуратностью азарт, Бабуш испытывал чувство вины и неловкости. Возможно, причи-

ной всему была молодость Александра Козинцева, или все проистекало от того, что где-то на улице, нервно смоля папиросы, вышагивал дядя паренька, и этого дядю Бабуш хорошо знал. Александр Козинцев был несовершеннолетним и еще не обладал избирательным правом, поэтому вербовка его была возможна лишь по распоряжению начальника управления, но разве можно было сомневаться после недавнего разговора, что такое разрешение обязательно будет дано? Не хотелось даже задумываться над судьбой тетки, чем он будет занят, когда шпионы в Свердловске кончатся, а пособники немцев основательно и надолго сядут в тюрьму, если только их не приравняют в ходе следствия к шпионам и тем самым диверсантам-подрывникам, о которых говорилось в недавнем указе, и не поставят к стенке. Резонно было мыслить, что ежели один коготок увяз, то вскорости увязнешь в этом увлекательном и полном перестуком деле по самое «не хочу».

Но — работа!

— Встречаться будем здесь, — сказал Коротков. — Позвонишь вот по этому телефону, спросишь меня или Александра Николаевича. Скажешь, что это Серов звонит на счет поезда. Назовешь время отхода. Это время и будет временем нашей встречи. Все понятно?

— Ага, — сказал парень, восторженно глядя на оперативников. В хорошей сказке пацан жил, не заманчивое ли дело — ловить шпионов? И не понимал дурачок, что любая сказка имеет свой конец, который обычно недалеко уходит от грубой и грязной реальности. Одно дело следить за кем-то и искать улики его шпионской деятельности и совсем другое — узнать, что твоего противника по увлекательной шпионской игре повесили. И что характерно — за шею, а это очень мешает жить. Дышать невозможно.

— Дяде своему ни слова, — строго сказал Коротков, собирая морщины воедино. — Что ему надо будет знать, мы сами расскажем. А ты ему ничего не говори, ты, па-

рень, теперь на службе, и все, что тебе по роду этой службы станет известно, всегда является государственной тайной. Усек?

Парнишка снова часто закивал. Бабуш опять почувствовал угрызения совести. Ох втравливал он мальчишку в историю! Что и говорить, своим детям Александр Николаевич подобной судьбы никогда бы не пожелал!

— Ты поспокойней, — сказал Коротков. — Волнение — оно дело такое. Пойди успокой дядьку, поговори с ним, водки, если нужно, выпейте. А я пока Шурику инструктаж сделаю. Все-таки с серьезными людьми ему общаться придется, надо, чтобы шарики в голове в правильном направлении вращались. Лады?

Молодой Козинцев смотрел на Короткова замороженно, как зритель в цирке смотрит на факира, вынимающего из черного цилиндра живого кролика. Мальчишка, чего с него взять.

Бабуш неторопливо оделся и вышел на двор.

Козинцев нервно мерял шагами расстояние от дверей черного входа до ворот. Туда и обратно и снова туда, хотя расстояние это он уже, наверное, зазубрил наизусть. На Бабуша он посмотрел исподлобья.

— Ну, — хрипло выдохнул он. — Поговорили?

— Поговорили, — кивнул Бабуш. — Сейчас его проинструктируют, ну и все. Поехали ко мне. Посидим немного, выпьем, посмотришь, как я живу.

— Настроения нет. — Козинцев отвел взгляд в сторону. — Да и пора мне уже. Только мальчишку не запутайте в своих делах. А то ведь оно как бывает: сначала человек у вас в помощниках, а потом его — р-раз! — и на тюремную шконку. Для полного комплекта. У вас ведь тайны сплошные, вам надо, чтобы этих ваших клиентов и в тюрьме освещал кто-нибудь. Только не надо! — повысил он голос в ответ на движение Бабуша. — Я ведь тоже не мальчишка, Николаич, не первый год на белом свете живу. Возражать, ко-

нечно, я не могу, все-таки государственные интересы блюдете, но ведь и ты смотри — хлопнут мальчишку, сам же потом сна лишишься, переживать будешь. А может, и не будешь — хрен знает, какая у вас, блюстителей государственных тайн, шкура, может, из пушки ее не прошибешь.

Бабуш смотрел, как Козинцев уходит по улице, рассуждая о чем-то сам с собой, на ходу размахивая руками, потом вдруг вспомнил, что оставил племянника в музее, и повернул назад. Бабуш терпеливо ждал. Козинцев подошел к дому, но во внутренний дворик заходить не стал.

— Шурку позови! — потребовал он.

— Да здесь я, дядя Ваня, здесь! — отозвался, выходя на крыльцо, племянник. — Ну, чего ты волнуешься? Нормально все.

Странное дело, но большинство людей после беседы с сотрудниками МГБ терялись, словно надламывалось в них что-то, неуверенность в них появлялась. А Козинцев-младший совсем в другую сторону изменился. Солидность какая-то в нем появилась, словно старше он стал. И не на год, на два, больше бери, — на весь червонец. Не пацан уже шел рядом с дядей, а молодой, но уверенный в себе мужик.

Бабуш смотрел им вслед, а на душе у него было погано, словно они с Коротковым нагло и бессовестно обманули кого-то. Он еще пытался как-то оправдать себя, а тем более Короткова. Не для себя же старались, интересы страны требовали, чтобы Козинцев-младший им помощь оказывал. Но все равно погано было на душе. И во рту почему-то было паскудно — словно мыло сосал.

Он вспомнил, как совсем недавно они с Иваном Козинцевым парились в бане, как бежали голыми по колючему снегу, как позже сидели в доме и пили ароматный самогон, настоящий на кедровых орехах, и с тоскливым наслаждением понял, что больше уже такого не будет, с кем-то другим еще может быть, а вот с Козинцевым-старшим

никогда не повторится тот вечер: сегодняшняя вербовка, хоть и была она необходимой и единственно правильной, разрушила сложившееся между ними доверие и приязнь друг к другу.

— Николаич, — сказал появившийся на крыльце Коротков. — Чего нахохлился? Все будет путем. Иди заberi свою шапку, нам уже в управлении пора показаться.

Что сказать? Каждый опыт не только прибавляет человеку новые знания, этот опыт еще и лишает человека чего-то — излишней доверчивости, наивного взгляда на мир, непосредственности, которая живет в человеке. И тут уж ничего не поделать — приобретения и утраты сбалансированы между собой, они тесно увязаны, и порой даже трудно сказать, что больше дает человеку — обретения или утраты?

Оперативная работа не терпит сантиментов.

Уже на третий день в рабочем деле агента «Серов» появилось первое сообщение. Источник оперативной информации сообщал, что из Верхнего Тагила в мастерскую прибыл высокий плечистый инвалид, был он на костылях, а приметы его агент «Серов» изложил так, что без фотографии можно было представить себе этого инвалида, который около часа сидел в закутке у заведующего Фрамусова, оживленно о чем-то спорил с ним, а потом вместе с Фрамусовым уехал по направлению к центру. Вернулся Фрамусов один через два с половиной часа и, как это показалось источнику, был он очень взволнован.

Источник «Серов» не знал, что за мастерской осуществлялось наружное наблюдение, поэтому оперативники визит Васены засекли, более того, оно сопровождали Фрамусова и Васену в адрес, поэтому знали, что были они в доме двадцать восемь по улице Шейкмана, не удалось только засечь квартиру, которую они посетили. Дом был двухэтажным, и на все его восемь квартир приходился один подъезд. Тем не менее простым анализом жильцов Бабуш

и Коротков легко вычислили квартиру. Особого труда это не составило — ответственной квартиросъемщицей квартиры номер пять в этом доме являлась Хвостарева Серамида Степановна, сводная сестра благодетеля, уже хорошо известного МГБ.

Во второй половине дня приехал связной МГБ из Верхнего Тагила. Связной привез свежие записи бесед, которые велись в доме Хвостарева. Волос все еще отсиживался в доме своего благодетеля. За все время он лишь дважды покидал тайник. Оба раза он уходил глубокой ночью и ночью же возвращался. Его отлучки не превышали двух суток; из этого следовало, что посещал он места не слишком удаленные от дома благодетеля. Скорее всего Волос посещал пещеры, которые располагались в глубинах Теплой горы. Были у него там дела — или самоумерщвления скрытниц контролировал, или проповеди своей непутевой пастве читал.

Записи разговоров особого интереса не вызывали. Нет, для следствия эти разговоры определенный интерес представляли, они довольно подробно рассказывали о преступной деятельности наблюдаемых фигурантов — странники рассказывали о результатах своих поисков. Аэродрома они, конечно, не находили и не могли найти, но, отмеченные Бабушем на карте, эти результаты имели прикладной интерес.

Разговоры Волоса с Васеной были бесхитростными. Они касались денег, мечтаний о том, как хорошо им будет в свободном мире, потом Васена и Волос вспоминали прошлое, и все это сопровождалось обильной выпивкой, спорами, дележом еще не полученных сумм, пением украинских песен и оскорбительными репликами. Тем не менее Бабуш внимательно прослушивал каждый разговор. «Обращай внимание на мелочи, — учил Коротков. — Иной раз кажется, что тебе уже все известно, что ничего интересного твои противники сказать уже не могут, но порой в раз-

говоре мелькнет тень новой тайны, и тот профессионал, который ее не упустит».

Не зря говорят, что терпение и труд все перетрут. На четвертый час прослушивания, когда от бубнящих голосов нестерпимо потянуло в сон и даже папиросы не помогли избавиться от чувства одурелости, Бабуш наткнулся на запись интересного разговора.

ВАСЕНА: И все-таки, Дмитро, я думаю, что часть мы им можем отдать. Деньги они за это нам хорошие отвалят. Аэродром мы не найдем, а то, что нам немец выделил на поиски, так это ж не деньги — можно сказать, котешке на молочишко. Я понимаю, Дмитро, ты похитрить решил, глянуть, не водит ли нас немец за нос. Но сколько еще смотреть? Пора б и к выводу какому прийти. Чую я, все эти поиски добром не кончатся. Мне на бегунов покласть с прибором, но ведь и нам о себе подумать надо.

ВОЛОС: Не учи отца стебаться, хлопец. Ты еще в задырке не значился, как я уже отцу в делах разных помогал. Пусть немец гарантии даст, тогда мы подумаем, как дальше життя й працювати. Правда, она, Васена, разная бывает. Вот у коммунык своя правда, а у нас с тобою она совсем другая. И не пересекаются они. И с немцем у нас разные интересы — у него свой, а у нас свой. Его поймают, глядишь, в тюрьму посадят, и только, а уж нам пеньковой веревкой всю шею обмотают. Читал, как в Краснодаре нашего брата судили? Ты, Васена, если в картишки и поигрывал, так в дурака подкидного, ну, в очко в крайнем случае. Здесь же треба интеллекту подпустить, тут козыришки до времени беречь и откладывать надо. Видишь, хранятся они хорошо, зачем же нам их немцу отдавать? Самим надо их вывезти. Тут, Васена, такими деньгами пахнет, что Фоглер сроду с нами расплатиться не сможет. А я его знаю, он ведь ждать не будет, он, как почует, каких это денег стоит, не задумываясь, обоих пристрелит и даже молитвы над нами бездыханными не прочтает. Ты с ним, Васена, особенно

не работал, а я-то видел, как его команда жидов с Холодной горы живьем в землю закапывала. Так ты будь уверен, если выгодой в его сторону потянет, он и нас с легкой душой закопает. Закопает и помянет.

ВАСЕНА: Я разолью? Эх, Дмитро, я к тебе со всей душой, ты меня смотри не накопи. Сколько мы вместе пережили, а? Грех на тебе будет, если ты меня бросишь и за спиной у меня с немцем спутаешься. Бог тебе этого не простит.

ВОЛОС: Да куда ж от тебя, дурака, деться? Только вот про грехи не надо, на нас с тобой их столько, что один уж как-нибудь незаметно и проскользнет. И Бога не поминай, он нам наших грехов не простит, у нас они такие, что и гадать глупо, где мы с тобой в конце концов окажемся. А что до немца... Тут уж ты мне, Васена, поверь — с ним сговариваться, как с чертом договор подписывать, одного он обязательно обманет, а вдвоем мы с тобой определенные шансы имеем. Нам бы кассу его высчитать, от этого нам с тобой сплошная польза была бы. А кнышей этих ему отдавать не надо, самим сгодится на Западе. Если даже не продавать, то можно поглядки устроить — буржуй там жирный да любопытный, вот и будут нам с тобой деньги на житву.

ВАСЕНА: Ты, Дмитро, конечно, умный, тебе и карты в руки. Только думай быстрее. Каждый раз, когда в Свердловск еду, чувства у меня нехорошие — чужое все вокруг, опасное. Бдится мне, что следят за нами. Проверюсь — вроде никого, а пройду с сотню метров — опять то же чудится.

ВОЛОС: Это ты сам себя, дружочек, накручиваешь. Нас здесь не знают, просто ты долго в подземельях прожил, вот тебя открытое пространство и пугает. Точно знаю, сам похожее испытывал. Ты потерпи, оно все и успокоится.

ВАСЕНА: Слухи ходят, что НКВД из поездов всех калек подсобрало, ну, что милостыню просили. Где они те-

перь, обрубки эти? Вот и приходится бояться. Как оно бывает? С них начали, нами закончили — костыли ж тоже гордости не дают, одну жалость за человека.

ВОЛОС: Наливай и не думай. Скоро все кончится. Опустись свою культияпку в Средиземное море и станешь ее солями и солнцем лечить. И не гляди, что калека, с теми деньгами, что у тебя будут, все итальянские да французские курочки твои будут. Это тебе не евреек перед расстрелом у ямы барать, за такие деньги тебя холить и лелеять будут!

Прослушав разговор, оперуполномоченный Бабуш испытал тайное злорадство. Как же, будут вам европейские девочки! В зоне, сволочи, сгниете, если только раньше не повесят за ваши грехи. Вспомнят вам все — и расстрелянных, и запытаных до смерти, и изнасилованных под гогот эсэсовцев на краю смертного рва. Потом он поразился чутью Васены: как у зверя оно было, специалисты из наружки его вели, а все равно ощущал он внимание, шкурой своей чувствовал. Наружное наблюдение требовалось немедленно предупредить, чтобы работали чище и аккуратнее. Но самым интересным было в разговоре двух карателей что они от своего бывшего гестаповского начальства утаивали, чего они ему могли продать, но побаивались? И почему это что-то каратели оценивали так высоко?

— Тут много вариантов может быть, — внимательно выслушав Бабуша, сказал Коротков. — Может, Волос насаживает своего напарника, на поводке его держит, чтобы не убежал он до поры до времени. Или же обманывает он его потому, что не доверяет, боится, что Васена сам с немцем спутается, и оставят они Волоса на бобах. А быть может, и в самом деле у них есть что-то на продажу, что-то особенное, вот и боятся продешевить. Да что ты волнуешься? Возьмем подлецов, сразу все прояснится.

— А если молчать будут? — усомнился Бабуш.

Коротков положил руки на стол, демонстративно осмотрел кулаки и обещающе усмехнулся.

— Не будут они молчать, — рассудительно сказал он.

Глава восьмая

Тайга была вокруг.

Переплетаясь кронами и корнями, деревья образовывали непроходимую чащу, незаметно для глаза взбились по склонам пологих Уральских гор, заполняли распадки и ущелья, и лишь изредка в зелени кедровников и ельников серо-коричнево высвечивались гранитные и сланцевые пласты.

— Отсюда и начнем, — сказал Наум Яковлев, сверившись с картой.

— Тебя-то за какие грехи? — натянуто усмехнулся Матросов.

— За компанию, — сухо сказал Яковлев.

Все пятеро были в зимней танкистской форме — утепленные комбинезоны из чертовой кожи и куртки из этого же материала с поддевками из овчины, на головах меховые шапки, на ногах — утепленные альпинистские ботинки. Советские обувные фабрики такого снаряжения не изготавливали, поэтому ботинки были австрийскими, и это был единственный иностранный элемент в их экипировке. Впрочем, нет, ледорубы были чешскими.

Накануне Яковлев и Матросов имели серьезный разговор. Пришла депеша из Москвы, и касалась она своим содержанием Матросова, хотя эта фамилия не упоминалась в документе ни разу.

— Коллегия МГБ дает тебе необходимые гарантии, — сообщил Яковлев.

— Но мы говорили о гарантиях ЦК, — сказал Матросов. — МГБ пернуть не может без его разрешения.

— Яша, не вознось! — предостерег Яковлев. — ЦК никогда не будет решать судьбу одного-единственного зэка. Ты для них не фигура. А вождь... Он ведь судит по политической целесообразности. Есть польза от человека государству, так пусть он еще поживет, стал вреден — и говорить не о чем. У него присказка простая: нет человека — нет и проблемы, не над чем голову ломать. Абакумов обещал, что после выполнения задания он доложит Сталину все материалы по тебе. В конце концов есть и плюсы. Будучи осужденным, ты выполнял задания в Тегеране, в Индии, в Египте и каждый раз возвращался назад, зная, что тебя ждет лагерь. Это ли не доказательство того, что ты воспринял программу партии, как свою собственную? Скажу по секрету, ставился вопрос о привлечении тебя к акции в Мексике, но потом решили не рисковать. Ты мог запросто сорваться, а неудача прогремела бы на весь мир.

— И тогда обратились к Эйтингону, — кивнул Матросов.

— Испанский вариант был наиболее перспективным, — согласился Яковлев. — А у этих ребят был опыт. С Наном они работали. Теперь ты все понимаешь. Ты согласен?

— А куда деваться? — горько удивился Матросов. — Даже иллюзорная надежда все-таки лучше, чем ничего. Знаешь, Наум, последнее время я вспоминаю людей, которых знал и с которыми когда-то работал. Какие люди окружали меня! Я знал Дзержинского и Троцкого, я не раз разговаривал с Лениным, я путешествовал с Рерихами, встречался с Генри Уоллесом, общался с Далай-ламой, Сталин знал меня и относился дружески, я знал Есенина и Маяковского, дружил с Мариенгофом, поддерживал близкое знакомство с Барченко, был влюблен в племянницу Луначарского и даже оставался ночевать у Нинель... Нет, Наум, все-таки у меня была довольно удачная жизнь, не

каждому дано было сделать столько, сколько было сделано мной. Да Лоуренс Аравийский по сравнению со мной просто шенок!

— Только его за заслуги не отправляли в лагерь, — заметил собеседник.

— Тут уж виноват я сам, — решительно сказал Матросов. — Не надо было связываться с человеком, чья карта была битой. Вообще никогда не стоит поддаваться светлым воспоминаниям прошлого. Одна ошибка влекла за собой другие — Карл Радек и Преображенский настучали на меня, женщина, которую я любил, следила за мной и докладывала в ОГПУ о каждом моем шаге. Рок, Наум! И эта роковая предопределенность была следствием одной-единственной ошибки — я вернулся во вчерашний день. А в прошлое возвращаться не стоит, будущее мстит за такие непродуманные шаги.

— Завтра мы выходим, — сказал Яковлев.

— И все-таки я не понимаю, почему вы остановили свой выбор на мне, — сказал Матросов. — При желании можно было найти более хороших специалистов.

Яковлев промолчал.

Матросов слишком долго пробыл в заключении и был весьма высокого мнения о себе, к тому же он жаждал свободы и именно в силу совокупности всех этих обстоятельств не мог отнестись к сложившемуся положению критически — именно такой выбор позволял сделать операцию тайной. Для этого следовало лишь ликвидировать в определенный момент всех знавших суть происходящего. С заключенными было значительно проще. Особенно если исполнителем был назначен человек, хорошо изучивший каждого из пятерки. Наум Яковлев работал вместе с Матросовым, участвовал в разработке Криницкого и Халупняка, а что касается Чадовича, то личность его Яковлевым была изучена хорошо, он исследовал геолога долго и внимательно, знал его сильные и слабые

стороны, а потому полагал, что сумеет с ним справиться в нужный момент.

У всех четверых заключенных, привлеченных к выполнению задания, была одна отличительная черта: сделав шаг вперед, они уже не могли повернуть назад, даже если это диктовалось происходящим. Все четверо не были рыцарями без страха и упрека, у каждого были определенные слабости, на которых можно было сыграть.

И еще одно было немаловажным — все четверо могли исчезнуть бесследно. Именно это им всем и предстояло сделать после успешной операции, а помочь им в этом должен был именно Наум Яковлев, большой, хотя и тайный специалист по таким делам.

Но обременять память осужденных такими печальными подробностями Наум не торопился. Да и отношения со всей четверкой Яковлев старался строить непринужденно. Тот, кто именовался в лагере Матросовым, был опытным подпольщиком, он участвовал в организации террористических актов против немцев на территории Украины, его несколько раз и с большим успехом задействовали для этих же целей в Европе, разведывательная работа, которую он вел в Персии и в Малой Азии, только развивала его интуицию и обогащала опыт. С ним нельзя было играть — в любой момент он мог разгадать игру и придумать для нее новые правила.

Конечно же, он никогда не был Матросовым, хотя и носил множество иных имен, фамилий и кличек. В действительности заключенного звали Яковом Григорьевичем Блюмкиным, он и в самом деле с двадцать девятого года не числился в живых, поскольку официально значился расстрелянным по постановлению коллегии ОГПУ как предатель дела рабочего класса и провокатор, действовавший по указанию врага номер один советского народа — Льва Давидовича Бронштейна, которого во всем мире больше знали под его партийной кличкой Троцкий.

Яковлев и Блюмкин знали друг друга еще по Украине. Яковлев много слышал о нем — Блюмкин был членом Украинской боевой организации партии левых эсеров, членом нелегального Киевского Совета, он дрался против Директории, то поднимая восстание крестьян в Жмеринском уезде, то организовывая побег эсеров и коммунистов из петлюровских тюрем. Около Кременчуга в феврале девятнадцатого года он был задержан петлюровцами, нещадно избит и голым выброшен на железнодорожное полотно. Очнувшись, он добрался до дома путевого обходчика, долго лечился, но, узнав, что его товарищей из ЦК левых эсеров обвиняют в подготовке вооруженного мятежа, сам явился в Киевскую губчека и, шамкая беззубым ртом, сказал, что хочет видеть председателя чрезвычайки Сорина. Яковлев познакомился с Блюмкиным на первых допросах, они друг другу понравились. Яковлев с уважением следил за работой Блюмкина до самого его ареста. Как и Трилиссер, Яковлев считал, что расстреливать Блюмкина неразумно и глупо — революция могла бы иметь с этого отчаянного человека, которого по праву можно было назвать сорвиголовой, немало пользы. Яковлеву очень понравилось, что Блюмкин пришел и сдался сам в надежде защитить своих товарищей, обвиненных в заговоре против власти. Он утверждал, что целью покушения было показать бессилие немцев и заставить большевиков отказаться от позорного Брестского мира, иных целей левые эсеры перед собой не ставили. Усилия Блюмкина были усилиями Дон-Кихота, необходимое решение стоящими у власти было вынесено, но уже одно то, что Блюмкин такую попытку сделал, заставило Яковлева уважать его. Такие люди революции были нужны.

Как теперь выяснилось, к мнению Трилиссера в двадцать девятом году прислушались, хотя нельзя было исключать, что у Якова Блюмкина могли оказаться и совершенно иные ангелы-хранители.

Все это давало возможности для различного рода толкований, и еще неизвестно, какая из версий была ближе к истине. Яковлеву это очень не нравилось, и прежде всего тем, что давало ненужную самостоятельность в действиях, оценка которых зависела от политической конъюнктуры, а ее невозможно было учесть.

Все это объяснять Блюмкину было глупо, поэтому Яковлев промолчал. Наклонившись, он подхватил мешок.

— Ну, пошли, — обращаясь ко всем сразу, сказал он.

Идя друг за другом, они медленно начали спускаться в распадок.

Криницкий шел третьим, вслед за Яковлевым и Чадовичем. Было довольно морозно, но Криницкий этого не замечал. Воля была вокруг, воля, онпил ее тягучими длинными глотками, и от этого кружилась голова. Сам Криницкий к происходящему относился довольно цинично, он не верил особо в то, что свобода достанется им легко. Да и само понятие свободы было довольно относительным, он не раз слушал самые невероятные истории от других сидельцев, поэтому даже полагал, что органы свое обещание в случае удачного завершения поиска обязательно выполнят. Только это еще ни к чему не обязывало МГБ. Свобода могла оказаться временным понятием, освобождение — дьявольской западней. Кто помешал бы органам арестовать их в тот момент, когда они почувствуют себя свободными? Арестовать и напомнить какие-нибудь прошлые и окончательно забытые грехи; а если таких не окажется, то совсем несложно было выдумать новые — вроде клеветнических разговоров о советской власти в поезде к месту следования.

Но все это было лишь в предполагаемом будущем, сейчас же они шли по хрустящему снегу, впервые за много лет шли без конвоиров, никто не предупреждал их о том, что шаг вправо или влево равносителен побегу, и совсем не хо-

телось думать, чем эта свобода обернется им в недалеком будущем.

— Ты как на прогулке, — сказал ему в спину Халупняк.

Конечно же, после зоны и передвижения в строю простуженно кашляющих эзков это было настоящей прогулкой, даже тяжесть мешка не лишала Криницкого этого радужного ощущения, а для того, чтобы оно продолжалось как можно дольше, Криницкий готов был пройти Уральский хребет с юга и обратно, заглядывая в каждую норку, которую можно было бы расценить как пещеру.

У большого круглого валуна они остановились передохнуть.

— Теперь твоя очередь топтать тропу, — переводя дух, сказал Яковлев бывшему геологу. Чадович кивнул.

— Мы правильно идем? — поинтересовался Матросов, равнодушно глядя, как Халупняк закуривает. Махорочные папиросы «Север», которые в зоне называли «гвоздиками», входили в пайки, которые им выдали. Матросов и Яковлев не курили, остальные восприняли это известие с тайной радостью, и это было понятно — за счет некурящих доза дыма для остальных увеличивалась почти вдвойне.

— Да, — сказал Яковлев. — По карте здесь Богатеевская пещера, нам надо проверить ее и выяснить, не соединяется ли она с группой других пещер. А потом мы пойдем по карте. Времени у нас мало, а объектов изучения полным-полно.

— Но вы так и не объяснили, что же мы ищем, — сказал Чадович, перехватывая папиросу у Халупняка и делая жадную затяжку.

— Когда мы это найдем, — туманно сказал Яковлев, — вы сразу поймете, что именно это мы и искали. А пока не задавайте ненужных вопросов. Прежде всего — дисциплина.

Еще в машине он сказал это остальным, коротко объяснив, что по возвращении ему придется писать отчет обо всех их действиях, а ему не хотелось бы давать поведению

кого-то из них негативную оценку. Криницкий поначалу увидел в нем обычного стукача, но, посмотрев, как он держится с охраной и водителем грузовика, как разговаривал с замерзшими милиционерами на посту ОРУДа, понял, что в оценке этого неизвестного ему человека он сильно ошибался.

— Ну, вперед? — спросил Яковлев, вскидывая на плечи мешок.

Умом Криницкий понимал, что с этим человеком лучше не спорить, но все-таки обидчиво сказал:

— Вам хорошо, вы не курите. А тут уже уши в трубочку скатались. Юра, не слюнявь самокрутку, не последний дымишь.

Яковлев выругался, но вновь поставил мешок на снег, дожидаясь, пока курильщики не покончат с сигаркой. Махра в последней трети чинарика была вонючей и едкой, но Криницкий, довольный своей маленькой победой, не торопился втоптать дымящийся чинарик в снег.

Матросов стоял скучающий, только пар маленькими облачками вырывался изо рта.

Чадович опустил на колено, чтобы перевязать шнурки на тяжелых ботинках с толстыми шипастыми подошвами.

А над кучкой людей, над бесконечной тайгой, над ослепительными нескончаемыми снегами, над каменными осыпями покатых гор перевернутой чашей синели небеса, и в густой пронзительной синеве их белел серп луны..

ИЗ ПРИКАЗА ОГПУ № 242 ОТ 5 ОКТЯБРЯ 1929 ГОДА

«...Осенью 1929 года Блюмкин связывается с политическим центром троцкистской оппозиции и отдает себя в полное распоряжение троцкистского подполья, получив от Л.Д. Троцкого и Л. Сосновского директиву не выявлять своей политической позиции и использовать свое положение сотрудника ОГПУ в интересах контрреволюционной троцкистской организации. Блюмкин

берет на себя роль предателя, информируя политический центр контрреволюционной организации о работе ОГПУ.

Весной с.г. Блюмкин, будучи за границей, вступил в личную связь с Л.Д. Троцким, высланным из пределов СССР за антисоветскую деятельность и призывы к гражданской войне. Блюмкин отдал себя и своего ближайшего помощника в полное распоряжение Л.Д. Троцкого, обсуждая с последним план установления нелегальной связи с подпольной организацией на территории СССР, планы организации экспроприации, и передал Л.Д. Троцкому сведения, носящие безусловный характер государственной тайны.

Возвращаясь в СССР, Блюмкин принял конспиративные поручения от Л.Д. Троцкого и вступил в нелегальную связь с остатками контрреволюционного подполья в Москве, пытаясь выполнить взятые им на себя за рубежом обязательства.

Опасаясь ареста, Блюмкин пытался скрыться из Москвы, но был задержан на вокзале.

Объединенное государственное политическое управление, стоящее на аванпостах пролетарской диктатуры, никогда еще не имело в рядах стальной чекистской когорты такого неслыханного предательства и измены, тем более подлой, что она носит повторный характер.

Боевой орган пролетарской диктатуры не допустит в своей среде изменников и предателей, подрывающих дело защиты пролетарской революции, ОГПУ с корнем будет вырывать всех тех, которые в деле борьбы с контрреволюцией проявит колебания в сторону и в интересах врагов пролетарской диктатуры.

По постановлению коллегии ОГПУ от 3 ноября 1929 года Я.Г. Блюмкин за повторную измену Советской власти и пролетарской революции приговорен к высшей мере социальной защиты — расстрелу.

Приговор приведен в исполнение.

Приказ прочесть во всех органах ОГПУ.

Зам. Председателя ОГПУ Г. Ягода

«...Теза и антитеза. Мне зачитали постановление коллегии ОГПУ, но страха не было. Слишком долго я жил в ожидании смерти. Обидно было, что меня считали предателем. Росчерком пера меня уравнили с Азефом и Малиновским, но между нами была разница. Они предавали, я предательства не совершал. В случае с Мирбахом я выполнял решения эсеровского ЦК, как член партии я не мог не выполнить решения — вот это уже было бы предательством. Что же касается Троцкого... Я работал с ним, я видел его вблизи, и Лев Давидович был для меня живым Богом. Я искренне полагал, что его разногласия с партией большевиков временны, что недоразумения рассеются, заблуждения обеих сторон, доходящие до непримиримости, разъяснятся. Невозможно было представить Троцкого вне революционного процесса. Вот почему, узнав, что Троцкого выслали из страны, я ощутил растерянность и пустоту. Желание уберечь Л.Д. Троцкого от несомненно грозящих ему опасностей было чисто инстинктивным, размышлять я начал уже в Москве, когда привез оппозиции его послание. Но можно ли сказать, что я был связан с оппозицией и можно ли считать серьезной оппозицией балагура Радека и выпивоху Рыкова? Скорее я привез от Троцкого письмо его единомышленникам. И после этого испытал неловкость, понимая, что, будучи членом такой серьезной организации, как ОГПУ, я ни в коем разе не должен поступать таким образом.

Но личность Троцкого слишком много значила для меня, я любил его как вождя, как человека, очень много сделавшего для революции, и теперь мне предстояло умереть за это.

Несколько дней я сидел в камере и писал воспоминания, на которые истребовал время. Не могу сказать, что эти дни отсрочки укрепляли мой дух, напротив, они действовали на меня разлагающе. Помимо воли меня терзали надежды, они особенно усилились, когда в камеру пришел Трилиссер и стал расспрашивать меня, можно ли использовать в качестве агентурного связника Маяковского, и вообще попросил меня охарактеризовать творческую богему в плане его возможного оперативного использования ОГПУ. Я отвечал Трилиссеру твердо, что Маяковский слиш-

ком импульсивен для того, чтобы быть агентом. Психика его слишком нежна, как у всякого поэта, но использовать его можно в темную, отправляя в заграникомандировки вместе с ним кого-нибудь из смешного любовного треугольника, в котором поэту сопровождали сразу два секретных сотрудника ОГПУ. В этом я видел смысл и пользу для революционного дела. Трилиссер слушал меня, делал замечания, потом принес загодя приготовленную бутылку вина, и мы выпили. Трилиссер одобрительно сказал, что я хорошо держусь, еще он заметил, что лично он, Трилиссер, и начальник ОГПУ Менжинский были против расстрела, но на расстреле настояли в ЦК ВКП(б), а коли так, то ничего уже невозможно переиграть. На прощание он пожелал мне стойкости.

Я понял, что за мной придут именно этой ночью, и стал собираться с духом, чтобы достойно встретить свой конец. Около десяти дверь в камеру распахнулась, и на пороге показались конвоиры. Я знал, куда они меня поведут, сам не раз присутствовал на этой тягостной процедуре. Кровь, пролитая мною, взывала к мщению, и поэтому я был спокоен, старался быть спокойным, пока случайно не увидел свои руки — они дрожали.

— К стене, — сказал начальник конвоя.

Я смотрел на них, пытаюсь определить по глазам, кто будет стрелять. Но глаза их были пусты и равнодушны, слишком долго они ходили в исполнителях, чтобы сейчас показывать волнение. Медленно я пошел к стене и на ходу запел «Интернационал», хорошо понимая, что в этом не слишком оригинален.

Обернувшись, я не увидел исполнителей. Вместо них при слабом освещении я увидел Трилиссера с маузером в руке. Мелькнула мысль, что он не сам, не сам, его заставили измараться в смертном прахе, напомнив, что даже заместитель начальника ОГПУ не вправе выступать против решений Центрального Комитета партии.

Раздался выстрел.

Я испытал изумление, когда Трилиссер спрятал маузер, подошел ко мне и, вздернув в усмешке щепотку усиков, негромко сказал:

— Теперь ты мертв, Яков Григорьевич. Ты даже не представляешь, насколько ты мертв!

Приблизив лицо, он все с той же циничной усмешкой продолжил:

— А ты думал, партия и в самом деле тебя расстреляет, не выжав максимум, что ты можешь дать пролетарской революции?»

Я.Г. Блюмкин «Жизнь и смерти контрреволюционного революционера». Рукопись, архив ЦГАЛИ.

Глава девятая

Полковник Хваталин службу знал и понимал, поэтому уже к середине января вся техника химического подразделения была в образцовом порядке, хоть на парад выводи. Времена были такие, война еще не забылась, поэтому офицеры своими обязанностями не манкировали, да и на спортгородок выбегали в первых рядах. Был такой случай: приехал в часть командующий округом, ну и решил посмотреть, как у офицеров с физической подготовкой. Начальник артвооружения майор Чмых разбежался и оседлал коня, пузо ему не позволило преодолеть препятствие. Две последующие попытки оказались столь же неудачными. Командующий Чмыха на общем построении поставил около трибуны и долго показывал на нем, каким не должен быть советский офицер. А потом майора Чмыха комиссовали, как и двух политработников, которые не уложились в армейские нормативы по физической подготовке.

— Нам не нужны наблюдатели, — сказал командующий. — Нам нужны образцы подражания для рядовых бойцов.

Стоило ли удивляться, когда заведовавший продовольственным складом необъятный старшина Греков преодолел полосу препятствий за рекордный для части срок, учебную гранату метнул на совсем уже фантастическое расстояние, а

на турнике закрутил такое солнышко, что у всех голова закружилась. Очень не хотелось сверхсрочнику быть от запасов своих навсегда оторванным, и это еще раз подтверждало нехитрую армейскую поговорку: «Не можешь — научим, не хочешь — заставим!»

Конечно, возможно, что демобилизация майора Чмыха имела совсем иные корни. Не зря же сразу после его ухода на складе артвооружения начались какие-то секретные работы, сварка сверкала вовсю, металл листовой завозили, а потом пошли такие тяжелые контейнеры, что солдатики диву давались — два солдата и лопата, вопреки известной армейской поговорке, никак не могли заменить технику, которой эти контейнеры разгружались на территории склада артвооружения. Но ведь не было там никаких особенных снарядов, ничего похожего на артвооружение в контейнерах не было, а были в них длинные и похожие на доски свинцовые пластины, которыми обкладывалась часть склада.

В часть привезли большой деревянный ящик, похожий на снарядный, а в нем находилась свинцовая полусфера, в которую натыканы были, словно ежовые иглы, небольшие цилиндрики, которые оказались источниками радиоактивного излучения. Источники эти прятались на местности, а затем подчиненные полковника Хваталина тренировались в их поиске, используя для этого полученные переносные дозиметры. Тренировал незнакомый полковнику Хваталину бородач, который ни выправкой, ни говором никак не походил на военного человека.

Не нравилось происходящее полковнику Хваталину, очень не нравилось. Свое неприятие происходящего Андрей Антонович высказал подполковнику Генатуллину. Выпито в этот вечер было немало, быть может, именно поэтому Савочка Генатуллин был настроен несколько игриво:

— Успокойся, Андрюша. Какая радиация? Ну, пугают народ. Ученые на полигонах по несколько лет сидят, а их жены в это время рожают нормальных здоровых детей. А это же учения. Ты вот волнуешься, нервничаешь, а зря —

просто наши решили большие учения провести, проверить, как будут выполняться боевые задачи в условиях ядерного нападения противника. Было уже такое год назад, рванули бомбу, а потом солдат через эпицентр на грузовиках прогнали. Никто же не умер? Пугают нашего брата, а я где-то читал, что эта самая радиация даже полезная, от нее деревья лучше растут, микробов она убивает.

Посидел немного, плеснул себе еще водки и задумчиво сказал:

— Давай, брат, за то, чтоб хрен стоял и деньги были! Ученые еще столько разного навывдумывают, что если обо всем голову ломать, то запросто свихнуться можно. Ките-лек мой, я вижу, тебе так и не пригодился?

А через неделю после этого содержательного разговора в расположение гарнизона начали прибывать «ЗиСы» с коробчатыми, наглухо закрытыми кузовами. Разгружали их исключительно гражданские люди, которых в обычное время в расположение части никто и пустить бы не посмел. А теперь они свободно ходили по расположению, даже казарму одну специально для них отвели, потеснив военно-служащих. И это тоже доказывало, что близится что-то особенное, раньше никогда не происходившее. Определенные догадки можно было строить, но выбор вариантов был не слишком велик. Война пока отпадала, судя по газетам, все в мире не выходило за рамки обычного скубежа — заокеанские недруги лили грязь на вождя и его соратников, советские газеты вскрывали грязные махинации заокеанских капиталистов, мечтающих о мировом господстве. Оставался один-единственный вариант — шла подготовка к учениям. Причем к учениям в условиях, приближенных к боевым. А это значило, что где-то неподалеку рванут атомную бомбу, а потом внимательно станут изучать, могут ли советские солдаты и офицеры эффективно действовать в районе совершенных ею разрушений.

Но это было, что называется, неизбежное зло. Ничего тут нельзя поделывать — служба. Хуже было иное, запретили без разрешения командования покидать территорию части, а это значило, что зимняя охота накрылась. А Хваталин поохотиться любил. Глухарей, рябчиков да куропаток в близлежащей тайге было немерено, да и зайца можно было подстрелить, сохатого завалить, чтобы потом несколько недель в мясе не нуждаться. А Хваталин поесть любил, и не просто поесть, а вкусно поесть: рябчик в домашней сметане — это, знаете ли, произведение искусства, не уступающее по своему значению картинам, скажем, Крамского или Маковского. Запреты, наложенные командованием, ничего, кроме уныния, не вызывали. Но все-таки ходили среди офицерского состава слухи, с чем это было связано. Слухи эти были насквозь фантастическими, и верилось в них с трудом. Особенно не верилось в то, что неизвестным летательным аппаратом были уничтожены самолеты расположенного неподалеку авиационного полка. Не могло такого случиться, не война же! Да и кто бы дал неизвестному самолету безнаказанно летать в самом центре Советского Союза, где сходились на одной параллели Европа и Азия? Но, подумав немного, вполне можно было предположить, что истина в этих слухах все-таки была, и все приготовления, которые полковник Хваталин уже начал ощущать на собственной шкуре, были связаны именно с этим.

Косвенно это подтверждалось еще и тем, что зимние отпуска личному составу были отменены. Получалось так, что все они были на территории части словно в тюрьме — туда не ходи, сюда не моги, в отпуск не смей... Слава Богу, хоть письма еще писать разрешали! И то ведь Андрей Антонович чувствовал, что все писать в этих письмах тоже нельзя. От родственников письма приходили еженедельно, но предательски смазанные почтовые штемпели на конвертах и нестыкующиеся края уголков, по которым конверты заклеивались, свидетельствовали о том, что цензура не дремлет. Поэтому некоторые тайны письмам доверять

не следовало, особый отдел всегда мог появиться неожиданно и спросить — зачем и почему, не забыл ли, дорогой товарищ, что однажды присягу принимал?

Полковник Хваталин маялся с безделья. Секретный фильм, которым он располагал для демонстрации ужасов атомного оружия, был известен уже каждому, сведения о разрушениях и воздействии ядерного и химического оружия на организм законспектированы всеми, а учебно-боевые задачи с личным составом решал неизвестный бородач. Что еще оставалось делать полковнику, если техника уже была приведена в порядок, сопутствующие задачи в принципе решены, а свободного времени оставался воз и маленькая тележка? Жены дома не было, она уже отправилась к родителям Хваталина обживать новое место и готовить уютное семейное гнездышко, если только терпения хватит дожждаться демобилизации мужа. Некуда ему было время девать. И что обидно — даже скоротать его на охоте было невозможно.

Правда, кормить стали отменно. В офицерской столовой наблюдалось прямо коммунистическое изобилие, а в буфет завезли столько шоколадок «Красный Октябрь», что буфетчица украсила ими витрины, выложив красивые горки, высвечивающие серебристой фольгой. Еще там вполне свободно продавался армянский коньяк, который по слухам пил сам Черчилль, а закусить его можно было бутербродом с красной икрой, которая по офицерскому жалованью стоила прямо копейки, особенно если учитывать прошлогоднее снижение цен.

Для служебного пользования

ВЫПИСКА ИЗ ИНСТРУКЦИИ

О временных правилах гигиены для лиц, оказавшихся в зоне радиоактивного заражения

Боец, оказавшийся в ходе боевых действий в зоне радиоактивного заражения, вызванного подрывом ядерного боеприпаса или

распыления радиоактивных веществ над местностью, немедленно по выходе из зоны радиоактивного заражения и прохождения дозиметрического контроля должен:

1. Сменить обмундирование и сдать его для дезактивации в службу ПОХР.
2. Искупаться в чистой воде (принять душ, осуществить иной мыыв тела), при этом стараться обильно использовать мылящие средства, которые способствуют удалению радиоактивных отложений с тела.
3. Немедленно подстричь ногти на руках и ногах, так как радиоактивные отложения могут сохраниться именно там.
4. Дезактивировать личное оружие средствами индивидуального дезактивационного пакета.

Начим Уральского военного округа

Подпись.

Глава десятая

Аресты, как правило, проводились в вечернее и ночное время. И дело было совсем не в запугивании и давлении на психику подозреваемого. Напугать можно и в камере, да и допрос в кабинете МГБ тоже спокойствия человеку не прибавляет, а при иных обстоятельствах основательно портит нервы подозреваемых.

Дело было совсем в ином. Во-первых, к ночи все люди собираются дома, а дом для ареста наиболее привлекателен с оперативной точки зрения. Аресту всегда сопутствует обыск, а обыск, в свою очередь, лучше всего начинать именно с домашнего адреса. Рабочее место можно обыскать и позже. А задержание подозреваемого в вечернее время гарантирует, что он никого не успеет предупредить и возможные вещественные доказательства, которые могут храниться на работе, на даче или у знакомых, никуда в этом случае не денутся. Да и ближайшие родственники аресто-

ванного в вечернее время всегда будут под рукой. Во-вторых, арест в вечернее или ночное время позволяет «выдержать» человека незаметно для окружающих, что немало важно, и открывает порой необходимый простор для оперативных комбинаций, которую гэбисты называют игрой.

Был и еще один немаловажный фактор — сотрудники государственной безопасности подстраивались ко времени, которым жили вожди в Кремле и на местах. А те жили исключительно ночной жизнью, сплошные «совы» среди них были, а склонные к раннему подъему «жаворонки» на ответработе долго не выдерживали. Прокурора на работе легче было найти вечером, партийное руководство тоже не спешило с работы уйти, все жили по режиму, который без каких-либо приказов и требований установил вождь, и потому считалось, что именно так живет вся страна.

Бабуш не понял, чего начальство так засуетилось. Все шло нормально, схема связей уже не помещалась на ватманском листе, который Александр Николаевич по старой памяти взял в конструкторском бюро «Уралмаша». Особых причин для суеты не было, даже напротив — некоторые ниточки уже потянулись в столицу, и это было естественным: где же еще шпионской головке обитать, как не в столице? Поэтому Бабуш сильно удивился, в спешке можно легко оборвать столичные связи Фоглера и Волоса, но спорить было глупо, раз начальство решило, значит, не раз уже было отмерено, самое время резать.

Васену брали расчетливо — в пригородном поезде.

Самое поганое место в Свердловске — это железнодорожный вокзал. Вытянутый вдоль площади, он стал пристанищем многочисленных бездомных, инвалидов, окрашенных болтливых шмар и сексуально озабоченных граждан. Здесь постоянно крутятся разные жулики, бегут по своим неотложным делам огольцы, которыми заправляют морщинистые дяди с пустыми равнодушными глазами, здесь покупают и продают, курят наркотики, пьют дешевые гад-

кие портвейны и еще вино, которое называют гармыдром или тошниловкой и которое представляет собой перебродивший яблочный или ягодный сок. Происходящее вокруг не вызывает ни у кого особенного интереса, люди заняты своими заботами, и им нет дела до других, а милиция в вечернее время не особо стремится показываться на холодных скользких перронах, важно прогуливаясь в теплых прокуренных залах и время от времени вытягивая в тесную дежурку кого-нибудь из постоянных обитателей вокзала.

Это только в книгах шпионов укладывают на пол хитрыми приемами джиу-джитсу, а они нещадно палят из вороненых «вальтеров», которые выхватывают с отменной ловкостью. В отношении Васены все было продумано заранее. Поднявшись в тамбур, Васена подозрительно посмотрел на двух огольцов в смятых под гармошку прохарях, кепках-малокопеечках и при шерстяных шарфах, закутывающих горло. Оба были к тому же в военных галифе и в щегольски коротких овчинных полушубках. Дурак сообразит, кто в вагоне прокатиться решил! Один из урок сверкнул фиксой и весело спросил, отвлекая внимание Васены на себя:

— Чего уставился, дядя? Знакомых увидел?

И в это время ничем не приметный мужичок, куривший у входа самокрутку, коротко и расчетливо ударил Васену по крутому стриженому затылку рукоятью нагана. Васена захрипел и осел на пол, но упасть не успел — блатные огольцы подхватили его под руки и неторопливо повели в кусты, где стояла машина. Даже если и увидел кто из посторонних, сразу же сообразил — грабеж или разборки воровские, на задержание это никак не походило.

Группа наружного наблюдения сигналов тревоги перед началом операции не подала — отъезд Васены из города никто не контролировал, и не было причин опасаться, что его сообщникам станет известно об аресте. Впрочем, даже это знание им бы ничем не помогло — в мастерской Фрамусова шел обыск, сам Фрамусов — бледный от напряже-

ния и волнения — в наручниках стоял у стены, а его рабочих уже увезли в управление для допросов.

— Сами тайники покажете, Виктор Гаврилович, или нам их искать? — поинтересовался Коротков из-за стола.

— Это какая-то ошибка, — облизывая губы, сказал задержанный. — Я не бандит какой-нибудь, откуда тайникам взяться? Вы ошиблись, товарищи. Моя фамилия Фрамусов. Виктор Гаврилович Фрамусов. Заведую мастерской. Какие тайники? Что нам в них прятать?

— Не знаю, — честно сказал Коротков, просматривая лежащие на столе бумаги. — Откуда мне знать, что вы можете прятать от нескромных глаз, Виктор Гаврилович? Кстати, вас не коробит, что я к вам так обращаюсь?

— А почему меня это должно коробить? — удивился Фрамусов.

— Ну, все-таки большую часть жизни вас звали совсем иначе. — Коротков встал и кивнул следователю, который тут же занял место за столом и принялся рыться в большом черном портфеле в поисках бланка протокола осмотра места происшествия.

— Понятых бы надо, — негромко сказал он Короткову.

— Александр Николаевич, — сказал Коротков, не отрывая внимательного взгляда от Фрамусова. — Слышал следователя? Действуй.

Понятые ждали в машине. Были они из числа доверенных лиц МГБ, проверенных в деле не один раз, и Бабуш считал это правильным — глупо ведь привлекать к секретным делам посторонних лиц, этак от секретности останутся одни воспоминания, постороннему трудно удержаться от того, чтобы не поделиться своими знаниями с окружающими. Поплывут по городу сплетни, дойдут до тех, кому о случившемся знать не надо, вот и окажутся все приготовления напрасными, а секретность — мнимой.

Одному из понятых было около тридцати, второму было далеко за сорок, но серой стертостью черт и безли-

костью они походили на родных братьев. Тот, что был постарше, рассказывал, как в выходные он ловил рыбу на Патрышихе.

— Щука берет, — восторженно восклицал он. — Веришь, за полчаса четырех вытянул, и каждая — килограмма на три, не меньше. Жадно берет, на блесну отзывается. Но лучше все-таки на малька, живность она веселее хватает. А сосед лунки долбить замучился, а все одно — ни одной поклевки.

— Согрешил небось, — сказал молодой. — Вот и не было везения. Вот у меня был случай, за час два тайменя вытащил, а потом заводь нашел, там линек, какой линек, Паша, тащишь его из воды, а бока у него золотисто-розовые, плавники красные растопырит...

— Делу — время, а потехе — час, мужики, — сказал Бабуш, и понятия, забыв свои рыбацкие рассказы, полезли из салона машины на мороз.

В мастерскую они вошли без особой робости, не впервой им было в обысках участвовать. Вошли, встали у входа, с любопытством всматриваясь в бледное лицо Фрамусова.

— Приступим, — сказал следователь, пробно чиркая пером ручки в уголке протокола. — Гражданин Фрамусов, предлагаю вам добровольно выдать предметы, которые имеют безусловное отношение к вашей преступной деятельности.

Фрамусов, конечно, уже понял все, но то, что его еще ни разу не назвали подлинной фамилией, внушало ему некоторые напрасные надежды, которым предстояло развеяться в самое ближайшее время. Все возможные ситуации заранее прокачали в кабинете начальника управления, каждый пункт операции был разработан в деталях и продуман до конца, поэтому Коротков не торопился, хладнокровно отдавал пока инициативу следователю.

— Нет у меня никаких таких предметов, — сказал Фрамусов. — И преступной деятельностью я, гражданин следователь, не занимаюсь.

— Но Кодекс-то читали, — поднял следователь небольшую книжку. — И внимательно читали, как я посмотрю.

— Это исключительно для себя. — Фрамусов прижал руки к груди и всем своим видом излучал угодливость. — Смотрел, как бы законы какие не нарушить по незнанию. Время-то какое? Сам ничего не нарушишь — работнички нерадивые подведут.

Коротков не сомневался, что обыск в мастерской ничего не даст. Дурак будет хранить что-то тайное и опасное там, где работает несколько непричастных к разведработе людей. А Фрамусов дураком не был, опыт у штурмбаннфюрера был такой, что находящийся в подчинении Короткова оперуполномоченный Бабуш рядом со штурмбаннфюрером казался необученным щенком. Тем не менее он продолжал подыгрывать следователю, неторопливо начав осматривать кабинет Фрамусова от двери и по часовой стрелке, как предписывали соответствующие наставления и инструкции. Фрамусов с любопытством наблюдал за его действиями. Несомненно, он сразу угадал в Короткове старшего, и сейчас изощренный в интригах и иной интеллектуальной игре ум немца лихорадочно просчитывал варианты, заставляющие Короткова скрывать истинное положение дел. Ничего, придет время — поймет. Больше всего Короткова беспокоило, как обстоят дела в Верхнем Тагиле, куда руководить операцией уехал Николай Николаевич. Конечно, хотелось бы там иметь человека, знакомого с местными условиями, так ведь и с начальством не поспоришь. Успокаивало то, что с Николаем Николаевичем уехали два областного, да и начальник милиции, который получил указание содействовать МГБ во всех вопросах, если верить Бабушу, был человеком решительным и цепким.

Бабуш методично осматривал колченогий обшарпанный стол начальника мастерской, вынимая из ящиков все имеющиеся там бумаги и складывая их на углу стола для последующего внимательного изучения. Вид у него был сосредоточенный, любой бы сразу угадал в оперуполномоченном новичка, впервые участвующего в обыске.

Следователь внимательно наблюдал за задержанным, чтобы по признакам неожиданного волнения постараться определить местонахождение компрометирующих его документов или предметов. Фрамусов это понимал, но сразу видно было, что он ничего не боится — тонкие бледные губы то и дело раздвигались в еле заметной язвительной улыбке.

Понятые тоже с огромным любопытством наблюдали за Фрамусовым. Они не знали, что сделал этот человек, почему его арестовали сотрудники госбезопасности, но все равно в их глазах Фрамусов был врагом, поэтому во взглядах понятых было торжество и презрение. Торжествовали они, потому что враг был задержан с их посильной помощью, но задержанный, а потому не представляющий опасности враг не мог у них вызывать иного чувства, нежели презрение.

Мастерская была полна самых разнообразных бытовых приборов, запчастей к ним, сломанных и уже не подлежащих ремонту вещей, в которых можно было копаться сутками и ничего не найти.

— Что вы хотите найти? — неожиданно поинтересовался Фрамусов. — Скажите, может, я чем-нибудь смогу помочь вам.

— Вам это уже объяснял следователь, — скучно сказал Коротков. — Документы, записи и иные вещи, которые свидетельствуют о вашей преступной деятельности.

— Для этого я должен знать, — забросил удочку Фрамусов, — за что именно меня арестовали?

— За шпионаж, родной, за шпионаж. — Коротков присел на корточки, выгребая техническую литературу с нижней полки этажерки.

— Вот тут я вам ничем помочь не могу. — Фрамусов ухмыльнулся. — Если бы вы меня арестовывали, скажем, за антисоветскую пропаганду, я бы это понял. Анекдоты там, про начальство нелестно высказался. Но шпионаж! Я же не совсем сошел с ума, чтобы идти под расстрельную статью! Как честный советский гражданин...

Нет, русским он владел отменно, надо полагать, не хуже, чем родным языком.

Коротков вполоборота глянул на него.

— А вот в этом я очень сильно сомневаюсь, — признался он.

— В чем? — Фрамусов продолжал улыбаться. — В том, что я не сошел с ума? Или в том, что шпионаж у нас карается высшей мерой социальной защиты?

— В том, что вы находитесь в здравом уме и твердой памяти, — Коротков встал и с книгами в руках шагнул к столу, — лично я несколько не сомневаюсь. И как наше родное государство наказывает за шпионаж, я тоже знаю не из книжек. Сомнительно мне совсем другое — гражданин-то вы, конечно, гражданин, только вот какой страны?

Удар достиг цели. Фрамусов побледнел.

— Пустое дело, — сказал Коротков, с досадой откладывая оформленные на ремонт бытовой техники заказы, неподшитые накладные и прочую бумажную мутотень, которая неизбежно накапливается в результате деятельности любой конторы. — Только время теряем. Дмитрий Павлович, ознакомьте товарища Фрамусова с протоколом задержания.

Некоторое время он с любопытством наблюдал, как бывший заведующий мастерской знакомится с протоколом задержания. А там было черным по белому указано, что задерживается не какой-то пренебрегший законами советс-

кий гражданин, а нацистский военный преступник штурмбаннфюрер Пауль Фоглер, нелегально проживающий на территории СССР по документам Виктора Гавриловича Фрамусова, 1908 года рождения, и при этом активно занимающийся разведывательно-шпионской деятельностью в пользу так называемого агентства Гелена и ряда западных держав. Державы эти в постановлении не персонифицировались, в этом пока не было особой нужды.

Дочитав документ, Фрамусов поднял глаза на контрразведчиков. Лицо его осунулось, исчез даже намек на язвительную улыбку. И его можно было понять: простой разведчик, попавшись в лапы контрразведывательной службы, еще может надеяться на некоторую снисходительность неизбежного суда. Все-таки принадлежность к славному представителю ордена рыцарей плаща и кинжала еще мало о чем говорит, вполне возможен был обмен, да и в случае осуждения можно было надеяться на пусть даже долгосрочное, но заключение. Объявление же военным преступником подобные возможности отметало напрочь, в этом убеждали послевоенные судебные процессы над немецкими высшими офицерами, особенно если принадлежали они к СС или гестапо. Коротков мог дать гарантию, что называющий себя Фрамусовым немец уже почувствовал удушливость удавки, охватившей его шею. Но это было только на пользу делу — легче было с бывшим штурмбаннфюрером общий язык найти.

Именно это обстоятельство Коротков и не замедлил подчеркнуть.

— Вот так, штурмбаннфюрер, — сказал он, подмигивая Фоглеру. — Есть о чем подумать, верно? Умные да разговорчивые — не чета фанатичным дуракам, у них всегда остается надежда на благоприятный исход. А жизнь фанатиков, история это только подтверждает, она всегда заканчивается стеной.

И кивнул все еще роющемуся в бумагах Бабушу:

— Организуйте доставку задержанного во внутреннюю тюрьму МГБ, лейтенант. Будьте повнимательней, нам попался далеко не ягненок, мы держим за хвост настоящего волка. А вы, Дмитрий Павлович, особо не мудрствуйте, уложите все эти бумаги в коробки, да опечатайте. Мы их на досуге разберем.

И опять он с тревогой подумал, как обстоят дела в Верхнем Тагиле? От удачи в городке областного подчинения зависело многое, одного Васены да городских связей Фоглера было недостаточно, обязательно требовался Волос, способный разговаривать штурмбаннфюрера Фоглера, да и сам по себе Волос представлял немалый интерес. Судя по выражению серых внимательных глаз немца, тот тоже думал о Верхнем Тагиле. Для него Волос из верного помощника превратился в нежелательного свидетеля.

— Я так понял, — сказал Фоглер, — обложили вы меня качественно. Мы могли бы поговорить наедине? — повернулся он к Короткову.

— Ну что же, — благодушно сказал тот, — теперь у нас с вами будет много времени для разговоров.

Глава одиннадцатая

Чувство свободы улетучилось бесповоротно.

Так оно обычно и бывает — баран, нагулявшийся в поле до дрожи в ногах, начинает мечтать о стойле.

Горел костер, выхватывая из сумрака темные и усталые лица. В котелке, что висел над огнем, булькало варево, распространяя запах разогреваемой тушенки. Темным пятном на белом снегу выделялась палатка, в которой им предстояло ночевать.

Шел третий день поисков. Поиски были безрезультатными, поэтому настроение у сидящих перед костром было гадкое. Уродовались, как бобики, а что толку? Кто бес-

плодные усилия оценит? И самое главное, Криницкий не мог понять, что они ищут. Яковлев и Матросов на его вопросы не отвечали, хотя и видно было, что оба хорошо знают предмет поисков. Чадович равнодушно пожимал широкими плечами. «Какая тебе, на хрен, разница? — удивлялся он. — По мне, хоть вход в преисподнюю, лишь бы лишнюю неделю без вохры и жулья прожить!» Халупняк недоумевал не меньше Криницкого, но тоже особого любопытства старался не проявлять. Он вообще оказался довольно меланхоличным и не терял этого душевного спокойствия даже в самых напряженных ситуациях. Помнится, один раз он сорвался почти с отвесной перемычки, фонарик погас, Арнольд на страховочном фале болтался внизу, над бурлящей подземной речкой, уносящейся куда-то в глубь горы, и только спокойно бормотал снизу: «Погодите, мужики, сейчас закреплюсь... Вот гадость, костыль уронил... Вы не спешите, а то у меня веревка размочалилась вконец, боюсь, не выдержит...» Веревка действительно не выдержала, только чуть позже, когда Арнольд с мокрым, но непроницаемым лицом оседлал перемычку. «Силен, — одобрительно сказал Матросов. — С тобой в Гималаи запросто можно идти». Криницкий не знал, действительно ли Арнольд справился бы в Гималаях, но в разведку он его с собой взял бы не задумываясь. Такие хлопцы, как Арнольд Халупняк, на фронте были в цене. Иной интеллигент, впервые отправившись в поиск, или палить начинал на каждый шорох, или, наоборот, прижимался к земле, когда надо было переходить к активным действиям. Таких труда стоило переучить. А Арнольд в любой ситуации успевал оглядеться и прокачать действия товарищей и грозящую всем им опасность, а решение принимал единственно верное, ошибок не допускал.

Чадович оказался не слишком ловок в лазании, но имелось у него одно незаменимое качество, которое, похоже, выработалось за долгие годы экспедиционных

скитаний, — он четко определял ниши и углубления, в которых пещера получала свое неожиданное продолжение, и свободно отделял их от тех, в которых пещера заканчивалась тупиком.

Человек, которого в зоне называли Матросовым, вообще вел себя так, словно всю жизнь прожил в горах. Однажды, когда они исследовали Царевы палаты, имевшие в центре небольшое круглое озеро, Матросов без фонарика спустился вниз и вернулся к костру с целой низкой широких белоглазых рыбин, которые еще били хвостами. Как он их наловил, для Криницкого осталось загадкой. А Матросов надергал в одном из пластов охряно-красной глины, облепил этой глиной рыбины и уложил их прямо в пламя. Для того чтобы полакомиться ароматной, хоть и совершенно несоленой рыбой, достаточно было только разбить хрупкий слой глины. «Ловко!» — сказал Криницкий. Матросов, не поворачиваясь, объяснил, что именно так готовили рыбу многие первобытные племена, так ее продолжают готовить некоторые народности Индии и Северной Африки. Чувствовалось, что в данном случае это были отнюдь не книжные знания. И вообще он вызывал у Криницкого особый интерес. По обмолвкам в разговорах можно было составить обширную карту мест, где этот человек побывал. А побывал он в Монголии, некоторое время жил в Иране, знакомы ему были Северный Китай, Индия и Тибет, не понаслышке он судил о персах и бедуинах, вспоминал, как фотографировался верхом на верблюде в Египте, как устанавливал Советскую власть на Украине и был до полусмерти избит петлюровцами, которые его раздетого бросили умирать на снегу близ железной дороги. Впрочем, и о книгах этот человек судил очень здраво, а в редкие минуты отдыха рассказывал о своих знакомых поэтах, писателях и театральных режиссерах. И все его рассказы походили на правду, по крайней мере хмурый Яковлев, который, судя по всему, давно был знаком с Матросовым, рассказчика не

прерывал, хотя и крутил недовольно головой, не одобряя излишней откровенности. А слушали Матросова с интересом — он был близко знаком с Маяковским, Есениным, Мариенгофом, Таировым, Булгаковым и Мандельштамом, поддерживал Шершневича, встречался с Гумилевым, да и поэтесс зачастую вспоминал с томной довольной улыбочкой, хотя на записного донжуана совершенно не походил. «Нет, Яша, — сказал однажды Яковлев. — Горбатого могила исправит. Ты все тот же хвостун и болтун. Потому и в неприятности постоянно попадал. Держал бы язык за зубами да знакомых выбирал правильно, далеко бы ты пошел, я чувствую».

Вот уж кто не нравился Криницкому, так это Яковлев. За версту от него несло чекистским душком. Да и само поведение его Криницкому не нравилось — эта постоянная настороженность, подчеркнутое внимание и вежливость, способность неожиданно возникать рядом с разговорившимися между собой товарищами, умение уходить от неприятных вопросов, — все говорило о том, что человек этот был неплохим психологом и хорошо знал, что делать в этой нестандартной ситуации. Впрочем, Яковлев и сам не особо скрывал свои властные полномочия, одно то, что именно он должен был давать характеристики всем участникам этой загадочной экспедиции, говорило о многом, как, впрочем, и то, что цели этой экспедиции были известны лишь ему и, может быть, в определенной степени Матросову.

Сейчас они сидели у костра, но ощущения единой команды не было. Не хватало тех незримых нитей, которые рождаются взаимоприязнью и ощущением единства целей. Чадович шумно потянулся, поворошил поленья в костре, заставив взвиться над землей рой огненных мошек.

— Рассказал бы что-нибудь, Матросов, — лениво сказал он. — Простой раз ты о Маяковском рассказывал, про вечера в Политехе, интересно рассказывал, хоть и не

верится, что все это правда. Но ты весело рассказываешь, тебя слушаешь с удовольствием. Давай трави что-нибудь такое.

— Это точно, — хмуро сказал Яковлев. — Рассказывать он умеет. Язык у него без костей. Ну, расскажи, расскажи мужикам что-нибудь из своей прошлой жизни. Глядишь, тебе это зачтется.

— Не пугай пуганого. — Матросов отошел, и слышно было, как он мочится у темных, почти сливающихся с вечерним сумраком кустов. Потом он вернулся и сел, вытягивая руки к огню. — Ты ведь не заложишь старого приятеля? И они промолчат. Им просто интересно, а кто ты такой, кем я был, им на все это положить с прибором. Яков Григорьевич — и все дела. Так я говорю, Юрок?

Чадович, к которому относился вопрос, пробурчал что-то одобрительное, заворочался у костра.

Матросов вздохнул.

— Сейчас бы искупаться, на солнышке погреться, — мечтательно сказал он. — Криницкий, ты был на море?

— А как же, — сказал Криницкий. — Я сам с Балтики.

— Балтика — это не то, — вздохнул Матросов. — У вас пасмурных дней много, а море — это солнце, синие волны, песочек и витамины. Хорошо купаться в Японском море. Кстати, у китайцев удивительная кухня. В Китае я ел яйца по рецепту зятя. Берутся куриные яйца, обжариваются в масле до золотистого цвета, потом эти яйца нарезаются четвертинками и посыпаются жареными луком, чесноком и перцем чили. А потом делается соус из пальмового сахара, рыбного соуса и сока тамаринда. Готовые яйца поливаются соусом и украшаются киндзой. Вкус незабываемый. Интересно было попробовать бульон с ласточкиными гнездами или, скажем, глазированных в меду перепелов с маринадом из пяти специй...

— Это у тебя, Яков Григорьевич, аппетит разыгрался, — сказал Криницкий. — Глазированных перепелов не обе-

щаю, а вот гречу с тушенкой мы сейчас будем пробовать. А каким, позволь спросить, ветром тебя в Китай занесло?

— Были у меня там дела, — вздохнул Матросов. — А вообще там чаще всего блюда из риса готовят. У них там рис разных сортов — есть красный рис, есть жасминовый и басмати-рис, тайский душистый рис или, скажем, черный клейкий рис... А чай там вообще к высоким искусствам относят. Я пил чай из лепестков розы пучонг и жасминовый чай, ароматы необыкновенные...

— Юра, — сказал Криницкий Чадовичу, — снимай варево с огня, иначе мы слюной подавимся.

Чадович снял котелок с огня и поставил между товарищами. Некоторое время все пятеро неторопливо ели. Обстоятельность, с которой они это делали, не оставляла времени для разговоров.

Небо совсем потемнело, над миром одна за другой вспыхивали звезды. Как это обычно бывает в горах, звезды были крупные и яркие, они образовывали привычные глазу созвездия — метнулся в черную бездну Лебедь, затаился в засаде Стрелец, Большая Медведица вела за собой Малую, у горизонта повисла перевернутой буквой «дубль-вэ» Кассиопея, неярким, но заметным пятнышком высветились Стожары, далекий звездный мир смотрел на землю, видя человеческие безумия и поступки.

— Смотрите, — неожиданно сказал Халупняк. — Звезда летит!

Сидящие у костра люди подняли лица к небу.

Между небесных созвездий с запада на восток медленно катилась маленькая помигивающая звездочка. Неторопливо миновав горы, она покатилась дальше на запад, оставив наблюдавших за ней людей в растерянности. До взлета первого искусственного спутника Земли было еще добрых семь лет, поэтому картина движущейся звездочки рождала в наблюдателях удивление.

— Может, самолет? — предположил Чадович.

— Вряд ли, — убежденно отозвался Матросов. — Пусть даже в кабине самолета горел свет, вряд ли мы бы увидели его с такого расстояния. А для метеора движется слишком медленно. Впрочем, чего гадать? Есть много, друг Горацио, на свете, что и не снилось нашим мудрецам... Однажды я уже видел нечто подобное. Не в лагере, — остановил он готового что-то сказать Чадовича. — Раньше, гораздо раньше...

Это случилось пятого августа одна тысяча девятьсот двадцать седьмого года в урочище Шарогол, когда Матросов-Блюмкин сопровождал экспедицию Рериха на Тибет. Неподалеку от Улан-Давана они увидели огромного черного грифа, который летел наперерез яркой звезде, медленно движущейся над горами. Звезда летела с севера на юг. Когда она приблизилась, участники экспедиции увидели объемистое сфероидальное тело, которое очень ясно наблюдалось на фоне густой небесной синевы и двигалось очень быстро. Через некоторое время сияющий сфероид сменил направление полета к юго-западу и вскоре скрылся за снежными пиками хребта Гумбольдта. Сопровождавшие экспедицию ламы попадали на колени:

— Это знак Шамбалы!

— Вы были в Тибете? — удивленно спросил Криницкий. Матросов сделал небрежный жест рукой.

— Надо же было кому-то посчитать горные силы англичан!

Яковлев проворчал что-то неодобрительное.

Проявить любопытство Криницкий не успел.

— Смотрите, смотрите! — закричал Халупняк, который уже закончил еду и спускался к чернеющей на снегу палатке. — Черт! Да смотрите же, больше вы такого никогда не увидите!

Над темной, едва угадывающейся в ночи вершине горы висел огромный серебристый диск. Он светился так, словно его со всех сторон освещали прожектора. Диск напоми-

нал две тарелки, сложенные таким образом, что выемки находились внутри. Между серебристыми выпуклостями темнела щель, из которой на землю падали тонкие голубоватые лучи. Завиваясь спиралью, лучи эти образовывали ажурную фантастическую башню, основание которой начиналось где-то на склоне горы, а вершиной являлся сам диск. Лесная тишина наполнилась странным монотонным жужжанием. Лучевая башня меняла свою освещенность — она то ярко вспыхивала, то бледнела, почти исчезая во тьме.

— Засекай направление, — хрипло сказал Яковлев, больно и жестко стискивая плечо Криницкого. — Давай, давай, ищи ориентиры, мы посветлу должны определить, где эта штука висела! Давай, дружок, не теряй времени!

Сам он наклонился к своему вещмешку, и Криницкий увидел в его руках «лейку».

Матросов, к удивлению Криницкого, торопливо вырвал из кострища рогулины, на которых крепился котелок, заметался по снежному полю, втыкая рогулины в снег.

— Быстро! — закричал он. — Делай такие же!

Что он там видел, в темноте? Тем не менее Криницкий поспешил к нему на помощь. Новые рогулины он рубить не стал, помнил место, где лежали те, что не пошли вечером в дело.

Пока Матросов возился с рогулинами, Яковлев торопливо щелкал фотоаппаратом, время от времени меняя точку съемки. Несколько раз от торопливости он упал в снег, но даже не заметил этого.

— Не получится, — с сожалением сказал Криницкий, жадно разглядывая парящую в небесах сферу. — Темно очень.

— Много ты понимаешь! — рявкнул Яковлев. — У меня пленка такой чувствительности, фотографии — четкие как китайская графика! Помогите Блюмкину!

Так-так-так! Криницкий едва не расхохотался. Хмыри хитрожопые, в тайны играть вздумали. Сами же и прогово-

рились. Значит, Яков Григорьевич никакой не Матросов, Блюмкин его фамилия. Блюмкин Яков Григорьевич, память на мгновение обожгло мимолетным воспоминанием, которое тут же ушло, ничего не оставив после себя.

Сияющий диск медленно опускался на склон горы. Он уже висел так низко, что почти сливался с освещенным снегом. И еще было видно, что на склоне горы темнеет углубление, которое вполне могло оказаться входом в пещеру. Но проверить это можно было только днем.

Яковлев тихонько заматерился — у него кончилась пленка.

И тут произошло такое, что Криницкий не поверил своим глазам. Не могло себя единое материальное тело так себя вести, законы физики ему это не позволяли! Но тем не менее он все видел собственными глазами — сияющий диск неожиданно словно затуманился, поверхность его покрылась пятнами, а потом диск неожиданно разделился на несколько маленьких дисков, которые, повисев в воздухе, один за другим начали исчезать в темном углублении.

— Черт! Черт! — стонал Яковлев. — Идиот! Ну, почему я не оставил несколько кадров, чтобы заснять это? Яшка, ты успел засечь направление?

Криницкий повернулся, посмотрел туда, где возился Блюмкин, и не увидел его. Неудивительно — Блюмкин уже сидел у костра и неторопливо пил чай. Некоторое время темная фигура его четко выделялась на белом снегу рядом с черно-алым кострищем, потом вокруг начало стремительно темнеть, и они вновь оказались в окружении звезд и деревьев.

— Что это было? — спросил вернувшийся к костру Халупняк.

— Что было... — Яковлев уселся у огня, толкнул Блюмкина в спину, протягивая ему кружку. — Налей и мне! Что

было, что было... Как вы уже догадались, это было то, что мы с вами искали в последние дни. А где Чадович?

— Смылся Чадович, — хрипловато отозвался тот из-за спины Яковлева. — Наложил в штаны и побежал отмыться. Нет, вы скажите, почему нам оружия не дали? Все-таки в тайгу отправили!

— Ага, — успокоенно отозвался Яковлев. — Выпусти вас из лагеря, да еще и оружие дай. Только и дел у МГБ, что банду из бывших политзаключенных организовывать. Скажите спасибо, что дали вам возможность вину свою загладить.

— Да какая у меня вина? — искренне удивился Чадович. — Это у Арнольда вина, нечего было пистолетом перед носом начальства махать. А у меня совсем другое дело, у меня неудачное стихосложение, можно сказать, юмор, граничащий с сатирой. Вождь ведь как говорил: нам, говорил он, нужны Гоголи и Щедрины, чтоб бичевали недостатки общества и людей, которые по складу своему не годятся для светлого будущего.

— Ты не людей критиковал, — сказал Яковлев. — Ты на партию замахнулся. Ты гордость народную под сомнение поставил.

— Так то ж не я виноват, — вздохнул Чадович. — Кто ж повинен в том, что эта гордость народ раком поставила и никакой передышки ему не дает?

Халупняк громко и неопределенно хмыкнул.

— Ладно. — Блюмкин пнул разговорчивого белоруса в бок, давая понять, что не слишком подходящие место и время он нашел для откровенных и ернических разговоров. И не с тем человеком на эти щекотливые темы разговаривал. — Хватит споров, спать надо ложиться, завтра рано вставать. По нужде далеко от палатки не отходить, не дай Бог, ориентиры порушите, Яковлев нам головы поотворачивает, есть у него такие полномочия. Верно, Наум?

Глава двенадцатая

Криницкий никак не мог уснуть. Обстановка тому не способствовала. Нет, не то чтобы ему какие-то особые условия нужны были, в бараках бывало и похуже. Храп Чадовича его не раздражал, да и тихие стоны Халупняка стали уже привычными. Яковлев спал спокойно, даже дыхания его не было слышно. Тихо и ровно дышал Блюмкин, который еще недавно был Матросовым. Все было бы нормально, только вот духан держался в палатке такой, что резало в глазах. Давно бы пора к этому привыкнуть, а вот не привыкалось. Может, потому и не спалось. Блюмкин... Блюмкин... Криницкий эту фамилию слышал, он мог в этом поклясться, только никак не мог вспомнить, где ее слышал. Что-то связано было с Ленинградом, но что? Криницкий лежал на спине, слыша, как потрескивают от мороза деревья и шипит снег на догорающем костре.

Снег шипит...

И еще он шуршит о стенки палатки. Значит, снова начался снегопад. А если начался снегопад, то все ориентиры, которые сделал Блюмкин, к утру заметет, и вся работа пойдет псу под хвост. Блюмкин... Откуда Криницкому была так знакома эта фамилия? Блюмкин Яков Григорьевич. И знакомства с питерскими поэтами. Это ничего не давало. Нет, среди питерских знаменитостей у Криницкого знакомых не было. Он закрыл глаза, некоторое время лежал, слушая шелест снега о брезент. Блюмкин. Яков Григорьевич. Ничего не вспоминалось. Ну и черт с ним. Можно подумать, от воспоминаний что-то зависит. Ну, вспомнится, в связи с чем эта фамилия Криницкому знакома, что из того? Гораздо важнее понять, что они сегодня ночью наблюдали. Что это был за диск? Фантастика какая-то. Сплошной Жюль Верн. Но именно это являлось предметом их поиска. Нашли. Скоро все прояснится — или им сказали правду, и тогда всех ждала обещанная свобода, или они

вновь вернуться в лагерь, но вернуться хранителями какой-то важной тайны, и тогда о свободе можно и не мечтать. Никто их не отпустит из лагеря, сгноят во имя сохранения этой тайны. Третьего варианта не было. А собственно, почему не было? Третий вариант стал сейчас ясен Криницкому, так ясен, что он открыл глаза и почувствовал, как холодеют скулы. Был третий вариант, и для гэбэ он был, пожалуй, самым приемлемым. Ни свобода с соответствующими подписками о неразглашении, ни пожизненное содержание причастных к тайне в лагере не давали гарантий их молчания. Зато третий вариант обеспечивал это молчание навсегда. «Интересно, — подумал Криницкий. — Где нас пристукнут? В лагере? Или это сделает Яковлев?» Если исходить из интересов дела, то, конечно же, это должен сделать именно Яковлев. Сразу после того, как они станут ненужными, а потому — опасными.

И от осознания того, что жить ему осталось не более чем до конца недели, Криницкий вдруг почувствовал успокоенность. Странное дело, он никогда не задумывался о смерти, даже в самые тяжелые годы пребывания в лагере он всегда нацеливал себя на единственную задачу — выжить, но, по возможности, сделать это порядочно и не подличая, как это делали другие, более слабые духом. Теперь проблемы выживания не было. И не могло быть. Все было решено какими-то другими людьми, о которых он, Криницкий, никогда и ничего не узнает. Большие люди, которые, мать их, вершат человеческие судьбы.

Чувствуя растущую неприязнь к Яковлеву и некоторый страх перед ним, Криницкий инстинктивно попытался отодвинуться, но в тесной палатке сделать это было трудно, почти невозможно. Он лег на бок, лицом к заледеневшему брезенту, и холод остудил его пылающее лицо.

И когда он был уже готов погрузиться в зыбкий, похожий на бредовое забытие сон, память напомнила ему о Блюмкине. Ну конечно! Конечно же! Помнится, знакомый

рассказывал ему о полубезумном бакинском музыканте со странным именем Реварсавр. Конечно, это был псевдоним, музыканта звали как-то иначе. Да, Арсений Авраамов, он еще назвал себя Революционным, так и получилось — Реварс-авр. В двадцатые годы он по поводу какого-то великого праздника затеялся отметить его невиданной симфонией. Трубы всех нефтяных промыслов, окружавших Баку, должны были составить один колоссальный орган, на котором этот самый Реварсавр замыслил сыграть «Интернационал». Маленькие сирены пароходов и лодок, что стояли в бакинском порту, должны были соединяться группами, чтобы аккомпанировать трубам. Дирижировать исполнением должен был сам музыкант, подавая знаки пушечными выстрелами. Удивительно, но Авраамов добился разрешения и денег на это. Представление, конечно, сорвалось по каким-то причинам, о которых Криницкий не помнил. Но он вспомнил другое: помогал этому самому Реварсавру, как рассказывал знакомый Криницкого, видный чекист Яков Григорьевич Блюмкин, тот самый, который в восемнадцатом году застрелил германского посла в Москве Мирбаха. Тогда об этом много писали.

Ну конечно же. Блюмкин Яков Григорьевич. Левый эсер, который когда-то застрелил германского посла, а потом стал чекистом. Получалось, что Матросов в своих рассказах не врал, он действительно прожил жизнь авантюриста от революции. И авантюрная жилка привела его в лагерь.

Теперь, когда память вытащила на поверхность сознания эти подробности, Криницкому вспомнилось и другое. Помнится, читал он стихотворения Вадима Шершневича, тоненький такой сборничек, в котором было стихотворение, посвященное этому самому Блюмкину и из которого Криницкому почему-то запомнились первые строки:

Другим надо славы, серебряных ложечек,
Другим стоит много слез,
А мне бы только любви немножечко
Да десятка два папирос...

Да, судя по всему, этот Шершневич немножечко поскромничал. Блюмкин от славы не бежал, потому и хвастался своим прошлым, рассказывал о своей жизни. Значит, чекистом был наш Яков Григорьевич... Понятно тогда, почему он так запросто с Яковлевым снюхался. Ворон ворону, как говорится...

И словно лопнула пружина, распиравшая Криницкого изнутри. Загадки больше не было, и уставший мозг тут же воспользовался этим для того, чтобы отдохнуть. Это и не сон был, так, забытие, когда тело спит, а органы осязания фиксируют все происходящее вокруг, время от времени вырывая организм из дремоты, когда опасность начинает казаться ему несомненной.

Поэтому пробуждение не оказалось для него таким тягостным, как для Арнольда, — Криницкий выбрался из воючей, но теплой палатки, сел на корточки и зачерпнул рукой мягкий пушистый снег. Умывшись снегом, он растянул куртку и вытерся подолом хлопчатобумажной черной куртки.

— Черт! Черт! — визгливо закричал Яковлев. — Откуда? Надо же, какая невезуха! Где твои значки, Яша? Где?

— Под снегом, — равнодушно и спокойно объяснил Блюмкин. Раздевшись по пояс, он решительно обтерся снегом и принялся торопливо одеваться. Криницкий внимательно оглядел его и отметил, что для своего возраста Блюмкин выглядит вполне спортивно. Мышцы у него были развиты, и брюшной пресс оставался в достаточной степени накачанным. — Кто же знал, что за ночь столько снега навалит? А чего ты психуешь? В целом направление я помню. Сейчас позавтракаем, чайку горячего глотнем и потопаем в том направлении. Ну, какая разница — десяток лишних километров особой роли не играют.

— Это тебе один хрен, — уже спокойнее сказал Яковлев. — Тебе в зону возвращаться не хочется, да и им, пожа-

луй, туда не слишком охота. Я-то ради чего должен корячиться?

— Не хочешь, возвращайся и жди, — предложил Блюмкин. — Мы быстренько сбегает, выясним все и доложим. Чего ты волнуешься, Наум? Или тебе нельзя нас оставлять? Так куда мы денемся — ни денег, ни одежды, даже продуктов в достатке нет. Да и надежда вещь такая — пусть хрупкая она, только потерять ее никто не торопится.

По недовольному сопению Яковлева стало ясно, что Яков Григорьевич попал в самую точку: оставлять заключенных без сопровождения ему категорически запрещалось; быть может, Яковлев получил и еще более строгие инструкции, но пока скрывал их от остальных участников экспедиции.

— Ну, чего вы все психуете, — неожиданно сказал Чадович. Он уже развел огонь и теперь подкладывал в разгорающееся пламя зеленые сосновые лапы. — Ну, замело ваши метки, и бог с ними. Я еще вчера по-своему сориентировался.

Он тяжело приподнялся от огня, подошел к березке, стоящей отдельно от остальных деревьев, и принялся внимательно оглядывать ветки. Стряхнув с одной из них снежную шапку, он отошел на шаг, потом вернулся, стряхнул снег еще с одной ветки.

— Во! — сказал он. — Чистый нивелир.

Яковлев торопливо подошел к нему.

— Где? — хриплым от волнения голосом спросил он.

— Сюда смотри, — охотно показал Юрий. — Вот между этих рогулек. Видишь темное пятнышко? А теперь просто глазами посмотри. Ну?

— Вижу. — Яковлев посмотрел вперед, потом вновь наклонился, чтобы взглянуть так, как показывал Чадович. — Вижу!

С одной стороны, два десятка километров — это не расстояние. Марафонцы больше пробегают. А с другой — ты

попробуй их пройти по свежему, еще не слежавшемуся снегу, да еще по бездорожью, когда не знаешь, что там, под пеленой снега, находится. Карта у Яковлева была довольно подробная, но, приблизившись, они поняли, что обозначившаяся на склоне пещера на карте отсутствует.

— Привал, — сказал Яковлев. — Торопиться не будем.

— А что мы будем делать? — спросил Чадович, бросая на снег тяжелый мешок с палаткой и усаживаясь на него.

— Будем наблюдать, — коротко объяснил Яковлев.

И они наблюдали.

Смотреть особо было не на что — нетронутый снег был на склоне, редкие деревья, от корней до ветвей закутанные в снег, да темное углубление пещеры, которое не особенно бросалось в глаза. Не зная о нем, вход в пещеру можно было искать очень долго, да и не факт, что это была именно пещера. Вполне вероятно, что перед ними находился вход на заброшенный рудник, в котором когда-то давно добывали медь или малахит. Таких заброшенных рудников в горах было множество, раньше люди работали без предварительной геологической разведки, наткнулись на жилу, и давай ее потихонечку разрабатывать — тайно, если работали без хозяина, или открыто, если рудник принадлежал заводчику. Времена были простые, а кроме руды или малахита, можно было вполне прилично обогатиться, если повезет на самоцветы, которые на Урале не редкость.

— И долго мы будем мерзнуть? — поинтересовался Криницкий. — Если долго, то давайте хоть костер разведем, околеем ведь с холода.

— Костер разводить не будем, — сказал Яковлев.

— Тогда хоть палатку поставим, — настаивал Криницкий. — Я ее снегом присыплю, совсем незаметной будет. Примус разожжем и будем там греться. Один наблюдает, остальные в тепле. А меняться будем. Холодно ведь! И вообще — сидеть здесь глупо. Давайте проверим пещеру.

Сомнения меня берут, как такая огромная штука могла там поместиться? Это какое там пространство должно быть?

— А если она там? — Яковлев развязал свой мешок, порылся в нем и достал военный бинокль. — Забыли, как оно вчера делилось? Надо понаблюдать и убедиться, что это не разовая стоянка, что здесь у объекта постоянное, так сказать, жилище. Если так, то будет нас ждать основная работа. Если приказ на то поступит. А насчет палатки... Действуй, пусть тебе в этом Арнольд поможет. А мы пока посидим понаблюдаем.

Палатку сворачивали второпях, даже лед с брезента не сбили, поэтому больших трудов стоило ее достать из мешка. А развернуть ее под заснеженными деревьями оказалось еще труднее. На помощь пришел Чадович. Опыт у геолога был большой, поэтому под его руководством Криницкий и Халупняк с установкой задачи справились довольно быстро. Не торопясь они принялись забрасывать палатку снегом. Много проще было бы стряхнуть на нее снег с нависавших деревьев, но нужно было поговорить, поэтому особо и не торопились.

— Серега, что скажешь? — Широкой ладонью Чадович, как лопатой, загребал снег и швырял его на стенки палатки. Варежки геолог решил не мочить, поэтому обмотал руку полотняной тряпкой, в которой не сразу можно было признать мешочек для костылей. — Веришь ты этим гребням, что нам свободу дадут, или нам фуффло задвигают?

Криницкий покосился на наблюдателей. Похоже, к ним не прислушивались.

— Дырку от бублика мы получим, — сказал он. — Мы, Юрок, судя по всему, причастны к каким-то государственным тайнам. Ты что, считаешь, эти ребята дураки? Думаешь, они искренне считают, что подпиской о неразглашении заткнут нам рты? Нет, браток, эти люди свое дело знают туго. Не думаю, что мы волю скоро увидим. Я сразу подумал, еще тогда, — а на кой ляд мы им сдались? Нагна-

ли бы сюда людей из военной разведки, те быстро бы вынюхали, где и что находится. А взяли нас. Почему? Потому что убирать военных опасно, слухи могут начать гулять нехорошие. Другое дело — ээка. Умер Максимка — и хрен с ним. Не собираются они нас выпускать. Я даже думаю, они нам после всего и жить не разрешат. Даже в зоне.

— А Матросов? — продолжая свое занятие, спросил белорус.

— Он такой же Матросов, как мы с тобой папуасы. Слышал, как его вчера этот самый Наум вгорячах назвал? Блюмкиным он его назвал. Тебе это имя что-то говорит?

— А должно? — удивился белорус.

— Историческая личность. В восемнадцатом он застрелил германского посла в Москве. А потом работал в чека. Ну и втюхался во что-то, лагерем его пожаловали.

— Мужики, вы серьезно? — робко спросил Халупняк. — Они же обещали!

— Обещала девка утром в поле дать, — пробормотал Чадович. — Вот оно и поле. Девки не видать!

— И что делать? — Сергей Криницкий снова покосился на наблюдателей. Яковлев что-то разглядывал в бинокль, Блюмкин сидел рядом и что-то задумчиво рисовал на снегу.

— Не знаю, — признался Чадович. — Но в зону не хочется. Мне и того, что отсидел, с избытком хватило. А тут глотнул воздуха, вспомнил былую свободу, так поганно на душе стало! Я же почти всю Среднюю Азию проехал, на Колыме у якутов своим человеком был... Не тянет меня обратно к уркам и вохре. Не скучаю я, Сережа, по бараку усиленного режима. Уж ежели все так, как ты предполагаешь, то лучше бы кончили сразу.

— Но почему?! — тихо закричал Арнольд. — Почему нельзя выполнить свои обещания? Мы сделали то, что от нас требовали, они пусть выполняют то, что нам обещали, и все дела. Как урки говорят — зад об зад, и разбегаемся в разные стороны.

— Арнольд, сколько тебе лет? — прищурился Чадович.

— Двадцать девять. А что?

— Да ничего. Я думал, ты школу недавно окончил. Наивный ты, Арнольд, словно с немцем не воевал, вшей в окопах не бил. Это мне надо таким быть, я всю войну в глубоком тылу отсиживался, по сибирским рекам плавал да морошку жрал. Взрослеть уже пора.

Больше поговорить им не удалось.

К палатке спустился Яковлев. Глядя на заключенных воспаленными подозрительными глазами, устало сказал:

— Эй, политические, хорош в заговоры играть. Дежурить будем по очереди. Криницкий будет наблюдать с Матросовым, ты, белорус, будешь дежурить со мной, а тебе, террорист, придется сидеть одному. Смотри не засни — замерзнешь!

Тут и несмышленишу стало бы ясно: не зря Яковлев их делит таким образом — разъединяет, чтобы разговоров тайных не вели. И еще из этого вытекало совершенно определенно то, что Блюмкину своему Яковлев в определенной степени доверяет. Не боится по крайней мере, что Блюмкин с геологом бывшим общий язык найдут.

Глава тринадцатая

Нет, не напрасно Коротков волновался за происходящее в Верхнем Тагиле. Что говорить, опыт! Это в Свердловске прошло все гладко да чисто, информация «Серова» в том немалую роль сыграла — взяли всех чисто, без шума, да еще и дачу установили, которую Фрамусов снимал у инженера Седых с УралТЭПа. Инженера, конечно, на всякий случай тоже загребли, но Бабушу казалось, что это лишняя предосторожность, не при делах был инженер, слишком чистые анкетные данные у него были, да и за пределы области он никогда не выезжал.

— Невиновен — отпустим, — внушительно сказал Коротков. — Лес рубят, Саша, щепки летят. В нашем деле лучше перебдеть, чем недобдеть. Ясно?

И, не отходя от кассы, выдал историю из своего богатого прошлого, как в тридцать девятом году в Баку они проморгали одного незаметного с виду человечка, который, казалось бы, никаким боком не мог быть причастен к делам группы французской разведки, которую интересовали нефтяные промыслы, а он как раз и оказался резидентом, за нераспорядительность и нерасторопность многие тогда пострадали. Радоваться надо было, что никого не посадили, только использовали с понижением. Это только после войны уже выяснилось, что французы и англичане перед войной были встревожены политикой СССР по отношению к Германии и даже планировали разбомбить азербайджанские нефтяные промыслы, чтобы лишить Гитлера русской нефти. А стань это известно в предвоенные годы, то все для контрразведчиков кончилось бы значительно хуже: как пить дать припаяли бы им работу на французскую разведку, и тогда еще неизвестно, чем бы все закончилось, может, кому-нибудь и «вышку» дали бы. Время такое было, для церемоний места просто не оставалось.

Бабуша эта история не слишком убедила, да как-то и не верилось, что французы с англичанами рискнули бы пойти на такой шаг. Вполне вероятно, что всю эту историю сам Коротков в педагогических целях придумал.

Но тут приехали оперативники с обыска, который делался на снимаемой Фрамусовым даче, и результат обыска был таков, что начальник управления сразу же все засекретил. Оперативники привезли металлическую коробку, на которой виден был шов недавней пайки. Коробка была довольно внушительной — около метра высотой, полметра шириной и сантиметров пятьдесят, если не больше, в толщину. В коробке находилось существо странного вида. Ни на одного знакомого Бабушу зверя это существо не похо-

дило, но сразу же заставило Александра вспомнить рассказ лесника. Несомненно, что Маришкин «кузнечик» и это существо находились друг с другом в близком родстве.

Существо было небольшим, сантиметров девяносто росту в нем было, и при этом тельце существа было щуплым, хиленьким, куда там подростку, до третьеклассника это субтильное существо недотягивало. А голова у него была неожиданно крупная, лишенная растительности и обтянутая гладкой зеленой кожей. Там, где были естественные впадины или выпуклости, кожа заметно темнела, становясь почти черной. Глаза занимали почти половину головы, они были прикрыты глянцевыми веками, но когда врач тронул кожу пальцами, на присутствующих уставились темные яблоки с вертикальным, как у змеи, зрачком. Над глазами, свиваясь в спирали, торчали странные тонкие отростки, заканчивающиеся небольшими утолщениями, окрашенными в темный цвет. Ушные раковины отсутствовали, вместо них на черепе были небольшие припухлости, снабженные раздвоенными щелями. Вместо носа у существа имелась темная выпуклость, почти полностью пересекающая то, что можно было с натяжкой назвать лицом. Под этим выпуклым швом имелось маленькое круглое отверстие, такое маленькое, что Бабуш даже засомневался, можно ли назвать его ртом. Нет, описание лесник Тимофеев дал исчерпывающее: у существа, как и у человека, были четыре конечности, каждая из которых заканчивалась четырьмя многосуставчатыми пальцами. Оно было голым, но каких-либо половых признаков Бабуш у него не заметил.

— Ничего себе уродец, — поднял седые брови Коротков. — Это что же за тварь такая?

Бабуш некоторое понятие о существе имел, но высказывать его вслух было опасно, ведь о встрече лесника Тимофеева с подобным уродцем он никому не докладывал, а его нынешние объяснения могли вызвать лишь недоумение и подозрительность — почему раньше молчал?

— Руки есть, ноги тоже, — неопределенно заметил он, — значит, не животное. Животное рук не имеет.

— Имеет, — поправил его Коротков. — Есть животное, у которого ног нет, только четыре руки. Обезьяна называется. Не-ет, что ни говорите, а у меня к нашему штурмбанн-фюреру теперь особый интерес имеется. Ох есть нам о чем поговорить! Долго этой падле объясняться придется!

И совсем уж некстати бросил Бабушу:

— Вот ты, Саня, спрашивал, зачем инженера задерживали. А если наш немец к этому уродцу никакого отношения не имеет? Вдруг это хозяйское барахлишко?

— Помните, вы читали в деле, как скрытница о зеленых богах рассказывала? — спросил Бабуш. — Вам не кажется, что это то самое божество и есть? Из тех, что в схроне у Волоса жили под Теплой горой.

— Разберемся, — уверенно сказал Коротков и вдруг спохватился: — А что это наш Николай Николаевич не звонит? Они ведь к этому времени в Верхнем Тагиле тоже закончить уже должны.

Должны были, да не закончили. Это уже потом выяснилось.

Нет, сначала и в Верхнем Тагиле все шло как по нотам. Нормально начиналась работа. И спланированы задержания были вполне грамотно, и силы задействованы вполне достаточные, поэтому никто не предвидел, как оно все обернется.

А Волос был вооружен. И оружие у него было необычное, против такого оружия с ГТ да ППШ идти было все равно что с рогатиной на мамонта. Хотя говорят, наши предки на мамонта именно с рогатиной и ходили. Пока милиция чистила дома известных благодетелей, вытаскивая на свет Божий подслеповатых от подпольной жизни скрытников и скрытниц, Николай Николаевич брал Волоса. Но где-то, видимо, прокол случился — хозяина дома оперативники повязали быстро, а вот Волос, который но-

чевал в специально оборудованном подполе, успел про-снуться. Никто и опомниться не успел, как полы избы вспу-чилились, откуда-то снизу метнулись языки пламени, и по-полз дым. Сначала подумали, что Волос подорвал гранату, но связанный и тяжело переживающий свой арест хозяин дома Аким Хвостарев хрипло пояснил:

— Пистолет у него такой, в виде фонарика. Стреляет без звука, а рушит все, как из пушки стреляли. Видел я, как он однажды здоровенный кедр из него свалил. Тот кедр ватага дровосеков полдня бы рубила, а он только фонари-ком этим повел — и готово дело.

Но в данном случае мощность неведомого оружия об-ратилась против самого Волоса. Не учел он, что сам нах-одится в замкнутом пространстве, его самого первым и на-крыло. Правда, сразу его в хаосе и мешанине досок и би-тых банок с соленьями найти было трудно, да и пожар дол-го тушили — изба-то бревенчатая была, не один год стояла, дерево и так было смолистое, а тут еще просохло до хруста, потому так все славно и горело.

Удивительно, но Волос был жив. Из ушей у него текла кровь, кровь пузырилась на губах, но все равно опасен он был, очень опасен. Поначалу на него особого внимания не обращали, а бывший каратель нашел в себе силы для броска и достал ножом находящегося рядом оперативника. На Во-лоса набросились, некоторое время его просто били, потом связали, и он сидел на развороченном выстрелом поле — страшный, с землистым, долго не видевшим солнца лицом, заросшим окладистой рыжей бородой. Был он в подштанни-ках и нательной рубаше. На оперативников смотрел зло — освободи руки, обязательно кинется и удавит.

— Ищите, из чего он в нас там палил, — распорядился раздосадованный Николай Николаевич.

Успешное задержание — это когда все тихо случается, незаметно для окружающих, а тут уж о какой незаметности говорить можно, когда столько народу набежало пламя сби-

вать. Прокол это был, явный прокол, хотя и взяли всех живыми. А ведь был вариант, излюбленный московской школой. Эмма Судоплатова на занятиях в разведшколе не раз рассказывала, как они с помощью снотворного обезвреживали в войну террористов. Дешево, как говорится, и сердито. Тем более что Хвостарев как раз в этот день в коопторговом магазине две бутылки брал, можно было бы через местного начальника милиции все вопросы решить.

— Нет ничего, — спустя время доложили из развороченного подпола, из которого несло сырой гарью.

— Все равно ищите, — сказал Николай Николаевич.

Искали тщательно, но безуспешно.

— Потому и задержались, — раздраженно рассказывал Николай Николаевич, не глядя на присутствующих в кабинете. — Волоса допрашивать пока невозможно, ему дня три надо, чтобы в себя после контузии прийти. Слава Богу, опера он порезал не сильно, а то бы еще и труп получили. У вас-то все нормально?

Его провели в подвал, показали контейнер с существом. Николай Николаевич особой брезгливостью не отличался — приподнял веки существа, некоторое время разглядывал его зрачки, потом взял длинную худую руку и внимательно исследовал пальцы.

— Что-то в нем от лягушки, — сказал он, вытирая пальцы носовым платком. — И такой же скользкий. Фоглера уже допрашивали?

Фоглера допрашивали. Бывший штурмбаннфюрер внимательно ознакомился с ориентировкой по собственному розыску, немного посидел над бумагой, задумчиво потирая подбородок, потом поднял глаза на Короткова.

— Солидно подготовились. Давно меня вели?

Коротков хмыкнул и незаметно для задержанного подмигнул Бабушу — как же, будем мы выдавать свои секреты!

Это вам, господин штурмбаннфюрер, надо об откровенности думать, вам надо шею от веревки оберегать.

Фоглер это понимал, наслышан был о советских судах, судивших немецких военнослужащих, объявленных военными преступниками. Поэтому он был откровенен, о своем задании рассказывал подробно, но все-таки темнил — по крайней мере маршрут, которым он прибыл в Свердловск, вызывал определенные сомнения.

Из рассказа Фоглера выходило, что в Пуллахе, где находился центр организации Гелена, давно интересовались проблемой странных летательных аппаратов, которые наблюдались во время войны над Германией и Европой, а после войны — над Америкой. От русских источников, которые Рейнхард Гелен активизировал после того, как его организация вышла из-под эгиды военного министерства США и оказалась под крылом созданного в 1947 году Центрального Разведывательного Управления, поступила информация, что подобные летательные аппараты созданы русскими, и аэродромы базируются на Урале. Поверить в это было несложно, все знали, что много предприятий русские в годы войны перебазировали именно на Урал и даже дальше, в Сибирь. Поскольку источник сообщал, что лично наблюдал взлеты и посадки этих непонятных летательных аппаратов, информация заинтересовала американцев, и они начали требовать от Гелена передачи этих источников информации им на связь. Однако Гелен был против и выступал за сотрудничество, оно обеспечивало определенное финансирование, в котором организация нуждалась. Отдать источники информации значило остаться нищими. Поскольку источники не сообщали координат аэродромов, Гелен поручил установление местонахождения этих аэродромов Паулю Фоглеру. Разумеется, предприятие это было рискованным, более того — оно могло оказаться смертельно опасным, ведь Фоглер был занесен русскими в списки военных преступников за его деятельность на территории

Украины. Но предложенное вознаграждение было велико, и Фоглер согласился. Он надеялся на то, что небольшие исправления, внесенные во внешность опытными хирургами, его изменят, русским языком он владел более чем хорошо, а документы, по которым он отправлялся в Союз, были подлинными. Сам Фоглер полагал, что задание не окажется особенно трудным — попасть на Урал, встретиться с источниками, которые работали на Гелена, уточнить у них координаты баз русских ВВС и проверить информацию визуальным способом.

Однако его ожидали трудности. Источник, на которого он сильно рассчитывал, был арестован органами МГБ, раскопавшими к тому времени, что этот источник служил в годы войны в организации ТОДТа*. Вторая явка — ее Фоглер получил в Пуллахе — оказалась фиктивной — человек, который должен был обеспечивать связь Фоглера с другими негласными сотрудниками Рейнхарда Гелена, выехал неизвестно куда, и Пауль Фоглер оказался в очень сложном положении — без связей, без денег, которые он должен был получить в России, к тому же документы его оказались не столь уж надежными, как обещал начальник паспортного бюро организации Гелена, — все жители оккупированных в годы войны областей брались органами МГБ под колпак в случае их переезда на новое место жительства, особенно если такими местами являлись центры оборонной промышленности. Поэтому Фоглеру пришлось избавиться от имевшихся у него документов и раздобыть новые.

— У попутчика в поезде? — небрежно поинтересовался Коротков.

Задержанный отвел взгляд в сторону.

— Труп вы зарыли около станции в лесу, верно? — продолжил Коротков. — Сами понимаете, еще одно убийство,

* Немецкие военно-строительные части. Стройбат, одним словом. — *Примеч. автора.*

к тому же совершенное в мирное время, ничем не облегчают вашего будущего, господин Фоглер, напротив — последствия этого поступка делают ваше будущее еще более проблематичным.

— Вы хотите сказать, что меня расстреляют? — флегматично спросил задержанный. — Знаете, внутренне я готов к этому. В годы войны мы были непримиримыми противниками, нельзя же думать, что позорный мир, в результате которого не стало единой Германии, сделал обе стороны более терпимыми друг к другу. Вы коммунист? А я был национал-социалистом с одна тысяча девятьсот тридцать второго года. Мы — противники, между нами вряд ли возможен мир.

— Как знать, — осторожно сказал Коротков. — В иных случаях там, где невозможен мир, возможны перемирия.

— Только не говорите, что мы могли бы совместно работать, — сморщился Фоглер. — Не надо намекать на возможность сотрудничества. Я никогда не поверю, что вы готовы простить мне кровь ваших сограждан, вы ведь знаете, чем я занимался в Харькове, в Ровно и в Сумах!

— У нас будет время обсудить эти вопросы, — сказал Коротков. — Вернемся к сегодняшнему дню. Как вы вышли на Волоса? Это был запасной вариант?

— Скорее случайный, — сказал немец. — О Волосе мне рассказал переводчик харьковского гестапо, которого я случайно встретил в Свердловске. Мне кажется, он тоже из этого племени бегунов. Адреса его я не знаю, но знаю, что он последнее время много занимался переводами для технического бюро завода «Уралмаш». Невысокий блондин лет сорока, на правой щеке родинка. С такими приметам вам его будет нетрудно установить. Не знаю, какую фамилию он носит сейчас, но в Харькове он был Витковским Станиславом Алексеевичем. Кстати, не могу сказать, подлинная ли эта фамилия. Я хотел его слегка прижать и заставить работать на себя. Так вот, Витковский откупился от

меня Волосом. Волоса я знал лучше, знал, что крови на нем достаточно для любого вашего суда. Поэтому не приходилось бояться, что он меня выдаст, скорее мне приходилось опасаться его, поэтому я делал вид, что за мной более чем мощная организация, которая располагает большими возможностями в России. Это подействовало. Постоянная связь с Волосом осуществлялась через бывшего полиция Васену. Впрочем, это вы, наверное, уже знаете. Никогда не поверю, что вы взяли меня без предварительной разработки. Мы этого не делали даже в войну, а сейчас мирное время, поэтому возможностей для активной разработки у вас более чем достаточно. Думаю, что Хвостарев работал на вас.

Бабуш удивлялся откровенности шпиона: конечно же, немец не мог не знать, что его ожидает. Поэтому Бабуш считал, что Фоглер замкнется и не проявит этой неожиданной, на его взгляд, словоохотливости. Сам бы Бабуш постарался молчать до последнего.

— Комсомолец ты наш, — сказал ему после допроса Коротков. — Он же знает, что мы из него все выжмем. Сыворотку колоть будем, гипнотизера пригласим, в крайнем случае, если понадобится, яйца будем в дверь зажимать. Игра проиграна, тем более взяли его как военного преступника, свежий труп на нем, так зачем же дело до крайностей доводить? У него ведь два варианта — спокойно все рассказать, по возможности утаивая детали, или рассказать все, но при этом отхаркиваться кровью и ползать у нас в ногах. Так какой вариант выгоднее и проще? И потом — надежда. Она ведь человека никогда не оставляет, каждый надеется на личное бессмертие. А вдруг он нам понадобится, вдруг какое-то соглашение, продляющее жизнь, все-таки возможно!

Но пока допрос продолжался.

— Откуда взялся контейнер, который обнаружен на даче, арендованной вами у инженера Седых, и что это за суще-

ство в нем находится. — Коротков ловко пододвинул арестованному раскрытую коробку «Казбека». Фоглер отрицательно покачал головой, немного помолчал, потом неохотно сказал:

— Я бы мог сказать, что не имею к контейнеру никакого отношения, но вы, видимо, уже задержали Васену и Волоса, поэтому я не заставлю вас блуждать в потемках. Затяжки времени ни к чему не приведут. Это в годы войны можно было надеяться на наступление наших частей. Труп существа привез Васена, когда выяснилось, что никаких русских аэродромов со спецтехникой нет. У меня был серьезный разговор с Волосом. Обмана я не терплю, я так и сказал ему. Волос испугался. К тому же я начал требовать с него деньги, которые отдавал ему для организации поисков. И тогда он рассказал, что неизвестные летательные аппараты не являются новейшими русскими самолетами. Ими управляют вот эти самые существа, а откуда аппараты берутся, Волос не знал, но предполагал, что они обитают в подземельях. А в доказательство прислал мне это тело. Оно ни на что не похоже, верно? Формалин я купил у санитаров городского морга, а запаивал контейнер сам. — Немец посидел немного, печально улыбаясь, потом сообщил: — Еще два дня — и я бы уехал. Контейнер я бы переправил через шведское посольство, у нас сохранились там некоторые связи, тем более что Гелен обещал им выяснить местонахождение Валленберга, шведского дипломата, которого СМЕРШ арестовал в Венгрии и нелегально вывез в Россию. Еще два дня... — Он досадливо хлопнул себя ладонью по колену. — Это невезение, господи, Бог от меня отвернулся, наверное. Он был недоволен, что я связался с этим адским отродьем!

— Вы говорили, что нуждались в деньгах, — вспомнил Коротков. — За счет каких средств вы финансировали Волоса и его компанию?

— Нет, господа, успокойтесь, — с презрительной улыбкой сказал Фоглер. — Я не грабил русские банки. Осев в Свердловске, я отослал поздравительную телеграмму во Львов на фамилию Шекулева, до востребования. Через неделю ко мне приехал человек, встреча с которым состоялась на заранее обусловленном месте. Генерал Гелен предполагал такой ход событий. Человек привез мне изрядную сумму. Кто он, я, к сожалению, не знаю. Могу сказать, что, по некоторым предположениям, этот человек принадлежал к украинскому националистическому подполью. Но это мое предположение, не более.

— Сумма, которую вам привезли, была в рублях или в иностранной валюте?

— Господи, конечно же, в рублях! — нервно засмеялся немец. — Вы же не думаете, чтобы я метался по городу в поисках людей, у которых иностранную валюту можно обменять на рубли?

— Это увязывается с последними разговорами Волоса и Васены, — сказал Коротков. — Уверен, что немец не врет. Ему просто нет смысла врать. Он еще надеется выжить.

— С бывшими полициями вы разберетесь сами. — Николай Николаевич прошелся по кабинету. — Контейнер с телом существа необходимо отправить в Москву. И сделать это надо незамедлительно. Сопровождение оперсоставом надо организовать, груз слишком важен, чтобы доверить его фельдсвязи. Теперь насчет Фоглера. У вас будет три дня, чтобы провести необходимые допросы и, если понадобится, очные ставки. Потом я заберу штурмбаннфюрера в Москву. Судя по всему, нам будет о чем говорить с ним. Ведомство Гелена ищет выход на западногерманское правительство, да и деятельность самого ведомства давно тревожит Москву. Восточные немцы пока не слишком справляются с этим хитрецом. Так что необходимые для сопровождения документы должны быть оформлены в ближайшие дни — копии протоколов допросов, необходимые

постановления, иначе говоря, все, что необходимо для соблюдения уголовно-процессуального законодательства хотя бы в рамках дела. Остальное вас не касается.

— Дмитрий Павлович, — повернулся он к начальнику управления. — Кстати, подготовьте представления на отлучившихся сотрудников. Все-таки не каждый день таких матерых хищников ловим. И последнее — из протокола допроса Фоглера тянется немало ниточек к другим лицам. Необходимо отработать инженера Седых, установить этого переводчика из харьковского гестапо да и все известные связи надо отработать как можно тщательнее.

— Эта работа уже ведется, — обиженно и потому несколько холодно сказал начальник управления. — Вам, конечно, в Москве виднее, но и мы здесь, как видите, не лаптем щи хлебаем. Это ваше право, но не стоит нас учить азам оперативной работы.

Николай Николаевич сообразил, что в начальническом рвении допустил бестактность, и побагровел.

— Извините, Дмитрий Павлович, — сказал он. — У меня и в мыслях не было обидеть вас.

Глава четырнадцатая

Криницкий заблуждался, думая, что Яковлев и Блюмкин нашли общий язык. Трудно найти общий язык в такой ситуации — один при власти и погонах, другой — бесправный зэка, отсидевший в зоне не один год, похожий на штопор, который достают к столу, когда появляется нужда откупорить бутылку с тугой пробкой.

Они лежали на брошенных в снег сосновых лапах, и Яковлев с тревогой думал, что просто необходимо сейчас иметь в союзниках Блюмкина. Поиск, судя по всему, подошел к концу, Яковлев почему-то был уверен в этом. Поставленные перед ним задачи смущали Яковлева.

— Ты бы хотел вернуться на прежнюю работу? — не глядя на Блюмкина, спросил он. — После твоего освобождения это не будет невероятным.

— Думаешь? — Блюмкин смотрел с непонятым вызывающим любопытством, Яковлев почти физически ощущал этот взгляд, в котором сквозило непонятое превосходство. — Нет, Наум, мне бы этого не хотелось. Я очень устал. Если бы я вышел на волю, то уехал бы куда-нибудь к чертовой матери. В какую-нибудь глухую деревню. Как Джунковский.

— Это еще кто? — хмыкнул Яковлев.

— Был такой царский министр. Между прочим, честнейший человек. Он помогал Дзержинскому ставить политохрану. А когда нужда миновала, то ему быстренько дали коленом под зад. Он уехал на юг, в какую-то глухую деревеньку. Но я думаю, что его и там достали. Наше время слишком жестоко, Наум, оно никого не щадит.

— Тебя могли десять раз расстрелять, — примирительно сказал Яковлев. — И за дело ведь, ты не станешь спорить. Но ты жив!

— Я уже давно мертв, — сказал Блюмкин. — Ты знаешь, в свое время я боготворил Троцкого, я верил ему и не рассуждал. А потом меня послали в Крым вместе с Бела Куном и Землячкой. Фрунзе под честное слово сдались белые, он обещал их отпустить по домам. А Лев Давидович воспротивился, он не хотел пускать в глубь страны почти сорок тысяч врагов советской власти. И мы покосили их пулеметами. А молодых прапорщиков Землячка приказала утопить в бухте. Тогда я верил, что вожди правы. Враги могли сгубить революцию. Потом, они не принимали советской власти, а значит, из них было невозможно воспитать людей, преданных делу коммунизма. Я сам расстреливал. А потом этим хвастался, дурак. Сидел и хвастался Лучначарскому, не понимая, что мои рассказы ему противны. А потом у меня было время подумать. В лагере иначе начи-

наешь воспринимать и оценивать прошлое. Мы залили кровью свою революцию, Наум. А на крови никогда не дает всходов добро. Когда я узнал о смерти Троцкого, я вдруг подумал, что его изгнание и смерть были следствием той давней крымской истории. Кто сеет жестокость, тот обязательно пожнет ее. И ты знаешь, мне сразу стало легче сидеть. Я сформулировал вину, которая загнала меня в лагерь. Нет, это не была измена — Троцкий и Сталин не были идейными противниками, они были противниками политическими. А когда делят власть, то измена стоящему у власти расценивается как государственная, но если ты изменяешь проигравшему, значит, ты понял свои ошибки и ступил на стезю добродетели. Но я не совершал измены революции, я оказался идиотом, который запутался в своих старых привязанностях. За это было глупо приговаривать к смерти. Другое дело, что я заслужил смерть за свои крымские дела, да и персам было за что меня упрекнуть. Тебе не кажется, что у всех революций есть свои определенные закономерности? Возьми, к примеру, Парижскую Коммуну. Какие лозунги, Наум, ничем не хуже наших. А все закончилось террором, который перемолол революцию и ее героев. Вот так и у нас. Не зря говорят, что революцию задумывают мечтатели, вершат ее романтики, но плодами победы всегда пользуются подлецы. Иногда мне кажется, что было бы лучше, если бы меня убили петлюровцы. Зачем я выжил, Наум? Чтобы однажды обернуться и увидеть, какую страшную жизнь я прожил?

— Да, братец, — попытался обратить все в шутку Яковлев, — с такими мыслями ты долго на свободе не погуляешь. Я-то ладно, я слишком давно тебя знаю, но с другими этими мыслями тебе лучше не делиться. Иначе ты не долго проживешь даже в самой глухой деревеньке. Нынешний мир не любит колеблющихся. Сталин не раз говорил, что колеблющийся — это уже почти враг.

— Поэтому нас и не выпустят на волю, — качнул головой Блюмкин. — Все дело в сомнениях. Вождям не нужны размышляющие. Очень хочется, чтобы тебя видели белым и пушистым. А после пребывания в камере у человека открывается второе зрение — начинаешь даже на солнце видеть пятна. Думаю, ты получил определенные инструкции. Все дело в том, будешь ли ты их выполнять.

Яковлев ощутил тревогу. Блюмкин понимал ситуацию лучше, нежели можно было ожидать. Впрочем, все это было поправимо. Тем не менее он примирительно сказал:

— Ты же меня знаешь не первый год, Яша. Если бы у меня были в отношении вас жесткие инструкции, неужели я бы стал таить положение дел от тебя? Да и не прислали бы меня, приехал бы кто-то другой, более решительный и не связанный с тобой узами многолетней дружбы.

Блюмкин засмеялся.

Теперь, находясь с Чадовичем и Халупняком в палатке, которую еле обогревал шипящий примус, Яковлев с тревогой думал о том, что Блюмкин ведет наблюдение с Криницким, и неизвестно, о чем они могут договориться, находясь вне его контроля. Нет, пока еще опасаться каких-то решительных шагов со стороны Блюмкина не приходилось, загадка была слишком притягательна, хотелось ее разгадать, и все это обещало время, дающее возможность оценить ситуацию.

Яковлеву самому хотелось понять, что собой представляют эти странные диски, против которых оказались бессильны новейшие самолеты. Одно ему было ясно — диски эти не были порождением конструкторских бюро Лавочкина или Микояна, не были они и авиационными разработками американских конструкторов. Он не сомневался, что где-то здесь находится база этих таинственных аппаратов, именно эту базу им приказано было отыскать. Приказ они выполнили, осталось только найти подтверждение этому.

— Есть будете? — спросил Халупняк.

Рядом с примусом отогревались тонко нарезанные куски промерзшего черного хлеба, на огне медленно начинала булькать банка армейской тушенки, на вафельном полотенце белели дольки аккуратно нарезанного лука. Халупняк финкой резал сало. Яковлев обратил на эту финку внимание. Интересно, как этот Арнольд ухитрялся сберечь нож во время постоянных шмонов?

— Потом, — отказался Яковлев.

Чадович лежал на спине, задумчиво глядя в провисший брезентовый верх палатки. Лицо у него было сосредоточенным, словно он решал какую-то сложную задачу. Пожалуй, после Блюмкина он был самым тренированным и решительным. Халупняка с его нерешительностью и робостью в расчет брать не следовало. Да и Криницкий сам по себе особой тревоги не вызывал. Однако следовало учитывать, что он дежурит с Блюмкиным, а Блюмкин ситуацию оценивает верно, тут и гадать нечего, у него была школа, он слишком часто рисковал жизнью, а потому чувствует опасность подсознательно...

Снаружи послышался короткий свист.

— Так, — сказал Яковлев и встал.

Чадович открыл глаза.

— Полмига не прошло, а ночь уже настала, — явно цитируя кого-то, удивился белорус.

Забыв о разогревающейся тушенке, они неуклюже полезли из теплой палатки на мороз.

Над склоном горы стояло зарево, словно горел кедровник. Но это не был лесной пожар.

В воздухе висел уже знакомый диск. Десятки багровых нитей соединяли его с заснеженным склоном. Теперь, когда он оказался совсем рядом, легко было составить представление о его размерах. Размеры диска впечатляли. В диаметре он достигал шестидесяти метров. На выпуклой нижней части виднелись странные кольцевые

выступы. Диск парил в воздухе без каких-либо признаков работы двигателей.

— Не туда смотрите, — сказал Блюмкин. — Левее смотрите, по склону горы.

Жутковатое и вместе с тем забавное зрелище открывалось отсюда участникам экспедиции.

По склону горы шествовала странная процессия.

Существа лишь отдаленно напоминали людей. Скорее это были забавные гномы — маленькие, зеленокожие, в странных развевающихся на горном ветру одеждах, существа шли по снегу гуськом. Яковлев потянул к себе бинокль. В бинокль стали видны лица странных существ. Более всего они напоминали своей глянцевитой кожей зеленые яблоки, если бы не огромные, занимающие половину лица глаза. В руках у идущих по склону горы забавных гномов были светящиеся округлые предметы, которые они держали перед собой. Медленно, не нарушая строй, гномы прошли к темнеющему на склоне горы входу в пещеру и скрылись в ней. Через некоторое время они показались вновь, но уже с пустыми руками.

— Это что за хренотень? — озадаченно спросил Арнольд Халупняк.

— Что, что... Гнездо у них здесь! — за спиной у Яковлева сказал Чадович.

Гнездо не гнездо, а база управляющих тарелками «гномов» находилась здесь. Задача была выполнена. От этого на душе у Яковлева стало пусто. Вернув бинокль Блюмкину, Яковлев оглядел присутствующих и ощутил сожаление. Задача, которая стояла перед ним, была не менее грязной, чем сама жизнь. На него не обращали внимания, происходящее у пещеры завораживало своей необычностью. Куда-то отступила усталость, напряжение последних дней сменилось расслабленностью. Их поиски успешно завершились, но загадка осталась, она стала еще более фантастичной. Зеленые карлики из серебряных дисков ничего не

объяснили, они сами были необъяснимым чудом. Но до этого Яковлеву уже не было никакого дела, он следовал полученным ранее инструкциям, пусть даже эти инструкции самому Яковлеву казались несправедливыми. Приказы отцов-командиров не обсуждают. Приказы выполняют. Была во всем происходящем какая-то чудовищная несправедливость. Сам Яковлев не мог понять, неужели заключенных выдергивали из лагеря только для этого поиска, который могли с таким же, если не с большим успехом провести розыскники армейской контрразведки? Да, у его группы были определенные навыки горных работ, но этого было недостаточно, чтобы поставить их в один ряд с высококлассными и тренированными офицерами, для которых поиск являлся привычной работой. Много неясного виделось Яковлеву в действиях начальства, от этих неясностей ему, квалифицированному офицеру разведки, было неуютно. Когда чего-то не понимаешь, всегда начинаешь нервничать. А именно этого сейчас никак нельзя было допустить.

Яковлев неторопливо прошел в палатку, достал из-под одежды нагретый телом пистолет, неторопливо дослал патрон в патронник. Блюмкина было жалко, чуть меньше Яковлев жалел остальных, оказавшихся пешками в чьей-то сильной игре, замысла которой он еще не осознал до конца. Наклонившись, Яковлев взял кусочек черного хлеба, положил на него тонкий ломтик сала и принялся неторопливо жевать. Нет, это не было смакованием будущего убийства, таким образом Яковлев просто готовился к нему, вспоминая, где кто стоит, и прикидывая, как лучше выполнить задачу. По степени опасности он давно разделил их — на первое место поставил Блюмкина, на втором был Чадович, некоторые опасения вызывал Криницкий, а Халупняка Яковлев за опасного соперника не считал, тем более что финский нож по-прежнему лежал рядом со шматом сала. Человек, почитающий финку за оружие, никогда бы не бросил ее вот так, среди хлеба и сала.

Яковлев выбрался из палатки. На него не обращали внимания, все были увлечены зрелищем, которое продолжало разворачиваться на склоне горы. Тем проще! Он даже почувствовал некоторое сожаление из-за того, что все пройдет без борьбы. По крайней мере Яков этого не заслуживал.

Время!

Яковлев вытащил из-под куртки руку с пистолетом, направил его на Блюмкина и спустил курок. Раздался сухой щелчок, но выстрела не последовало. Яковлев торопливо передернул затвор, золотистая гильза рыбкой вылетела из ствола и покатила по твердому снежному насту. Еще один щелчок!

— Наум, — Блюмкин лениво перевернулся на спину, откладывая бинокль, — видишь, Наум, я был прав. А ты мне соврал. Я слишком хорошо знаю наших начальников, Наум. Они часто меняются, только психология остается прежней, они всегда считали, что подчиненные должны умирать раньше их самих. А остальных они вообще никогда не считали за людей.

Яковлев еще раз передернул ствол «ТТ». И снова выстрела не последовало.

— Не будь мальчишкой, — посоветовал Блюмкин, который явно наслаждался ситуацией. — Я не стал воровать патроны, это было бы слишком наглядно. Боек. Я просто вытащил из механизма боек. У тебя в руках железяка, пригодная лишь для того, чтобы забивать ею гвозди.

Яковлев почувствовал, что его щеки полыхают. Его провели, как щенка! Его, которого еще Слуцкий называл специалистом высокого полета, переиграли, как мальчишку! Он выругался.

— Ну, Наум, — благодушно сказал Блюмкин. — Нельзя же так. Ну, обманули тебя. Но ты ведь сам это делал все время. Что поделат, никому не хочется умирать.

Финка! О ней Яковлев вспомнил сразу, но она была слишком далеко — в палатке, лезть за ней сейчас было невозможно, никто бы не позволил ему это, а расстановка сил не оставляла никаких надежд на победу в рукопашной. Это только в шпионских романах умный и подготовленный разведчик оставляет от своих врагов постанывающую кучу калек, в жизни обычно происходит совсем наоборот.

— Ладно, — хриловато признал свое поражение Яковлев и сел на снег. — Ты меня обыграл. Что дальше?

Блюмкин подошел к нему, присел на корточки, взял из рук Яковлева пистолет и, особо не размахиваясь, зашвырнул его в снег.

— Хотел бы я сам это знать, — вздохнул он. — Что ты собирався делать, пристрелив нас?

— Поставить маяк и ждать, — признался Яковлев. — Яков, ты пойми, приказ был такой. Я сам не понимаю, зачем вас выдергивали из лагеря. Армейская контрразведка выполнила бы эту задачу не хуже.

— Чего тут непонятного. — Блюмкин встал, разглядывая серебристый диск, все еще парящий в воздухе. — Не знаю, что происходит, наверное, что-то очень важное, если все так всполошились. Контрразведка выполнила бы свою задачу не хуже. Но ее было бы труднее убрать. С кучкой заключенных справиться значительно легче. Тем более что нас уже вроде бы и нет. Тайны, Наум. Кругом одни тайны. Ох любит наше начальство тайны, спасу никакого нет. А теперь ты попал. Приказ не выполнен, мы живы. Тебе ведь этого не простят, Наум, верно? И что ты будешь делать? Ждать, когда тебя поставят к стенке? Поверь, это не самое приятное занятие, я жил этим ожиданием несколько лет.

— У тебя есть другие предложения, — не поднимая на Блюмкина взгляда, спросил Яковлев.

— Не знаю, насколько оно верное. — Блюмкин наклонился, приподнял длинный пузатенький патрон и подкинул его на ладони. — Но мне кажется, что если мы не

смогли договориться там, то вполне можем договориться здесь. — Он швырнул патрон в направлении висящего диска. — Я не знаю, кто они и чего делают здесь, вполне возможно, что это не тот вариант, о котором следовало бы подумать. Но ведь ситуация пиковая, Наум! Или я неправ?

— Зачем ты тратишь время на разговоры? — вмешался Криницкий. — Петлю на шею — и пусть болтает ножками. Ты разве забыл — несколько минут назад он в тебя целился. И не просто целился, он ведь тебя убить хотел!

Блюмкин встал.

— Пошли, ребята, — сказал он. — Не будем марать рук. Найдется, кому это сделать.

Яковлев смотрел, как они уходили.

Заклученные шли тяжело, им мешал снег. Они не оборачивались, словно раз и навсегда решили все для себя.

Яковлев поднялся, брезгливо смахивая с одежды снег. Некоторое время он смотрел вслед уходящим, потом отвернулся и тяжело полез в палатку. Финки на прежнем месте не было — пока они разговаривали с Блюмкиным, кто-то из заключенных забрал ее.

Он выбрался из палатки, добрался до груды еловых лап, где был оборудован их наблюдательный пункт, и взял в руки бинокль. Заключенные ушли уже далеко. Странные обитатели серебряного диска уже заметили их — от диска навстречу идущим потянулась удивительная процессия из нескольких маленьких фигурок. Со стороны казалось, что они ступают торжественно и важно, вот они уже поравнялись с Блюмкиным и остановились. Потом «гномики» повернули обратно. Заключенные неторопливо побрели вслед за ними. Яковлев со злостью швырнул бинокль на снег так, что он пробил снежный наст.

Еще ничего не было кончено.

Он посидел немного, потом встал и неторопливо направился в палатку, где в вещмешке хранилось новое изобретение НТО МГБ — мощный радиомаяк с литиевой батареей.

Глава пятнадцатая

Реализация всякого дела состоит из арестов, обысков, допросов и внутрикамерной разработки, которая позволяет уточнить детали, выяснить, что именно было пропущено на начальной стадии, а главное — уточнить степень вины каждого из фигурантов и добыть доказательства этой вины.

— Ну, что там Волос — разговорился? — спросил Коротков, усаживаясь на стул рядом со столом Бабуша.

— Молчит, — удрученно признался оперуполномоченный. — Я ему какие только доводы не приводил. Молчит, зараза, только ухмыляется, а в глазах такое, даже думать не приходится, что он со мной сделал бы, поменяйся мы с ним ролями.

— Это они умели, — сказал Коротков, снимая пиджак и зачем-то закатывая рукава. — Давай приглашай нашего полиция. Пришло время потолковать с ним по душам. Да и тебе пора стать настоящим оперативником.

— Думаете, вам он что-то скажет? — хмыкнул Бабуш. И ошибся. Волос заговорил.

Нет, к такому повороту событий Александр Бабуш был совершенно не готов. Но если с камнем так обращаться, тот бы тоже, наверное, заговорил.

— Дурак, — сказал Коротков хмуро. — К диверсантам, государственным преступникам, шпионам и врагам народа физическое воздействие законодательно разрешено. А кто бы признавался, если на него только угрозами воздействовать? Ты бы лично признался? Хрен бы ты даже очевидное признал. А Волосу «вышка» грозит. Не только за прошлое, он ведь и сейчас государственное преступление совершил — на разведку иностранного государства работать начал.

— И все-таки, — неуверенно сказал Бабуш, — уж больно жестоко. Это не допрос, это бойня какая-то была. Мне кажется, что так нельзя, мы должны быть психологами.

Человека надо разговорить, подвести к черте, чтобы он понял свою вину и сообразил, что отпираться глупо.

— Так бы ты его до второго пришествия колол, — возразил Коротков, досадливо разглядывая ссадины на кулаках. — Довел все-таки, скотина. Кто же ему запрещал с тобой разговаривать? Не хотел? Ну, тогда и обижаться нечего, что с тобой стали жестко разговаривать! Я ведь тоже, Саша, за гуманное обращение с людьми. Но с людьми! А это ж не человек, это бешеная собака, она только силу признает. Дали ему по сопатке, вот он и понял, что надо откровенным быть, пока тебе почки не отбили или ссать кровью не стал. Сколько ты на него времени потратил? То-то. А тут раз-два — и в дамки. Клиент созрел и шепчет слова любви. Хватит психовать, давай лучше еще раз послушаем, что он нам напел!

А послушать было чего.

КОРОТКОВ: Ты — мразь, тебя только за Харьков на мелкие куски порвать надо! Думаешь, на тебя время тратить будут? Что ты от этого выиграешь? Только здоровье потеряешь. Пойми сам, ты мне не кум, не сват и не родственник! Я о твоём здоровье печься не намерен. Короче, Волос, есть у тебя два варианта. Или ты послушно и с готовностью отвечаешь на все вопросы и тогда доживешь до суда в полном здравии, не испытав ненужной боли, или будешь упрямять и тогда уже через пару дней станешь харкать кровью. Мне напевать, станут тебя судить или ты до суда не доживешь. Мне от тебя полная информация нужна, и будь уверен — я ее из тебя выжму. Даже если мне придется твои уши к заднице пришивать. Ты меня понял?

ВОЛОС: Как не понять, гражданин начальник, не по-китайски объясняетесь, трудно вас не понять!

КОРОТКОВ: Вот и славно. И рыло свое не криви, мы с тобой не в пансионате благородных девиц. Попадись я тебе в Харькове, ты бы меня не пирожками кормил. Так?

ВОЛОС: Ох, начальник, не попался ты мне в Харькове!

КОРОТКОВ: Вот это уже ближе к истине. В харьковском гестапо ты мне речей о правах человека не говорил бы, знаю я, как там с нашим братом обходились. И евреев вспомни, это не я им в целях экономии патронов топором темечки рубил. И евреек прямо у рвов тоже не я валял. Ты ведь, помнится, малолеток очень уважал?

ВОЛОС: Спрашивай, начальник. Что помню, то расскажу. Тебе ведь не про евреек надо знать, и зубы золотые из их хавал ты тоже подсчитывать не собираешься. Что надо? Спрашивай!

КОРОТКОВ: Ты мне про Фоглера расскажи. И не надо пока углубляться в прошлое, те его грехи уже кому положено подсчитали. Ты мне расскажи, как в Свердловске с ним встретился, какие задания выполнял, какие суммы за это получал, кого привлекал к выполнению заданий.

ВОЛОС: Я так и думал, что этот немец нас помажет. Хрен бы вы на меня вышли, если бы не господин штурмбаннфюрер. Так ведь, гражданин начальник?

КОРОТКОВ: Это у нас с тобой смешно получается, Волос. Это я тебя допрашиваю, а не ты меня. Вот и веди себя соответственно, я же вроде приоритеты расставил, или тебе все сначала объяснять?

ВОЛОС: Не надо. То, что вы мне уже объяснили, я усек. Вполне было доступно. Я же не двоечник, повторений не требую. Можно начать так? С штурмбаннфюрером Паулем Фоглером я познакомился в одна тысяча девятьсот сорок третьем году. К тому времени я входил в подпольную группу «За Родину и свободу», и наша пятерка занималась распространением листовок на колхозном рынке.

КОРОТКОВ: Можно. Только про листовки и свою патриотическую деятельность покороче, а вот про то, как ты советских людей предавал и в гестапо стучал, тут излагай подробней, развернутей.

Историю падения Волоса можно было пропустить, ничем особым она не выделялась из тысяч иных историй

пособников, полицаев и прочей черной пены, пузырящейся на кровавой волне военных событий той поры. И совсем не важно было, струсил Волос или поддался низменным инстинктам, был ли сознательным врагом советской власти или руководила им корысть, главное было даже не в том, почему он это делал, главным было то, что он совершил.

ВОЛОС: А когда наши начали лупить немца, я понял, что ничего хорошего от жизни мне ждать не следует. С немцами я был повязан кровью, но им я не был нужен, лагеря, в которых я работал, ликвидировались, а героизм в тылу русских войск, совершая диверсии и теракты, я не был готов. НКВД и до войны работал хорошо, а уж в войну совсем злым стал, я ведь знал, чем для меня все это может закончиться, грехов у меня тогда было как сала на кнуре. Документы я заранее приготовил, хорошие у меня были документы, надежные, хозяин их в гестапо пропал, а паспорт его со всеми справками я припас, догадывался, что они мне пригодятся. Ну, в общем, понял я, что мне с немцем не по пути, разошлись наши дороги, ну, ушел я с квартиры, где меня немцы перед очередной заброской держали, поселился в селе, а через неделю туда аккуратно Красная Армия и пришла. Призвать меня не могли, по документам я полным инвалидом был, сам порой удивлялся, что еще на свете живу. Поэтому Красная Армия своей дорогой пошла, а я в противоположную ей сторону. И все было бы хорошо, осел бы я где-нибудь в Сибири, женился бы, может быть, только в поезде у меня все документы украли. Обратиться я никуда не мог, сами понимаете, с моими грехами только в небесной канцелярии направление получать, да и тут никаких сомнений не будет, куда это самое направление выпишут. Вот и пристал к бегунам. С этого дня все время жил на нелегальном положении. Васену случайно встретил в Вятке. Уже после войны. Он поначалу испугался, потом все-таки вспомнил меня и ус-

покоился — уж я-то точно не пойду чекистам о его грехах рассказывать, свои гирей висят. После этого мы уже держались вместе. Вдвоем было веселей и спокойнее. Слушай, начальник, дал бы тряпку какую-нибудь кровь подтереть!

КОРОТКОВ: Пусть подсыхает. И руками не лапай, инфекцию занесешь. Потом умоешься. Рассказывай дальше.

ВОЛОС: А чего там рассказывать? Сами знаете, вывел штурмбаннфюрера на меня переводчик бывший, он тоже где-то здесь окопался. Гнида еще та, я б гопак сплясал, если бы вы и его к ногтю прижали.

КОРОТКОВ: Спляши, а я посмотрю. Ваш переводчик через три камеры от тебя кукует. Все бумагу требует, мемуары, сука, пишет.

ВОЛОС: Верить, начальник, даже на душе легче стало. Пусть пишет, ему, гниде, много чего рассказать надо, ты его спроси, за что ему немцы ефрейтора дали и бронзовой медалью «За храбрость» наградили. Нет, начальник, умешь ты человека утешить, я на тебя даже за мордобой сейчас обиды не держу! Честное слово!

КОРОТКОВ: Вот и славно все у нас с тобой устроилось. Про переводчика мы еще с тобой пошепчемся. Поехали дальше.

ВОЛОС: Переводчик меня сдал, он знал, что я время от времени у Акима отлеживаюсь. Аким собачий жир варит, первейшее средство от моего туберкулеза. Когда уж окончательно прихватит, я всегда к нему, он меня своими средствами за неделю на ноги ставил! Не знаю как, но господин Фоглер меня у Хвостарева и прижал. Он опять при разведке, прибыл к нам сюда аэродромы искать. Ну, нажал на меня натурально — давай, Волос, помогай по старой памяти, а не будешь помогать, я тебя чекистам сдам... У вас у всех одна песня, гражданин начальник, — помогай, или мы тебя к ногтю! Начал я со своими странниками эти аэродромы искать. А куда было деваться. Только ничего

мы найти не успели, повязали нас. Вот и получилось, что я за чужое жито своим золотом плачу. Обидно, гражданин начальник!

КОРОТКОВ: Все?

ВОЛОС: Как на духу, начальник. С мамой родной менее откровенным был. Так мама меня лаской брала, а у вас аргументы другие, они куда весомее будут!

КОРОТКОВ: Саша, закрой дверь на ключ, гражданин Волос не понимает! Нехорошо обманывать, Дмитрий, очень плохо. А ты и Фоглера дурил, и меня сейчас собираешься надуть. Ведь ты знал, что никаких аэродромов нет. И с этими зелененькими у тебя контакты еще до Фоглера были. Вот и расскажи, что собой эти зелененькие представляют. А заодно припомни, где ты тушку одного из них взял. Ту самую, которую ты господину штурмбаннфюреру презентовал.

ВОЛОС: Вот и не верь предчувствиям. А ведь прав я был, Зойка-то на вас работала, поганка паскудная. То-то она свой нос во все дыры совала!

БАБУШ: Это вы о ком, Волос?

ВОЛОС: Да все о ней же, о помощнице вашей, о Чазовой Зое. А Васена мне еще не поверил, говорит: «Давай не будем грех на душу брать. Безобидная бабка, чего ее в озере топить!»

КОРОТКОВ: Значит, притопили безобидную старушку?

ВОЛОС: По нашей жизни, гражданин начальник, безобидных не бывает. На иного пацана глянешь — и не подумаешь, что истинный Павлик Морозов. А старики чаще всего в Сусанины рвутся. Но мы ее не топили, Васена ее только до озера проводил, дальше она уж сама от грехов избавлялась. Предательство, начальник, самый великий грех, не зря же Иуду проклинали.

КОРОТКОВ: Ты смотри, какой ревнитель устоев. Забудем пока про старушку. Ты лучше скажи, что это за зеленые морды у тебя в подземельях обитали?

ВОЛОС: Ну, раз ты это знаешь, темнеть не буду. Верить или не верить, а эти зелененькие, начальник, к нам с другой планеты прилетели. А у меня случайно оказались. Заблудились в лабиринтах и к озеру вылезли. Толку с них никакого, я их больше для авторитета, для укрепления веры держал. Странники мои поначалу их боялись, потом даже зауважали — они ведь боль снять могли, мелкие порезы и раны заживляли запросто. Только недолго они в наших подземельях протянули. Пришлось их по возможности для науки сохранить. Один так в Теплой горе и лежит, а второго я Фоглеру презентовал, когда обман раскрылся.

КОРОТКОВ: Значит, инопланетяне?

ВОЛОС: Трудно поверить? Только это правда, начальник. Они даже показывали, откуда прилетели. Только я ведь в астрономии ни бум-бум. Помню, звездочка такая маленькая на севере, только вот убей, я ее тебе показать не сумею.

КОРОТКОВ: Допустим, я тебе верю. Только что они у нас делали? А, Волос?

ВОЛОС (равнодушно): А я откуда знаю? Шпионили, наверное...

— Вот и покажи такое начальству, — сказал Коротков с явным огорчением. — Тебя же к психиатрам и отправят.

— А мне кажется, что он не врет, — робко возразил Бабуш. — В самом деле, такого существа, что в контейнере лежит, еще никто никогда не видел. Может, он и вправду с Марса прилетел? А что? Я до войны читал, как к нам марсиане прилетели Землю завоевывать. У них еще треножки огромные были и лучи тепловые — они этими лучами английские военные корабли топили.

— Ты это начальству расскажи, — посоветовал Коротков, уныло оглядывая кабинет Бабуша. — Нет, не с того конца мы с тобой за дело взялись. Надо было его давить по Харькову и лагерям, тем более что компромату на него поверх крыши. Все равно его рано или поздно к хохлам эта-

пируют. А мы бы здесь отчитались — на медальку или орден. А раскручивать религиозное подполье, на этом, брат, особой славы не заработаешь. Ну и хрен с ним. Дело мы сделали, вон каких бобров похватали, можно немного и отдохнуть. Я тебе, Саня, точно говорю, поверь старику, не надо в этом деле активности проявлять. Раскрыли шпионскую сеть? Честь нам и хвала. А разные там инопланетяне... Нутром чую, что, кроме неприятностей, нас в этом разрезе ничего не ожидает. А раз так, то и суетиться нечего. Сейчас самый раз куда-нибудь в длительную командировку свалить, пока все не заглохнет. Это сейчас мы причастны к какой-то хреновине, которую потом государственной тайной обзовут. Не дай Бог, начальство секретиться начнет, тут всем причастным и хана. А когда ты вдруг уедешь куда, то потом все по документам судить будут — ага, причастен был к задержаниям, медаль тебе на грудь или звание внеочередное за то, что не вник глубоко, не отяготил свою память ненужными воспоминаниями. А с причастных, Саня, спрос куда больше, ты мне поверь, я ведь не зря по стране помыкался. Вот он я, перед тобой, живой и здоровый, а мои любознательные и въедливые товарищи давно уже или в нужных государству местностях соцсоревнование на лесоповалах ведут, или, что еще хуже, отчет в своих делах где-то совсем уже высоко дали, есть, говорят, на небесах особо интересующиеся.

Умный был майор Коротков, это Бабуш уже потом понял, когда петух жареный его в темечко клюнул. А тогда, слушая Короткова, Александр Николаевич даже презирал его слегка — тоже мне охотник за званиями и медалями, паникер несчастный, на вид вроде и деловой, а на самом деле — лишь бы не работать. Потому и гоняли тебя по управлениям, товарищ Коротков, что не отдавался ты, знаток оперативного дела, работе со всем пылом и жаром. Глупый тогда был оперуполномоченный Бабуш, хоть и пороха вдосталь нюхнул, и войну прошел, что называется от

Урала до Германии. А когда вдруг резко поумнел, то понял — раньше надо было уметь-то; оперуполномоченному МГБ, обслуживающему побережье Северного Ледовитого океана, мозги да ум вроде бы и не в тягость, но и особой нужды в них не ощущается. А на оленях да собаках Александр Николаевич Бабуш наловчился ездить не хуже чукчей. И копальхен есть научился, и красную икру в период нереста заготавливать.

Иногда, стоя на песчаном берегу и глядя на серо-зеленую океанскую воду, он вспоминал наставника, который ухитрился тогда в пятидесятом умотать в командировку куда-то в Среднюю Азию, перекрывать контрабандные тропы в горном Бадахшане, удивлялся, качал головой и думал, кем майор Коротков закончил свою карьеру, в каком чине вышел на пенсию, если высшие силы по недосмотру своему позволили ему это сделать.

Слишком уж умен и предусмотрителен был майор Коротков, честно говоря — не по чину. Такие люди своей смертью не помирают.

Часть третья
ОБИДА ПОБЕДЫ

СТРАНА ПРАЗДНУЕТ 32-Ю ГОДОВЩИНУ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

На первой полосе газеты портреты Генералиссимуса И.В. Сталина и Маршала Вооруженных Сил СССР Василевского с соответствующими торжественностью случая статьями. Передовица по случаю праздника написана генералом армии Штеменко.

Газета «Правда» 23 февраля 1950 года, четверг.

Глава первая

Министр государственной безопасности Абакумов находился в дурном расположении духа. Прошедшие праздничные дни улучшению настроения не способствовали.

Конфронтация с Берией все усиливалась. Абакумов понял, что расчеты его были неверны, он явно пытался откусить от пирога больше, чем позволял рот. Что говорить, щенком он смотрелся рядом с Лаврентием Павловичем, глупым описавшимся щенком. И все потому, что не понял реалий жизни. А жизнь во власти оказалась сложнее примитивных расчетов. Абакумов был назначен начальником СМЕРШа с подачи Берии, который в свое время не учел, поднявшись по служебной лестнице, Абакумов становится заместителем наркома обороны и получает прямой выход на Хозяина. А может, он просто не поверил, что Абакумов способен глупо и непродуманно тяпнуть благодетеля за руку. Как бы то ни было, из подчиненного Лаврентия Павловича Абакумов превратился в его соперника. Власть кружит головы и более умным людям. В сорок третьем году, еще командуя СМЕРШем, Абакумов без санкции Берии арестовал комиссара госбезопасности Ильина, ведавшего в НКВД агентурно-оперативной работой в среде творческой интеллигенции. Тому было немало причин, и первая из них — определенная независимость Ильина.

Еще до войны Ильин был направлен Берией в Ростов и Орел для расследования дел о троцкистских диверсиях на железных дорогах. Было это во времена оттепели, когда стали выпускать тех, кто был посажен еще Ежовым, а еще раньше — Ягодой. Сообщение Ильина о надуманности обвинений и о фабрикации местными чекистами дел пришлось Берии как нельзя кстати: по настоянию Ильина были арестованы два осведомителя, через которых шла фальсификация дел, а Ильин получил награду — знак «Почетный чекист». А чего греха таить — к фальсификации ростовского дела Абакумов был непосредственно причастен. В сорок третьем году этот Ильин опять перебежал дорогу Абакумову — он по телефону предупредил своего знакомого из штаба ВВС генерал-майора Теплинского о том, чтобы тот был разборчивее в знакомствах и осторожнее в высказываниях. В разговоре он крайне нелестно отозвался об Абакумове. Генерал-майор Теплинский разрабатывался СМЕРШем по подозрению в нелояльности, так как были известны его хвалебные высказывания о репрессированных с Тухачевским командармах. Абакумов потребовал, чтобы Берия отстранил Ильина от работы. Лаврентий Павлович был возмущен — вчерашний червь пытался шипеть! По его указанию Меркулов ограничился дружеским внушением Ильину. Тогда Абакумов доложил Сталину, что Ильин срывает оперативную проверку состава ВВС. Участь Ильина была решена. По указанию Сталина его немедленно арестовали, как и Теплинского. Ильин оказался крепким орешком: его избивали, пытали бессонницей, однако он не признавал себя виновным и даже не подписывал протоколы допросов, а без них Абакумов не мог предстать перед Сталиным. Поэтому он держал Ильина в тюрьме и понимал, что эта история постоянно находится в фокусе внимания его бывшего шефа и тот только ждет случая, чтобы обернуть историю против самого Абакумова. А министр чувствовал, что отношение вождя к нему меняется, и не в лучшую сторону:

Берия свое дело знал гораздо лучше бывшего начальника военной контрразведки и плел свою паутину не спеша и с иезуитским тщанием.

Абакумов с запозданием понял, какого противника он пытался переиграть. Робкие попытки примириться с Берией оказались безуспешными, Лаврентий Павлович был не из тех людей, кто забывает и прощает обиды.

Отношение Хозяина к министру медленно менялось. В этом, несомненно, тоже был повинен Берия. Пользуясь близостью к Хозяину, он осторожно и умело настраивал его против Абакумова, министр чувствовал это по взглядам Хозяина, его неоправданно резким репликам, по повышенной требовательности, которая начинала граничить с мелочной придирчивостью.

Из власти не уходят просто так. Это Абакумов понимал хорошо, примеры наркомов Ягоды и Ежова не давали повода для сомнений. Говорят, что перед расстрелом Ежов пел «Интернационал». Иногда Абакумов с черной иронией спрашивал себя, что запоет, оказавшись у выщербленной стенки под дулом нагана палача.

Тем не менее он еще пытался проявлять активность.

Неожиданно оживился Рюмин. Вызванный на прием к Сталину, он не только не доложил о беседе с вождем министру. Он еще стал и надуть щеки, всем своим видом показывая, что его отношения со Сталиным Абакумова абсолютно не касаются, а поручение вождя не есть поручение, данное МГБ, но есть просьба Хозяина, адресованная лично ему, Рюмину. «Погоди, — думал с ненавистью Абакумов. — Дай уцелеть. Я тебя, сволочь, так трахну — ни один колхоз тебя не возьмет даже коз паст!» И тут же с унынием понимал, что для этих оптимистических надежд оснований остается слишком мало.

Судя по докладам следователей, Рюмин обратился к письму кремлевского врача Лидии Тимошенко и сейчас бурно разрабатывал его, мелкая жалоба начинала разрастать-

ся, обрести материалами, которые придавали правдоподобность, а это обещало новый процесс.

Смущало и то, что Сталин, заинтересовавшийся проблемой странных летательных аппаратов в уральском небе, в последнее время интереса к докладам министра по этой проблеме не проявлял, но у Абакумова складывалось твердое мнение, что информация Хозяину поступает по какой-то иной линии, к которой не мог не быть причастен Берия. И этот факт заставлял министра переживать и тревожиться, ощущение ненужности, живущее в нем последние месяцы, все обострялось. Понятное дело, сначала в тебе перестают нуждаться, потом тебе это показывают, а потом хватают за шиворот, как ненужного в доме щенка, и выбрасывают за порог. Хорошо, если все ограничится понижением в должности, как это в свое время произошло с командующим войсками в Крыму Козловым, но ведь могут и расстрелять, как генерала Павлова в первые месяцы войны. Теперь Абакумов понимал, что уйти из верхнего эшелона власти куда-нибудь во второй эшелон, затеряться среди второстепенных персонажей и больше не попадаться на глаза Хозяину и его окружения было бы идеальным решением вопроса. Сам Абакумов не мечтал о великих постах: высоко подниматься к солнцу опасно, можно крылья обжечь. Вознесенный случаем в первые ряды, сейчас он мечтал только об отступлении, пусть даже не слишком почетном, лишь бы оно дало возможность уцелеть.

В этом скорее всего и была причина того, что удивительные события на Урале не потрясли министра. Трудно удивляться, если над головой занесен меч. Думается, что французская королева Антуанетта на гильотине совершенно не удивилась, наблюдая в момент казни ангелов или бесов. Скорее бы подумала, если бы, конечно, успела: «Это за мной!»

Что и говорить, своя рубашка всегда ближе к телу, поэтому, оказавшись на краю пропасти, Абакумову абсолют-

но не хотелось думать о Родине и о судьбах народа. Это он оставлял другим, более способным.

События меж тем нарастали.

Среди Уральских гор было обнаружено кукушечье гнездо, при этом было совершенно непонятно, грозит ли наличие этого гнезда опасностью, или же опасности не существует.

— Какое Политбюро? — пренебрежительно сказал Сталин. — Им только намекни, обгадятся со страху. Разве ты не помнишь, Лаврентий, как они в сорок втором драпали из Москвы?

Сам он помнил, как во время немецкого наступления под Москвой решил с охранником пройтись по опустевшим кабинетам Кремля. В кабинете Микояна со стен содрали шкуры смушки, которыми они были обиты согласно вкусу хозяина. Одна шкура повисла высоко под потолком, в суматохе ее так и не сорвали. Сталин попросил охранника:

— Лейтенант, достань!

Охранник высоко подпрыгнул и сорвал шкуру. Глядя тонкие завитки серой шерсти, Сталин вернулся в свой кабинет, вызвал Поскребышева и, не глядя на него, спросил:

— Где все?

— Уехали, товарищ Сталин, — сказал Поскребышев.

— На завтра назначаю заседание Политбюро, — глухо сказал Сталин. — Всех предупредить. Тех, кто без уважительных причин будет отсутствовать, выкину из Политбюро и отправлю на лесоповал. Так и скажи.

В глубине души он был доволен случившимся. Вождь показывает личное мужество, в то время как его окружение празднует труса. В приподнятом настроении он позволил генералу Жукову и сказал ему:

— Больше отступать некуда, товарищ генерал. Будем копать могилы здесь.

— Зачем же могилы? — возразил Жуков. — Мы еще поживем, товарищ Сталин. Мы еще повоюем.

— Тогда воюй, — разрешил вождь.

Истории годились для творимой им легенды. Но уважение к соратникам Сталин потерял раз и навсегда. Поэтому последние годы он старался приближать тех, кто в войну был на фронтах, а значит, вдали от его внимания. Само понятие фронта подразумевало наличие у человека мужества и отваги. Сталин ценил эти качества, он считал это главным наряду с жесткостью и способностью четко добиваться достижения поставленных целей. Поэтому он благоволил к Жукову, ценил Говорова, Чуйкова, Конева и адмирала Кузнецова, по-своему любил Рокоссовского, который не только хорошо показал себя на фронте, но и не сломался на следствии перед войной, не оговорил себя и других, как это частенько случалось. Именно за храбрость, пусть даже граничащую с глупостью, Сталин не наказал Льва Мехлиса, одного из главных виновников поражения в Крыму. Деспоты сентиментальны, они порой принимают решения под воздействием эмоций, хотя это и бывает крайне редко. Сейчас Сталин был деловит и отметал эмоции в сторону, быть может, именно потому, что перед ним сидел не герой, но человек, которого вождь уважал за острый ум и четкое понимание собственных желаний. Человек этот, как и сам вождь, был равнодушен к почестям и знал им цену, но в достижении целей умел быть жестким и решительным, даже если приходилось перешагнуть через труп в буквальном понятии этих слов.

— Надо принимать решение, — сказал Сталин, глядя на вьющиеся за окном снежинки.

— Ты — вождь, — пожал плечами Берия. — Тебе и решать, Коба.

— Я тоже могу ошибиться, Лаврентий, — не поворачиваясь, сказал Сталин.

— Ты — вождь, — повторил Берия. — Вожди не ошибаются. Даже ошибки их полны мудрости.

— Лыстец, — проворчал вождь, оборачиваясь. — Почему я тебя терплю, Лаврентий? Я же вижу тебя насквозь!

— Поэтому ты меня и терпишь, Коба, — философски сказал Берия. — Когда человек понятен, в нем нет угрозы. Ты ведь знаешь, что я готов отдать за тебя жизнь.

— Ты ее за Родину отдай, — улыбнулся Сталин. — За идею. Значит, принять решение?

— Ты его уже принял, Коба, — остро глянул собеседник. — Или мне показалось?

— Вот за что ты мне нравишься, — вождь снова раздвинул в улыбке усы, — так это за решительность и торопливость. С тобой мамалыгу несоленую хорошо есть — не дашь подавиться. И что же я решил?

Между собой они всегда разговаривали по-грузински, только на людях Сталин переходил на русский, считая неэтичным говорить непонятно для присутствующих. Возможность говорить на родном языке всегда радовала Сталина, хотя он считал себя русским по происхождению, ведь вся зрелая жизнь его прошла за пределами маленькой Грузии.

Заданный вождем вопрос не обескуражил Берию и не заставил его поспешить с ответом. Нет ничего опаснее, чем озвучивать решения вождя, вождь от этого решения немедленно откажется только для того, чтобы сохранить самостоятельность и независимость мышления и выставить в глупом свете подчиненного.

— Откуда мне знать? — пожал плечами Берия. — Просто по искринкам в твоих умных глазах, Коба, я понял, что ты задумал что-то особенное.

Сталин засмеялся, неслышно подошел к заместителю Председателя Совета Министров, потрепал его одобрительно по плечу.

— Особенное? — по-русски спросил он. — Пожалуй...

Глава вторая

Сов. Секретно
Начальникам облкрайуправлений НКВД СССР

ОРИЕНТИРОВКА

НКВД УССР разыскивается изменник Родины военный преступник САПОГОВ Василий Алексеевич, 11 ноября 1920 года рождения, уроженец дер. Выселки Кореновского района Краснодарского края, русский, беспартийный, образование 7 классов, ранее несудимый, происхождение — из крестьян.

В 1942 году САПОГОВ, будучи старшиной пехотной роты РККА, добровольно сдался в плен к немцам и дал гестапо подписку о сотрудничестве. Использовался гестапо для выявления советских граждан, нелояльно настроенных к оккупационной власти, в г. Сумы. Участвовал в расстреле евреев, проживавших в г. Сумы и г. Харькове, в расстреле цыган в районе Холодной горы г. Харькова. При этом проявил жестокость и расчетливость. По показаниям свидетелей, САПОГОВ лично выбирал и расстреливал граждан, имеющих золотые коронки и протезы во рту, после чего выдирал их специальными пассатижами, которые всегда носил с собой. За это среди полицаев получил кличку Васька-зубник, а немецким командованием ему было присвоено звание ефрейтора немецкой армии. За заслуги перед фашистской Германией награжден бронзовой медалью «За храбрость».

В 1943 году обвинен в краже немецкого армейского имущества и отправлен в трудовой лагерь, откуда бежал.

По неподтвержденным данным, имел намерение выехать в центральные районы России, при себе имел документы погибших в лагере лиц. По данным тех же источников, при одной из бомбежек в 1943 году получил увечье, потеряв при этом кисть правой руки или ступню правой ноги.

Приметы: рост 185 см, спортивного телосложения, физически развит, лицо круглое, глаза серые, волосы русые, нос вздер-

нут, уши плотно прилегают к черепу, губы толстые, брови густые, левая бровь рассечена небольшим шрамом в результате падения в детстве с дерева.

Особые отличительные приметы: на запястье левой руки татуировка танка БТ-5 на фоне развернутого знамени, ниже надпись «Так победим!», на животе шрам длиной 8—10 см, как следствие оперирования гнойного аппендицита в 1940 году.

Жесток, особо опасен при задержании.

Полученную информацию о возможном местонахождении САПОГОВА направлять в розыскной отдел НКВД УССР, ссылаясь при этом на розыскное дело № 3957/44, о задержании САПОГОВА уведомлять немедленно.

Начальник отдела розыска НКВД УССР

Майор

Смеян

29 декабря 1944 года.

— Да не было никаких пассатижей! — выкрикнул арестованный. — Не было, командир!

— Только у полицаев я еще командиром не был, — желчно сказал Коротков. — Ты меня гражданином начальником зови, сподручнее будет! Говоришь, не рвал зубки? Может, и не стрелял ты вовсе, наговаривают на тебя?

— Стрелять — стрелял, — хмуро сказал Васена. — А издеваться, как другие, не издевался. Слушай, гражданин начальник, все расскажу. Я понимаю, что за дела свои пулю заслужил, но хочется все-таки хоть кому-то рассказать, как оно было.

— Время есть, — согласился Коротков.

— Ты не думай, что я в Красной Армии служил и все думал, как измену учинить да к немцу перебежать, — криво усмехнулся арестованный. — Были такие, листовки немецкие хранили. Сам таких двоих шлепнул. И не думал, что сам немцу служить пойду. Думалось, если что, так сложу голову в бою, чтобы мамочке за сына стыда терпеть не

пришлось. А как оно все повернулось! Нагнали нас под Харьков, к наступлению готовились. Ага, наступление — две винтовки и граната на пять человек, а отцы-командиры говорят, что остальное в бою у врага возьмете! Тут пополнение пришло, смотрю, не бывает так, а вышло оно — в пополнении мой младший брат Степан, и прямо ко мне во взвод.

А на следующий день немцы нам и врезали. Танки прут, народ необученный, а если бы и обученный был, не сташь же с голыми руками на танки бросаться! Ну, короче, побегли мы. Загнали нас немцы в овраг, овраг маленький, а нас там с полторы тысячи набилось, мяса пушечного. Ну, думаю, прилетит сейчас немец, бомбы бросит, то-то меси-ва кровавого будет. Все кровью умоемся! Только не прилетел, гад, и бомбы не бросил. Уж лучше бы бросил, тогда бы все и кончилось. А тут подъехали несколько мотоциклистов, у них пулеметы на колясках, каски рогатые, стоят, вниз смотрят и смеются. Потом несколько танкеток подошло. Оно ведь, гражданин начальник, в бою, на азарте, помирать не страшно. А вот так, когда они вниз плюют, да еще и над тобой по-своему издеваются... Короче, побросали мы винтовки, у кого они были, задрали лапки вверх и полезли из оврага, что твои тараканы.

— То-то, что задрали! — зло бросил Коротков.

Васена ответно дернул щекой.

— Это ты сейчас храбрый такой, в теплом кабинете-ке-то, — хмуро сказал он. — Глянуть бы на тебя в том овраге. Тоже штаны сушить наладился бы. Несколько солдатиков нацелились сбежать, так на них даже пуль тратить не стали — танкетка их догнала да гусеницами на наших глазах... Ага! И погнали нас в лагерь. Когда-то там склады артиллерийские были, так все подчистую на позиции вывезли, а колючая проволока — вот она, да и вышки прямо для часовых. Немцы быстро смекнули, как их использовать. Тут, гражданин начальник, самый ад и начался.

Бабуш, сидя у окна, слушал неторопливый рассказ бывшего полица и все спрашивал себя, а как бы он поступил на месте Сапогова, выдержал бы, не поддался рассудительному голосу самосохранения? И однозначного ответа на эти вопросы у Александра Бабуша не было, так, надежды одни на собственную стойкость.

— Сидеть, конечно, можно и в лагере. — Голос у Васены был безжизненный, словно бы и не человек, а покойник уже исповедовался перед ними. — Можно, если кормежка какая есть. А немцы решили на нас не тратиться. Правда, не особо и местных жителей отгоняли, которые пожрать приносили. Только ведь как все выходило? В лагере около трех тысяч бойцов, всех не накормишь, ну и началось через несколько дней... — Он поднял голову и на секунду ожил взглядом. — Кто, конечно, выжить хотел, да брезгливостью особой не страдал... Воду немцы привозили. Каждое утро бензовоз посередине бывших складов стоял. Иногда немцы забавлялись — начинали стрелять в ноги тем, кто за водой приходил. Это у них называлось заставить русского медведя сплясать «Барыню». Там они моего Степку и подстрелили... — Сапогов закашлялся. — Он долго умирал, все в сознании был... Все говорил мне, ты, мол, братка, себя пересиль, мясо — оно и есть мясо, ты, говорит, выжить должен ради мамки нашей... А потом пришли вербовщики. — Сапогов сел, повел крепкими плечами, и Бабуш с удивлением увидел, что глаза арестованного стали влажными. — Я-то как думал? Думал, соглашусь для виду, надену ихнюю форму, лишь бы оружие дали, а там смоюсь, конечно. Потому и бумагу подписал, не братом же, в самом деле, харчиться! Только у них спецы в гестапо сидели крепкие, они, суки, понимали, что одной подписочкой человека не удержишь, бумага, она и есть бумага — ты хоть кровью в ней свои подписи ставь. Ну и решили они подстраховаться, кровью нас, как водится, повязать. Вывели заложников, что взяли в ответ на взрыв в депо, а заложни-

ков подобрали соответствующих — бабы в основном да детвора. Каждому дали винтовку, а в винтовке — один-разъединственный патрон. И автоматчики сзади стоят, только колыхнись назад, станешь заместо решета, суп-лапшу через тебя запросто пропускать можно. А один ихний гнида с фотоаппаратиком стоит и лыбится. Потом каждому персонально по карточке подарил, на долгую, значит, память.

— Ну а ты в кого стрелял? — глухо спросил Коротков, играя скулами.

— А мне евреечку подвели. Малую такую, пригожую. Она мне и шепчет: «Дяденька, только быстрее. Страшно очень».

Бывший полицай уткнулся взглядом в пол и замолчал. Лицо его стало багровым и потным. Словно выдавливая из себя слова, Сапогов сказал:

— А дальше уже все пошло по катанке. Порченые мы были. А про зубы — брехня, это на меня Дзюба наговаривает. Вот он с пассатижами бегал. Маленькие такие, блестящие. Я его пару раз предупредил, потом не удержался и звезданул — два зуба высвистел. Голову на отруб даю, он да дружок его Валька Цеховников на меня несут. Другие не скажут. А этим я плешь проел, уж больно поганые они были. Особо Цеховников. Тот на акциях сразу интересовался, у кого девчоночки малые есть, первым в те хаты и мчался, будто намазано ему там было.

— А ты, значит, у них заместо замполита был, — съязвил Коротков. — Все уговаривал, чтобы по совести они поступали!

— Да какая там совесть, — отмахнулся Сапогов. — Но вроде не по-божески этак: если довелось людям смерть принять, так зачем перед смертью мучить?

— А медалью тебя за ласку, конечно, наградили, — покивал Коротков. — И ефрейтора тебе фрицы за нежную душу твою дали.

— Я не оправдываюсь, — вздохнул Васена. — Смерть мы там все заслужили. Такое творили — не приведи Господи снова во сне увидеть. Я, как из лагеря бежал, совсем зверем стал — на немца охотиться выходил, все старался кровью кровь перешибить. А когда наши пришли, я в бега пустился. Понимал: не будет мне прощения, до самого небесного суда не будет. Потом с Волосом стакнулся. Он, конечно, мужик жесткий, но без излишеств. Он как работу исполнял, когда нас на акции возили. Ну, прибился к его берегу, к бегунам, значит.

— Зою Чазову помните? — вклинился в разговор Бабуш.

— Старушку-то, — поднял голову арестованный. — Помню. Шустрая была бабулька. Только у странничков долго не заживаются, эта Зоя за себя и за подружек чаек отхлебала. Волосу она подозрительна стала, уж слишком часто крутилась поблизости, выспрашивала все. Потом стакан этот пропал... А уж когда она небесных чудиков увидела, Волос ей прямо и сказал: кончился твой срок, Зоенька, пора перед Богом отчет дать, в грехах своих покаяться. Мы ее к озеру подземному и проводили. А дальше она сама, там ведь первый только шаг сделать надо, дальше и суетиться не надо, все едино в горловинку затынет...

— Какую горловинку? — заинтересованно спросил Коротков.

— Так там, под Теплой горой, озеро стоит, — словоохотливо, словно радуясь отсрочке разговора о главном, принялся объяснять Сапогов. — Вода в том озере зеленая-презеленая. И главное, постоянно вращается по часовой стрелке. С утра вращается тихонечко, как бы нехотя, а с обеда уже вполне ощутительно, и в центре озера воронка образовывается, которая в себя все засасывает. Куда она выводит, я не знаю, но странницы всегда этим озером не в пример какой другой воде охотнее пользовались. В простой-то воде топиться долго и тошно, а здесь только в воду ступи — унесет, и похорон не потребуется.

— Вот вы упомянули каких-то небесных чудиков, — снова напористо сказал Бабуш. — Объясните, Сапогов, кого вы имели в виду?

И наткнулся на недовольный взгляд Короткова. Некоторое время майор холодно смотрел на неугомонного оперуполномоченного, потом покачал головой и развел чуть руками, всем своим видом говоря — тебя же предупреждали, дурачок, но раз ты такой любопытный, пеняй тогда, значит, на самого себя.

— Были такие, — нехотя сказал бывший полицейай и каратель Сапогов. — С месяц в пещере жили. Их откуда-то странники приволокли. Попервам от одного взгляда на них не по себе становилось, а потом пообвыклись. Да и они не такие уж страшные оказались. Боль снимать умели. У меня зуб крошенный, ну, однажды и дал он мне, извиняюсь, пробздеться. Один этот зелененький взял меня за руки, уставился мне в глаза и рожками своими этак тихонечко по щеке водит. И что вы думали, начальники? С того дня у меня этот зуб ни разу не болел. Истерся в крошку, один корень остался, а болеть не болел.

— И что с ними дальше случилось? — спросил Бабуш.

— А померли, — просто и без особого сожаления сказал Сапогов. — Может, пещера для них неподходящая была, а может, харч не устраивал. Только в один день глядим, а они рядом на камешке лежат, один другого словно бы обнимает. Дмитро Волос говорит мне: ты, Васена, в город смотайся, в морге формалину возьми. Эти самые бесы дорогонько потянут, если их знающим людям предложить. Я привез формалину, Скула ящички сделал, уложили мы их в ящички и формалином залили для сохранности. А что, вы того нашли, которого я штурмабаннфюреру привез? Говорил я Дмитро, не надо этого делать, пусть уж лежат, где упокоились. Это из-за немца у нас все неприятности, да еще из-за того, что покой мы ихний нарушили. Не надо было этого делать, не надо. Зря меня Дмитро не послушал.

Сапогов обвел обоих контрразведчиком ясным взглядом, по-детски пошевелил толстыми своими губами и попросил:

— Отпустили бы вы меня в камеру, граждане начальники. И велите бумаги побольше дать, все как есть опишу. Что мне теперь запираяться? Не зря ж говорят, что плохие дела всегда впереди хороших бегут. А уж наши дела благодатью никто не назовет.

Бабуш читал материалы на Сапогова. Зверь, истинный зверь, не знающий жалости, сидел напротив него, и поддаваться каким-то человеческим чувствам было глупо, не заслуживал Сапогов, чтобы к нему по-человечески относились. И все-таки странное чувство жалости к этому сломанному войной человеку испытывал Бабуш. Не каждому дано достойно и гордо стоять перед врагом в ожидании неизбежной смерти. Этот в свое время вымаливал у врага пощаду. И все-таки тоскливое разочарование и сожаление о неслучившейся человеческой жизни чувствовал оперуполномоченный. Все могло быть совсем иначе, не будь этой чертовой войны. Закончил бы Сапогов службу, вернулся домой, женился бы рано или поздно, детей завел, хозяйством оброс, и никто никогда бы не узнал, что в этом большом сильном теле живет трус и зверь.

— Да, — сказал он. — Идите в камеру, Сапогов. А на счет бумаги я сейчас распоряжусь. Будет вам бумага.

Глава третья

ТРЕТЬЕ ОБРАЩЕНИЕ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

К разумным жителям Земли, к расе, именующей себя Человечеством, обращается Коалиционный отряд наблюдателей, в дальнейшем именующий себя КОН. Настоящее обращение КОН к землянам является третьим по счету, контрольным.

Первое обращение КОН передал в 19576 (00576) году до Рождества Христова жителям крупнейшего в то время на Земле города Апурадхапура.

Второе обращение КОН передал в 711 году от Рождества Христова жителям крупнейшего в то время города на Американском материке Ткаатцеткоатль.

Настоящее обращение КОН к землянам в основном идентично первым двум по содержанию, составлено на основных сегодняшних языках Земли: китайском, английском, русском и испанском. Текст обращения откорректирован с учетом современного уровня знаний и заблуждений жителей Земли. Целью обращения является предложение о проведении в некотором будущем переговоров между представителями Человечества и представителями Коалиции на предмет вступления Человечества в Коалицию.

Поскольку проведение переговоров будет возможно только после выполнения Человечеством некоторых предварительных условий, ниже приводятся эти условия, предваряемые для правильного их понимания как краткими сведениями космогонического характера, так и сравнительной характеристикой образа мышления Человечества.

Сталин некоторое время внимательно разглядывал Берию. Верный соратник чувствовал себя неловко — лишь ежился и отводил взгляд в сторону, сделать это ему было довольно легко из-за пенсне, которое не позволяло вождю понять выражение глаз заместителя Председателя Совета Министров.

— Не пойму я тебя, Лаврентий, — нарушил молчание Сталин. — То ты мне заявляешь, что фантастику не терпишь, то приносишь самый настоящий роман. Это ты не по адресу, это тебе к Фадееву надо пойти, в Совписе к тебе прислушаются, все-таки не последний человек в партии. А я только Сталинские премии раздаю. Может, ты Сталинскую премию в области литературы получить захотел? Ты говори, Лаврентий, не стесняйся, все-таки у тебя уже вну-

ки пошли, игрушки им надо покупать. Тем более что опыт литературный у тебя уже есть. Одного не пойму, чего же тебя именно на фантастику потянуло? С Беляевым и графом Толстым соперничать захотел?

Берия нервно протер пенсне носовым платком, потом вновь водрузил на потный нос и сказал:

— Этого я не писал, Коба. Эту передачу поймали по радио в 1929 году на волне семьдесят пять метров. Аналитики МГБ о ней вспомнили и принесли для ознакомления. Тогда ей не поверили, передаче этой. Менжинский лично соизволил начертать: «Надо заниматься анализом фактов, а не вымыслов». Под это и списали в архив. Помнится, покойничек Глеб Бокий некоторое время с этим текстом возился, его радиостанции полгода эфир прошупывали. Ни черта они не поймали, только одну зашифрованную радиogramму приняли, да и ту Ягода с теплохода послал — водки требовал.

— Бокий... — Сталин поморщился. — Взрослый человек, а в игрушки играл. В масонов, например, в тайные общества. А ведь «Черная книга» так и не нашлась, Лаврентий. Ежов ее найти не сумел, Ягода ничего не сделал, да и ты в свое время одними обещаниями отделался.

Берия пожал плечами. «Черная книга», в которую на протяжении десятилетий собирали различный компромат на руководящую верхушку ВКП(б) и правительства, интересовала Берию не меньше, чем вождя. В свое время Лаврентий Павлович затратил много времени, чтобы отыскать этот источник политических нечистот, но так ничего и не обнаружил. Или Глеб Бокий успел уничтожить информацию перед арестом, или информация до сих пор хранилась в зашифрованном виде в многотомном архиве Спецотдела, либо были лишь слухи о «Черной книге», а самой ее никогда не было. Но, как говорится, все, что ни делает Бог, всегда к лучшему. Кто знает, каким бы стал мир, если бы «Черная книга» существовала и содержащиеся в ней сведе-

ния стали бы достоянием руководителей. Это стало бы оружием, способным взорвать общество.

— Молчи, — сказал Сталин, мягко прохаживаясь по комнате. — Твои оправдания я уже слышал. Может, действительно к лучшему, что ту книгу никто из вас не нашел. Уж больно велик соблазн использовать ее в своих интересах. Могли бы и вы не утерпеть. Вот не утерпел бы ты, Лаврентий, а вождю потом думать бы пришлось, что с тобой делать и куда тебя девать. Так, говоришь, передача такая была? И где она шла? На территории Советской России?

— В том-то и дело, Коба, — с некоторым облегчением от того, что они уклонились от щекотливой и опасной темы, сказал Берия. — Похоже, что передача транслировалась на весь земной шар. Но ведь двадцать девятый год! У американцев таких возможностей не было, знаменитый Тесла на такое оказался не способен. В свое время с ним Термен разговаривал, Тесла так и признался — не он, к сожалению.

— Тогда с текстом следует ознакомиться, — задумчиво сказал Сталин. — Кстати, Лаврентий, меры к излучающим радиоволны приняли?

— Обязательно, — сказал Берия. — Ими сейчас специалисты из ведомства профессора Иванова занимаются. Бородки потирают, глубокомысленно изъясняются — из ихней абракадабры едва ли четверть понятна. Все сводится к тому, что не может этого быть. Ну никак не может!

— Лаврентий, — хмыкнул вождь. — Тебе ли не знать, что мы обязаны предположить и невозможное? В конце концов, что бы там ни говорил Ильич о роли масс в историческом процессе, сама Октябрьская революция была случайным явлением. Случайным, но необходимым. Иди, Лаврентий. Скажи Поскребышеву, чтобы никого ко мне не пускал и ни с кем не соединял. Почитаю сообщение, обдумая. Только кажется мне, что в этом случае мы имеем

дело с качественно подготовленной мистификацией. Человек за ней стоит, а не инопланетные силы.

Берия вышел.

Некоторое время Сталин сидел в одиночестве, задумчиво посасывая пустую курительную трубку. Трубок этих у него была целая коллекция, но чаще всего он пользовался этой старенькой английской трубкой — подарком Нестора Лакобы. Самого Лакобы давно уже не было на свете, исчезли в лагерях его дети, а подарок — остался. Посасывая трубку, Сталин частенько вспоминал Нестора и его, как и полагалось по старым абхазским обычаям, пышные застолья. В эти минуты Сталин испытывал легкое сожаление о прежних годах, которые уже никогда не возвратятся, но никогда не жалел об ушедших в небытие товарищах. Друзей у него больше не было, друзья остались в далеком прошлом, ведь друг — это тот, которого поднимают до своего уровня. Но кого можно было поставить вровень с ним, Сталиным, принявшим от Ильича истерзанную, дышащую на ладан страну и превратившим эту страну в могучее государство, с которого брали пример друзья и которого боялись враги? Великий человек всегда обречен на одиночество. Великий человек — это уже даже не человек, в первую очередь это борец, воин. Ближе других к нему был Берия, но и его Сталин недолюбливал за откровенную лесть и склонность к постоянным интригам, словно Лаврентий что-то в них понимал. Нет, для своего уровня он был совсем неплох, но состязаться с вождем и ему было не под силу.

Вздыхнув, Сталин вновь потянул к себе машинописные листки, принесенные Берией.

К настоящему времени Человечество составило себе представление о Вселенной, в целом правильное, чем во времена первого и второго обращений. Действительно, Земля не является глоской и не находится в центре Вселенной, а обращается вокруг одной из звезд, входящих в состав Галактики.

Действительно, последней из трансформаций энергии, поддерживающих деятельность звезд и соответственно Солнца и дающих возможность существования жизни на Земле и сходных с нею планетах, является термоядерная реакция.

Действительно, разумная раса землян не является единственной во Вселенной.

В остальном большинство ваших космогонических догадок являются ошибочными.

Является заблуждением вера ваших ученых в существование каких-то, пусть еще неоткрытых ими, неизблемых законов Вселенной и в постоянство мировых констант. Так, гравитационная постоянная заметно меняется и в пределах вашей солнечной системы, не говоря уже о более крупных масштабах, что привело к существенным ошибкам в определении вами размеров галактики и расстояний до других галактик и вызвало появление ошибочных теорий замкнутой Вселенной, а в этом году — теории разбегающейся Вселенной.

Ошибочно и представление о всеобщей трехмерности пространства, на котором прежде всего базируются ваши космогонические представления. Мир хаотичен, в нем нет ничего неизблемого, в том числе и мерности. Мерность пространства во Вселенной колеблется, плавно меняется в весьма широких пределах. Наилучшим условием для возникновения органической жизни является мерность пространства, равная π (3,14159...). Значительные отклонения от этой величины пагубно действуют на живую природу. В настоящее время окрестности Солнечной системы имеют мерность + 3,00017, и близость этого числа к целому числу 3 ввела вас в заблуждение.

В окрестности вашего скопления галактик дрейфует гравитационный циклон, имеющий в центре мерность 3,15, который может задеть краем вашу галактику, уничтожив органическую жизнь на всех планетах, на которых не будут приняты меры по защите.

Сталин оторвался от бумаг, некоторое время сидел неподвижно, разглядывая текст на бумаге, потом нажал на

кнопку вызова. Поскребышев, как всегда, вошел бесшумно и встал с левой стороны.

— Вызовите астронома Фесенкова из Академии наук, — сказал Сталин. — Лучше всего на пятнадцать двадцать.

Люди для Сталина были необходимым инструментом, с помощью каждого из них решались определенные задачи, и вождь любил, чтобы у него под рукой всегда был необходимый набор таких инструментов. Одни инструменты служили тому, чтобы ввести вождя в курс дела по интересующей его проблеме, другие углубляли знания вождя по этой проблеме, третьи... Третьи подсказывали возможные решения, не акцентируя своего внимания на авторстве. И это было правильно — вождь не мог выглядеть беспомощным незнайкой и неумейкой, вождь должен знать проблему и высказывать пути ее решения, показывая при этом высокую компетентность и энциклопедические знания.

Поскребышев вышел. Сталин прошелся по кабинету, решительно сел в кресло и вновь углубился в текст.

Это обстоятельство делает необходимым для вас вступление Человечества в Коалицию в сжатые сроки, самое позднее через 65 000 лет с момента подачи настоящего обращения — с 1929 года от Рождества Христова, с тем чтобы Коалиция успела оказать Человечеству помощь в подготовке к циклону.

Шестьдесят пять тысяч лет... Сталин криво усмехнулся, задумчиво погладил усы и снова вызвал Поскребышева. Однако, пока тот входил в кабинет, мысли вождя вновь изменились, и он взмахом руки отпустил вошедшего.

В настоящее время в вашей галактике насчитывается около 220 000 разумных рас, уже вступивших в Коалицию, и около 1000 разумных рас, рассматривающих вопрос о вступлении в Коалицию, в том числе и вы.

КОН просит вас не воспринимать сообщение о гравитационном циклоне как попытку воздействия на ваш ответ.

Вы ошибаетесь в решении вопроса о происхождении Солнечной системы и жизни на Земле. Солнечная система возникла из пылевого облака, засеянного отрядом Коалиции в области Вселенной, отвечающей двум основным требованиям к условиям развития и возникновения органической жизни:

- в области, достаточно удаленной от остальных звезд;
- имеющей мерность пространства, близкую к + Пи.

Вы ошибаетесь в уподоблении разумной расы живому индивидууму, представляя в некотором будущем неизбежными одряхление и смерть Человечества. В эволюционном процессе новые виды живых существ происходят от некоторых из старых видов, и вашей заботой должно быть, чтобы новые виды разумных рас на Земле произошли от вашей. Именно это соображение должно определить стратегию развития разумней расы. Между тем, по наблюдениям КОН, Человечество совершенно не руководствуется такой или подобной ей стратегией, предоставив свое развитие воле случая и направляя все свои усилия на удовлетворение краткосрочных потребностей.

Не следует думать, что ваши заблуждения являются случайными, преходящими. Они неизбежны и устойчивы в силу специфики вашего мышления, краткому анализу которого посвящается следующая глава обращения.

Сталин вновь отложил бумагу и нервно заходил по кабинету, посасывая пустую трубку. Все эти гравитационные циклоны были для него пустым звуком, а если учесть, что последствия этого самого циклона скажутся через шестьдесят пять тысяч лет, то и размышлять о них особо не стоило. Слишком далеко это было от времени, в котором они жили сейчас. Слишком далеко. А вот мысль о том, что человечество явилось продуктом чьей-то творческой деятельности, казалась вождю крамольной и вредной. Этак и

до Бога дойти можно! В свое время Сталин яростно боролся с влиянием церкви, пока не понял, что начатая борьба была преждевременной. Вера в Бога была еще слишком сильна в нарождающемся советском человеке. Поняв это, Сталин прекратил бесполезную борьбу, а потому считал, что с Богом у него пока получалась ничья. А потому он старался извлечь из этой ничьей максимальную пользу, награждая епархию светскими орденами и вовлекая церковное чиновничество в решение прозаических хозяйственных задач. Нет, все-таки правильно, что текст этого обращения остался неизвестным широким массам трудящихся! Шутка какого-то умного и мастеровитого человека или в самом деле послание высокоразвитой цивилизации — обращение было вредно для насаждающихся в советском обществе материалистических воззрений. Пусть уж широкие массы считают, что человек произошел от обезьяны, а не появился вследствие планового засева района Вселенной высокоразвитыми и могущественными, словно боги, существами.

Придумали же — благоприятная мерность пространства! Мягко стелят эти космические захватчики. Целей этой своей Коалиции они не объясняют, о правах людей в этом сообществе тоже ничего не говорят, а вот присоединиться к звездному союзу требуют. Это прямо Лига Наций, а не равноправное сообщество! Неожиданно Сталин понял, что почти уже поверил в достоверность обращения и в причастность к его отправке каких-то совсем неведомых человечеству существ, и испытал яростное раздражение.

У дверей бесшумно возник Поскребышев.

— Фесенков болен, лежит с ангиной, — сообщил он. — Я взял у дежурного по академии список астрономов и их адреса с домашними телефонами. Вызвать еще кого-нибудь?

— Не надо, — после паузы сказал вождь. — Если верно, что свет от звезд идет сотни лет, то все они изучают прошлое. Поэтому никто из них не скажет, что может случиться на небесах в ближайшие тысячи лет.

ТРЕТЬЕ ОБРАЩЕНИЕ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ продолжение

Мышление живой материи и само существование и развитие живой материи имеют общую основу. И то, и другое является противоречием энтропии. В мышлении это противоречие выражается в поисках логичности. Вашему мышлению также свойственны поиски логичности, но на этом и кончается сходство вашего мышления с мышлением, свойственным подавляющему большинству разумных рас, входящих в Коалицию.

Данное обстоятельство вынуждает многих участников КОН сомневаться в правомерности обращения к вам как к разумной расе. Основой вашей логики являются понятия «да» — «нет», как якобы реально существующие и многократно проявляющиеся при ступенчатом анализе любого сложного вопроса. При этом число ступеней в анализе конечно и чаще всего весьма мало, даже когда исследуется вами достаточно серьезная проблема. Поиск ответа сводится к выбору одного из двух, где два — числа ступеней, возможных решений, тогда как наиболее правильное решение чаще всего лежит между ними.

Вашим математикам будет понятна следующая аналогия: решение проблемы, проявляющееся после решения частных опросов типа «да — нет», аналогично выбору одной из вершин N -мерного куба, тогда как пространством возможных решений являются в первом приближении все точки N -мерного пространства. Если не уточнять, то реальная мерность пространства решений чаще всего определяется вами неверно и очень редко является на самом деле целочисленной.

Наше отношение к вам как к разумной расе затрудняется и следующими соображениями. Насколько мы можем судить, лю-

бой научный или юридический закон, смысл открытия или изобретения, сущность любой важной мысли может быть выражена вами фразой, содержащей самое большее сто слов из словаря в 50 000 слов, включающего математические и другие условные обозначения. Общее количество всевозможных фраз из такого словаря представляет собой весьма скромную величину, равную 50 000 в степени 100. Если же оставить только фразы, имеющие лингвистическую диагностическую непротиворечивость, то их число сократится до 50 000 в степени 50,5. Если теперь отбросить фразы, в которых слова грамматически и правильно связаны, но содержание их не имеет даже видимости смысла, то число внешне осмысленных фраз сократится до 50 000 в степени 25. Отсев ложных от истинных утверждений составляет, по самым завышенным оценкам, список из не более 3,9 на 10 в степени 37 утверждений, которые могут быть высказаны вами и соответствовали бы реальности.

Между тем нам известны представители животного мира на различных планетах, способные дать не меньшее число разнообразных безусловных реакций, вполне адекватных действительности, на различные комбинации внешних раздражителей, которые тем не менее не могут быть названы разумными.

По-видимому, правильнее было бы считать Человечество не разумной, а потенциально разумной расой, поскольку ограниченность мышления все же не является у вас врожденной.

От природы человеческий мозг наделен аппаратом мышления не менее совершенным, чем органы мышления представителей многих разумных рас во Вселенной. Но развитие вашего мышления с самого начала пошло по абсолютно неверному пути.

В начале становления процесса мышления способность к мышлению кроется в потенциальной возможности многообразной реакции на одно и то же информационное воздействие.

На графике, именуемом далее логическим фундаментом, по вертикали откладывается сила или осязательность реакции на информационное воздействие, по горизонтали направо — приемлемость, приятность этой реакции, а налево от 0 — ее неприем-

лемость, неприятность. Как все в природе, что еще не обработано противодействующей энтропии деятельностью разума, этот график хаотичен, всплески на нем объясняются чисто физиологическими пороговыми эффектами. Самовоспитание разума заключается не только в перестройке сложной системы логического мышления, но и в постройке и улучшении фундамента, на котором эта система базируется. Как показывает пример многочисленных разумных рас, наиболее соответствует требованиям успешного познания природы перестройка логического фундамента по приводимой схеме.

Следует оговориться, что нам известно во Вселенной несколько разумных рас, имеющих прямолинейную структуру логического фундамента с ветвями, уходящими в бесконечность. Они составляют собственное Объединение рас, в Коалицию не входят, так как мы не смогли найти с ними общего языка. Принципиальное отличие их мышления от нашего заключается в том, что площадь фигуры, описывающей логический фундамент, у нас конечна, а в их мышлении — бесконечна. Мы даже затрудняемся представить, как они воспринимают бытие, и не можем понять, что сохраняет их жизнь под яростными ударами уходящих в неограниченную бесконечность положительных и отрицательных реакций на информационное воздействие.

Необработанный логический фундамент человека имеет два заметных всплеска справа и слева от нуля и несколько мелких. Его исследование показывает, что у человека не было и нет никаких препятствий для настройки своего логического фундамента по схеме, общепринятой во Вселенной. Между тем разум человека с самого начала развивался в корне ошибочно, ориентировался на эти всплески и сейчас представляет собой свой вид логического фундамента. Это всплески, которые вы называете «да — нет» и без чего в принципе не можете представить явление. Между тем в вас говорит только сила привычки. Целевое расщепление логического фундамента на понятия «нет» и «да» является самым большим препятствием на пути к познанию вами бытия.

Более того, теоретические разработки логического мышления, предпринятые вами вместо исправления ошибки, только углубляют ее. Теоретические логические системы оперируют только рафинированными понятиями «да» и «нет», исключая другие варианты логических реакций. Эти разработки являются шагом назад даже в сравнении с логическим фундаментом человеческого мышления, представленным на предыдущей схеме, так как площадь фигуры, описывающей логический фундамент, вместо конечной становится равной нулю.

Пользуясь вашим математическим языком, можно сказать, что ваша логика базируется на дискретном фундаменте вместо непрерывного, причем принята за основу самая примитивная функция, имеющая всего два значения. Отсюда напрашивается неизбежный вывод, что если ваш метод восприятия бытия и можно назвать мышлением, то эта система мышления является самой примитивной из всех возможных.

Дискретизация логики вынуждает вас распространять принцип дискретности и на все сущее. Так, натуральный ряд чисел, который, в сущности, является возможным, но весьма искусственным математическим ухищрением, имеющим с реальной природой очень мало общего, стал для вас базисом тех азов математики, с которыми только и знакомы огромное большинство представителей Человечества. Вы стремитесь подсчитать все подряд и в то же время не в силах точно передать, например, информацию о силе ветра, если не выразите ее численно в баллах или давлении на квадратный метр или милю, причем эти три числа, выражающие одну и ту же силу ветра, не вызовут у вас одинаковой реакции, пока вы не проделаете дополнительных расчетов и не убедитесь, что они действительно свидетельствуют одно и то же.

Арифметический счет привел вас к появлению головоломок, вызванных не реальностью мира, а именно примитивностью вашего мышления. Между тем вы тратите силы, пытаетесь решить эти головоломки и согласовать их с представляющейся вам картиной мира как реальные загадки природы. Например, располо-

жение рациональных и иррациональных чисел на вещественной шкале.

Дискретизация логики вынуждает вас дробить цельно воспринимаемое на отдельные факты, явления, понятия и категории, проводя меду ними искусственные границы.

Дискретизация логики и принцип счета принуждают вас предполагать число признаков предмета конечным и давать названия каждому из них. Отсюда появляется весьма сомнительная возможность отчленять одни признаки от других — прием, называемый вами абстрагированием. Движение по ступенькам абстрагирования ко все более общим признакам считается вами единственно верным путем познания истины, между тем как это движение является путем, уводящим в обратную от истины сторону, во тьму. Не случайно все ваши абстрактные инструкции, именуемые философскими системами, взаимно противоречивы, хотя базируются на одной и той же логике. Шаг за шагом погружаясь во мрак по ступенькам абстракции, шаг за шагом теряя связь с реальным миром, философские системы постепенно утрачивают ориентировку и доходят до того, что к тупиковой точке этого движения на бессмысленный вопрос о первенстве материи и духа дают диаметрально противоположные ответы. Логика, основываясь на «да — нет», вынуждает вас всегда и везде проводить границы между различными комплексами признаков предмета, причем из-за слабости этой логики энтропия руководствует в процессе проведения границ, и они прочерчиваются весьма хаотично, нелогично даже с точки зрения вашей логики, что особо доказательно подчеркивается неодинаковым расположением их в словах разных человеческих языков. На проведении этих хаотических границ основан ваш способ общения, считающийся вами одним из высших достижений человеческого разума. Примитивность языка как способа обмена информацией показана нами уже в подсчете количества возможных осмысленных и правильных фраз.

Язык как основной носитель информации сам в свою очередь воздействует на ваше мышление, насильственно принуждая

его более четко придерживаться принципа дискретности. Поэтому, в частности, ваша этика и эстетика содержат множество парных понятий, противостоящих, как логическая теза и антитеза. Ваша общественная и личная мораль руководствуется правилами, поляризующими понятия «добро-зло», «жизнь-смерть», «выгода-проигрыш», «признание-непризнание», «любовь-ненависть» и прочее в том же духе. Вам не помогает даже ваше собственное наблюдение, что смысл этих диаметральных понятий у разных народов различен, да и у одного народа меняется с течением времени. И сейчас, считая себя высокоцивилизованным Человечеством, вы и в суде присяжных определяете виновность или невиновность подсудимого по принципу «да — нет», что может быть еще допустимо для решения судьбы одного человека, но не может быть приемлемо для решения судеб народа. Но и там господствует тот же принцип «да — нет» во время всенародных референдумов и голосования в парламентах. Более того, дискретная логика позволяет вам доверять судьбы народов и Человечества нескольким отдельным людям. В международной политике такими полярными понятиями являются понятия «состояние мира» и «состояние войны», и резкий переход от одного к другому, присущий только вашей логике и противный природе, вы считаете присущим природе и реализуете с поистине безумной решительностью. Недавняя мировая война и, очевидно, назревающая новая мировая война свидетельствуют, что резкое развитие технической цивилизации не заставило вас поумнеть. Впрочем, что касается вашего исторического развития, мы с большим затруднением можем делать прогнозы именно из-за этой резкой дискретности и почти мгновенности переходов ваших социальных устройств и внешнеполитических состояний от одного к другому. Уже в течение нескольких тысяч лет ООН наблюдает практически непрерывные войны, ведущиеся вами между собой, и при естественном течении исторических процессов ваши войны могли бы пойти на убыль только через 12 000 лет, но ООН не может даже утверждать, что эти войны не прекратятся в ближайшие 100 лет.

Только последнее соображение и позволяет нам считать небезнадежным настоящее обращение, ибо естественно, что соглашение Человечества и Коалиции может быть достигнуто только после ликвидации воинственных привычек Человечества.

Глава четвертая

Флеров приехал по вызову Сталина вместе с невысоким худощавым мужчиной, одетым в темные брюки и растянутый свитер машинной вязки. О незаурядности этого человека говорил высокий лоб и карие внимательные глаза. А щуплость ученому не помеха, его достояние не мышцы, его достояние — хорошо работающие мозги.

— Наш гений, — представил товарища Флеров. — Удивительно талантливый физик и непревзойденный математик, товарищ Сталин. Его фамилия Ландау.

— Садитесь, — радушно пригласил Сталин, отмечая, однако, что фамилия Ландау кажется ему знакомой. — Вы прочитали текст, который мы вам отправили?

— Да, — подтвердил Флеров.

— Тогда вы, наверное, объясните мне разницу между дискретным и непрерывным мышлением. Неизвестный автор упрекает человечество, что земная логика базируется на дискретном фундаменте, и за основу мы приняли самую примитивную функцию, имеющую два понятия. Признаться, все это довольно туманно. Нельзя ли пояснить это примерами, которые будут доступны любому неспециалисту? Что скажете, товарищ Флеров?

Флеров ответить не успел, вместо него ответил Ландау.

— Неспециалисту будет довольно трудно справиться с этими философскими понятиями, — сказал он. — Дискретность логики действительно основывается на простой функции, рассматривающей любое явление лишь с точки зрения его возможности или невозможности. Земная на-

ука оценивает явление двумя ответами — «да» или «нет», третьего пути не дано. Ответ на вопрос является законченным, и, чтобы двинуться дальше, приходится начинать логический разбор заново. Перерывы между решениями и обуславливают дискретность мысли.

— Но разве иной путь возможен? — осторожно поинтересовался вождь. Очень не хотелось выглядеть в глазах этих людей глупцом. — По-моему, «да» и «нет» — единственно возможные варианты ответов в задаче, все другие ответы будут неопределенными и лишены конкретности. Если к единице прибавить другую единицу, то единственно верным ответом будет число «два», остальные же ответы будут предположительными и оттого бессмысленными.

Флеров тревожно глянул на Ландау, и Сталин мог поклясться, что сейчас Флеров пинает под столом неосторожного математика. Тем не менее Ландау вел себя так, словно разговаривал не с главой великого государства, а с нерадивым студентом, который в межсессионный период пропустил слишком много лекций и теперь не мог понять сути изучаемого предмета.

— Хороший пример, — оживился он. — Хороший, но не слишком удачный. Есть моменты, когда простая арифметика неприменима. Возьмем ядерные процессы — столкновение частичек в циклотроне не является простым их сложением, в результате появляется новая частица с ранее неизвестными качествами. Это уже не арифметическое действие, это нечто другое. Подобное возможно и в человеческих отношениях. Возьмем, например, числовые понятия. Если сложить две единицы, то они равняются целому натуральному числу «два». Но если рассматривать комплекс семейных отношений, то сложение двух единиц в сумме может дать натуральное число в диапазоне от единицы до четырнадцати и даже шестнадцати. И все потому, что семейные отношения не описываются сухим арифметическим правилом сложения и требуют учета самых различных

факторов. Супруг может убить своего партнера за неверность и остаться в одиночестве. И наоборот, их любовь может привести к тому, что первоначально сложившееся семейное число «два» может увеличиться на несколько единиц. И напротив, совсем неверно рассматривание отдельных единиц как составных семьи. Необходимо учитывать такое качество, как любовь: она является составляющей семьи как общественной ячейки.

Он упрямо обходился без обращения к вождю, и Сталин почувствовал легкое раздражение.

— Вы хотите сказать, что товарищ Ландау и, скажем, к примеру, следователь госбезопасности абсолютно несовместимы, — тихо заметил он. — Я правильно понял, товарищ Ландау?

— Абсолютно, — с самоуверенным апломбом молодости заметил тот. — Скорее, это две самостоятельные единицы, каждая из которых после непродолжительного общения определенный период времени будет стремиться к нулю.

Подумав, Ландау все-таки добавил:

— Товарищ Сталин!

— Это вы хорошо подметили, — по-прежнему еле слышно сказал вождь. — Математика — очень точная наука, значительно точнее, чем лживая девка юриспруденция. Но я хотел узнать, может ли описанная логика существовать? Или обращение представляет собой вздор, на который можно не обращать никакого внимания?

Флеров и Ландау переглянулись, Сталину даже показалось, что на бледном вытянутом лице Ландау мелькнула еле приметная усмешка.

— Трудно сказать, товарищ Сталин. Непрерывная логика, основанная на полном отсутствии выбора между противоположными понятиями... Существование подобной логики должно противоречить всему материалистическому мировоззрению и законам марксизма-ленинизма в том виде, как они изложены у классиков.

— Льется вода на мельницу буржуазного мировоззрения, — понятиливо кивнул Сталин. Настроение вождя медленно портилось, и трудно сказать, что тому было причиной — несоответствие положений Обращения классическим материалистическим законам, когда-то выведенным классиками, или непочтительное поведение Ландау, который, казалось, потерял всякий интерес к беседе и сейчас откровенно глазел по сторонам, оглядывая кабинет вождя, в котором был впервые. — Товарищ Ландау, если вас так интересует мой кабинет, то дождитесь хотя бы окончания разговора, — с усмешкой сказал Сталин. — Обещаю, что я удовлетворю ваше любопытство. Что еще можно сказать о представленном вам тексте, товарищи ученые?

Флеров помялся.

— Если принять во внимание сам документ и признать его подлинность, — медленно сказал он, — необходимо заметить, что в обществе людей, которые были причастны к его написанию, существует коллегиальное руководство. Это заметно по тем фразам, где они протестуют против того, что человечество зачастую в решении задач, касающихся всего общества, ориентируется на отдельных своих представителей. По их мнению, никак нельзя ориентироваться на мнение одного человека, если речь идет об интересах всего общества. Но достигли ли они построения подлинно справедливого общества, сказать затруднительно. В обращении нет ничего, что свидетельствовало бы отношении членов этой неведомой Коалиции к собственности.

Сталин кивнул.

— Верно, товарищ Флеров, — благосклонно сказал он. — Классовые позиции в обращении не обозначены. Это очень важный вывод, по нему можно многое понять в лицах, которые готовили обращение. Еще какие выводы вы сделали, читая текст?

— В Бога они не верят, — неожиданно сказал Ландау. — Существа, которые утверждают, что являются сеятелями

разумной жизни, никак не могут верить в Бога. Им легче предположить, что сами они и окружающий их мир есть в свою очередь продукт неизвестного разумного сеятеля из числа высокоразвитых галактических рас. Принцип Оккама: не стоит плодить воображением лишние сущности — истина всегда кроется в наиболее рациональном объяснении.

— Если руководствоваться привычной нам логикой, — согласился Сталин. — Но если Коалиция или ее авторы используют иной логический фундамент...

— Нельзя отрицать абстрактное мышление, — снова сказал Ландау. — Иной основы для познания мира у человечества нет. Язык абстрагирования — математика. Альтернативы ему я не вижу.

Сталин прошелся по кабинету, бережно заложив большую руку за обшлаг кителя.

— Наши языки они тоже отрицают, — повернувшись к столу, сказал он. — Язык им кажется очень неэффективным коммуникативным средством. Но если они не используют язык, то что же они используют?

— Телепатию, — убежденно сказал Ландау. — Зачем придумывать язык и письменность, если достаточным будет обмен мыслями.

— Хорошо. — Сталин повернулся к нему. — Но не кажется ли вам, товарищ Ландау, что обмен мыслями предполагает связь через логические информационные блоки? Для того чтобы обмениваться мыслями, необходимо, чтобы эти мысли имели какую-то форму — даже если они читают мысли друг друга, то, несомненно, используют телепатический язык для того, чтобы обозначить понятия и образы, возникающие в голове. Но тогда какая разница, произносится ли слово, обозначающее предмет или понятие, вслух, или существует в виде мысленного образа? В «Вопросах языкознания» я, по-

мнится, старался по мере своих возможностей осветить и этот вопрос.

Вождь страховался. Вопросы информатики он в своих работах не затрагивал, прежде всего из-за того, что очень пренебрежительно относился к кибернетике, не зря же в Большой Советской Энциклопедии кибернетика была названа реакционной лженаукой, призванной любым путем обеспечивать интересы правящего буржуазного класса в странах Запада.

Задав еще несколько малозначащих вопросов, Сталин отпустил визитеров.

Беседа с физиками доставила ему удовлетворение, пусть даже он вновь почувствовал себя семинаристом, выслушивающим скучные и непонятные пояснения бородатых педагогов. Интуитивно он опять угадал — обращение было лишено классовых корней, предложенная Коалицией логика была просто недоступна жителям Земли, а отсутствие у членов Коалиции веры в Бога или коллегиальное руководство совсем не успокаивало вождя. Военные хунты в южноамериканских странах действовали коллегиально и особо набожными не были, но творимые ими дела были так же далеки от социализма, как Новая Земля, скажем, удалена от экватора. Даже если обращение и в самом деле готовили члены неведомого коалиционного отряда наблюдателей, то само его существование было хорошо подготовленной ловушкой, в которую пытались заманить глуповатых землян. А если обращение готовили земные специалисты, то были они из противоположного лагеря, который Сталин считал враждебным делу социализма.

В любом случае следовало считать обращение враждебным по содержанию и опасным по сути.

Однако кое-что вождя все-таки смущало. Постояв у окна и с отвращением понаблюдав за галдящими на дереве воронами, Сталин вновь обратился к тексту.

ТРЕТЬЕ ОБРАЩЕНИЕ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Продолжение

КОН вынужден скептически относиться к Человечеству также и по двум причинам, порожденным, впрочем, все той же примитивностью логики, а именно: отношение к технической цивилизации и страх перед смертью индивидуума.

Развитие техники само по себе, безусловно, благотворно и призывает КОН благосклонно относиться к Человечеству как к разумной расе. Но фетишизация техники и тем более отведение ей такой роли, что она становится основной характеристикой нашей цивилизации, настораживает нас.

История Человечества развивалась хаотично. Когда отдельные районы Земли не имели прямой коммуникативной связи, Человечество, по сути, поставило несколько экспериментов по созданию различных типов цивилизаций. Некоторые из них КОН одобрил. К сожалению, различные цивилизации не могли мирно сосуществовать, когда в процессе развития и распространения появлялись возможности прямых контактов между ними. Как правило, более грубая и примитивная и в силу этого более жестокая цивилизация уничтожала более развитую и гуманную, чтобы в свою очередь оказаться уничтоженной еще более могущественной.

В настоящее время на Земле господствует самая примитивная из всех — машинная цивилизация. Она охватила все Человечество, держит его под своим контролем и впредь не даст возникнуть новой цивилизации, если только не уничтожит сама себя или если только Человечество не возьмет под контроль развитие мировой машинной цивилизации и не трансформирует ее постепенно в другой вид цивилизации, гораздо более необходимый разумной расе. КОН надеется, что толчком к такой перестройке могут послужить данное обращение и посильная помощь, которую способен оказать КОН Человечеству, если эта помощь потребуется и Человечество выскажет соответствующее пожелание. Необходимо оговорить, что локальные цивилизации, центрами которых были город Апурадхапур в момент первого обра-

щения и город Ткаатцеткоатль в момент нашего второго обращения, гораздо больше соответствовали потребностям Человечества, чем современная машинная цивилизация, и в качестве одного из вариантов своей помощи КОН может предложить Человечеству самое подробное описание этих цивилизаций для принятия их за возможные образцы. Одним из важнейших признаков для систематизации расы как разумной является то, что каждый ее представитель превыше всего ставит деятельность коллективизированного разума. Соответственно и человек как разумное существо должен превыше всего ставить развитие разума Человечества. Функции человека сводятся к тому, чтобы воспринять информацию от предыдущего поколения людей, исказить ее собственными случайными догадками и передать искаженную информацию следующему поколению. Хаотические флюктуации в движении мысли разумного общества необходимы, чтобы после исторического отсева непременно нашлись зигзаги движения мысли, соответствующие зигзагам изменения объективной картины бытия. Последнее имеет непредсказуемое направление, тогда как спектр мышления любого индивидуума на протяжении его жизни сохраняет постоянную направленность. Отсюда следует, что смена поколений необходима разумным существам, и в частности — людям, не только как живым существам для сохранения и развития разума. Следовательно, являются в корне губительными надежды многих представителей Человечества, что контакт с инопланетными разумными расами поможет им решить проблему бессмертия. С другой стороны, мы не можем отказать Человечеству в соответствующей помощи, как бы губительна она ни была для разума, поскольку каждая разумная раса вправе самостоятельно решать свою судьбу.

Дочитав текст, Сталин нахмурился. Под красивой конфетной оберткой прятался неаппетитный и вонючий кусочек хозяйственного мыла. Значит, помочь с бессмертием они все-таки могут, но предупреждают, что это будет губительным для земных цивилизаций! И нигде нет ни единого

замечания о характере труда в обществе небожителей. И это, вероятно, тоже было — небожители боялись стремительного роста земного прогресса, а потому пытались загнать земное общество на тупиковый путь развития. Древние цивилизации потому и ушли, что не смогли на равных вести борьбу с европейцами и технологически развивающимся Китаем. Рано или поздно на передовые позиции в мире выходит народ, который уделяет особое внимание прогрессу. Достаточно посмотреть в историю и увидеть, что роль государств, которые технике внимания не уделяют, в обществе постоянно снижается. С этой точки зрения предпринятая им, Сталиным, индустриализация отсталой сельскохозяйственной России была правильным и очевидным шагом, в противном случае ее подмяла бы под себя технологически могущественная Германия, но даже после победы над ней нарождающаяся цивилизация социализма с трудом конкурировала с нажравшей телеса Америкой и идущими в отрыв европейскими странами, которые усердно вскармливал международный финансовый капитал. И в оценке роли личности в истории представители коалиционного отряда наблюдателей тоже допустили ошибку. Роль личности очень значительна, об этом можно было судить даже по нему, Сталину. Глупо было надеяться, что Советский Союз вышел бы на передовые позиции в мире под руководством Троцкого и его беснующейся камарильи. Подобного рывка мог добиться вождь, обладающий гениальным предвидением будущего, жесткой хваткой и отсутствием ненужной жалости к своим политическим противникам.

Сталин старчески заложил руки за спину и отправился в малое путешествие, как он сам называл прогулки по кабинету. Все ему было ясно, сейчас он продумывал меры, которые должны были пресечь распространение в обществе политически вредных идей, содержащихся в обращении.

И все-таки одна мысль смущала его, подобно Мефистофелю, она не оставляла и вождя. Подкрадываясь, мыс-

ленный демон то вкрадчиво шептал ему на ухо, то кричал, заставляя вскипать кровь, — бессмертие! Возможное бессмертие — вот чего не хватало стареющему вождю, недавно отметившему свое семидесятилетие.

Он с раздражением вытащил трубку изо рта. Сейчас подарок Нестора Лакобы вызывал у вождя неприязнь. Не-кстати вспомнилась история тридцатых годов, когда от-правившийся на прогулку со своими детьми и Нестором Сталин бросил Лакобу на острове, и тот с этого острова с огромным трудом выбрался. История была неприятной, и Сталин ощутил неожиданный стыд за случившееся с ним в прошлом. В яростной попытке избавиться от неловких вос-поминаний Сталин швырнул трубку в стену. Послышался звон стекла — трубка угодила в портрет Ленина, который висел в кабинете еще с незапамятных времен. На звон раз-битого стекла в кабинет немедленно ворвался встревожен-ный Поскребышев. Вслед за ним в кабинет заглянул оза-боченный Власик.

— Все в порядке, товарищи, — сказал Сталин, накло-няясь и бережно поднимая рамку с фотографией. — Ниче-го особенного. Упал только портрет.

Глава пятая

Тело инопланетянина увозили в специальном почто-вом вагоне.

Неизвестно, что именно объяснили конвою, охраняв-шему вагон, но контейнер с телом они принимали с ви-димой опаской. Контейнер привезли на спецмашине, обо-рудованной под хлебный фургон, даже на бортах были нарисованы румяные булки и выведены надписи «ХЛЕБ».

Два сержанта госбезопасности внесли контейнер в ва-гон, старший конвоя — широкоплечий и прыщавый лейте-

нант в лихо заломленной фуражке — внимательно осмотрел его, негромким шепотом спросил:

— Не рванет?

— Нечему там взрываться, — отозвался Бабуш. — Образцы породы из нового месторождения.

Старший конвоя промолчал, но лицо его скривилось недоверчиво — как же, знаем мы эти образцы, будут образцы направлять в адрес наркомата государственной безопасности, для их исследования разные геологические институты имеются! отошел в сторону и о чем-то зашептался с конвоирами, которые, судя по их заветренным мордам, были из северных краев, скорее всего из знаменитой своими вертухаями Вологды.

Бабуш дождался, пока длинная, выкрашенная в черно-зеленые цвета «овечка» пронзительно засвистит и окутается клубами пара, неторопливо пошел к легковой машине, по важности случая выделенной в его распоряжение начальником управления. Сзади длинно лязгнул буферами, трогаясь с места, состав. Пройдет шесть-семь суток, и тело зеленого «гнома» будут изучать специалисты, но оперуполномоченного Бабуша это уже не интересовало, у него и других проблем хватало. Фоглер перед лицом смерти оказался словоохотливым, а наследить в городе он успел основательно, так что теперь зачищать приходилось многое — допросы не прекращались, странниками и странницами были забиты камеры внутренней тюрьмы МГБ, к тому же допросами все не ограничивалось — приехавшие из столицы специалисты исследовали задержанных в специально оборудованных комнатах, но результатами своих изысканий с работниками государственной безопасности не делились. Да и сам Бабуш особого любопытства не проявлял. Меньше знаешь — спокойней и крепче сон. Все же краем уха он слышал, что специалисты эти открыли очень интересную закономерность. Все задержанные бегуны испускали радиоизлучение в диапазоне шесть и восемь сотых метра. Скла-

дывалось впечатление, что все они были специально помечены, однако исследования на них никаких особых датчиков не обнаружили, более того, вроде бы выяснилось, что взятая у задержанных кровь тоже излучает радиолучи, даже находясь в пробирке отдельно от организма. Механизм радиоизлучения Бабуш знал плохо, поэтому особого волнения у него эта информация не вызвала, и его удивлял некоторый переполох среди ученых.

— Ох, Сашка, — сказал начальник управления МГБ, тяжело вздохнув. — Заварил ты кашу, век ее не расхлебать. И эти бегуны, мать их, чистые рации, слушал я, как они в эфире пибикают!

Вернувшись в управление, Бабуш перекусил в столовой, открытой в подвале здания. Меню приятно радовало глаз, голодное наследие войны явно уходило в прошлое, а зразы и суфле, приготовленные местными поварами, вполне могло бы конкурировать с блюдами кулинаров из московских ресторанов.

Он неторопливо допивал приторно-сладкий из-за сахара кофе, когда в столовой показался чем-то встревоженный Коротков. Глаза майора явно искали кого-то в зале, и Бабуш помахал майору рукой, надеясь в глубине души, что Коротков ищет не его. И, как это обычно бывает, Бабуш ошибся.

— Ага, — сказал Коротков. — Кофе пьет! А мне дежурный сказал, что ты в столовую пустился. Давай заканчивай побыстрее, у нас неприятности.

— Если ты о контейнере, — возразил Бабуш, — то я только что с железной дороги. Все нормально, загрузили, подождал до отхода поезда... Там конвой знаешь какой? С ним запросто можно даже черта отправить — не сбежит.

— Хрен с ним, с конвоем, — досадливо морщась, сказал Коротков. — И контейнер меня мало интересуется. Пошли в крытку, у нас Сапогов повесился!

До прихода Короткова в камеру никто не входил, разве что дежурный, обнаруживший самоубийцу. Но и он вошел только для того, чтобы зафиксировать смерть, а убедившись, что Васена мертв, немедленно побежал докладывать об этом по команде. На дежурного по спецприемнику неловко было смотреть — глаза у старлея были безумными, сам он казался бледным, даже губы на фоне его белых щек не выделялись. Понимал старлей, что у него крупные неприятности — преступник в КПЗ загнулся, причем государственный преступник, который еще не во всем сознался и не всех своих подельников по грязному ремеслу заложил. Дежурный сержант, напротив, казался неестественно красным, даже складки на толстой шее налились кровью. Вытянувшись перед Коротковым, он докладывал ему о случившемся, поминутно добавляя:

— Да разве за этими подлецами углядишь? Чистые бестии!

Васена был неоригинален — он повесился на жгуте из простыни, привязав конец его к оконной решетке, а петлю набросил на шею и поджал ноги, чтобы петля затянулась. Видно, очень хотел бывший полицейский уйти из жизни, повеситься таким образом было трудно, тело всегда бессознательно сопротивляется смерти и пытается найти хоть какую-то опору. Васена воспользовался тем, что одной ноги у него не было, а вторую он укоротил, привязав голень к бедру. Смотреть в лицо арестованного было жутковато, и Бабуш отошел к столу, на котором лежала бумага, прижатая карандашом. Все листы были чисты, и только на двух из них коряво и неумело, словно писал неграмотный человек, было выведено: «Я виноват».

В камеру вошел заместитель начальника МГБ майор Хромов, кивнул Бабушу, внимательно осмотрел самоубийцу и даже присел перед трупом на корточки, потом так же стремительно, как и вошел, поднялся и кивнул:

— Снимайте. Очевидное дело. Испугался, негодяй, ответственности. Небось крови на нем было много, вот не-

рвишки и не выдержали — сам себя жизни лишил. Ну да без работы не останемся. Собаке — собачья смерть.

Хмуρο посмотрел на понурого сержанта, бледного дежурного по спецприемнику МГБ и распорядился:

— Докладные через час ко мне на стол. Плохо службу несешь, Пьянков, тебе не арестованных охранять, а стадо пасти в каком-нибудь отстающем колхозе!

Коротков осматривал труп дотошно и придирчиво, даже затылок зачем-то пощупал, потом выпрямился, неторопливо подошел к крану, тщательно помыл руки, вернулся в камеру и, встав рядом с растерянным Бабушем, хмуρο сказал:

— Неприятность, конечно. Только мнится мне, что эта неприятность не последняя.

Коротков испытывал вполне понятную досаду. За смерть Сапогова он не переживал. Ну, повесился каратель, жаль, конечно, что повесился. Только вот доказательств вины этого карателя, что говорится, имелось выше крыши. За меньшие грехи людей к стенке ставили! Коротков жалел о проделанной работе. Не для того они немецкого прихвостня ловили, чтобы он в камере вешался и от заслуженного возмездия уходил. А оперуполномоченный Александр Бабуш чувства своего старшего товарища понимал, только вот смотреть на висельника ему не хотелось — охватывало сожаление о нескладной жизни Василия Сапогова. И тоска накатывала от мысли, что вся жизнь самого Бабуша пойдет на то, чтобы копать в человеческом дерьме, какими бы романтическими словами ты это занятие ни называл. А законы жизни были суровы — вход в тайные органы государственной кары был бесплатным, а вот выход... Не для того тебя, товарищ, в государственные тайны посвящали, не для того. Бабуш еще раз посмотрел в искаженное предсмертной судорогой лицо Сапогова, увидел почерневший вывалившийся язык и ощутил запах смерти, витавший в камере.

— Пошли, пошли, — заторопил его Коротков, словно понимая, что сейчас испытывает Бабуш. — Умер макарка, и хрен с ним. У нас и без него работы невпроворот!

Бабуш вышел за ним в коридор, жадно глотнул затхлый коридорный воздух, пропитанный запахом краски и готовящегося для арестованных рыбного супа из полярной рыбки ледянки, виновато посмотрел на майора.

— Не могу, — сказал он. — Не могу, Никодим Николаевич. Не работник я сегодня.

— Ну и ладушки, — неожиданно покладисто согласился майор Коротков. — Будем считать, что отгул у тебя сегодня. Выспаться тебе надо, Шурик, вот что я тебе скажу. Езжай домой,хвати стакан водки — и в люльку. Другим человеком проснешься, точно тебе говорю. Проверено, и не раз!

Только выспаться в этот раз Бабушу все равно не удалось.

Около шести в дверь застучали, и Александр Николаевич с горестным матом пошел открывать двери. Приехал водитель смежного отдела. Бабуша срочно вызывал начальник управления. Похоже, причина вызова была очень серьезной, раз уж Короткову не удалось защититть подопечного. Водитель ничего о причине вызова не знал, и до управления они доехали под ничего не значащий разговор.

— Ты занимался отправкой контейнера? — с порога спросил начальник. У него было страдальческое лицо и склеротические мешки под глазами, которые указывали на крайнюю усталость либо на обычную для оперативника болезнь почек.

— Так точно, — признался Бабуш. — Дождался, когда состав тронется, только после этого уехал. Все было в порядке. А что случилось-то?

Некоторое время генерал, подслеповато помаргивая, смотрел на оперуполномоченного, потом обеими руками с силой пригладил волосы и сообщил:

— Не доехал наш контейнер по назначению, старший лейтенант. С Щелкуна сообщили, что вагон раскурочен. Крыши у него не было. Оперативная группа осмотрела вагон, конвой на месте, все живые, только сказать ничего не могут. И что самое любопытное — даже сообщить не могли, какой груз они сопровождали. Словно амнезия у всех одновременно случилась.

Он помолчал, потом тоскливо и сердито добавил:

— Машинистов с кочегарами допросили, проводников вагонов просеяли. Никто, разумеется, ничего особенного не заметил, никто ничего, как водится, не слышал. Чертовщина, одним словом! Гоголь сплошной!

— А контейнер? — глупо спросил Бабуш.

— Контейнера, ясный перец, нет, — махнул рукой начальник управления. — Хреново, что все произошло на территории нашей области. Стало быть, нам злоумышленников и искать.

Он с надеждой посмотрел на оперуполномоченного.

— А ты, Александр Николаевич, ничего странного в поведении конвоя не заметил? Может, снюхались с кем?

— Нормальный конвой, — хмуро сказал Бабуш. — Вологодские волки.

— Сплошные загадки, — вздохнул генерал. — Я не крайних ишу, крайних, братец мой, и без нас найдут и пофамильно, значит, назовут всех козлов отпущения. Жуков говорит, что крыша сорвана, словно ее птица какая когтями драла.

Он уныло помолчал, потом безнадежно махнул рукой:

— Иди, Бабуш. Одни проколы у нас. И Сапогов нехстати повесился. Нет бы ему, подлецу, с недельку хотя бы погодить.

Вопросов генералу оперуполномоченный Бабуш задавать не стал. Старшим, как говорится, сзади не заглядывают. А все-таки очень интересно Александру было, почему по генеральским понятиям бывший полицей нехстати по-

весился, а через недельку по тем же понятиям выходило бы в самый раз.

— Иди, — снова сказал начальник управления. — И скажи там Короткову, чтобы в работе с Фоглером и Волосом выкладывались, как на бабе. Проколется, братцы, я с вас лично шкуру спущу!

Только работать с несколькими арестованными куда легче, чем с одним. О Фоглере говорить не приходилось, особого полета была птица. А вот в работе с Волосом Сапогов контрразведке нагадил. Обычно ведь как бывает, когда у тебя два арестованных по одному делу проходят? Втихую ты на нем догадки свои проверяешь, делая перед арестованным вид, что никакие это не догадки, а натурально установленные в беседе с другим арестованным факты. Топит тебя подельник, капитально топит, про все твои грехи рассказывает, даже от усердия привирает малость, ухудшая и без того не особо завидное твое положение. Неужто ты в такой ситуации промолчишь, скроешь грехи этого аспида? Приемчик нехитрый, но безотказный. Поэтому Коротков прежде всего озаботился тем, чтобы Волос о смерти своего напарника не узнал. Самолично обошел всех, кто дежурил по спецприемнику МГБ, с каждым побеседовал и каждому объяснил необходимость держать в секрете смерть Сапогова.

Только Волосу не до Сапогова было.

Знал он все свои грехи, понимал, что не помилует его советская власть, за каждого убиенного при немцах не единожды спросит. А потому он особо и не запирался. Какая разница, за сколько трупов ответ держать? Да если честно говорить, похоже, он и не помнил все свои несчетные злодеяния, а потому сопротивлялся уже скорее по инерции — надевал очки, внимательно вглядывался подслеповатыми от сидения в подземельях глазами в размашистый почерк Короткова и говорил:

— А вот семью Куренных не я стрелял, гражданин начальник. Это Минский с Глинкиным самостоятельность

проявили. Девка у них красивая была, вот Минский ее перед немцами комсомолкой и выставил. Надо, чтобы по справедливости все было. Куренных не я убил, а вот Гарбузко Дмитро — тут уж моя работа, чего отказываться, лично ему в затылок шмальнул с немецкого карабина. Тут признаю, против, как говорится, фактов ничего не попишешь. Только ведь как оно, дело, было? Не я бы в него стрельнул, так меня бы кончили. Немцы в дисциплине строги были, аккуратисты они, раз уж решили чего, так не нам с ними спорить было...

Коротков громко сочувствовал ему, поил чаем с лимоном, и никакой наигранности в его поведении Бабуш не видел. Самому ему порой хотелось подойти к карателю и стиснуть пальцы на его худой жилистой шее с выступающим кадыком. Уж больно обыденно и равнодушно Волос излагал жуткие факты недавнего прошлого, от которых по спине Бабуша ползли струйки пота, а во рту стоял металлический привкус отвращения.

Майор Коротков допрашивал Волоса лишь по прошлым злодеяниям, все, что касалось странных инопланетян и Фоглера, он оставлял оперуполномоченному Бабушу. Бабуш на майора не обижался. Тот уже высказал ему свои соображения. Бабуш его понимал и в некоторой степени со сказанным соглашался. Только вот прикосновение к тайне не давало Бабушу покоя, и он беседовал с Волосом, отлично уже понимая, что старик Екклесиаст прав и во всяком знании действительно много печали.

Сов. секретно

Начальнику УАО Уральского ВО

В соответствии с директивой Генштаба ВС СССР № 274 от 28 февраля 1950 года Вам надлежит подготовить и держать в постоянной боевой готовности транспортный самолет, укомплектованный проверенным и политически выдержанным экипажем до особого распоряжения Генштаба.

Обеспечить надлежащую техническую оснащенность самолета в условиях слепого полета и посадки необходимым количеством ГСМ, расширить до максимальных возможностей транспортный отсек самолета для перевозки груза специального назначения.

Исполнение данного распоряжения взять под личный контроль. Предупреждаю о персональной ответственности за ненадлежащее выполнение директивы Генштаба ВС СССР.

Подписал

Каманин

Глава шестая

Заклученные ушли, и Яковлев остался один.

Некоторое время он суетился, метался от палатки к маячку, хватался за бинокль, пряча за этой суетливостью неловкость из-за того, что оказался профессионально непригодным. Какой-то зэка, шутя, обыграл его, а то обстоятельство, что зэка оказался таким же профессионалом, его товарищем по разведке, Яковлев старательно пытался не вспоминать. Постепенно он успокаивался и через некоторое время уже мог анализировать события без прежнего раздражения и злой обиды на обыгравшего его человека.

Радиомаяк передавал в эфир неслышимые сигналы, и на эти сигналы должны были прийти другие профессионалы, более умелые и более жестокие, умеющие одним ударом ножа снять часового, минимальным количеством взрывчатки взорвать мост, в темноте попасть в лоб ничего не подозревающей цели, а также умеющие многое из того, чему Яковлева никогда не учили — он был профессиональным разведчиком, а не диверсантом, и никогда не значился по ведомству Судоплатова и Эйтингона. И в уральскую тайгу он попал лишь из-за того, что знал Блюмкина по работе в Средней Азии и в Монголии.

Успокоившись, он вошел в палатку, нашел в рюкзаке нож, вскрыл консервную банку и, намазав на хлеб мороженую тушенку, принялся медленно жевать, морщась от попадающих на язык крупинок желтого жира.

Он не знал, что делали в тайге странные зеленые существа, не знал, как и чем они встретили Якова Блюмкина и других заключенных, но ему это и не было интересно. Приказ не был выполнен, а оргвыводы, как всегда, не замедлят последовать. В последние годы в центральном аппарате МГБ происходили неприятные изменения — уверенный профессионализм, который был при Берии, все чаще подменялся ненужной суетливостью и созданием видимости работы. Профессиональное ядро разведки и контрразведки разбавлялось некомпетентными кадрами, приходившими из партийных органов. Приходили люди, которые полагали, что вопросы агентурной разведки можно решить указаниями и требованиями. Аналитические способности у этих людей напрочь отсутствовали. В мире не так уж много людей, способных к обобщению и анализу, казалось бы, далеких друг от друга явлений, для того чтобы усмотреть в этих событиях невидимую другим связь. Партийные кадры за редким исключением такими способностями не обладали, многие из них в войну были диверсантами и разведчиками прифронтовой полосы, с которыми страна таким образом расплатилась за их геройские подвиги. Они считали, что и в разведке можно пользоваться теми же диверсионными методами, что и на войне, поэтому немало были удивлены тем, что основное задание разведчика — впитывать разного рода информацию и тщательно анализировать ее, пытаясь добраться до самых истоков и первопричин. Еще более удивительным для них оказывался тот факт, что самые талантливые разведчики оставались в неизвестности, только провалы и соответствующее освещение делали разведчика известным широким массам. Тех же, кто провалов не допускал, люди не знали и узнают только тогда, когда с

пыльных папок будут сняты грифы секретности. А это будет лишь тогда, когда разведка посчитает, что рассекречивание информации не причинит ущерба стране и людям, которые на страну работали.

Сам Яковлев считал себя середняком, который звезд с неба не хватал, но брал исполнением и служебным рвением. Поэтому осечка при выполнении ликвидационного задания так больно сказалась на самолюбии. Более того, она заставляла Яковлева беспокоиться о своем будущем.

Равнодушно наблюдая за входом в пещеру, Наум Яковлев дождался вечера. На востоке висела над горами огромная медная луна, переливчато светились усыпавшие небо звезды, когда в небе послышался рокот мотора, и над вычурно изогнутым черным горбом гор заскользил небольшой самолетик. В лунном свете белые купола парашютов казались медузами, таинственно скользящими в едва освещенном пространстве неба. Яковлев включил фонарик и начал описывать им круги, привлекая внимания парашютистов.

Нет, не новички были выброшены в район работы маяка.

Парашютисты с хрустом врезались в снежный наст, темными стремительными комками металась по снегу, гася и комкая купола. Стремительно освободились от парашютов и забросали их снегом, а потом настороженно двинулись в сторону сигналящего фонариком Яковлева.

— Подполковник Звягинцев, — представился подошедший десантник, лица которого не было видно за очками и шлемофоном. — Со мной группа рекогносцировки. Вы Яковлев, верно?

— Верно, — сказал Яковлев.

Он еще опомниться не успел, а вокруг уже тесно сгрудились плотные крепкие ребята в белых масках. Экипировка была подогнана так, что десантники двигались бесшумными привидениями, хоть бы звякнуло что.

— Что, так на морозе все время? — с легким одобрением в голосе спросил Звягинцев. Теперь, при свете луны, было видно, что он не так уж высок и плечист, а темная полоска усов забавно оттеняла нижнюю губу и смыкалась с крыльями шлемофона, отчего в лунном свете казалось, что у подполковника донжуановская борода.

— Отчего же? — возразил Яковлев и показал рукой на присыпанную снегом палатку. — Там и примус работает, ваши ребята могут погреться при желании, пока я вам покажу, что и к чему.

— Мои привыкли греться иначе. — С каждым словом изо рта подполковника вырывалось облачко пара, и усы быстро обледенели. — Но вы правы, пусть посидят в палатке, если уместятся. А теперь постарайтесь побыстрее ввести меня в курс дела. Мы в вашем распоряжении, майор. Командующий так и сказал: имей в виду, Василий Дмитриевич, поступаешь в распоряжение майора Яковлева как главный специалист по радикальному изменению среды.

Всем своим видом подполковник показывал, что ничего обидного он в этом подчинении не видит, обычное дело: тот, кто лучше владеет ситуацией, тот и руководит операцией. А его, Звягинцева, обязанность — выполнить свою работу наилучшим образом: взорвать, что понадобится, ножиком часового пощекотать, командный пункт возможно-го противника захватить.

Но сквозь это показное спокойствие все-таки прорывалась досада на то, что армейским весьма специфическим подразделением командует представитель территориальной госбезопасности, который, кроме ручки, в руках ничего не держал, а если и доставал из кобуры табельный пистолет, так только на стрельбище или в комфортабельном тире, где, по слухам, сотрудники МГБ оттачивают свое мастерство.

— Ну, майор, — сказал десантник. — Показывайте, что и к чему. Ребята застоялись, хочется им себя в лучшем виде показать.

Яковлев подвел его к лежбищу, нашел припорошенный снегом бинокль.

— Смотрите на тот склон, — сказал он. — Видите темное пятнышко на снегу? Это вход.

Разглядеть вход в пещеру при лунном свете — это, знаете ли, задача не из легких. Яковлев и сам показывал его по наитию. Но Звягинцев рассмотрел.

— Так, — с расстановкой сказал он. — И что там? Банда? Схрон?

— Да откуда здесь схроны? — сказал Яковлев. — Слава Богу, сюда фронт не докатился, а националистов здесь и быть не может. Не та ситуация.

Рассказ его звучал фантастично, и Яковлев поймал себя на мысли, что сам не верит ни единому слову. Чего же было требовать от подполковника, который, выслушав рассказ, смотрел на Яковлева как на сумасшедшего. Может быть, он даже прикидывал, не пора ли вязать товарища майора, чтобы отправить его в ближайшую психиатрическую клинику. Яковлев его понимал. Доведись ему слушать подобный рассказ, он бы сам не поверил ни единому слову.

— Трое эзков туда ушли, — добавил он. — Сам понимаешь, Василий Дмитриевич, — лишние глаза и уши.

А вот это Звягинцев понимал. Освещенное луной лицо его дернулось в коротком кивке.

— Достанем, — пообещал подполковник. — Только я все-таки не понял. Какова наша задача? Беглых заключенных ловить? Так с этим и красные погоны справились бы.

Яковлев в этом не сомневался.

— Задачу поставят, — пообещал он. — Прикажете радисту, пусть разворачивается. Выходить на связь он будет с моими позывными.

Он и не предполагал, что все вопросы уже решены в далеком Кремле, а на заснеженном уральском аэродроме в легкий самолетик под управлением подполковника Вереж-

никова грузится секретный груз, который подполковнику предстояло доставить в район нахождения группы особого назначения. Да и сам подполковник Вережников был немало удивлен, узнав, что ему предстоит пилотировать старенький «Ли-2», на который он не садился с первых дней войны.

— Справишься? — спросил командующий авиационным округом, сосредоточенно хмурия густые черные брови. — Все-таки не за ручку истребителя держаться. Да и груз... Под двумя нулями груз! А пятачок для посадки такой, что заставь черта садиться, он все лапы переломает. А тебе ведь ночью садиться придется, по кострам ориентироваться.

— Сесть-то я сяду, — пожал плечами Вережников. — А что за груз, Владимир Ефимович?

— Я откуда знаю? — недовольно сказал командующий. — Только из-за него такие московские шишки су-етятся, что, если ты пенку дашь, подполковник, нам с тобой даже в лейтенантах больше не ходить. Сам понимаешь, заключенным звания не полагаются, их больше по номерам называют.

— Ну, это вы, положим, пугаете, — храбро возразил Вережников. — Это вы, товарищ командующий, чтобы я всю ответственность прочувствовал!

Командующий хмыкнул.

— Я тебе, подполковник, анекдот сейчас расскажу, — пообещал он. — Как полагается, со смыслом анекдот. Только ты этот смысл отыскивать сам станешь. Лады? — И, не дожидаясь согласия Вережникова, продолжил: — Заходит милиционер в магазин. Там, натурально, очередь. Милиционер, как полагается, подходит и спрашивает: «Кто крайний?» Все молчат. Он посмотрел, спрашивает мужика, который, по его мнению, в конце очереди стоит: «Мужик, ты крайний?» А тот отвечает: «Я последний, гражданин милиционер. А крайнего ищите в другом месте».

И вот сейчас самолет медленно тащился от звезды до звезды по небесному своду, а Вережников продолжал недоумевать, какого черта его, военного летчика-истребителя, назначили на роль воздушного извозчика? В транспортной авиации немало было истинных асов, которые этот самый «Ли-2» могли посадить где угодно.

А груз он доставлял действительно странный — пузатый металлический контейнер, рядом с которым сумрачно сидели молодой мужчина в хорошо пошитом пальто с меховым воротником и полковник с инженерно-строительными молоточками в петлицах долгополой офицерской шинели.

Глава седьмая

Не нравилось полковнику Хваталину его задание.

Ну, пусть должность по нынешним временам у него небольшая, но все-таки он был, черт возьми, полковником! А для того чтобы сопроводить в нужное место груз и передать его тем, кому этот груз адресован, достаточно было вокруг молодых лейтенантов. Только вот втемяшилось кому-то в штабе округа, что раз груз секретный, то и сопровождать его должен старший офицер. А крайним всегда оказывался он, Хваталин. Он сидел рядом с контейнером, закрыв глаза, и подсчитывал, сколько ему не хватает до выслуги лет. Оказывалось, более чем достаточно для грусти и уныния. С другой стороны контейнера сидел молодой кареглазый мужчина с аккуратной клиновидной бородкой.

Еще в расположении части, когда контейнер грузили на автомашину, он подошел к полковнику Хваталину и первым протянул ему руку.

— Хоткин, — представился он, не называя имени и отчества. — Вы тоже будете сопровождать груз, товарищ полковник?

Рука у него была мягкая, без намека на мозоли, одним словом, рука человека, который физическим трудом никогда не занимался, а если и занимался, то скорее для собственного удовольствия, но отнюдь не по роду своих непосредственных занятий.

Некоторое время Хваталин пытался осторожно выяснить, какое ведомство этот человек представляет. Хоткин, отшучиваясь, уходил от острых вопросов, но ясно было, что попутчиком был человек гражданский, служащему в армии или военизированных подразделениях бороду никто бы не позволил отпустить. Больших выводов полковник сделать не сумел, попутчик оказался темной лошадкой, хотя и улыбался приветливо и на отвлеченные темы болтал с удовольствием, только обезличенные и лишённые конкретики разговоры эти полковнику ничего не давали. Хваталин вскоре угомонился и с расспросами к Хоткину не лез. Более того, мозги у него были, и кое-что полковник уже начал предполагать, а потому на пузатый металлический контейнер он поглядывал со смешанным чувством страха и восторга.

Похоже, груз они везли тот еще. Из свинцового хранилища. И все предположения полковника Хваталина стали неожиданным образом сбываться. В смысле, что учения намечались в условиях, приближенных к боевым. И получалось, что везли они как раз это самое атомное устройство в район, где ученый люд и командование рассчитывали его подорвать. А потом, значит, пойдут через район поражения люди и техника. Неожиданное доверие, оказанное полковнику Хваталину, пугало его и тревожило. Нет, с одной стороны, неплохо было, что сопровождал контейнер именно он. Попахивало это очередной наградой, а то и повышением в звании. А еще это означало, что опала с него наконец-то была снята. А с другой стороны, кто сказал, что находиться рядом с контейнером безопасно? Если там эта самая атомная бомба, то, вполне вероятно, сейчас Хваталин получал опасную дозу радиации,

после чего будущее вообще было проблематичным. Да и потом это доверие могло выйти полковнику боком. Кинут их вперед на машинах радиационной разведки, а опыт Хиросимы показывал, что радиация — вещь коварная и опасная. Японцы это на своей шкуре почувствовали. Правда, сопровождающий контейнер мужик не нервничал и вел себя спокойно. Может, там и не бомба, а приборы какие или вообще вспомогательный инструмент для измерений. Иначе хрен бы он был сейчас таким спокойным. Это немного успокаивало. И все равно прикидки полковника Хваталина не радовали. Избави Бог нас от доверия начальства. Особенно вот в таких секретных делах.

Неожиданно полковник Хваталин почувствовал, что завидует подручным генерала Крюкова. Ну, в тюрьму их посадили, дали от пяти до десяти лет. Так это же гарантия, что люди живыми останутся. А уж что-то на жизнь у них все равно останется, не все же органы выгребли, какими бы пронизательными они ни были. Все едино где-то баночка с золотишком останется зарытой, чтобы на старости лет зажить по-человечески, не считая копейки и не жалуясь на жизнь. А тут еще неизвестно, чем все закончится. Кадры из секретного фильма, который Хваталин обычно показывал личному составу, теперь не казались чем-то отстраненным и далеким. Тут своя Хиросима ожидалась под боком. И неизвестно, кто станет ее жертвой, может, как раз ему, полковнику Хваталину, и доведется страдать.

Проще всего было бы напрямик спросить этого самого гражданского, что покурил сейчас невиданные Хваталиным сигареты, не бомба ли у них в контейнере. Проще, но и опаснее. Потому что сразу же окажешься причастным к тайне и не сможешь потом валять ваныку и делать вид, что ни о чем не подозревал и не догадываешься до настоящего времени.

Вот и сидел сейчас полковник Хваталин с несчастным видом, клял в душе собственную судьбу и неудачливость. А морозный ветер забивался в щели, выстужал узенький металлический салон, и оставалось только жалеть, что по-

стеснялся надеть валенки и тулуп, пусть и несолидно смотрелось, а только тепло было бы, и не пришлось бы сейчас постукивать сапогом о сапог, разминая застывшие пальцы.

Полковник негнушима от холода пальцами полез в карман шинели, достал пачку «Казбека» и долго разминал и обстукивал мундштук о коробку. Затейливо согнув мундштук, Хваталин закурил, выпуская дым изо рта.

Между тем в салон через иллюминатор уже заглядывало солнце. Внизу еще была ночь, но здесь, на высоте, светило солнце, и это было удивительно. Полковник посмотрел на кипельно-белые облака, похожие на заснеженные горы, на темнеющую ниже облаков землю, которая медленно наплывала на снижающийся самолет, и понял, что на все его вопросы скоро будет дан однозначный ответ.

И тут его забила мелкая противная дрожь. Подобное чувство Хваталин всегда ощущал перед наступлением, сослуживцы в конце войны уже не раздумывали — если Андрея Антоновича затрясло, значит, войска снова в прорыв пойдут. Или немцы в отчаянную контратаку кинутся. Генерал Крюков порой даже поговаривал, что способность Хваталина предчувствовать атаку не есть трусость, а редкий дар, который умному полководцу помогает успешнее вести бой с противником.

В салон выглянул озабоченный летчик:

— Вы тут приготовьтесь, — хмуро сказал он. — Посадка будет сложнее, чем в штабе рассчитывали.

После этих слов Андрей Антонович понял, что его затрясло не зря.

Глава восьмая

— Конечно, проведу, — сказал Волос.

И криво усмехнулся.

— Другого же выхода нет?

— На хрен нам эти пещеры? — подумал вслух Коротков. — Жили спокойно, нет — подземелья какие-то обя-

вились, графа Монте-Кристо только не хватает. Саша, ну скажи на милость, на хрена нам под землю лезть? За вторым жмуриком? Так ты поверь, одним жмуриком все не закончится. Думаешь, зачем он нас в свою подземную вотчину тянет? Смыться хочет. Или какие-то сюрпризы серьезные нам там в этих подземельях приготовили. Помнишь, как солдатик на гранате подорвался? Так это еще семечки, там нас и посерьезнее вещи ожидать будут. Ну, озеро там с непонятым течением, ну, страннички от нескромных взглядов скрываются. Начальству что нужно? Ему нужно в Москву отрапортовать — еще один вертеп придавили, гнездо религиозного дурмана разорили. Тем более что заправляли там каратели да шпионы. А лезть-то в это самое подземелье нам придется, краснопогонникам пример храбрости и самоотречения показывать. Тебе оно надо? На фронте орденов не нахватал? Нет, Сашок, я понимаю, что в тебе сейчас служебное рвение говорит. Да еще к тайне ты прикоснулся, а неудовлетворенное любопытство всегда самое сильное. Хочешь совет? Не лезь ты в эти катакомбы. Мне тебя жалко, сам говорил, сколько раз ты к немцам в тыл ходил и чудом оттуда живым возвращался. Не надоело тебе жизнью своей рисковать?

— Кто-то ведь должен, — хмуро сказал Бабуш.

— Вот-вот, — в тон ему подхватил майор. — Пусть и лезет кто должен. А у тебя работа серьезная, тебе еще весь материал воедино собрать надо. Волоса и этого переводчика скоро в Хохляндию этапировать, а у тебя еще концы не связаны. Ты пойми, раньше война была, поневоле приходилось шкурой своей рисковать. Но сейчас-то можно и повременить. Без тебя ретивых охотников достаточно найдется, тех, кто на фронте не был, а здесь шпионов искал. И ведь находили, Сашок, я сам видел, как диверсионные группы на бумаге формировались. А эти ребятки за свою бурную деятельность орденки да медальки на грудь хватали.

Такие же боевые, как и у тебя, между прочим. Вот пусть они сейчас их и оправдывают.

Возможно, что в чем-то Коротков был прав, только вот правда эта Бабушу не нравилась. Уж больно цинично майор излагал свои соображения. Жизненная позиция в них проглядывала. Майор госбезопасности Коротков старался своей жизнью не рисковать, потому он, наверное, и скакал по всей стране, нигде подолгу не задерживаясь. Ум у него, конечно, был живой, но чересчур уж прагматичным казался оперуполномоченному майор Коротков. Если отбросить словесную шелуху, в которую майор искусно обряжал свою идею, то предлагал Коротков отсидеться в сторонке, пока другие из огня каштаны таскают. А Бабуш так не умел. На фронте в самые рискованные операции со своей разведротой Бабуш шел лично: пропустить рискованный поиск — значило потерять авторитет среди боевых товарищей, да и не в авторитете, конечно, дело, просто прятаться за чужие спины Бабуш не научился, а тут ему предлагали труса праздновать, если смотреть на все сказанное Коротковым прямо. Душа этого не принимала, хотя и понимал Александр Николаевич, что Коротков в общем-то прав — предприятие намечалось рискованное, но ведь для того Бабуш и погоны надевал, чтобы рисковать при необходимости своей шкурой.

— Ну смотри, — сказал Коротков, сидя на столе и покачивая ногой в начищенном до зеркального блеска сапоге. — Вольному, как говорится, воля. Это только говорится, что на собственных ошибках учатся только дураки. На самом деле все учатся на собственных ошибках, чужой опыт как-то игнорируется. Наверное, все считают, что у них осечек не будет. Дерзай, Саня, потом мои слова вспомнишь, да, может быть, поздно будет. А я попросту зашел. Уезжаю.

— Далеко? — с недоверием поинтересовался Бабуш.

— В Среднюю Азию, — неопределенно сообщил майор. — Пока в командировку на несколько месяцев, а там и перевод устроят. По крайней мере мне это твердо обещали.

— Жарковато там, — посочувствовал Бабуш, задумчиво перебирая бумаги на столе.

— Не жарче, чем здесь, — сказал Коротков. — Это же окраины, Сашок, а на окраинах всегда спокойнее. Да и к национальным кадрам относятся терпимее. Ферштеен?

Прозрачный намек был понятен Александру Николаевичу. Смывался майор Коротков, в очередной раз элегантно уходил из дела, в котором почувствовал определенную опасность для себя.

— Когда уезжаешь?

— Послезавтра, — сказал Коротков. — Начальство дало день на сборы и проводы. Проводы сегодня вечером. У тебя встреч с осведомителями нет? Тогда в семь часов в столовой парфюмерной фабрики.

Он встал и неторопливо направился на выход. Бабуш проводил его взглядом и снова уткнулся в бумаги. На Короткова он не злился — с чего бы. Просто не принимал он жизненной позиции этого, несомненно, очень способного человека, который всю жизнь свою построил так, чтобы не попасть в неприятности. Коротков был уникалом. Он пережил тяжелые годы становления органов после гражданской войны, дрался с басмачами и бандформированиями в Средней Азии и Закавказье, пережил благополучно время первых чекистских процессов, проведенных наркомом Ежовым, сумел уцелеть во времена Берии, который так жестко искоренял ежовщину, что мало кто из старых кадров сумел уцелеть, а тем более остаться в должности. Да и война с немцами была тяжелым периодом в деятельности органов. Не распознал своевременно врага, значит, сам являлся двурушником и пособником. Способность Короткова уцелеть в самых разнообразных передрягах удивляла Александра. Грешным делом Бабуш даже подумал однажды, что имен-

но таким должен быть шпион, работающий на противника в органах внутренних дел. Но думать о Короткове как о шпионе было глупо. Два ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды говорили сами за себя, и получены они были отнюдь не за организацию процессов или выявление активных троцкистов в пролетарской среде. Нет, Бабуш продолжал испытывать к Короткову странное уважение. Как к специалисту. Как человек Коротков его уже не интересовал. Правила тайных боев были жесткими, и выиграть можно было лишь не жалея себя самого, поэтому трусливая осторожность Короткова Бабушу претила. Привыкнув на фронте рисковать, не задумываясь о собственной жизни, Бабуш перенес свое отношение к делу и попав в органы государственной безопасности.

Все это — может, немного сумбурно, — Бабуш под воздействием выпитого на проводах и высказал Короткову. Майор цепко и внимательно оглядел его, неторопливо достал из кармана бриджей коробку «Москвы», размял папиросу, неспешно прикурил ее и с легким сожалением сказал:

— Щенок ты еще, Сашок. Но не то обидно, что щенок, обидно, что со своей горячностью ты настоящим сторожевым псом стать не сумеешь.

Помолчал немного и, не глядя на Бабуша, сказал:

— Думаешь, перед войной никто ничего не понимал, когда процессы всякие пошли? Понимали, дружок, хорошо все понимали. Мясорубку главное запустить, дальше она всех перемелет. Был у меня дружок перед войной. Игорек Кедров. Тридцать лет, член ВКП(б)... Папа его в гражданскую в НКВД работал, членом коллегии был. Игорек горячим был. Вроде тебя. Вот и начал он вместе с товарищем своим Голубевым в разные инстанции о беззакониях писать. Ну и дописались, конечно. В тридцать девятом их обоих арестовали, а в январе сорокового к стенке поставили. Папу принципиального лейтенантика тоже арестовали.

Ему не помогло даже, что суд его оправдал. В сорок первом его в тюрьме безо всякого приговора расстреляли. А я вовремя на Украину перевелся. Вот и уцелел. — С отвращением осмотрев папиросу, Коротков с силой швырнул ее в кусты перед входом в столовую. — Понимаешь, Сашок, я ведь всегда считал, что риск должен оправданным быть. Ты, понятное дело, у тебя от одного только подозрения о тайне ноздри, как у ищейки, шевелиться начинают. А я другое вижу. Опасная это тайна. Одно только знание о том, что такая тайна существует, человеку боком вылезти может. А уж если он к ней причастен каким боком будет... Трудно уцелеть, Сашок, когда на тебя государство навалится, когда тебя в мелкую муку молоть станут.

— Да с чего ты это взял? — с досадой сказал Александр. — Я тебя очень уважал, Никодим Николаевич...

— А теперь, значит, не уважаешь? — криво усмехнулся Коротков.

— А теперь просто не знаю, как к тебе относиться, — упрямо закончил Бабуш. — Я так понимаю, что все тайны для жизни опасны, но ведь лезть-то надо. Может, это такая штука, что она жизнь всего мира перевернет! Ты только прикинь, если они и в самом деле с других планет? А там обязательно коммунизм уже, это ж сколькому они нас научат! Да само понятие, что они существуют, оно ведь тоже человеческое сознание перевернет, людей от поповщины разной оторвет, от религий ненужных. Да только из-за этого рисковать надо!

— Ну, рискуй, рискуй, — с непонятной и оттого неприятной ухмылкой отозвался майор. — Я же говорю, щенок ты еще пока. Полный хвост любопытства. А того ты не подумал, что это могут быть враги? Их, конечно, уничтожат, не захочет родное правительство пугать население новой войной! Такое пережили, что и пережить, казалось бы, нельзя. А тут возможный агрессор с неба. Молчать наши отцы-командиры будут и постараются все в тайне сохра-

нить. А коли так, то мы с тобой опасными свидетелями станем. От таких свидетелей лучше избавиться, сам понимаешь, подписка о неразглашении не кляп, к сожалению. А если там коммунизм, то наши родимые отцы нации тем более не допустят их общения с населением. И именно потому, что строим мы пока черт знает что, только не социализм. Ты понимаешь, Сашок, Достоевский был прав: всеобщее счастье построить невозможно, если в основании будет хоть одна слезинка невинного ребенка. А мы ведь за эти годы не слезы, мы кровь пролили. Ты сам прикинь, сколько ее было. Да как же тогда с нашей историей коммунаров инопланетных знакомить! Вот и получается, что в этом случае никаких торжественных встреч инопланетянам никто устраивать не будет. А раз так, то и в этом случае мы с тобой, Сашок, нежелательные свидетели. И опасные к тому же!

Помолчал, глядя перед собой, вновь достал из коробки папиросу, привычно смял мундштук в двух местах и ловко прикурил от зажигалки из винтовочного патрона.

— А религия... Ну что религия, Сашок? Христовы заповеди не так уж и плохи. Если бы люди их придерживались, коммунизм не коммунизм, а счастья человеческого в мире больше бы было.

Вот этот разговор с уехавшим в Среднюю Азию майором Коротковым и вспоминал оперуполномоченный Бабуш, пока машины тряслись по мерзлому грунту к Верхнему Тагилу. Волос был очень говорлив, но все слова его были некстати, да и чего хорошего он мог сказать, этот немецкий прихвостень, который поминутно жаловался, что у него руки от холодных наручников мерзнут?

— Посиди спокойно, — сказал ему Бабуш. — У тебя руки не от наручников мерзнут, от крови они у тебя мерзнут.

— Моралисты, — сказал Волос беззлобно. — Поглядел бы я на вас в оккупации! Небось в партизанский отряд подался бы? А, старшой? Или в подполье — листовки кле-

ить на улицах да полицейских стрелять. А между прочим, полицейские еще и порядок на улицах поддерживали, от грабителей людей защищали. Я сам таких человек пять шлепнул, старшой. Не люблю козлов.

— Сам-то чем лучше? — морщась, сказал Бабуш. — Они-то хоть грабили, а ты ведь расстреливал. Сидишь, паразит, по уши в крови, да еще жалуешься.

— Посмотрел бы я на вас, таких храбрых, — снова угрюмо сказал Волос. — Был у нас один... секретарь райкома. Я, говорит, кончаю, когда на расстрелах работаю, особенно если баб стрелять приходится. Жену свою пристрелил за то, что она раненого бойца прятала. А еще...

Сидевшие по бокам Волоса сержанты с выражением любопытства на лице слушали этот разговор.

— Дайте ему по морде, — то ли попросил, то ли приказал Бабуш. — Болтает много, только от этих разговоров у меня изжога начинается, вы, мужики, разговоров опасайтесь, опомниться не успеете, как под пятьдесят восьмую с каким-нибудь значком попадете.

Глава девятая

Вороны продолжали летать над кремлевским комплексом.

Сталин ворон не любил.

Возможно, потому, что они напоминали ему своим постоянным несмолкающим криком базар в Гори; многоголосый гортанный базар этот был неприятен вождю, он не хотел вспоминать то время, когда мать заставляла Сосо торговать на этом базаре домашним сыром. Неприятные страницы своей жизни вождю всегда хотелось если не вычеркнуть навсегда из памяти, то хотя бы переписать. Иногда вороний крик становился совсем нестерпимым, и тогда Сталин брался за трубку телефона. «Лаврентий! — требовал

он. — Сделай наконец что-то с этими горластыми абреками! Невозможно работать!»

На кремлевских аллеях, обсаженных аккуратно стриженными деревьями, шла война охраны с воронами. Война эта была бесконечной. Наглые птицы, облюбовавшие себе этот уголок Москвы, селились где им вздумается и вели себя довольно вольно — гадили, например, на людей и при этом не отличали рядового сотрудника от сановного функционера, наделенного властью и полагающего, что гадить сверху на людей имеет право только он сам.

Одно время рьяно взялся за дело комендант Кремля Мальков. Поначалу ворон просто стреляли. Но крупных функционеров, уже отвыкших от сражений гражданской войны, раздражали выстрелы. Да и присутствие вооруженных людей на территории Кремля их нервировало. Сегодня эти люди птиц стреляют, а в кого они будут стрелять завтра? Красноармейцев с винтовками и метких чекистов с наганами пришлось убрать. Начали разбрасывать отраву. Но сметливые птицы после первых же жертв с их стороны отраву клевать перестали, а презрение их к людям обострилось до такой степени, что по кремлевским аллеям ходить стало небезопасно.

Сталин видел в черных птицах предвестников несчастья. Особенно после того, как ему приснился неприятный сон с воронами, а на следующий день в Ленинграде застрелили Кирова. Нельзя сказать, что смерть эту невозможно было предвидеть. Если уж ты начинаешь спать с красивыми женщинами, то не стоит удивляться, если разгневанные мужья начинают тебе мстить. Радовало, что по времени рогоносец выстрелил очень своевременно — выстрел его дал возможность расправиться с оппозицией. По просьбе Сталина нарком внутренних дел принес вождю фотографию красоты, которой увлекся Сергей Миронович Киров. Сталин долго смотрел на фотоснимок, потом небрежно бросил его на пол.

— Все бабы — стервы, — с явственным кавказским акцентом сказал он.

Поднял фотографию, еще раз внимательно взгляделся в миловидное лицо Матильды Драуде и решительно разорвал фотографию наискось.

— Стервы, — еще раз убежденно сказал он.

— Не баба виновата, — через несколько лет сказал Берия в редкую минуту откровенности, вызванной дружеской близостью к вождю. — Она, конечно, сучка, Коба, эта Матильда Драуде... Но не стоит она пролитой крови, не стоит. Да и все остальное исполнение мизерным было. Можно все гораздо красивше сделать. Ну что Зиновьев с Каменевым, спеклись они уже к аресту. Они тебе зад были готовы целовать, а такие кадры всегда редкость. Их не стрелять надо было — на руках носить.

— Учить меня будешь? — с хмурым весельем удивился Сталин. — Ну учи, Лаврентий, учи. Ты у нас умный, твои слова да Троцкому бы в уши.

— Если бы не ледоруб, — согласился верный соратник. — Он слух ухудшает. А ты считаешь, он бы не понял? Идеалистов в нашем мире нет, как ставишь кого-нибудь к стенке, так сразу обретаешь себе верного ученика. Люди за жизнь держатся. Главное ведь не поставить к стенке, главное — простить вовремя. Такие люди всегда штучны, они смерть за спиной чувят и, чтобы жизнь сохранить, на все готовы. Страшно им оказаться во внутреннем дворе у выщербленной кирпичной стены, они ведь больше по кабинетам рассиживались, сами себе бессмертными казались!

— Хорошо поешь, Лаврентий, — вздохнул Сталин. — Знаешь о чем я сейчас жалею? Прав ты, Лаврентий, прав. Не хватало тебя в тридцать седьмом. Надо было вовремя товарищу Сталину на глаза показываться. Я об одном жалею — не стоило мне Троцкого из страны выпускать. Ну, похоронили бы мы его после автомобильной катастрофы или аварии самолета. Венков к могиле натащить

не проблема, зато всем стало бы понятно: переживаем мы смерть товарища Троцкого, хоть и разногласия у нас с ним были. — Он подумал и сказал печально: — В споре выигрывает обычно не тот, кто оказывается быстрее и решительнее оппонента, а тот, кто любую победу противника может обратить в свою пользу, тем более не прощает противнику его промахов. Терпения не хватило, Лаврентий. Когда забираешься высоко, то терпения не хватает разрешать проблему постепенно, хочется махом разрубить все узлы. А это не всегда помогает делу.

Постоял у окна, сокрушенно покачал головой и сказал:

— Вы что, потравить их не можете? Каркают, сволочи, настроение портят. Сказал бы Майрановскому, чтобы вывел что-нибудь хитрое, он ведь у тебя большой специалист по ядам.

Берия вздохнул, нервно протер пенсне и вновь водрузил его на потный мясистый нос.

— Не жрут, — сказал он. — Вроде бы птица глупая, откуда мозгам взяться? А ведь не жрет яд, Коба, пробовали уже. Хитрее многих людей оказались. Знаешь, где одна парочка гнездо свила? Прямо в стволе Царь-пушки. Только когда птенцы заорали, тогда и заметили.

Сталин хмыкнул.

— А мы все поздно замечаем, — сказал он. — То вредителей не заметим, то заговор прозеваем, теперь вот... — Он замолчал, задумчиво покачивая головой своим мыслям, потом снова подозрительно посмотрел на Берия. — Что там на Урале?

— Органы свою задачу выполняют, — твердо сказал Берия. — И армия готова. Ждут приказа товарища Сталина.

— Просто у тебя, Лаврентий, получается. — Сталин вернулся к столу и впервые за последние годы принялся набивать трубку табаком. Он достал из стола черно-зеленую с золотым тиснением коробку «Герцеговины Флор», оторвал у папиросы мундштук и, разрывая наискось папиросную

бумагу, принялся ссыпать желтоватый табак в жерло чубука, приминая табак большим пальцем. Так же неторопливо и не глядя на Берию, Сталин распотрошил вторую папиросу, потом пошарил глазами по столу, широко открыл ящик стола и некоторое время что-то искал. «Спички ищет», — понял Берия. Сталин поднял голову, исподлобья глянул на верного Лаврентия и глухим сипловатым голосом позвал Поскребышева. Тот словно ждал этого зова — появился в кабинете чертиком из табакерки, зажег спичку и поднес к трубке. Сталин окутался душистым голубоватым облаком, а Поскребышев исчез так же неожиданно, как и появился.

— Просто у тебя получается, — повторил Сталин, принимаясь мелкими шажками мерить кабинет. — Безусловно, это враги. И не советского государства, нет, это враги всего рода человеческого. Зачем они зовут человечество в свою Коалицию? Какие у них цели? В обращении тщательно затушевывается классовый характер отношений членов Коалиции. Вместо этого нам подкидывают сказочку о необходимости перехода к новому мышлению. Черчилль с Рузвельтом неправильно мыслят, товарищ Сталин неправильно, по их мнению, мыслит. Они говорят, что мы должны переучиваться. А сколько времени займет у людей подход к новому мышлению? Нам говорят, что это займет у человечества шестьдесят, а то и семьдесят тысяч лет. Что это? Глупость или преступный умысел? Что может произойти на этом пути? На этом пути может случиться межпланетная интервенция. Можем мы это позволить? Нет, Лаврентий, этого мы позволить не можем. Нельзя, чтобы человечество столкнули на опасный путь. И что мы должны делать? — Сталин резко повернулся к молчащему Берии, покачал головой. — Ни в коем случае не соглашаться со сказанным. Более того, мы должны показать представителям этой неведомой Коалиции всю мощь Земли и всю серьезность наших намерений. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Берия. — А если они все-таки правы, Коба? Если мы идем по неверному пути?

— И ты тоже, — яростно пыхнул трубкой вождь. — И ты засомневался!

— Я просто высказываю предположения, Коба, — мягко возразил Берия. — Может случиться так, что все идут в ногу и правильно, а мы уподобились солдату, который спутал правую ногу с левой и таким образом...

— Глупость! — резко оборвал его Сталин. — Троцкий тоже упрекал нас в отходе от принципов социализма. Жизнь его слова опровергла самым действенным образом. Если бы Россия и ее народы шли неправильным путем, победили бы мы в прошедшей войне? Добились бы таких потрясающих успехов в послевоенном строительстве?

На послевоенное строительство у Лаврентия Берии был свой взгляд, несколько отличный от мнения вождя, но обстановка не располагала к спору, и Берия благоразумно промолчал. В такой ситуации спорить себе же дороже обойдется. Тут и гадать не стоило, Иосиф Виссарионович принял решение, и теперь его с этого решения не столкнуть. Сколько раз уже так случалось в войну — решение принимал вождь, а виноватыми в неудаче оставались военачальники, которые не находили в себе мужества отстаивать свою точку зрения. Берия справедливо полагал, что эти люди виновны. Хотя бы в том, что не нашли в себе смелости для спора. Но то, что раньше касалось других, Берия никак не мог отнести к себе. Принцип таких вот бесед с вождем был очень простым — не спорь, не возражай, не требуй. Берия даже не пытался разубедить вождя. Причины к тому были крайне простыми — в случае неудачи один из спорщиков терял очень многое, иной раз даже саму жизнь. А кто окажется в споре с вождем проигравшей стороной, и гадать не стоило. Баснописец Крылов прав — у сильного всегда виноват бессильный, тот, кто имеет власть, обязательно пе-

реиграет своего оппонента, пусть только тот опрометчиво попробует не проиграть своему вождю!

Сталин выдохнул клуб пахучего дыма и неожиданно улыбнулся.

— О чем спорим? — топорща седые усы, сказал он по-грузински. — Не верю я в Коалицию, нет там ничего, — показал он на небеса. — Я тебя от скуки провоцирую, а ты уже всерьез зажегся. Это все игра ума, Лаврентий. Скучно стало старому человеку, развлечений хочется.

— Можно концерт организовать, — предложил Берия. — Или просмотр фильма если хочешь.

— А фильмы ты мне будешь показывать идеологически выдержанные, — вздохнул Сталин. — Сколько раз мы с тобой комедию «Волга-Волга» смотрели? Сам смотришь американские, а старику их не показываешь. Почему, Лаврентий? Разлагаешься в одиночку? Или ты их не один смотришь? С бабами, наверное? — Он весело и вместе с тем цепко смотрел на Берию. Сердце снова заныло от нехороших предчувствий. Ох не зря, не зря товарищ Сталин такие разговоры ведет! Лишним стал Берия, слишком многое он знает, слишком во многих начинаниях вождя принимал участие, а теперь хитрой старой лисе понадобился новый человек, еще незапятнанный! Берия шутливо развел руками, весело блеснул пенсне и примирительно сказал:

— Американский так американский! Приказать, чтобы привезли?

Сталин кивнул.

— Хитрый ты у меня, — вздохнул он. — Ловко от серьезного разговора уходишь. Но, предположим, предположим, что все это правда. Что делать тогда Советскому Союзу? Вступать в Коалицию? Но мы не знаем, какие цели она преследует, зачем вообще существует. ООН нам понятна, американцы предложили ООН, чтобы свои идеи в мировом масштабе проталкивать. Разжирели они после двух мировых войн, возгордились, решили, что будут пра-

вить всем миром. Но не приняли в расчет Советский Союз и новую расстановку сил, которую мы им предложили. Конечно, сегодняшняя система — еще не вся Европа, как мечталось в тридцатые, но и это уже серьезная заявка на лидерство. Опять же, теперь мы имеем такой азиатский противовес, как Китай с его людскими ресурсами. Тут все ясно, все понятно, весь вопрос, кто и кого переиграет. А Коалиция? Что она предлагает нам взамен существующего? Членство в неизвестно для чего и неизвестно кем созданной организации? На каких правах? И чем мы будем платить за членство в ней? Оставим романтику слюнтяям. Мы люди прагматичные и везде должны искать свою пользу и целесообразность. Но здесь мы ее не видим. А если пользы не видно, то зачем нам вступать в Коалицию? Зачем нам обращаться к ней?

Берия молчал. К подобным монологам он уже привык. Вождь отождествлял себя с государством, поэтому о себе он обычно говорил в третьем лице и во множественном числе. Несомненно, произнесенный монолог не был экспромтом, но какие цели преследовал Сталин, втягивая его в этот непонятный разговор, Берия не догадывался. От того он снова почувствовал тревогу.

— Что понимают американцы? — спросил Сталин. К Берии он не обращался и даже не смотрел в его сторону, следовательно, этот риторический вопрос Сталин обращал к самому себе, поэтому Берия терпеливо ждал продолжения. Паузы между словами и фразами были достижениями ораторского искусства вождя, как и привычка говорить тихо. Тихий голос заставлял невольно прислушиваться, а многозначительные паузы — искать в сказанном скрытый смысл.

— Американцы понимают силу. — Трубка вождя описала замкнутый полукруг. — Нет никаких сомнений, что сила — единственный аргумент в любом споре. Как говорится — выше, лучше, быстрее. И тогда тебя станут уважать. Слабое государство подобно немощному человеку:

пока ты не проявишь себя исключительным, тебя не замечают. Империя, Лаврентий, — вот высший тип государства. Неисчерпаемые людские ресурсы, помноженные на мощь науки и техники. Несомненно, нам угрожают, все эти дипломатические выверты не могут скрыть этого факта. А на угрозу необходимо отвечать силой. Только так можно заставить себя уважать.

Сталин присел на краешек стола, положил больную сохнувшую руку на колено.

— Не понял? — спросил он. — Это не важно. В политике, Лаврентий, ты познал лишь азы, можно сказать, добрался до арифметики. А высшая математика доступна только избранным. Гитлер бы меня понял, Рузвельт и, пожалуй, Черчилль.

Улыбчиво топорща седые усы, вождь подошел к молчащему Берии и хлопнул его по плечу.

— Звони, — приказал он. — Пусть что-нибудь трофейное покажут. Можно эту... в которой Марика Рокк играет. Красивая, стерва. Как фильм называется?

— «Девушка моей мечты», — не задумываясь, сказал Берия. — Адольф эту картину любил. Раз в месяц ее смотрел.

— Ты смотри, — удивленно сказал Сталин. — Хоть и с одним яйцом родился, а толк в женщинах знал!

В довоенное время и даже во время войны ведомство Лаврентия Павловича Берии исправно поставляло вождю сплетни о фюрере. Сталин постоянно требовал, чтобы ему докладывали о личной жизни Гитлера, особенно о каких-либо отклонениях от нормальной жизни. Иной раз радисты, передававшие радиogramмы из Германии, даже не представляли, что за информацию они передают, рискуя своей жизнью. Среди бабельсбергских красоток у госбезопасности имелись свои информаторы, да и актриса Ольга Чехова, которая близко сошлась с любовницей фюрера Евой Браун, исправно передавала вместе с важнейшей развединформацией последние светские сплетни, поэтому Сталин знал,

кто и с кем спит, у кого что болит, а просмотрев копию пленки, на которой Гесс занимался в туалете онанизмом, брезгливо сказал: «Бедная страна, у которой такие вожди!»

Берия тогда, помнится, поддакнул, хотя только накануне его разведчики доставили специально для Сталина альбом с рисованной порнографией. Имени художника, рисовавшего эту пакость, Берия не запомнил, но вот зачем Сталину понадобились эти альбомы, отлично понимал и оправдывал — у всех великих людей есть свои маленькие слабости.

Вот и сейчас он ничего не сказал, а лишь торопливо и угодливо потянулся к большому черному телефону, чтобы позвонить в ведомство и дать указание подготовить кремлевский кинотеатр и пригласить переводчика потолковее — вождь дилетантов не терпел, запинки переводчика воспринимал не иначе, как отсутствие должного профессионализма, поэтому всегда долго пенял руководителям, которые держат на работе плохого специалиста. В большом окружении вождя все должно было быть только первосортным. Осетрины второй свежести, как это известно, не бывает.

Глава десятая

Группа ушла к пещере.

Хорошие были профессионалы — едва отошли от лагеря, так сразу их не стало видно. Растворились в снежных просторах. Что и говорить, выучка у орлов Звягинцева была отменная — ночное заснеженное пространство не выдавало их даже звуком, так вся амуниция была подогнана и подтянута. Этого и следовало ожидать — у диверсанта вся его жизнь от тишины и маскировки зависит. Но тем не менее Яковлева это впечатлило. Оставшийся при нем радист из группы Звягинцева неторопливо забросил антенну

на дерево, проверил связь и скрылся в палатке, предательски громыхнув в ней банкой о примус.

Некоторое время Яковлев прилежно наблюдал за далеким входом в пещеру, но ничего не заметил, даже тени подозрительной у входа в пещеру не мелькнуло.

Луна несколько поднялась над горизонтом, но светлее от этого не стало.

Высоко в небе послышался тяжелый рокот мотора. Невидимый самолет кружил над горами, выискивая костры, разжечь которые подполковник Звягинцев направил двух своих диверсантов. Потом в небе возник зеленый движущийся к земле шар. Не долетев до деревьев, выставившихся вверх черными острыми зубами, шар погас, но вслед за ним вспыхнуло еще два огонька — летчик костры засек и подавал знаки встречающим самолет на земле. Яковлеву показалось, что он заметил, как к земле скользнула легкая тень, но скорее всего это был обман зрения. Рассмотреть что-либо на таком расстоянии было невозможно, вот зрение и выдавало картинку, которую жаждал увидеть томящийся ожиданием мозг.

Яковлев отложил бинокль, снял варежку и еще не застывшими пальцами протер слезящиеся глаза.

— Наум, — послышалось из-за спины.

Яковлев медленно обернулся.

У него за спиной темнел силуэт человека. Лица его не было видно, только по голосу Яковлев узнал Блюмкина.

— Зачем? — спросил Яковлев. — Зачем ты вернулся?

— Пойдем с нами, — сказал Блюмкин. — Ты знаешь, мы нашли общий язык. Они действительно из другого мира, Наум. Хочешь побывать там? Пойдем с нами.

— После того, как я вас едва не пристрелил? — ухмыльнулся Яковлев. — За кого ты меня держишь, Яков? Я не ожидал, что ты стал таким наивным. Вам повезло, так зачем же испытывать везение еще раз? В следующий раз удача может оказаться неблагоприятной. Сколько раз тебе вез-

ло? Ты не считал, Яша? Первый раз тебя могли убить в тринадцать лет во время погрома в Житомире. Тебе повезло, что черносотенец оказался пьяным и не сумел догнать тебя. Второй раз тебя должны были расстрелять большевики за участие в мятеже и расстрел Мирбаха. Но судьба пощадила тебя еще раз. Возможно, это тоже было случайностью. В третий раз ты должен был умереть под Харьковом, когда тебя избили и бросили умирать на морозе петлюровцы. Но ты опять выжил. В Киеве ты мог оказаться под пулей по меньшей мере трижды. Повезло? А в экспедиции Рериха, когда тебя взял английский патруль, тебя ведь расстреляли бы, не подвернись повод для побега. В документах сказано, что ты расстрелян за измену делу революции. Твой дружок Юрка сделал эту надпись поперек твоего личного дела. Но ты снова уцелел. И сегодня ты опять перехитрил меня. Я не знаю, почему судьба так хранит тебя, для каких целей, но скажу тебе одно — не испытывай счастье. Когда-нибудь твое везение кончится, Блюмкин. Зачем ты пришел? По мою душу?

— Да какая у тебя душа? — с легкой досадой в голосе сказал Блюмкин. — Может, когда-то она и сияла, а теперь черной стала, Наум, угольно-черной. А насчет везения... Наверное, судьба меня именно для этого и хранила. Дураком я был, Наум, вроде тебя. Двадцать лет, а тут партийное доверие, наган на пузе, кожанье... И право судить. Разве можно мальчишкам наганы выдавать? Они ведь в рвении полстраны перестреляют. Я ведь тогда считал, что все делаю правильно, чищу страну от эксплуататоров-кровососов. Только потом уже, в лагере, мне эти прапорщики безусые, которых мы с Полиной Землячкой в Халцедоновой бухте топили, снится стали. Это они-то эксплуататоры? Много мы ненужной крови пролили. А когда так щедро кровь льют, светлого будущего не бывает. Это для хлебов кровавое удобрение хорошо, только застревать он станет в горле — хлеб этот.

Он прислушался к шорохам в палатке, качнул головой.

— Пошли, Наум. Хочешь увидеть совершенный мир? Пусть они на нас непохожи, но достигли ведь чего-то. Вот и посмотрим, куда они пришли и был ли их путь кровавым. Хочется ведь посмотреть, правда?

Что-то было в словах Блюмкина, да и тоска в его голосе подкупала. Яковлев насчет своего будущего особенно не заблуждался, близился тот момент, когда государство, выжав из него все силы и устремления, признает его существование вредным и опасным. В госбезопасности попутчиков не бывает, линию партии приходится исполнять добросовестно и за ошибки партийные платить полной мерой. Как там Ежов говорил? «Мы снимаем людей слоями»? Яковлев сам видел, как снимали слой первых чекистов, выполнивших поставленную перед ними задачу. Будучи умным человеком, он не мог не понимать, что пришло время снимать тот слой, частью которого был он сам. И все-таки уйти сейчас казалось ему предательством. Колебаться в правоте дела — значит косвенно уже предавать его. Какое ему было дело до другого мира, пусть там и построено светлое будущее, о котором мечталось? Это был чужой мир, поэтому и достижения его были чужими и ненужными Яковлеву. Вот заглянуть в будущее он, наверное, согласился бы сразу и без оговорок. Да и внезапная доброта вчерашнего смертника казалась Яковлеву подозрительной. С чего бы товарищу Блюмкину жалеть своего несостоявшегося палача?

Яков словно бы угадал его мысли.

— Не в жалости дело, — сказал он. — Просто тебя я знаю, а этих мужиков, что со мной пошли, — нет. Тоскливо одному в чужом мире, Наум. В этом-то мире тоскливо, а там быть одиноким... А мы с тобой разведчики, так кому же разведывать новые миры, если не нам? Идешь?

Яковлеву очень хотелось сказать собеседнику, что он ошибается. Самому Блюмкину скоро станет некуда воз-

вращаться, потому что ушла на эту самую инопланетную базу группа квалифицированных диверсантов, которые всю войну учились убивать себе подобных, а уж в отношении непохожих у них и рука не дрогнет. Но сказать это значило предать ушедших в поиск товарищей. Кто знает, насколько тесно Блюмкин сошелся с этими самыми небесными гостями и какие меры эти гости предпримут, когда узнают о группе захвата? Позади находились свои, позади был пусть несправедливый, но привычный мир, в котором он когда-то родился и ради которого прожил всю свою недолгую жизнь. А впереди ожидало неведомое, которое пугало именно своей неизвестностью.

— Уходи, Яков, — сказал он. — Уходи. Может, и в самом деле ты именно так думаешь, только ведь благими намерениями дорога в ад вымощена. Не по пути нам с тобой. У тебя теперь одна дорога, у меня она другая. Не знаю, куда эта дорога меня приведет, только поздно менять маршрут. Все я понимаю. Не хуже тебя понимаю. Прощай. Конечно, было бы интересно поглядеть, как оно там и что... Ты за меня посмотришь. Если, конечно, получится.

— Глупо, — сказал Блюмкин, криво усмехаясь. Из рта у него шел пар. — Но я тебя понимаю. Я ведь знал, что ты никуда не пойдешь. Тот, кто впрягся, другого пути просто не знает. Ты скажи, если бы я не догадался тогда... застрелил бы?

— А ты думаешь? — хрипло сказал Яковлев.

— Думаю, застрелил. Из-за идеи, Наум? Или по приказу?

— Для обеспечения режима секретности операции, — честно ответил Яковлев.

— Я бы понял, сделай ты это из-за идеи, — задумчиво сказал Блюмкин. — Сам был таким. Но то ведь и страшно, что идей никаких не осталось, только слепое выполнение приказа, отданного каким-то дураком. А ведь этот выше-

стоящий дурак тоже руководствуется не идеями, он боится за свое будущее. Так ради чего мы сжигали себя в революцию, Наум? Для того чтобы плодами победы пользовались прагматичные и меркантильные лавочники? Думал ли ты, что мы превратимся в машины, послушно выполняющие чужие приказы?

— К черту! — сказал Яковлев. — Не занимайся пропагандой. Она уже не нужна. Или ты думаешь, что один такой умный? Иди, у тебя еще есть время. Я не буду стрелять, обещаю.

— Я знаю, — признался Блюмкин. — Прощай, Наум. Все-таки я надеялся, что ты еще не совсем сгорел. Но я ошибся. У тебя в душе уже нет места для любви или ненависти, там осталось лишь немного местечка для страха. Прощай!

Яковлеву только показалось, что он моргнул, а быть может, он и в самом деле моргнул, только Блюмкин вдруг исчез. Секунду назад он стоял у дерева, а теперь его не было. И ничего вокруг не было видно, кроме таинственно поблескивающего в лунном свете снега и темных пятен сосняка на нем. Призрак! Яковлев выругался и вдруг почувствовал, что пальцы вконец заледенели. Он принялся торопливо растирать их снегом.

Брезентовый полог палатки с ледяным шорохом распахнулся, и наружу вылез радист. Сам он из-за маскхалата казался на фоне палатки бесформенным белым пятном, удивительное дело, но лицо его выглядело в свете луны темным пятном.

— Никого нет? — удивился радист. — А я услышал разговор и думал, наши вернулись.

Оставив его дежурить, Яковлев забрался в палатку. В ней было заметно теплее, чем снаружи. У потолка неярко горел карманный фонарик. Света его, впрочем, хватало, чтобы увидеть внутренности палатки, в которой спальные мешки лежали среди рюкзаков и ящиков с консервами,

занесенных запасливыми питомцами подполковника Звягинцева. На негромко шипящем примусе шкварчала и источала аппетитный запах тушенка, которую радист поставил разогреваться прямо в банке.

На душе у Яковлева было погано.

«Чертов морализатор! — злобно подумал он о Блюмкине. — Он еще будет меня учить! Пусть радуется, что угадал финал, иначе бы лежал в распадке с простреленной башкой до первых оттепелей. И списали бы все три трупа на бандитские разборки, а скорее всего их даже не нашли бы по весне, голодные звери за зиму все растаскали бы по кустам. Так нет, ему обязательно надо оставить последнее слово за собой! Сам ты сгнил изнутри, Яков Григорьевич, по лагерям себя растратил. А у Наума Яковлева были в жизни денечки, которые приятно вспомнить! И не тебе меня упрекать в потере интереса к жизни. Ишь познаватель Вселенной!»

Яковлев не знал планов начальства, но одна мысль о том, что существа с этих странных круглых летательных аппаратов будут захвачены группой Звягинцева, а с ними, конечно, приволокут и Блюмкина с его лагерными дружками, неожиданно привела его в хорошее настроение. Троцкистом и английским шпионом Блюмкин уже бывал, интересно, что он почувствует, когда его признают марсианским шпионом? Это тебе не на Японию работать или такую экзотическую страну, как Индонезия, тут уже фантазмагория чувствуется. И ведь признается Яков Григорьевич, обязательно признается в шпионаже, только спецсы из следственного управления немножечко поднажмут, потечет каша признательных показаний — на Луне, мол, завербовали, это ясно, а вот иудины серебряники чем платили?

Звуки, которые донеслись в палатку, свидетельствовали, что радист не один. Выглянув наружу, Яковлев увидел белые привидения, снующие по лагерю. Одно из привиде-

ний оттеснило Яковлева, вломилось в палатку и сняло белый заиндеветый подшлемник.

— Греешься? — поинтересовался Звягинцев.

Забравшись в потаенные глубины маскхалата, Звягинцев извлек фляжку, отвинтил пробку и сделал несколько больших глотков.

В морозном воздухе повис острый спиртной дух.

Не обращая внимания на Яковлева, подполковник склонился над банкой, ловко подцепил большой кусок тушенки и принялся жевать.

— Однако, — трудно глотая, проревел он. — Это вы ведьмино гнездо нашли. У них там целый город! Одних этих круглых хреновин десятка полтора насчитали. Слушай, Яковлев, что это? Империалистическая военная база? Американцев или япошек?

Спохватившись, вытер рукавом маскхалата горлышко фляжки и протянул ее Науму.

— Глотни, — посоветовал он. — А то тут околеешь. Нет, правда, здешние морозы и в самом деле легче переносятся. Вот помню, мы учения в астраханских степях года два назад проводили, так там да, там из-за ветров морозы в несколько раз крепче кажутся. Вернулся — чистый сибирский кот, с женой одни разговоры и никакой любви.

Яковлев вежливо отказался.

Звягинцев подозрительно глянул на него, но настаивать не стал. Сделал еще пару глотков, завинтил пробку, сожалеюще взболтал содержимое фляжки и спрятал ее на груди. Похоже, Василий Дмитриевич относился к тому типу людей, который полагал, что от непьющего человека можно ждать только пакостей.

Известие о самолете немедленно вызвало у него служебный энтузиазм. Звягинцев позвал радиста в палатку, радист вышел на связь, послушал трещащий помехами эфир и доложил:

— Надо отправить группу в квадрат двадцать два. Там уже ожидают груз и специалисты, товарищ подполковник.

— Ясно. — Подполковник подумал, машинально потянулся к своей ухоронке, но, наткнувшись на насмешливый взгляд Яковлева, извлек руку пустой.

— Специалисты, — с явной обидой проворчал командир диверсантов. — А мы, значит, только для грубой работы годимся.

Тем не менее он выглянул из палатки и негромко приказал:

— Стоксин, Виткалов — ко мне!

Дисциплина в его отряде была отменная, уже через несколько минут назначенная Звягинцевым группа исчезла в снегах.

Яковлев уселся рядом с тихонько гудящим примусом, протянул почти уже негнущиеся пальцы к теплу и некоторое время сидел неподвижно, разглядывая голубоватый огонек. Неожиданное сожаление проснулось в его душе. Нет, все он сделал правильно. Что ему делать в пещере по ту сторону баррикады? Блюмкина отпускать не следовало, но этот грех был никому не известен, и распространяться о нем Яковлев особого желания не имел. Судьба, значит, такая. И все-таки интересно было бы глянуть одним глазом на Землю со стороны. На что она похожа? В тридцатые годы, когда партия приказала осваивать небесные просторы, Яковлеву пришлось попрыгать с парашютом, и не только, знаете ли, с вышки ЦПКиО. С небес Земля казалась плоской и к тому же разлинованной прямоугольниками полей и ленточками дорог. На что она похожа из межзвездного пространства, Яковлев просто не представлял, хотя и был однажды до войны в московском планетарии, чтобы послушать лекцию о марсианских каналах. Впечатления особого эта лекция на Яковлева не произвела. Как говорил один пьяный лектор из любимой комедии Яковлева: «На небе мы видим одну звездочку, потом другую... Луч-

ше, конечно, три звездочки, а еще лучше — пять». Теперь он сидел в грязной палатке с почти отмороженными ноющими пальцами и печально думал, что никогда не увидит звезд. Вблизи. Впрочем, многие ли поднимают голову к небесам? Людям хватает забот на земле, им некогда любоваться звездами. Но если ты никогда не смотришь на звезды, чем ты отличаешься от червяка, которому темно и сытно в яблоке?

Нервное напряжение последних дней дало о себе знать, и Яковлев задремал. Даже не задремал, а погрузился в черную бездну, в которой были невозможны сновидения.

Разбудил его веселый голос Звягинцева.

— Вот и славно, — басил подполковник. — Теперь мы этим сукам покажем!

Яковлев открыл глаза и увидел незнакомого полковника, который по глупости или из щегольства был одет в офицерскую шинель и не спасающие от холода хромачи. Рядом с подтянутым полковником Василий Дмитриевич Звягинцев казался толстой снежной бабой с блестящими от выпитого глазами. Судя по всему, подполковник в ожидании зря времени не терял и грелся по своему способу — изнутри. У входа на ящике сидел молодой мужчина в шерстяном пальто с меховым воротником. Мужчина озабоченно постукивал ногой о ногу и, судя по его щегольским ботинкам, был в сложном положении. В палатке было тесно и нехорошо пахло потом и грязью, неистребимый запах вокзала или ночлежки стоял в палатке, смешиваясь с запахами водки, тушенки и оружейного масла. Яковлева замутило.

— Проснулся, майор? — отечески склонился к нему Звягинцев. — А тут как раз подкрепление подошло.

— Который час? — вяло спросил Яковлев, задерживая дыхание, чтобы не вдыхать густой дух спиртного, источаемый командиром особой группы.

— Пятый час утра, — не глядя на часы, сказал подполковник.

И огорчился:

— Не успели до света. Теперь окапываться придется, день переждать.

Снял варежки и принялся шумно жрать тушенку из банки. Не прекращая жевать, озабоченно оглядел полковника и хмыкнул:

— Не по сезону ты оделся, начхим. Ты же не баб в Дом офицеров отправился охмурять, должен был знать, какая погода на дворе стоит.

Бросил взгляд на гражданского и покачал головой.

— Это еще что за ферт? Из какого ведомства?

— Доктор Хоткин, — коротко представился гражданский.

— Клистирные трубки! — радостно воскликнул подполковник. — Что же ты так вырядился, голубь сизокрылый? Без ног ведь останешься! Беда с этими столичными штучками, все им кажется, что Сибирь недалеко от Сочи.

Покрутил головой и вполголоса приказал:

— Нечипуренко! Выдай полковнику и доктору из НЗ валенки и все прочее. Ног лишатся — так это нестрашно, а вот если яйца отморозят...

Еще раз окинул взглядом лощеного полковника Хваталина, пытаюсь рассмотреть его в тускнеющем свете фонаря, вновь хмыкнул и уткнулся в банку, словно не было у него сейчас дела важнее, чем вычистить ее до блеска кусочком мерзлого хлеба.

Глава одиннадцатая

— На кой черт тебе сдался этот убийца? — проворчал Чадович. — Положил бы он нас у палатки, хорошо, ты вовремя сообразил. Кстати, а как ты догадался?

Блюмкин смотрел в сторону.

— Трудно было не догадаться, — сказал он. — Но ты не прав, Юра. Какой он, к черту, убийца? Мужик, зажатый

обстоятельствами. С одной стороны, приказ, а с другой — твоя жизнь и жизнь твоих родственников. Не всем же быть героями, тем более что за такой героизм посмертно орденов не дают. Меня больше удивило, что он отказался уйти с нами. А ведь должен понимать, что его ожидает за невыполнение приказа.

— Сам же говорил — жена, дети, — сказал Чадович. — И потом, кто ему мешает соврать? Лежат дорогие товарищи эки под снегом, приказ выполнен. Что, ради нас поисковую экспедицию организовывать станут? Никогда в это не поверю. Спишут на потери. Тебе, например, инсульт, мне — двустороннее воспаление легких, в отношении Криницкого вообще укажут, что смерть наступила в результате несчастного случая. Неловок оказался на лесоповале, вот его рухнувшим кедром и придавило. А ты, значит, тот самый Блюмкин? Который Мирбаха в восемнадцатом кончил? Историческая личность!

— Была история, — пробормотал Блюмкин. — Да вся вышла.

— Это уж точно, — согласился Чадович. — Теперь наш усач историю под себя пишет. Я вижу, ты не в настроении. Тогда оставим эту тему. Что дальше делать будем?

Разговор их проходил на краю огромной подземной каверны, освещенной снизу голубоватым светом. Подобравшись осторожно к краю и заглянув вниз, можно было увидеть сложное переплетение разноцветных шаров, кубов и параллелепипедов. Чуть поодаль располагалась площадка, на которой серебрилось десятка полтора дисков, ничем не отличающихся от тех, которые Блюмкин и Чадович уже наблюдали в уральском небе.

— А ты как считаешь? — спросил Блюмкин.

Чадович подумал.

— Я так полагаю, что обратной дороги у нас нет, — рассудительно сказал он. — В любом случае в живых нас не оставят. В лагерь нас не вернут, слишком много мы

знаем, да и на черта нам, если подумать, этот лагерь сдался. Можно, конечно, уйти. Только сколько мы продержимся без документов, денег и продовольствия? Если чекисты не загребут, то охотники как беглых каторжников постреляют. У них за это дело спички, соль, порох выдают. Я, когда на Колыме был, сам видел. У тамошних охотников это так и называется — головки сдавать. Дураков в зоне хватало, поднимутся на крыло и — в побег. А охотничек их головки впрок припасает. Зиму в мешок собирает, зато по весне уже в ворота колонии стучится, сахару да пуль требует. Этот вариант мы тоже отбрасываем. Не будем головы под пули подставлять. И что нам остается? Остаются два пути. Первый — это попросить наших зеленокожих знакомых высадить всех нас где-нибудь на другом континенте. Например, в Америке. Американцы народ любопытный, так что, если мы им про лагерь расскажем, на хлеб и виски, конечно, заработаем. А дальше по специальности. Я в геологи подамся, Криницкий морячком станет, а ты... Кто ты у нас по специальности?

— Профессиональный революционер, — мрачно сказал Блюмкин.

Чадович почесал скулу.

— Да, — пробормотал он. — Я думаю, американцам такая специальность без надобности. Тогда остается второй вариант — отправиться к ним на родину. Представляешь, мы первыми будем. Такое увидим, что ни один человек в мире не видел и не скоро еще увидит.

Из сумрака пещеры появился Криницкий.

— Фантастика! — вздохнул он. — Я и представить не мог, что они мысленными картинками общаются! Слушайте, мужики, это невозможно. Я-то сначала думал, что они свистом переговариваются, как пастухи на островах в Тихом океане, сам в детстве о таком читал во «Всемирном следопыте». А у них это нечто вроде атавизма. Они от такого несовершенного средства общения, как язык, давно

уже отказались, на передачу мыслей перешли. Помню, перед войной книгу одну читал, фамилию писателя только не помню, там немец один по фамилии Ширлиц мысли свои всему миру внушал. Помню, прочитал и подумал: вот у человека фантазия! Это надо же было такое придумать!

— Беляев фамилия писателя была, — поправил Блюмкин. — Александр Беляев. Я к нему в двадцать восьмом по поручению профессора Барченко ездил, адрес Васильчикова взять. У нас в зоне книга его была, «Властелин мира» называлась. И ученого звали не Ширлиц, а Штирнер.

— А кто он был, твой Барченко? — спросил несколько уязвленный равнодушием товарищей Криницкий.

— Ученый один, — объяснил Блюмкин. — Он как раз проблемами телепатии занимался. Телепатия — это передача мыслей на расстоянии. Барченко этой проблемой серьезно занимался, в твоём любимом «Всемирном следопыте» даже его статьи на эту тему были.

Он поморщился.

— А потом? — с детским любопытством спросил Криницкий.

— Суп с котом, — отрезал Блюмкин. — Расстреляли их вместе с Москвиным и Бокием. Уже после меня. Процесс масонов.

— Я так и заметил, — хмуро вклинился в разговор Чадович. — У нас в стране чуть что хорошее появится — сразу процесс. Постреляют людей, по лагерям их разгонят, а потом вопить начинают, что от Запада отстаем. А как не отставать, если у нас все светлые головы если не сидят, то в сырой земле однокомнатные квартирki получают?

— Вы сказали — после вас? — задумчиво переспросил Криницкий. — Это как понимать? Их расстреляли после того, как вас посадили?

— После того, как меня расстреляли, — объяснил Блюмкин, явно наслаждаясь замешательством собеседника. —

Меня в двадцать девятом к стенке поставили, а их — в конце тридцатых.

— Чтоб я так жил, как вы умерли, — пробормотал Криницкий. Неожиданно до него дошло, и он с ужасом посмотрел на Блюмкина. — Вы сказали, в двадцать девятом? Это выходит, что вы, значит, двадцать лет в лагерях обретаетесь?

Чадович невесело засмеялся.

— С перерывами на обед, — серьезно объяснил Блюмкин и в свою очередь спросил: — А где наша смугляночка? В конце концов, пора выработать общее решение, что делать дальше.

— Он со старшим остался, — сказал Криницкий. — Я так и не понял — то ли он этому долгоносику картинки показывает, то ли долгоносик ему.

Подумал и объявил:

— Я вас не понимаю, мужики. Случилось уникальное событие — к нам пожаловали гости из других миров. И что же? Мы ведем какие-то странные разговоры, прикидываем, пытаемся ловчить... Да о случившемся на весь мир орать надо, это ведь надо такому случиться! Попы перекусают друг друга от бешенства, сразу ясно, что зря они умных людей на кострах палили. Да сюда академиков надо вызывать, транспарантами приветственными все горы увешать! А мы чем занимаемся? Сидим и такую хреновину несем, что уши от нее в трубочку сворачиваются. Вы что, мужики?

Блюмкин переглянулся с Чадовичем.

— Вот он, наш советский романтик, — хмыкнул Чадович. — Транспаранты ему, духовые оркестры на улицу, «Интернационал» во вселенском масштабе. Благодарю Бога, что никто об этой самой базе не знает, давно бы уже отбомбились по всем правилам.

— Ну, положим, бомбами этакую цитадель не возьмешь, — возразил Блюмкин. — Тут такие пласты гра-

нита, что тут никакой аммонал не поможет. Десантом возможно, только не верю я, что эти зеленые долгоносики при такой мощи и без оружия. А насчет того, что о базе никто не знает, это ты, Юрик, погорячился. Мы для того по горам и корячились, чтобы ее найти. А теперь, наверное, все, кому о ней положено знать, знают уже и готовятся.

— Да с чего их бомбить-то? — недоуменно возразил Криницкий. — Они же зла никому не делали. Ну, держатся пока в тайне, понятное дело, присмотреться сначала надо, потом уж на сцену выступать.

— Не театр, — отрезал Чадович. — Когда таиться начинают, это всегда подозрения вызывает. Хорошим людям таиться незачем, а если прячутся под землей, значит, нехорошие замыслы вынашивают. Надо на всякий случай меры принимать. Предупредить надо, в покое их теперь никто не оставит.

Блюмкин посидел, носком тяжелого эковского ботинка из толстой свиной кожи задумчиво ковыряя песчаный камень.

— Все верно, — ни к кому не обращаясь, сказал он. — У нас ведь всегда ко всем проявлениям жизни с классовых позиций подходят. Плевать, что ты брат по разуму, на каких классовых позициях стоишь, к какой социальной группе относишься?

— Тебе виднее, — съязвил Чадович. — Ты у нас бывший чекист, авангард, так сказать, партии. Из-за этих классовых позиций сколько народу перебили, теперь вот еще межпланетную войну затеете.

Упрек был не слишком справедливым, все же в одном лагере они теперь сидели. Но Блюмкин не обиделся, не полез в бутылку, видимо, было в его жизни что-то заставляющее проглотить молча обидные слова.

Не дождавшись возражений, он повернулся к Криницкому.

— Ты понимаешь, нет сейчас места для оптимизма. Никто с ними взасос целоваться не станет. Американцам они тоже будут подозрительны, такая война только что прошла, русские их тоже по тем же причинам опасаться станут, о немцах с японцами и говорить не приходится. Тем более что в техническом отношении они нас превосходят. Люди между собой сговориться не могут, чего уж тогда говорить об обитателях других планет. Не пойдем мы друг друга, страх не позволит.

— Но мы же их поняли, — возразил Криницкий. — Мы же нашли общий язык. Ты на Халупняка посмотри, полное взаимопонимание у мужика с долгоносиком. Сидят друг против друга и грезят наяву, картинками обмениваются.

— Так мы кто? — возразил Чадович. — Отверженные мы. Изгой. За нами общество не стоит, потому на нас и груз ответственности не давит. А решают все те, что себя судьбоносителями кличут, что историю пытаются определить. Они не поверят. И другим поверить не дадут. Наш усатый товарищам по партии не верит, а ты хочешь, чтобы он зеленокожим пришельцам объятия распахнул. Если он эти объятия и распахнет, то только для того, чтобы удавить этих пришельцев понадежнее. Зачем ему лишние проблемы, лишняя головная боль?

Он почесался, брезгливо оглядел грязную куртку и мечтательно сказал:

— Постираться бы.

— А ведь прав ты, Юрик, — неожиданно громко сказал Блюмкин. — Ой как прав. Скоро нам такую стирку устроят! Этот мужик, что у палатки остался, он ведь до конца будет своему служебному долгу верен. Так уж устроен. Значит, гости пожалуют. И не с пряниками, как мне кажется.

— Надо предупредить, — тревожно сказал Чадович.

— Вот, — усмехнулся Блюмкин. — Вот ты и стал на шаткий путь предательства интересов рабочего класса. Шаткость твоя духовная проявилась. Вот за эту шаткость тебя в

лагерь хранители диктатуры пролетариата и упекли. Почуляли они ее. Видишь, ты уже с инопланетным агрессором сотрудничать готов. А это предательство будет похлеще, чем если бы ты, скажем, с правой оппозицией спутался.

— Да какие они агрессоры! — возмутился Чадович.

— А это ты следователям в МГБ объяснять будешь.

Что-то возразить на это было трудно.

Конечно, такие знаменитости, как Раппопорт, Изольда Дойчер или Хват, с бывшим геологом не работали. Не по чину. А вот ученик Родоса с ним занимался. Лев Борисович Райхерт. Как Хват с Дойчер допрашивали, Чадович не знал, так, слышал по разговорам заключенных. Ему и Райхерта хватило, тем более что все эти штучки вроде многочасовых допросов со сменой следователя, зловещие угрозы, даже нанесение ударов бамбуковой лыжной палкой по пяткам подследственного Райхерт освоил прекрасно, не говоря уже о менее экзотических мерах принуждения говорить правду и ничего, кроме угодной следователю правды. У такого и в сотрудничестве с нечистой силой признаешься. Скажешь, что разведывал угольные месторождения в интересах Ада. Надо сказать, этот самый Райхерт свою фамилию оправдывал.

Блюмкин с интересом оглядел помрачневшего Чадовича и встал с камня, на котором сидел.

— Но что-то мы предпринять должны, — сказал он. — Мы теперь в беглецах значимся, и мнится мне, живыми нас брать никто не будет. А если и возьмут, то на этот раз мы недолго на белом свете заживемся. Игра будет сыграна по правилам, и, к сожалению, эти правила устанавливаем не мы.

Он ухмыльнулся.

— Благими намерениями дорога в Ад вымощена. Ты не смотри, что они такие ласковые. Сам рассказывал, что немцы в войну колхозы не разгоняли. Черт их знает, чего эти долгоносики на Земле делают! Может, они лишь с виду

такие добрые и хорошие, а на самом деле похлеще немцев будут. Те евреев и цыган искореняли, а этим мы все лишние будем.

— Не верю, — сказал Чадович. — Это ты такой хитрожопый, во всем подвох видишь. А я с ними пообщался, поэтому скажу прямо — так притворяться невозможно. Они тебе гравитационный тайфун показывали?

Блюмкин кивнул.

— Вот где ужас, — сказал Чадович. — После него остаются лишь звездная пыль и пустота. Посмотришь внимательно, и семьдесят тысяч лет коротким сроком кажутся.

Глава двенадцатая

Последнее время вождь чувствовал себя неважно.

Все чаще и чаще болело сердце. Он не хотел сдаваться, но чувствовал, что пора уходить на покой. Разумеется, он задумывался, кто же придет ему на смену, но полноценной замены себе не видел. Не было человека, который был способен заменить Сталина! Эти слепые щенки требовали поводыря, и Сталин понимал, что они обязательно перегрызутся между собой, едва только место на троне окажется вакантным. Каждый чувствовал себя достойным заменить его на нелегком государственном посту Отца народов. Сталин подозрительно относился к соратникам, чувствовал необходимость перемен. Молотов и Микоян не казались ему достаточно самостоятельными, Маленков и Берия его пугали, Ворошилов вполне довольствовался ролью создателя непобедимой Красной Армии, он был весь в прошлом и на большее не претендовал. Шкирятова, Андреева и Хрущева вождь во внимание не брал. Мелки слишком, не того калибра фигуры. Сталин сожалел о смерти Жданова, теперь ему казалось, что этот человек смог бы везти воз государственности в нужном направлении. Вызывали симпатии

молодые Громыко и Косыгин, но вождь понимал, что кремлевская свора их затопчет, обязательно затопчет, чтобы не пропустить к вершинам власти. Слишком долго соратники сидели в его великой тени, чтобы не попытаться по спидам и головам рвануться наверх, едва только представится такая возможность.

Возможно, что комбинация, задуманная вождем, была последней в его политической жизни, но это была гениальная комбинация, достойная Талейрана или Макиавелли.

И предлог был крайне благоприятным. Лаврентий Берия в силу своей ограниченности этого понять не мог. Он был неплохим цепным псом и до поры до времени верно служил хозяину. Вместе с тем он был достаточно умен, чтобы не почувствовать старость жоака и не попытаться самому выбиться в первые. Сталин хорошо знал законы политической жизни в стране, в конце концов, он сам эти законы устанавливал, а потому понимал, что ослабевшего жоака будет рвать вся волчья стая. И сделает это с превеликим наслаждением.

Если бы не было инопланетян, то их нужно было придумать.

Прикосновение к тайне означало будущие чистки.

— Сам понимаешь, — сказал вождь озабоченному Берии. — Вся эта история должна остаться в тени. Нельзя, чтобы об этом судачили на каждом углу. Американцы — дураки, они сделали из тайны открытое представление. Впрочем, быть может, они и правы, в их условиях иначе нельзя. Гласность — это обязательное условие буржуазной псевдодемократии, поэтому там газетчики следят за происходящим, доводя реально существующие вещи до состояния бреда, в который уже невозможно поверить. Мы — это другое дело.

Необходимо определить круг лиц, которые соприкасались с проблемой. Люди подлежат изоляции. Степень изоляции придется определять на глаз, все будет зависеть от

полезности человека обществу. Мелочь придется надежно убирать, таких, как Королев с Капицей, трогать нельзя. Необходимо внушить им, что все это не имеет никакого отношения к космосу. Ученые по своей сути недоверчивые люди, поэтому достаточно повернуть эту их недоверчивость в нужное русло, остальное они сделают сами. Обычно они просто выбрасывают проблему из головы, если приходят к мысли, что она им неинтересна.

— Я понимаю, Коба, — согласился Берия. — Списки уже подготовлены. По сути к проблеме имеет отношение не так уж много людей, и можно все быстро устроить. Сложнее будет с чекистами, на Абакумова я последнее время имею небольшое влияние. Вышел, стервец, из-под контроля, пользуется тем, что получил самостоятельный выход на товарища Сталина.

В последнее время вождь использовал Абакумова в качестве противовеса Берии, поэтому слова верного Лаврентия доставили ему удовольствие.

— Абакумов — это моя проблема, — сказал Сталин медленно. — А вот те, кто сейчас в горах, это проблема Лаврентия Берии. И за решение этой проблемы товарищ Берия несет персональную ответственность. Надеюсь, тебе не нужно растолковывать, что это такое — персональная ответственность?

— Не нужно, Коба, — сказал Берия нервно и, чтобы скрыть волнение, снял пенсне и принялся протирать специальным кусочком бархата линзы. — Я все понимаю.

Конечно же, не стоило и сомневаться, что Берия выполнит все добросовестно. Исполнителем он был незамеченным и, что характерно, более умным, чем его предшественники, которых вождь *выдвигал на аппарат*. И все-таки он был только исполнителем. Не более.

— Плохо себя чувствую последнее время, — закинул пробный шар вождь. — Все-таки семьдесят, Лаврентий. Пора на покой.

— Ты хорошо выглядишь, — моментально почувствовал Берия опасность. — Кто тебе это сказал? Врачи? Для них у нас есть свое лекарство. Не обращай внимания, Коба. Ты же помнишь, сколько на Кавказе долгожителей? Мы еще твое столетие отметим. На всю страну праздник будет. Да что там на всю страну. На весь мир праздник будет. Болезни — это для слабых людей. Тебе жить надо, ты нужен народу.

— Лысец, — размягченно сказал Сталин. — Твоими устами столетнее вино пить. Давно ли мы юбилеи праздновали? — Он прикрыл глаза, на секунду задумался и продекламировал:

Вспять вражди силы бросились.
Вновь блещет небо чистое,
Доблесть героя славили
Снежные горы, выстояв.
С ними мы пели радостно,
Твердо в победу веруя,
«Многие лета здравствует
Пусть наш защитник Берия».

Где ты нашел такого жополиза, Лаврентий?

— Зачем человека обижать? — улыбнулся Берия. — Гришашвили — хороший человек. Разве он только про Берию пишет? Вспомни, Коба, он на Сталинскую премию представлен. Неужели же за стихи обо мне?

Они посмеялись.

— Иди, — сказал Сталин. — Ты тоже хороший человек, Лаврентий, только не забывай: допустишь промах, я с тебя первого шкуру спущу.

Проводив Берия взглядом, Сталин встал из-за стола и подошел к окну. Сегодня оно было чистым от инея, и видно было неширокую кремлевскую улицу. По улице шел молодой мужчина в гражданской одежде. В обеих руках он, словно крестьянин кур, держал за лапы несколько мертвых

ворон. Зрелище это наполнило Сталина уверенностью в завтрашнем дне.

Он вернулся за стол, вызвал Поскребышева и приказал:
— Рюмина из МГБ ко мне!

Совсем недавно Рюмин обратился к Сталину с доносом на Абакумова. В своем письме Рюмин писал, что среди врачей кремлевской больницы зреет заговор против руководства страны, а министр Абакумов препятствует раскрытию этого заговора, потому что сам имеет бонапартовские замашки. Сталин прекрасно знал, что письмо это было написано не самостоятельно, а под диктовку помощника Маленкова по фамилии Суханов. Доложили, что полковник оказался так глуп, что ему пришлось переписывать письмо около десяти раз, прежде чем оно обрело грамотный вид. Особого значения это не имело. Более того, письмо это оказалось как нельзя кстати, ибо позволяло одним ударом решить два тревожащих вождя вопроса — справиться с лепилами, которые постоянно сигнализировали вождю об ухудшении его здоровья, и на вполне достаточных основаниях избавиться от министра государственной безопасности и его наиболее одиозных помощников, а также тех лиц, кто был посвящен в операцию «Полынь», которая входила сейчас в заключительный этап на Урале.

Название это придумал Берия. Поначалу он предложил назвать операцию «Возмездие», но это название вождю не понравилось.

— Речь идет не о мести, Лаврентий, — строго сказал он. — Какое возмездие? Кто и перед кем провинился? Речь идет о превентивном ударе, а это совсем другая категория борьбы.

— Тогда «Полынь», — не раздумывая, предложил верный помощник.

— Кодовое имя, — понимающе кивнул вождь. — Пусть будет «Полынь». Библейских аналогий проводить не станем. Но и сам понимаешь, папок заводить тоже не будем,

плодить лишние бумаги не стоит. Один придумал, другой воплотил в жизнь. После смерти на нас с тобой и так всех собак повесят. Жди еще, когда этот самый ветер истории разметет весь сор в стороны.

Сталин лукавил.

Козлом отпущения предстояло стать самому Лаврентию Павловичу. Берия и его помощники были в достаточной степени умны и исполнительны, но они играли самое большее в шашки. Сталин играл по шахматным правилам. Четырехходовка, которую он задумал, должна была избавить его от лишней головной боли. Вначале слон, которым он полагал Абакумова, сметает с доски пешки, затем коня снимают верные офицеры, сами офицеры становятся жертвами ферзя, и именно в тот момент, когда верный ферзь Берия полагает, что угрозы ему нет и противников на доске не осталось, незаметная пешка, которую вождь продвигал в аппарате МГБ, достигает последнего поля и начинает реально угрожать ферзю. Только напрасно эта пешка полагает, что она тоже доросла до ферзя. Пешка так и останется пешкой, ее пробивные возможности обусловлены тем, что за спиной у нее был король. А когда эта пешка станет ненужной, король ею без сожаления пожертвует. Однако цель будет достигнута. Возомнившие о себе лишние руководители уже не будут приниматься в расчет в дальнейшей игре, государственная тайна останется таковой на все времена, а пешки... Ну, кто о них, пешках, помнит? Сталин проводил эту комбинацию по привычке. Трудно было предугадать, какой вариант событий предпочтительней — тайный или гласный? И у того, и у другого были свои плюсы и свои минусы. Но вождь не стал заниматься расчетами, в том не было нужды. Тайный вариант имел главный плюс — он оставлял того, кто задумал операцию, в неизвестности. Не то чтобы Сталин боялся, кого было бояться человеку, перед которым склонился мир? Но все-таки тревога в душе оставалась. А что, если спросят однажды: Сталин, Сталин, где

брат человеческий? И что он ответит на этот простой вопрос? Библейским «Я не сторож брату своему?». Можно, конечно, и так, но поверят ли, если у случившегося события будет куча свидетелей?

Свидетели не нужны. Более того, они обычно опасны. Человек, который приставлен к Берии, должен проследить, чтобы все оказалось выполнено в полном объеме. Потом этот человек должен исчезнуть. И в этом случае надеяться не на кого. Есть вещи, которые приходится делать самому. Всегда окончание партии необходимо проводить без консультантов. Отпустив верного, но уже из-за того обреченного помощника, Сталин долго ходил по кабинету, прикидывая и размышляя. *Вытанцовывалось* неплохо.

Он не рассуждал, правильно поступает или нет. Однажды принятое решение он никогда не менял. Вождь не может менять решений, в противном случае он не слишком долго пробудет вождем.

Немного тревожило совсем иное.

Летом прошлого года по просьбе Сталина в Кремль привезли плутониевый заряд. Сталин с любопытством рассматривал небольшое никелированное полушарие, потом посмотрел на Курчатова.

— Муляж?

— Нет, товарищ Сталин, — отозвался тот. — Положите руку на заряд, и вы убедитесь в том, что он выделяет тепло.

Полушарие и в самом деле было теплым.

— Не опасно?

— Мы же все живы, — рассмеялся Курчатов, бросая взгляд на генералов и насторожившегося Берия.

— А почему бы вам не разделить заряд на две части и не изготовить две бомбы? — задумчиво взвешивая слова, спросил Сталин. — Две бомбы лучше, чем одна.

Курчатов посерьезнел.

— Невозможно, товарищ Сталин. Есть такое физическое понятие — критическая масса. Критическая масса ста-

вит предел — если масса плутония будет меньше критической, бомба просто не взорвется.

Вождь походил по кабинету, остановился перед Курчатовым, внимательно разглядывая его желтыми глазами, потом негромко сказал:

— А вы не ошибаетесь, Игорь Васильевич? Я думаю, что критическая масса все же понятие не физическое, а диалектическое.

Курчатов отреагировал немедленно:

— К сожалению, товарищ Сталин, уровень сегодняшних знаний недостаточен, и уменьшить критическую массу мы не в состоянии. Но мы будем работать в этом направлении.

Сталин поднял руку, упреждая ученого.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Но я думаю вот о чем, взорвем мы с вами бомбу, а американцы пронюхают, что у нас не наработано сырье для второго заряда. Возьмут и попрут на нас. А нам нечем будет ответить...

— Постараемся подготовить сырье, — серьезно отозвался Курчатов.

К февралю пятидесятого года было изготовлено пять плутониевых зарядов. Однако вождь был верен себе. Он лукавил в разговоре с ядерщиком. В качестве отвлекающего маневра были использованы при строительстве огромные массы обычной взрывчатки, взрывы которой вызывали сейсмические колебания, не уступающие тем, что случались при атомном взрыве. Уже 25 сентября 1949 года в сообщении ТАСС было упомянуто, что в СССР при строительстве одного из объектов были применены взрывные работы, которые не имеют к испытанию атомной бомбы никакого отношения. Предательские следы радиоактивности в районе испытаний во внимание, к сожалению, не приняли. Опыта не хватило.

Сейчас Сталина терзали все те же сомнения: как скрыть явное? Не станет ли это причиной для внешней агрессии

против СССР? Вопрос был серьезным, следовало все еще и еще раз обдумать. Безвыходных ситуаций не бывает, они возникают тогда, когда за дело, требующее гения, берется посредственность. Сталин полагал, что в данном случае все обстоит совсем иначе — задача будет решена, если за нее возьмется он сам. В данном случае все выглядело так, словно задачу по арифметике для третьего класса взялся решить студент, владеющий высшей математикой. Не зря же люди говорили, что для гения товарища Сталина нет ничего невозможного. Вождь с этой людской молвой был целиком и полностью согласен. Человек, который переиграл Гитлера и привел народ к победе над фашизмом, был способен на большее. В этом Сталин был твердо убежден.

Сейчас он сидел в своем кабинете и ожидал полковника Рюмина — ту самую пешку, которая в предстоящей игре должна была дойти до противоположного крайнего поля и поразить ферзя. Рюмин должен был развязать дело врачей, покончить с собственным министром и позже начать мегрельское дело, которое по замыслу вождя должно было покончить с незаменимым маршалом Лаврентием Павловичем Берией, чей юбилей страна справляла не так давно.

Мавр давно сделал свое дело, только вот с уходом слишком задержался.

Глава тринадцатая

Предутренний сон в холодной палатке был коротким и тяжелым, словно нырнул в беспросветно темную пустоту и вынырнул с гудящей головой и пульсирующей в висках кровью. А что поделать — полтинник стукнул Яковлеву, глупо думать, что к этому возрасту да с такой неблагоприятной профессией доживешь без гипертонии и больного сердца.

— Доброе утро, — сказал подполковник Звягинцев.

Глаза у подполковника были красными, судя по всему, он вообще не спал.

Изо рта у него шел густой пар.

— Как спалось, майор?

— Спасибо, хреново, — поблагодарил Яковлев и растерянно обвел взглядом палатку. В спальнях мешках, оставшихся от Блюмкина и других заключенных, спали вчерашний армейский шеголь, прилетевший в офицерской шинели и хромовых сапогах, и неизвестный Яковлеву гражданский человек. В противоположном углу спал радист, которого Звягинцев далеко от себя не отпускал.

— А где бойцы? — зевая, поинтересовался Яковлев.

— Занимают места согласно боевому расписанию, — туманно сообщил Звягинцев. — Докладываю, майор, в шесть пятьдесят восемь неустановленный самолет круглой формы вылетел из пещеры и ушел в направлении на северо-восток. Иных нарушений не было. Ты можешь по-человечески сказать, что это за диски такие? Самолеты предполагаемого противника?

— Спроси чего-нибудь полегче, — сказал Яковлев. Выглянув из палатки, он зачерпнул ладонью горсть снега и протер им сразу же покрасневшее лицо. Щеки закололо, Яковлев торопливо вытерся насухо относительно чистым носовым платком. — Я знаю ровно столько же, сколько и ты. Они, суки, летают, а мы с тобой яйца морозить должны. Начальству легко приказывать, они расстояние по карте меряют, а температуру по Цельсию. Мерили бы своей задницей, может, качественней к подчиненным относились бы. Пожрать ничего нет?

— Найдем, — заверил Звягинцев и принялся рыться в походном сидоре. — А противозакусочное средство не хочешь принять?

— Зачем? — удивился Яковлев, но тут же смысл сказанного дошел до него. — Подполковник, — протянул он, — утра даже лошади не пьют!

— А это их дело, — уклончиво сказал Звягинцев. — У лошадей свои привычки, а у нас — свои. Так примешь фронтовые?

— А что у тебя? — задумчиво поинтересовался Яковлев. — Водка? Спирт?

— Чего ж ты, майор, десантуру за биндюжника держишь, — ласково укорил Звягинцев и взболтнул извлеченную из недр куртки фляжку. — Коньяк, майор, благородный коньяк. Его, говорят, сэръ Уинстон Черчилль каждый год за валюту покупает.

— Это меняет дело, — легкомысленно согласился Яковлев. — Уж если английские лорды его принимают по утрам, то нам сам Бог велел.

Он сделал несколько глотков из фляжки, вытер горлышко ладонью и вернул фляжку Звягинцеву. Странное дело, вчера на его глазах подполковник не единожды прикладывался к заветному сосуду, но его содержимое словно бы и не убывало. Фляжка у Звягинцева была знатная — из нержавеющей стали и обшита мягкой кожей.

— У немецкого оберста забрал, — понял взгляд Яковлева десантник. — Трофей, можно сказать. Оберсту на небесах она все равно ни к чему, а нам еще верой и правдой послужит. Тушенку будешь? Я как раз еще одну банку разогрел. Как знал, что ты проснешься.

После того как желудокпряно ожег коньяк, тушенка пошла за милую душу. Хлеб, который Звягинцев предусмотрительно прогрел на примусе, был теплым и мягким. Вдвоем они быстро прикончили банку. Яковлев с сожалением заглянул в ее опустевшую глубину и облизал ложку.

— Можно еще одну разогреть, — с готовностью предложил десантник. — Все равно до вечера ждать. Чего же еще делать, как не жрать и отсыпаться? У меня такое в войну под Кенигсбергом было. Выбросили нас, чтобы мосты заняли, а потом забыли. Четверо суток бездельничали. За всю войну отоспался. Да и этих тыловых бездельников, —

Звягинцев кивнул на спальные мешки, — их тоже кормить надо, они ведь к походно-полевым условиям не привыкли, им небось офицерскую столовую подавай! Там тебе шифровка пришла, — вычищая банку куском хлеба, сообщил он. — Я тебя будить не стал, думаю, пусть мужик поспит немного. Не война, чтобы на ушах от радиogramм стоять, верно? Тем более что ответа никто не требовал.

— Где радиogramма? — После коньяка и завтрака Яковлев быстро приходил в себя.

— У радиста в журнале, разумеется, — удивленно сообщил подполковник. — Да не суетись, успеешь еще с указаниями начальства ознакомиться. Пусть мальчонка поспит, в прошлом году училище окончил, еще не обтерся.

— Я не сплю, товарищ подполковник, — сообщил радист. — А радиogramму мы не дешифровали. Шифр не наш. Нашим шифром только и указано, что Яковлеву адресовано. Правда, карандашом пришлось записывать, чернила замерзли в самописке.

Радист завозился в своем углу, протянул Яковлеву журнал.

Яковлев сел на ящик и принялся расшифровывать сообщение. Чем ближе дело подходило к концу, тем мрачнее он становился.

— Клизму вставили? — сочувственно поинтересовался Звягинцев. — Или о персональной ответственности предупреждают?

— Все нормально, — пробормотал Яковлев, стараясь не встречаться с подполковником взглядом. — Интересуются, когда мы закончим. Попросят немедленно сообщить.

— Да чего там, — хмыкнул подполковник Звягинцев. — С сумерками и начнем. И я тебе так скажу — не такое это хитрое дело, думаю, что к полуночи управимся. Сделаем дело, тогда и докладывай своему руководству. Не дрейфь, майор, Звягинцев еще никого не подводил!

«Суки! — мрачно подумал Яковлев. — Что они там, все человеческое потеряли? Людоеды, а не люди!» Захотелось

плюнуть на все и убраться отсюда к чертовой матери. Отправить по почте рапорт на увольнение, и все дела. Но в глубине души он отлично понимал, что просто так из Системы не уходят, никто ему не позволит уволиться заочным порядком, на Чукотке, если понадобится, достанут. Коллегия МГБ вынесет приговор, даже в суд обращаться не станут, шлепнут там, где найдут. А найдут обязательно. Чекистская честь того требует. Натана Порецкого сколько искали? И все-таки прикончили в мирной Швейцарии недалеко от Лозанны. Да и другим, помнится, тоже покоя не давали. Господи, да что же это за жизнь такая пошла? Ишачишь, ишачишь на это государство, а оно тебя потом за все твои подвиги и лишения — к ногтю! Интересы государства того требуют... Стало совсем тоскливо, но попросить фляжку с коньяком у Звягинцева Яковлев не решился. Слишком бы это паскудно выглядело.

Он тронул полог палатки.

— Ты куда, майор? — поинтересовался Звягинцев.

Яковлев сделал нетерпеливый жест рукой.

— Маскхалат надень, — так же буднично предложил подполковник. — Сам должен понимать, мы здесь вроде как в засаде. И след после себя затри, струя небось желтая будет, нельзя, чтобы выделялась.

День был тоскливым и томительным, оттого и казался бесконечным. Яковлев попытался заснуть, но какой сон мог быть после этой злополучной шифровки? Он лежал, отвернувшись к брезентовому полотнищу, и тупо разглядывал темные потеки на нем.

Сумерки еще не наступили, когда Звягинцев с отрядом принялись собираться.

— Чаю согрей, — приказал подполковник остающемуся в лагере основному радисту. — Консервы тоже разогрей. Сам должен понимать: вернемся измусоленными. Надо чтобы все было готово. Ты меня понял, Краюхин?

— Сделаем, товарищ подполковник, — чуть обиженно кивал радист. — Да вы не волнуйтесь, все будет в лучшем виде. Сами ведь учили!

Яковлев тупо смотрел на салазки. Бомба на них была замаскирована белым парашютным шелком. Его знобило, но Яковлев точно знал — это была не простуда, а нервы. Нервы, и только нервы.

Десантники бесшумно исчезли в пустоте завершающегося дня.

Яковлев смотрел им вслед, и ничего на душе у него не было — ни сожаления, что все получилось именно так, ни жалости к уходящим на смерть людям, ни ненависти к начальству или презрения к самому себе. Пустота была в его душе. Равнодушная и страшная этим самым равнодушием пустота. «Хорошо бы после всего этого застрелиться», — мелькнула в голове мысль, но Яковлев знал, что никогда так не поступит. Слишком страшным было это решение, которое, впрочем, казалось ему сейчас единственно верным. Иного выхода из обозначившегося впереди тупика просто не было. Быть может, он его просто не видел.

В томительном ожидании тянулось время.

В палатке, кроме Яковлева и радиста, находились полковник химической службы и молодой мужчина, который еще вчера щеголял в роскошном, явно зарубежного покроя пальто. Вполне вероятно, что присутствие в палатке этого второго было оправданно, все-таки, как понял Яковлев, Хоткин представлял ведомство, где бомбу изготовили, но зачем здесь находился полковник из службы химической защиты, Яковлев решительно не представлял. Впрочем, ломать голову над этим не стоило. Пришла в голову кому-то наверху мысль об обязательном участии в операции представителя этой службы, и ничего с подготовленным распоряжением сделать было просто невозможно — только исполнять. Гражданский, представившийся доктором Хоткиным, нетерпеливо поглядывал на часы. Полков-

ник, натянувший поверх ватной куртки и штанов маскхлат, был похож на толстую снежную бабу. Он сочился равнодушием и явно не понимал происходящего вокруг. На круглом и слегка одутловатом лице полковника явственно читалось желание, чтобы все закончилось как можно скорее. Полковнику хотелось домой. Они не разговаривали. К чему? В этом не было смысла, слишком разные задачи стояли перед каждым из них, и оттого они по-разному относились к происходящему.

— Работу закончили, — сообщил радист, снимая наушники. — Через несколько минут начнут подъем наверх.

Яковлев раскрыл металлический ящик, склонился над ним. Пароль, обеспечивающий взрыв, ему вспоминать не требовалось, этот пароль был выжжен в его памяти угольно-черными и похожими на пепел цифрами. «Два — четыре — ноль — три — один»...

— Что вы делаете? — закричал Хоткин. — Будет взрыв!

— А нас для этого сюда и послали, — хмуро сказал Яковлев. — Именно для того, чтобы взрыв произошел.

Хоткин смотрел на него безумным взглядом. Шапка с его головы упала, но доктор, казалось, не чувствовал холода.

— Перестаньте, — тихо сказал он. — Так ведь нельзя, нельзя... Это ведь убийство, товарищ майор!

С неожиданной энергией он повернулся к Хваталину, безучастно сидящему на груде вещей, вытащенных из палатки. В наступающих сумерках выражение его лица было трудно разобрать, но можно было не сомневаться, что на все окружающее полковник Хваталин смотрел с полным безразличием и отстраненностью.

— Товарищ полковник, — закричал Хоткин. — Отложите взрыв! Там же люди!

Полковник Хваталин недоуменно посмотрел на него, потом неуверенно повернулся к Яковлеву.

— Заткнись, мудака! — грубо сказал Яковлев. — Нет у меня времени на чувства. У меня приказ.

Ага, приказ. Вот это полковник Хваталин понимал.

— Доктор, — грубо сказал он. — Какого черта вы лезете не в свое дело? Протирайте задницы спиртом, а воевать дайте другим. Речь идет, может быть, о судьбе Родины! Заткнитесь, доктор! Не мешайте!

Похоже, он был единственным, кто не понял, что доктор Хоткин не имел никакого отношения к медицине. Он был физиком.

Придерживая Хоткина, полковник кивнул Яковлеву:

— Включай!

Тот немного помедлил. Видно было, как дергается его кадык. Вымазанное пылью потное лицо его походило на маску.

— Включай, я сказал! — рывкнул Хваталин. — Они ведь в любую минуту могут полезть.

Яковлев криво усмехнулся. Закрыв глаза, он резко повернул рычаг.

Скалы дрогнули.

Хоткину показалось, что среди бурых камней и зеленой хвои сосен вспух черно-красный цветок. Он медленно разрастался, земля под ногами дрогнула, и пришел грохот, словно сухой гром рвал парусину низко повисших облаков. Накатила жаркая волна, которая сбила людей с ног, покатила их по траве, обжигая лица. Хоткин уткнулся лицом в землю. Пыль скрипела на его губах, забивала рот и нос, не давая дышать, и земля мелко-мелко дрожала, словно содрогалась от сотворенного людьми зла.

— Хоткин, вставай, простудишься! — послышался над головой доктора насмешливый и вместе с тем покровительственный голос полковника.

Илья Андреевич медленно перевернулся на спину.

Злой и веселый полковник Хваталин нависал над ним. Моложавое круглое лицо его сияло, из рассеченной щеки на грязный маскхалат капала кровь, расплываясь на белой ткани алым пятном, но Хваталин ее не замечал.

— Вот это рвануло! — сказал он, присаживаясь на корточки. Прямо рядом с лицом Хоткина были его белые валенки, от которых пахло каким-то зверем. Еще пахло гарью и гуталином, к этим запахам примешивался совершенно незнакомый — железистый, кислый, — запах этот прилетал с порывами ветра. Хоткин посмотрел вверх.

Небо было пронзительно голубым, словно в нем еще жили надежды, высоко-высоко уходила на восток стайка стремительных точек — то ли птицы стремились к своим гнездам, то ли души погибших улетали туда, откуда не бывает возврата.

— Полковник, — сказал Хоткин и сел. — Я вас ненавижу! Я вас всех ненавижу!

Он сам удивился той легкости, с которой произнес эти страшные слова.

Полковник Хваталин сгреб его за грудь, приподнял с земли, бешено заглядывая в глаза, потом засмеялся и отпустил, вытирая руку о галифе. Вид у него был как у штрафника, которому только что сказали, что он искупил свою вину.

— Ненавидь, — великодушно разрешил полковник.

Яковлев не обращал на них внимания. Он лег на снег, глядя в быстро затягивающиеся бурыми тучами небеса. Мыслей не было, вообще ничего не было, кроме стремительно разъедающей душу пустоты. «Душа? — вдруг подумал Яковлев. — О чем ты, Наум?» Может, раньше он чувствовал себя сволочью, но теперь, после приведения в действие страшной подземной силы, после которой там, в подземелье, не могло остаться что-либо живое, он чувствовал себя даже не преступником, а тварью, неспособной на чувства, а следовательно, недостойной жить. Он смотрел в небеса, спокойный и опустошенный, и совершенно не чувствовал холодного ветра, поднимающего мутную белую поземку по снежному склону, который теперь казался черно-желтым. «Ненавидь», — разрешил полковник. Более

все это слова относились к самому Яковлеву, потому что нельзя любить того, кто уничтожил людей, да не просто людей, а настоящих героев, которые действовали во имя Родины и во имя жизни на Земле. Сказать, что Яковлев презирал себя, значит, ничего не сказать. Но в глубине души он знал, что со временем привыкнет к содеянному и, возможно, даже когда-нибудь оправдает себя и свою подлость, станет ею гордиться, как подвигом. Он убедит себя в том, что иначе было никак нельзя, что это был единственный выход, начальству всегда виднее, раз отдали приказ поступить именно так, то альтернативы не было. И за это будущее Яковлев сейчас ненавидел себя еще больше.

Никто из оставшихся в живых не подозревал, что времени для ненависти или любви у них просто не осталось. Невидимый, но от того не менее смертельный яд уже вымывал из их пока еще здоровых тел время, и жить каждому из них оставалось не более недели. Времени оставалось лишь на то, чтобы понять и простить окружающих, а это для тех, кто прожил жизнь ненавистью и подозрениями, труднее всего.

АТОМ СЛУЖИТ ЛЮДЯМ

В целях обеспечения условий для открытой разработки рудных месторождений в Советском Союзе произведен еще один мирный атомный взрыв. Грозное оружие, которое американский империализм применил для устрашения всего мира, служит созидательному труду советского человека. Недалек тот день, когда направленные взрывы укрощенного атома станут менять русла рек, изменять рельефы горных ущелий, обогревать ледяные просторы полюсов и делать плодородными пустыни.

Хороший подарок приготовили ученые нашей страны к восьмидесятилетию со дня рождения вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина.

Слава великому народу-труженику, слава его Учителю и Вождю Иосифу Виссарионовичу Сталину, под чьим мудрым руковод-

ством свободные народы нашей Родины устремляются на штурм когда-то казавшейся недостижимой высоты — построения коммунистического общества в нашей стране и далее — во всем мире!

Газета «Известия», 15 апреля 1950 года.

Глава четырнадцатая

В этот раз оперуполномоченный Александр Бабуш чувствовал себя в кабинете начальника управления на редкость неловко. Поминутно и не к месту трогая опухшую щеку со следами засохшей крови, он угрюмо смотрел в окно.

— Значит, обгадились, — заключил начальник. — Подследственного потеряли, дела не сделали, да к тому же еще и люди погибли! И чем будешь оправдываться, Александр Николаевич? Ну, что там у вас произошло? Ширяев мне по телефону что-то втолковывал, но я его так и не понял. На мины наткнулись? Я тебя, Бабуш, предупреждал, нельзя бывшим полициям верить, ни на секунду нельзя. Разве ты не соображал, что Волосу терять нечего? Давай докладывай по порядку, мне ведь еще в Москву звонить, тоже, значит, докладывать...

Странное дело, вроде бы начальник его и ругал, но вот злости в его голосе Бабуш не чувствовал. Словно начальник свои начальнические права использовал более по обязанности, нежели для того, чтобы одернуть возомнившего о себе и потому зарвавшегося подчиненного. Надо ругать, вот и заполучи, Бабуш, законные и заслуженные миндюлины. Сам понимаю, что не виноват ты, бывают такие ситуации, когда сделать ничего нельзя. Только и ты пойми — арестованного упустили? Задание провалили? Ах, у вас еще четверо при этом погибли? Так-так... И кем ты себя, Бабуш, чувствуешь? Оперуполномоченным? Да какой ты, к

черту, оперуполномоченный, выглядишь как описавшийся щенок. Моя бы воля, я таких сопляков близко к охране государственной безопасности не подпускал бы. Коров вам пасти, товарищ бывший оперуполномоченный! Коров пасти, и как можно дальше от областного центра!

Примерно так выглядел разнос начальства. Но в том-то и дело, что начальника своего Бабуш знал уже довольно хорошо, а потому в обычных ворчливых нотках явственно слышал нотки недовольства ситуацией. Не то чтобы начальник разочаровался в действиях подчиненных, это было само собой разумеющимся, но вот что-то во время недолгого отсутствия Бабуша в управлении МГБ произошло, и случившееся начальнику очень сильно не нравилось, гораздо больше его это волновало, чем неудача сотрудииков.

— Не взрыв это был, — упрямо сказал Бабуш. — Волос нас к пещере точно вывел. Огромная пещера, в центре ее круглое озеро. Вода в нем и в самом деле изумрудно-зеленая, товарищ полковник. Ну, по пути бегунов человек пять отловили. Они там в логовах живут, в стенах грота нечто вроде келий выдолблено. Вот в этих кельях они, значит, и жили. Самсонова я оставил с двумя автоматчиками охранять задержанных, а с основной группой пошел дальше. Все как учили — впереди боевой дозор, метрах в тридцати мы основной группой движемся. Больше всего это было на землетрясение похоже! Мы ведь и опомниться не успели. Все затряслось, камни полетели, такое впечатление, что земля вокруг трескаться начала. Ну, мы, естественно, назад, да не успели — там такими обломками все входы завалило, шагающий экскаватор надо, чтобы разгрести. Я Волоса за глотку, что за хреновина? Волос сам белый, клянется и божится, что ничего не понимает. А над нами в трещины небо видно... Когда уже отходить стали, стена рухнула. Волоса и двух автоматчиков на моих глазах завалило. Волоса мне не жалко, можно сказать, возмездие его

настигло. Ребят жалко, которых с ним завалило. А сделать ничего нельзя.

Он снова потрогал распухшую щеку и посмотрел на начальника управления. Тиунов сидел за столом, и лицо у него было печальным. И снова Бабуш поймал себя на мысли, что в управлении произошло нечто неожиданное, о чем он еще не знает.

— Рапорт напишешь, — сказал начальник управления. — Подробный. Что случилось, где кто находился и что делал... Сам знаешь, со всеми подробностями. Из Москвы уже комиссия едет. Ничего хорошего.

Он грузно выбрался из-за стола, подошел к окну и, не глядя на оперуполномоченного, сказал:

— Сапогов повесился, Волоса в пещере завалило, монстра этого у нас прямо из вагона увели. И что у нас есть? Ничего у нас нет, кроме смутных догадок. Так, Александр Николаевич?

— У нас еще есть Фоглер, — нерешительно возразил Бабуш.

Начальник его отдела, сидящий ближе к дверям, недовольно крикнул.

— Забудьте о Фоглере, — не оборачиваясь, сказал начальник управления. — Нет у нас Фоглера. Его вчера расстреляли. По приговору трибунала. Посчитали, что следствие завершено. Москва и распорядилась. Нечего, говорят, на эту тварь казенный хлеб переводить. Да и что он мог рассказать? Все, что касалось контактов с бегунами, он выложил, а в остальных моментах он и сам плохо ориентировался. Догадки, понимаете ли, загадки.

Он вернулся за стол, некоторое время бесцельно перебирал бумаги из большой красной папки, потом, не глядя на присутствующих, сказал:

— Все свободны.

Начальник Бабуша тут же скрылся за дверью. Бабуш уже брался за ручку двери, когда услышал хрипловатый голос начальника управления:

— Задержись.

Он повернулся, выжидательно глядя на хозяина кабинета.

— Никаких рапортов не пиши, — сказал Тиунов. — И ничему не удивляйся, Александр. Ты многого не знаешь, а потому не догадываешься, насколько хреновы наши дела. Приказом по управлению ты откомандирован в распоряжение МВД Якутии. Согласно их запросу. Тамошним управлением руководит мой товарищ, он поможет тебе разобраться и освоиться. Выезжай сегодня же. С контейнером тебе помогут, билеты заказаны. Жене постарайся что-нибудь объяснить. Не знаю, что ты там придумаешь, но это твое дело. И не вздумай увольняться, от этого будет только хуже. Сейчас шум вокруг тебя просто опасен. Для тебя опасен. И не ломай голову, ты все равно многое пока просто не поймешь. Понимаешь, медали и пули, их ведь из одного металла отливают. Дела сдашь Ромашову, он уже в курсе. Иди!

Уже позже спустя годы Александр Николаевич Бабуш понял, что таким образом начальник управления вывел его из-под удара. Себя-то он вряд ли смог уберечь. Бабуш был ему благодарен. Прикосновение к тайне оказалось опасным, и скорее всего Бабуш не уцелел бы, продолжи работу в прежней должности. Работа его была скучной и однообразной, как и само побережье, хозяином которого он являлся. Жена подобного однообразия просто не выдержала, и уже на третий год Бабуш оказался холостяком или скорее соломенным вдовцом, потому что официального развода не было. В полном одиночестве он не жил, сошелся с бывшей секретаршей геологического управления, которая приехала на Чукотку за длинным рублем, а потом не смогла выехать на материк. Нельзя сказать, что жизнь их была счастливой, Валентина, как звали его сожительницу, считала свою жизнь загубленной и все чаще прикладывалась к «сургучке»*, а выпив, срывала зло на сожителе, поэтому в доме Бабуш старался бывать по возможности не часто.

* Водка с запечатанным белым сургучом горлышком, которая выпускалась вплоть до реформы 1961 года. — *Примеч. автора.*

Свердловскую историю Бабуш вспоминал все реже, иногда даже ему казалось, что история эта случилась не с ним, а с кем-то другим, а ему ее просто рассказали, как занятную и страшную сказку. Изредка ему снился один и тот же сон — он и еще несколько человек находятся в пещере. В центре пещеры огромное изумрудно-зеленое озеро. Неожиданно своды пещеры начинали сотрясаться, в гранитной толще появлялись извилистые трещины и разломы, а зеркально спокойные воды озера вскипали, стремительно и шипяще накатывая на каменные берега. Из зеленой воды медленно показывался столб с грубо вытесанной человеческой фигурой на вершине. Бабуш понимал, что спастись не удастся никому, что все находящиеся в пещере люди обречены. Однако желание выжить во что бы то ни стало заставляло его предпринимать безнадежные попытки взобраться на рушащиеся стены пещеры, втиснуться в кажущийся безопасным разлом, и тогда Бабуш просыпался весь в испарине и долго лежал, глядя в потолок и чувствуя, как медленно высыхает покрывающий тело пот.

В ясные дни над побережьем высыпали крупные холодные звезды. Трудно было даже представить, что в темных космически холодных пространствах существует какая-то жизнь, что где-то в бесконечных толщах пустоты есть миры, обитатели которых живут, любят и ненавидят, страстно радуются жизни и испытывают отчаяние от неудач. Бабуш даже начинал верить в это. И тогда ему казалось, что Земля является глухой провинцией и только на ней люди так глупо и бесцельно растрачивают драгоценные дни своей жизни. Мучаются и терзаются подозрениями, что им мешают жить, даже не подозревая, что никчемность и пустота их жизни зависят только от них самих.

Александр Бабушу исполнилось сорок семь. Выслуга у него была, и он в любое время мог вернуться на материк в качестве добропорядочного обывателя, построить дом, развести герани на окне, мирно копать в огорожке и хо-

дять на базар в синем форменном кителе без погон, но именно эта ненужность и необязательность материковой жизни отпугивали Бабуша, заставляя его продолжать свое бесцельное плавание среди приполярных льдов под холодными равнодушными звездами, пытаясь найти в этом плавании хоть какой-нибудь смысл.

Изредка к нему в гости приходил геолог Николай Горобец, осужденный в свое время за принадлежность к троцкизму и оставшийся после окончания срока в этом холодном краю. Лагеря оставили на вытянутом скуластом лице Горобца следы в виде глубоких причудливых морщин, но глаза его оставались молодыми. Потеряв все, что составляло его прежнее существование, геолог не утратил интереса к жизни и продолжал каждый сезон покидать городок, чтобы изучать и открывать для себя неприветливую и прекрасную тундру.

Они сидели на кухне, пили «сургучку», разговаривая о разных бытовых и ничего не значащих вещах. Потом Горобец брал в руки гитару, некоторое время настраивал ее, и они в два голоса запевали одну и ту же песню, в которую, впрочем, каждый из них вкладывал свой смысл:

От злой тоски не матерись,
Сегодня ты без спирта пьян.
На материк, на материк
Ушел последний караван...

Валентина в эти часы старалась не показываться на кухне, но ее злость и неприятие этой странной дружбы доносились даже сквозь стену.

А Земля неслась по своей невидимой орбите в будущее. Каждый из мужчин видел это будущее по-своему. Проживший нелегкую жизнь Николай Горобец отчего-то полагал, что жизнь эта будет прекрасной и светлой, что наступит время, когда люди будут любить и уважать друг друга, а единственным мерилom человеческого существования ста-

нет труд. А когда люди встретятся с иным живущим у звезд разумом, то все будет хорошо, они просто не смогут не понять друг друга, люди и инопланетяне, имеющие в конечном счете одну и ту же цель — достигнуть ближайших звезд и пойти дальше.

Александр Бабуш не был столь оптимистичен, хотя его жизнь сравнить с жизнью друга никак было невозможно. Он считал, что люди никогда не поймут даже друг друга, поэтому понять жителей далеких планет они тоже не смогут. А непонимание всегда влечет за собой страх и войну. Особенно если ты требуешь, чтобы поняли тебя, и не прилагаешь усилий для того, чтобы понять других.

Они спорили, потом снова пили «сургучку», сближала их только песня, которая стала своеобразным гимном их встреч:

И лезут бледные цветы
На свет, на свет
Сквозь холод вечной мерзлоты,
Хоть нас и нет.
Да, предоставил нам уют
Последний дом.
Зарницы призрачно плывут
Над белым льдом...

Трудно понять человека человеку. Преступить бы порог и уйти от тьмы, но — бесконечно далеко мы от света. Нельзя рассматривать мир через призму своей искаленной души, но тем не менее мы вновь и вновь делаем это, даже не представляя, что видимый нами мир безобразно искажен, а на деле в нем все иначе, совсем иначе. В нем каждый человек рожден для счастья, только не знает этого. Мы, конечно, думаем о потомках, хочется, чтобы у них было светло и чисто. Но ведь мы тоже живем! И обидно, что чаще всего мы проживаем свою жизнь пресно и неинтересно.

Как прожил ее Александр Николаевич Бабуш.

Глава пятнадцатая

Яков мрачно смотрел в иллюминатор.

За иллюминатором была поверхность Луны.

Все было окрашено в два цвета — белый и угольно-черный. Без полутеней. Даже мельчайшие камни на поверхности были белыми, тени, отбрасываемые ими, были черными. Все как в жизни. Как в некогда любимой им революции, которая выпила все его жизненные силы, а потом вышвырнула его на свалку своей истории, а потом и еще дальше — за пределы Земли.

Он остался один. Ему повезло, что он полетел с долгоносиками на Луну. Остальные беглецы погибли вместе с подземной базой инопланетян. Все погибло в пламени ядерного распада. Все, включая надежды.

Собственно, наивно было бы ожидать чего-нибудь другого. Слишком много было ненависти на Земле, чтобы визит инопланетных существ закончился иначе. И не было никакой разницы, с кем именно инопланетяне столкнулись. Война была неизбежным следствием такой встречи.

Он страшился реакции инопланетян, справедливо ожидая для себя неприятностей. К его удивлению, реакция инопланетян была сдержанной. Нет, долгоносики обошлись без притворства, они не делали вида, что ничего не произошло. Трагедия остается трагедией, даже если она касается большей частью существ бесконечно чуждых тебе. Жалость не давала Блюмкину покоя. Похожее чувство он испытывал в пустынных районах провинциальной Персии, когда видел, как умирают от недоедания и болезней арабские дети. У авантюристов и связанных с ними приключений есть одна особенность — они, не желая того, показывают трудную изнанку жизни и учат сочувствовать чужому горю и понимать это горе.

О зверствах фашизма и газовых камерах в концлагерях Блюмкин только читал в газетах, которые поступали в библиотеки КВЧ. Действительность, которая его окружала, была

ничем не лучше, только о ней не писали в газетах, она оставалась неизвестной большинству. Впрочем, любая трагедия всегда касается только тех, кого она зацепила и по кому прошла своим безжалостным катком. Можно тысячу раз сказать, что ты сожалеешь о гибели людей во время падения на землю дирижабля с гордым названием «Гинденбург», но разве эта жалость пронизет твою душу с той же остротой, что ты неизбежно ощущаешь при смерти близкого тебе человека? Ежегодно от недоедания умирают два миллиона человек, но разве от этого пропадает аппетит у самых нравственных и сердечных людей, разве застревают у них в глотке нежный бифштекс или фаршированная рыба? Трагедия цепляет тебя за душу, если она близка и видима. Блюмкин видел смерть. Если в юности она воспринималась неизбежным злом при построении коммунизма и Яков без особой жалости сам расстреливал тех, кого он считал врагами, препятствующими строительству светлого будущего, то с возрастом пришло осознание того, что совершалась непоправимая ошибка. Нельзя построить человеческое благополучие на крови. Быть может, пониманию этого способствовала личная несвобода. Хлебнув лагерной баланды и зная цену пайке хлеба, Блюмкин сам стал смотреть на многие вещи иначе.

Вся история человечества была историей войн, историей подозрительности и ненависти. И все свое существование человечество стремилось к светлой цели. Как ты его ни называй, будь это царствие небесное на Земле, или общество всеобщего благоденствия, в котором нет классов и достигнуто полное равноправие, а потому отсутствует понятие ненависти, или наивная утопия о справедливом обществе, где у последнего землепашца не менее трех рабов, — каждая попытка была ступенькой на длительном и невероятно тяжелом восхождении к вершине. Терпя поражение, спотыкаясь и падая в грязь, человечество поднимается и продолжает свой путь. Еще одна попытка оказалась кровавой неудачей. Теперь Блюмкин понимал это очень хорошо. Но он понимал и другое —

иного пути у людей, населяющих Землю, просто нет, они обречены на восхождение, а потому никогда не будут избавлены от ошибок.

Он завидовал инопланетным долгоносикам, чья история была ровной и лишенной земных кровавых потоков. Более того, он завидовал им и хотел бы родиться в мире, где кровь никогда не проливалась, где не было войн, не было взаимной подозрительности, доходящей до истеричности, где никогда не укладывали людей штабелями во имя эфемерного будущего всеобщего счастья.

Но он был рядовым сыном Земли. Его собственная жизнь, которую он с беспощадной правдивостью открывал инопланетянам, была полна ошибок и падений. Он только надеялся, что они все поймут правильно, должны понять сырых и убогих, понять, простить и дать шанс на новую жизнь. Он показывал им все, чему сам был свидетелем, — тибетские дороги, заполненные бессмысленно жестокими английскими солдатами, расстрелы в Петроградском ЧК, распухших от недоедания арабских детей, умирающих вдоль дорог заключенных, расстрелы врангелевцев в теплом Крыму, но одновременно он показывал им лица людей, встреченных им на жизненном пути, лица, полные надежды и торжества, фанатичной веры и ликования, полные разума и тоски от осознания человеческого несовершенства.

Он надеялся, что долгоносики его поймут правильно. Пусть не оправдывают, пусть не прощают. Только они бы поняли, какими мечтами живет его мир. Он надеялся, что они его все-таки поймут.

Надо было возвращаться, но — куда? Дом сгорел, а жить на пепелище невозможно. Кто он теперь был? Бездомный бродяга? Чужак в чужой стране? Звезды не принимали его, как не принимает душа верующего окровавленных рук. Земля не принимала его. Можно жить в другой стране, но разве можно жить без Родины? Потерявший Родину человек подобен дыму на ветру, ночной тени, сливающейся с окружающей тьмой. Некуда было бежать, и некуда было возвращаться.

Надо было меняться, чтобы стать достойным звезд.

Учиться общаться мысленно, если это поможет избавиться от предательства и подозрительности. Стать открытым для любви, для дружбы и недружбы, для укоров и иного мнения, готовым признавать собственные ошибки и делать все, чтобы ошибки других не были несчастьем для окружающего их мира.

Он уходил к звездам, оставляя внизу свою изломанную временем и обстоятельствами судьбу, развалины дома, в разрушении которого он сам принял немалое участие, уходил и надеялся, что однажды все люди поймут необходимость таких изменений. Ведь если мы не будем мечтать о звездах, то чем мы отличаемся от хрюкающего стада в грязной луже, которое в поисках желудей затаптывает отражения звезд?

А когда люди поймут, что они не животные, что они отличаются от хрюкающих свиней на единицу неповторимости каждого человека, когда они поймут, что каждый живущий человек уникален и никогда не повторится вновь, тогда — Блюмкин на это очень надеялся — люди поймут, что необходимо меняться. Пусть даже на это уйдут тысячи лет, пусть это потребует непосильных и долгих усилий, они должны измениться и встать вровень с остальными обитателями Вселенной. В противном случае кровь, пролитая обитателями Земли, так и останется пролитой бесполезно, никчемной и ненужной болью мира, навсегда уходящего в небытие.

Становясь другим и осознавая свое предназначение, Яков Григорьевич Блюмкин, бывший революционер и контрреволюционер, бывший мечтатель, бывший ээка, бывший винтик в шестеренках чудовищного механизма, созданного неучами и долгое время перемалывавшего человеческие судьбы на бесформенный фарш, из которого эти неучи хотели слепить светлый и справедливый мир, со всей страстью проснувшейся человеческой души надеялся, что время всеобщего прозрения не за горами, что оно совсем близко — время, когда люди поймут, что во имя утвержде-

ния идей ни в коем случае нельзя проливать кровь, каждая капля ее обязательно прорастет драконом, пожирающим человеческие надежды.

Но люди, если они хотят оставаться людьми, не должны принимать участие в чужих и надуманных играх по правилам, противоречащим принципам обозримой Вселенной.

Они должны, обязательно должны измениться, прежде чем достигнут ближайших звезд. А если они этого не делают, Вселенная прекрасно обойдется без них.

ТРЕТЬЕ ОБРАЩЕНИЕ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

окончание

КОН не отстраняется от контактов с Человечеством и отдельными его представителями для обсуждения каких бы то ни было вопросов и для оказания позитивной помощи в каких бы то ни было проблемах частного характера. Но главной целью настоящего обращения является предупреждение о грозящей Человечеству опасности и предложение о вступлении Человечества в Коалицию. Устав Коалиции и описание ее структуры и деятельности могут быть переданы Человечеству для ознакомления без каких-либо дополнительных условий по первому его требованию, обнародованному правительством любого из четырех крупнейших государств или Секретариатом Лиги Наций.

Если Человечество склонится к мысли о вступлении в Коалицию, оно предварительно должно будет проделать работу по перестройке логического фундамента своего мышления по схеме общепринятой в Коалиции базы мышления. Это требование диктуется не только тем, что ныне присущий Человечеству ущербный тип мышления вызвал бы у Человечества, вступившего в Коалицию, прогрессирующий комплекс неполноценности, но прежде всего тем, что из-за принципиально разных типов мышления рас Коалиции и Человечества не смогли бы обмениваться необходимой информацией, разве лишь на самом поверхностном уровне, примером которого поневоле может служить настоящее обращение. Человечество оказалось бы бесполезным для Коалиции, а Коалиция — для Чело-

вещества. Без перестройки Человечеством фундамента своего логического мышления мы бессильны даже оказать вам помощь в защите от циклона. Как нам представляется, на работу по перестройке логического фундамента своего мышления Человечество потратит от 60 до 70 тысяч лет, что, ввиду грозящей Человечеству опасности, является критическим сроком. Поэтому указанная работа должна быть начата уже сейчас.

Первоисходный курс непрерывной логики и детальные инструкции по постепенному воспитанию в следующих поколениях навыков непрерывно-логического мышления КОН обязуется, передать по требованию Человечества, но не раньше, чем разные народы Человечества прекратят бессмысленные распри и согласятся с концентрацией усилий в этом длительном процессе перестройки мышления, ибо ознакомление одного из воюющих народов с принципами непрерывно-логического мышления было бы аналогично вручению ему абсолютного оружия и в конце концов привело бы к гибели Человечества. Настоящее, третье, обращение КОН к Человечеству является последним. Отсутствие ответа в течение 50 лет будет расценено как свидетельство того, что Человечество отказывается от вступления в Коалицию.

Царицын, 16 июня 2001 года — 16 октября 2001 года.

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Синякин Сергей Николаевич
Операция прикрытия

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин
Технический редактор Н.К. Белова
Компьютерная верстка: В.А. Смехов
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 5-17-019123-5

9 785170 191239

**ОПЕРАЦИЯ
ПРИКРЫТИЯ**

Над нашей страной потерпел катастрофу НЛО!

И произошло это — в конце 1930-х гг., вблизи базы военных летчиков.

Возможно, это было в действительности... по крайней мере так говорили и говорят. Но точно не известно ничего — ни то, что случилось с «чужим» звездолетом, ни то, что случилось с летчиками-свидетелями...

Сергей Синякин предлагает читателям СОБСТВЕННУЮ версию этих событий — ОРИГИНАЛЬНЫЙ и УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ роман «ОПЕРАЦИЯ ПРИКРЫТИЯ»!

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ